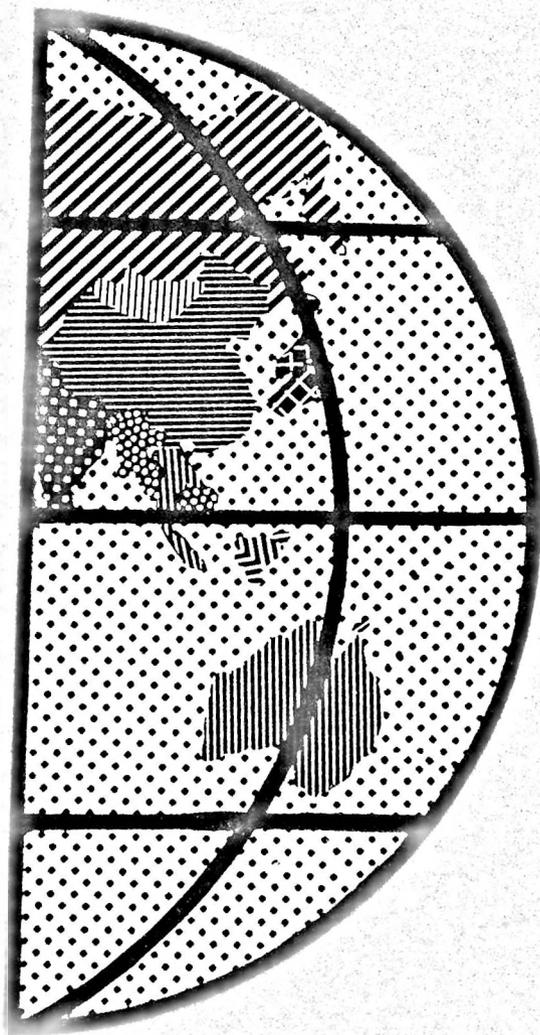

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131—2812

О закономерностях
революционного процесса
в странах Востока

XIII съезд Компартии Китая

КНР и развивающиеся
страны

Китайская пресса
с перестройке в СССР

Япония и СОИ

О путях развития Китая

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

1/88

200 2113

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ,
СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС
С НОВЫМ ГОДОМ!

БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА СОВЕТЫ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ, СОДЕРЖАЩИЕСЯ В ВАШИХ ПИСЬМАХ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ В МИНУВШЕМ ГОДУ. ОНИ ОКАЗАЛИ НАМ ПОМОЩЬ В НАШЕЙ РАБОТЕ ПО УЛУЧШЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ ЖУРНАЛА.

МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО И В НОВОМ ГОДУ ВЫ БУДЕТЕ ПОДДЕРЖИВАТЬ АКТИВНЫЕ СВЯЗИ С РЕДАКЦИЕЙ. ЗАРАНЕЕ ВЫРАЖАЕМ ВАМ ЗА ЭТО ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ.

ЖЕЛАЕМ ВАМ СЧАСТЬЯ, ЗДОРОВЬЯ, УСПЕХОВ В ПРЕТВОРЕНИИ В ЖИЗНЬ РЕШЕНИЙ КПСС ВО ВСЕХ ОБЛАСТЯХ РАЗВИТИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ.

*Редакция журнала
"Проблемы Дальнего Востока"*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/88

1 [67] 1988
Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал, выходит
шесть раз в год на русской, английском, япон-
ском и испанском языках

СИНХОЛОГИЧЕСКОЕ
УТВЕРЖДЕНИЕ
ИЗДАНИЯ АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

<i>В. Ф. ФЕОКТИСТОВ.</i> В. И. Ленин и Коминтерн о закономерностях революционного процесса в странах Востока	3
<i>К. В. КУКУШКИН.</i> XIII съезд Компартии Китая	16
<i>Ю. М. АВСЕНЕВ, С. В. СТЕПАНОВ, В. П. АНДРЕЕВ.</i> Торгово-экономические связи Китая с социалистическими странами	25
<i>С. Т. МИРОВ.</i> КНР и развивающиеся страны: новые направления в политике	35
<i>А. В. ОСТРОВСКИЙ.</i> Положение секторов общественного производства в Китае	52
<i>О. С. АРТЕМЬЕВА.</i> Китайская пресса о социально-политическом аспекте перестройки в СССР	66
✓ <i>Б. Г. ФЕДОРОВ.</i> Перестройка банковского дела в КНР	79 ✓
<i>О. В. ДАВЫДОВ.</i> Капиталистическая «модернизация» и некоторые аспекты политического развития Южной Кореи	93
<i>В. И. БУНИН.</i> Япония в СОИ	107
<i>А. М. МАЛУХИН.</i> К 60-летию Кантонской коммуны	120
<i>А. Ю. САРАН.</i> Китайская революция 1925—1927 гг. в освещении англо-американской историографии	130
<i>В. Ф. СОРОКИН.</i> Важные вехи в изучении культуры Китая	138
<i>ЛЮ ДАНЯНЬ.</i> О путях развития Китая	146
<i>М. А. ЯКОВЛЕВА.</i> Империалистические интересы в зоне АСЕАН	155
<i>Л. Л. ГРОМКОВСКАЯ.</i> Из истории русско-японских литературных связей	163
<i>С. И. КУЗНЕЦОВ.</i> Востоковедение в Иркутском университете в 20-е годы	168

ИСТОРИЯ

КУЛЬТУРА

ПУБЛИКАЦИИ

СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

**ПО СТРАНИЦАМ
ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ**

Б. Н. БАСОВ. «Жэньминь жибао» о ценах и уровне потребления в Китае 173

**КНИЖНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ**

И. А. БАЛЮК. «Третья сфера» в Китае 177

М. С. КАПИЦА. Опыт коллективного научного труда 180

В. М. СОФРОНОВ. Китайский язык и слово 182

Ю. Е. ЕВГЕНЬЕВ. Творческая личность в контексте средневековой культуры Японии 185

П. Ю. МАСЛОВ. Опасные схемы западных политологов 187

Е. А. БЕЛОВ. О китайском сословно-классовом обществе 189

Д. МУН. Южная Корея: «витрина» Запада? 192

ДОКУМЕНТЫ

Резолюция XIII съезда КПК 195

Программа мира для АТР 196

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Конференция по истории китайской революции 199

Международный симпозиум по монголоведению 201

V Международный конгресс монголоведов 202

**НОВОСТИ
ВАКИТ**

Планы, мероприятия, контакты 203

**ЮБИЛЕЙ
УЧЕНОГО**

80-летие Е. Ф. Ковалева 204

75-летие Н. Т. Федоренко 206

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

С «Проблемы
Дальнего Востока»
1988

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. С. МЯСНИКОВ,
В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, О. Б. РАХМАНИН,
И. А. РОГАЧЕВ, Б. В. САГАРЕВ (и. о. зам. главного редактора),
А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

**В. И. Ленин и
Коминтерн
о закономерностях
революционного
процесса
в странах Востока**

*В. Ф. ФЕОКТИСТОВ,
кандидат философских наук*

Одной из особенностей современного мирового революционного процесса является существенное расширение его социального состава. В те или иные национальные потоки рабочего, национально-освободительного, демократического движений постоянно вливаются самые различные общественные силы, включающие в себя, помимо рабочего класса, широкие непролетарские массы трудящихся, а также передовых представителей других слоев общества. Это наблюдается прежде всего в различных течениях национально-освободительной борьбы народов, получившей небывалый размах во второй половине нашего столетия. Расширилась и география революционного процесса: он охватил все населенные континенты планеты. «Освободительные революции, начатые Великим Октябрем,— говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза,— определяют облик XX века»¹.

Новые характеристики освободительных революций значительно усложнили содержание революционного процесса, выявили в нем новые черты, ранее подробно не рассмотренные теоретической мыслью. Главное, что следует здесь отметить,— появление новых форм как общедемократического и национально-освободительного, так и рабочего, коммунистического движений, разнообразие путей подхода и перехода к новому, социалистическому обществу. В этом с необходимостью проявила себя объективная диалектика мирового революционного процесса, в частности диалектическое единство общего с особенным, национально-специфическим. Вопрос этот приобрел в наше время не только философское, методологическое значение, но и непосредственный политический смысл.

Задачи практического руководства тем или иным потоком революционного процесса потребовали от коммунистических и национально-революционных партий учета этой стороны современного общественного прогресса, умения правильно применять вскрытые марксизмом-ленинизмом общие закономерности освободительных революций в конкретных условиях той или иной страны. С другой стороны, обогащение практики революционного преобразования мира явилось в свою очередь условием, базой дальнейшего творческого развития марксизма, в том числе теории национально-освободительных и социалистических революций. Подтверждены слова К. Маркса о том, что «наиболее всеобщие абстракции возникают вообще только в

условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех». Высказав впервые эту мысль в знаменитом рукописном «Введении» 1857 г., К. Маркс имел в виду подлинно научный метод получения теоретических выводов (научных абстракций), — метод, который исходным материалом берет многообразную конкретную действительность в ее единичности. «Конкретное потому конкретно, — писал К. Маркс, — что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного»².

Идея многообразия революционного процесса и путей построения социалистического общества в новую эпоху была воспринята и развита В. И. Лениным. Он сформулировал принципиальное положение о своеобразии проявления общих закономерностей развития общества. «...При общей закономерности развития во всей всемирной истории, — писал В. И. Ленин, — несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития». Основываясь на этом общеметодологическом принципе, В. И. Ленин выдвинул положение о многообразии содержания, форм и методов построения социализма в отдельных странах как национально-специфическом проявлении его общих закономерностей: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того». Именно поэтому В. И. Ленин призывал «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи...»³.

Таким образом, марксизм-ленинизм изначально придавал огромное методологическое и политическое значение проблеме диалектического единства всеобщего и национально-особенного в развитии революционного процесса, в социалистическом переустройстве общества. Классики марксизма неизменно подчеркивали органическую связь национальной специфики с общим интернациональным характером революционного движения, практики с теорией научного коммунизма. Без этой органической связи национальная специфика теряет всякий смысл, ведь она есть проявление именно общих закономерностей общественного развития, составляющих главное и решающее в нем, его качественную определенность, его сущность. В свою очередь общие закономерности, проявляясь в отдельном, единичном, обретают живую конкретную плоть лишь тогда, когда воплощаются в особенные, национально-специфические формы и черты.

Марксистско-ленинский диалектический подход к реалиям мирового революционного процесса, в том числе и мира социализма, лежит и в основе теоретического анализа всего современного мира, его тенденций и противоречий, содержащегося в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, в принятой на съезде новой редакции Программы КПСС. Особого внимания заслуживают те положения документов съезда, в которых раскрывается диалектическое единство общих закономерностей социализма и национально-специфического многообразия их проявления в отдельных странах. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, съезд обобщил мировой опыт социалистического строительства последних десятилетий и дал развернутое научное определение социализма как нового общественного

строю, первой фазы коммунистической формации. Оно включает в себя как характеристику общих закономерностей социализма, так и положение о многообразии его конкретных проявлений. Документы съезда содержат глубоко диалектическую картину социализма как системы, органически сочетающей: 1) общие закономерности, 2) национально-специфические формы их проявления и конкретно-исторические черты, а также 3) характеристики образа жизни, в котором целостно реализуются первое и второе и находит воплощение весь опыт мирового социализма. Все эти три компонента социалистического общества и каждый сам по себе составляют диалектическое единство сущности и явления, содержания и формы, адекватно отражающее присущие социализму закономерности и особенности в конкретных условиях каждой отдельной страны.

В новой редакции Программы КПСС содержится следующая характеристика общих закономерностей социализма, подтвержденных всем опытом социалистического строительства в различных странах: власть трудящихся при ведущей роли рабочего класса; руководство развитием общества со стороны коммунистической партии, вооруженной теорией научного социализма; утверждение общественной собственности на основные средства производства и на этой базе — планомерный рост экономики в интересах народа; осуществление принципа «от каждого — по способности, каждому — по труду»; развитие социалистической демократии; равноправие и дружба всех наций и народностей; защита революционных завоеваний от посягательств классовых врагов. Именно использование этих общих закономерностей в каждой социалистической стране, подчеркивается в Программе КПСС, составляет основу их уверенного продвижения вперед, преодоления трудностей роста, своевременного разрешения возникающих противоречий.

Реализация этих общих закономерностей в социалистических странах за последние десятилетия позволила выявить и более подробную картину целостного социалистического общества, его сущностные черты, характеристика которых также дана в Программе КПСС. Эти черты дают развернутую характеристику социализму, раскрывают присущий только ему новый образ жизни, основанный на социальной справедливости, коллективизме и товарищеской взаимопомощи, дающий человеку труда уверенность в будущем, духовно и нравственно возвышающий его как творца новых общественных отношений и собственной судьбы. Эти черты — детализация общих закономерностей социализма как их воплощения в жизнь, обобщения опыта реального социализма. Они также носят общий, присущий всем странам социализма характер.

Другая сторона вопроса затрагивает проблему соотношения общего и особенного в практике социалистического строительства различных стран. Документы съезда дают четкий, основывающийся на марксистско-ленинском диалектическом методе ответ и на этот принципиальный вопрос. «Прошедшие десятилетия, — говорится в принятой XXVII съездом Программе КПСС, — обогатили практику социалистического строительства, наглядно выявили многообразие мира социализма»¹. Это же положение сформулировано и в Политическом докладе ЦК КПСС съезду. «Социализм зарождался и строился в странах далеко не передовых по их тогдашнему экономическому и общественному уровню, очень разнящихся между собой по укладам, историческим и национальным традициям. Каждая из них шла к новой формации своим путем, подтверждая предвидение Маркса о бесконечных вариациях и градациях одного и того же базиса в его конкретных проявлениях».

Из многообразия реальной практики мирового социализма вытекает объективная необходимость постоянного научного обобщения и соотнесения этой

практики, обмена опытом социалистического строительства, который в совокупности только и может дать ту эмпирическую основу, на которой происходит процесс творческого развития марксистско-ленинской теории, позволяющего выявить новые черты и характеристики социализма. «Бережное, уважительное отношение к опыту друг друга, применение его на практике — огромный резерв социалистического мира»⁵, — говорится по этому поводу в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.

* * *

Важнейшим аспектом изучения опыта мирового революционного движения является овладение ленинской методологией анализа революционного процесса в современную эпоху, и, в частности, национально-освободительных революций в странах Востока.

Выработанная на основе глубокого проникновения в сущность развития человечества в новейшее время эта методология позволяет правильно ориентироваться в сложных реалиях современного мира, вскрывать общие закономерности и специфические черты международного освободительного процесса, определять его пути и историческую перспективу.

Характеризуя ленинскую методологию, следует подчеркнуть, что она базируется на системном подходе ко всему кругу вопросов, связанных с национально-освободительными революциями. В. И. Ленин рассматривал эти революции в связи с общим ходом мирового развития, как его неотъемлемую движущую силу, находящуюся в органическом единстве с другими потоками мирового революционного процесса. Тем самым решался вопрос о месте этих революций во всемирно-историческом процессе развития человечества, вскрывалась диалектика национального и социального аспектов в освободительном движении народов колониального и полуколониального Востока, его историческая перспектива и связь с социалистическим переустройством мира. На основе такого подхода В. И. Ленин пришел к выводу, составившему подлинное открытие в марксистской теории: национально-освободительные движения угнетенных народов представляют собой в то же время и борьбу «против капитала»⁶. Рассматривая этот тезис В. И. Ленина, впервые высказанный им в 1908 г. в статье «Горячий материал в мировой политике», А. Б. Резников справедливо отмечал, что статья «была первым в социалистической печати выступлением, в котором освободительное движение в странах Востока рассматривалось в комплексе с пролетарским движением на Западе как разные участки складывавшегося общего революционного фронта»⁷. Это положение В. И. Ленина, углублявшееся по мере исследования им экономической и социально-политической природы империализма, легло в основу ленинской теории единого мирового антиимпериалистического фронта борьбы рабочего класса капиталистических стран и угнетенных народов Востока. В. И. Ленин, таким образом, рассматривал национально-освободительные революции как органическую и неотъемлемую часть мирового революционного процесса, содержанием которого была борьба не только против империализма, но и в известной мере против капитализма, за социалистическую перспективу развития⁸. «Те времена, когда дело демократии и дело социализма было связано только с Европой, прошли безвозвратно», — писал В. И. Ленин в 1915 г. Эту же мысль В. И. Ленин выразил еще более определенно в ноябре 1919 г.: «...Социалистическая революция, — заявил он, — не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет,

она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма»⁹.

Следовательно, идея В. И. Ленина о единстве антиимпериалистического национально-революционного движения народов Востока и антикапиталистической борьбы рабочего класса стран Запада была не просто тактической установкой, а по существу новым учением о едином мировом революционном процессе, включавшем и оба указанных его потока, направленном в целом в конечном итоге на свержение гнета империализма не только как колониальной системы, но и как определенной, высшей стадии капитализма. Национально-освободительные революции рассматривались, таким образом, В. И. Лениным как фактор мировой социалистической революции, как фактор успеха международного пролетарского движения.

После победы Октябрьской революции в России В. И. Ленин, исходя из основного противоречия новой исторической эпохи («борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской Республики») указал и на другую сторону освободительного, революционного процесса — объективную необходимость его союза с первой страной социализма, «которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом»¹⁰. Концепция единого мирового революционного процесса приобрела тем самым законченный социально-экономический и политический смысл: наряду с его движущими силами и цементирующим ядром указывалась и его историческая перспектива — утверждение социализма. Проблема национального освобождения угнетенных народов перерастала в проблему и их социального освобождения: оба вопроса ставились и решались в их диалектическом единстве. Так национальный вопрос был поставлен и как классовый вопрос.

Из этой общей методологической посылки вытекали и другие, частные, но тем не менее принципиальные вопросы национально-освободительных революций. Прежде всего требование творческого, конкретно-исторического применения общих закономерностей мирового революционного процесса к условиям отдельных стран.

Характеризуя задачи коммунистов поднимающихся на антиимпериалистическую борьбу стран Востока, В. И. Ленин говорил: «Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекоммунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков. Это трудная и своеобразная задача, но она особенно благодарна, потому что в борьбу втягивается та масса, которая еще не участвовала в борьбе, а с другой стороны, благодаря организации коммунистических ячеек на Востоке вы получаете возможность осуществить теснейшую связь с III Интернационалом. Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока»¹¹.

Эту же мысль — о необходимости творческого применения общего коммунистического учения к конкретным «своеобразным условиям» отдельных стран — В. И. Ленин повторил год спустя в своих первоначальных набросках тезисов по национальному и колониальному вопросам, призывая

коммунистов «в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки»¹².

В связи с этим методологическим требованием В. И. Ленина — учитывать при выработке стратегии и тактики коммунистических партий, в том числе и Коминтерна, конкретные условия каждой данной страны — большой интерес представляют высказывания В. И. Ленина в его докладе на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. Оценивая резолюцию III конгресса Коминтерна по вопросам организационного строительства коммунистических партий, методов и содержания их работы, В. И. Ленин говорил: «В 1921 году на III конгрессе мы приняли одну резолюцию об организационном построении коммунистических партий и о методах и содержании их работы. Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская, то есть все взято из русских условий. В этом ее хорошая сторона, но также и плохая... никто из иностранцев ее не поймет, именно потому, что она слишком русская... если в виде исключения какой-нибудь иностранец ее поймет, то он не сможет ее выполнить». И далее, не оспаривая содержания резолюции, В. И. Ленин тем не менее еще раз подчеркнул: «Но мы не поняли, как следует подходить к иностранцам с нашим русским опытом. Все сказанное в резолюции осталось мертвой буквой... поэтому она иностранцам совершенно непонятна, и они не могут удовлетвориться тем, что повесят ее, как икону, в угол и будут на нее молиться. Этим ничего достигнуть нельзя. Они должны воспринять часть русского опыта. Как это произойдет, этого я не знаю».

Из этих высказываний В. И. Ленина вполне определенно и недвусмысленно вытекало важнейшее методологическое требование к выработке решений и резолюций Коминтерна: необходимость полного учета конкретно-исторических условий каждой страны, самостоятельной работы каждой партии, — только при этом условии станет возможным освоение другими партиями русского опыта», опыта революционной борьбы коммунистов России. Следовательно, основу деятельности Коминтерна В. И. Ленин видел в выработке и принятии таких решений и рекомендаций, которые были бы понятны всем отрядам революционного движения, учитывали их характер и условия, в которых они действуют. Из доклада В. И. Ленина следует и вывод о недопустимости бесплодной канонизации решений Коминтерна, о необходимости их творческого осмысления и применения в процессе собственной практической деятельности. В связи с этим В. И. Ленин поставил перед коммунистами всех стран главную задачу: учиться, имея в виду в процессе этой учебы «действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы»¹³.

В. И. Ленин, следовательно, не исключал, а предполагал самостоятельное овладение каждой партией революционной наукой, исходя из общих резолюций и решений Коминтерна. В соответствии с этим общим диалектическим подходом В. И. Ленин выдвинул в это же время ряд принципиальных положений об общих закономерностях национально-освободительных революций в странах Востока.

Программное, теоретическое значение имел вывод В. И. Ленина о классово-природе этих революций, их движущих силах и перспективах развития. Исходя из своего основополагающего тезиса о том, что национально-освободительные революции суть составная часть единого мирового революционного процесса, направленного против международного империализма, В. И. Ленин вместе с тем квалифицировал эти революции как буржуазно-демократические, с основным участником которых являются крестьянские массы отсталых стран Востока. В то же время В. И. Ленин различал рево-

люционные и реформистские течения в национально-освободительном движении, призывая поддерживать именно революционные, назвав их «национально-революционными». Критерием такого определения характера движения В. И. Ленин выдвинул условия, когда его представители «не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых»¹⁴. Другими словами, В. И. Ленин и здесь исходил из общей антиимпериалистической направленности и подлинно революционной перспективы национально-освободительного движения в отсталых странах Востока. В. И. Ленин знал, что при этих оптимальных условиях народы, борющиеся за национальное освобождение, будут естественным, революционным путем переходить к борьбе за освобождение социальное, такова логика действительной революции.

Оценивая демократический характер национально-освободительных революций, В. И. Ленин выступал за их поддержку, в особенности «специально крестьянских движений» «против помещиков, против крупного землевладения, против всяких проявлений или остатков феодализма», с тем чтобы «придать крестьянскому движению наиболее революционный характер». В то же время В. И. Ленин требовал «безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме» в колониях и отсталых странах Востока, вступая во временный союз с «буржуазной демократией»¹⁵.

Социалистическую (или некапиталистическую) перспективу развития национально-революционного движения на Востоке В. И. Ленин связывал не только с его поддержкой со стороны национальных отрядов коммунистического движения. В решающей степени это зависело от поддержки его международным рабочим классом, пролетариатом передовых стран. Этот объективный закон развития революционного движения в отсталых странах Востока в новую эпоху был так сформулирован В. И. Лениным: «Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только повести немедленно пропаганду за организацию крестьянских Советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹⁶.

В этом положении В. И. Ленина содержится чрезвычайно важная мысль — о классовой природе тех Советов, борьбу за которые должны вести коммунисты вместе с национально-революционным движением. Эти Советы В. И. Ленин определил как крестьянские, как Советы эксплуатируемых, Советы трудящихся, приспособленные к докапиталистическим условиям стран Востока, то есть как своеобразную переходную форму власти, власти союза рабочего класса и крестьянства в самом широком смысле, имея в виду и международный рабочий класс, власти, которая соответствовала историческим условиям колоний и зависимых стран.

Вопрос о гегемонии рабочего класса в национально-революционном движении на той, начальной стадии его развития В. И. Лениным прямо, как непосредственная задача, а тем более — реальная данность, не ставился. Речь шла о работе, которая обеспечивала бы в соответствующих условиях эту гегемонию, о работе коммунистов по воспитанию отсталых масс крестьянства, о пробуждении в них политического самосознания, о нерушимом союзе рабочего класса с крестьянством и т. п. Эту работу коммунистам, по мысли В. И. Ленина, предстояло вести в рамках буржуазно-демокра-

тической революции, «базируясь» на местном буржуазном национализме, который «пробуждается» у народов Востока, «и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание».

В этом положении В. И. Ленина отражена общая закономерность национально-освободительных революций в отсталых странах Востока, заключающаяся в наличии революционных потенциалов у местной национальной буржуазии. Указание В. И. Ленина на такую особенность освободительных движений открывало историческую перспективу создания единого общенационального антиимпериалистического фронта в зависимых, полуколониальных и колониальных странах, в котором коммунисты должны играть авангардную роль, мобилизуя на революционную борьбу отсталые крестьянские массы, другие слои трудящихся. В то же время В. И. Ленин предупреждал о недопустимости перекрашивания буржуазно-демократических освободительных течений в цвет коммунизма¹⁷.

Наконец, В. И. Ленин вскрыл и такую важнейшую общую закономерность национально-освободительных революций на Востоке, как их органическую, необходимую связь с мировым рабочим, коммунистическим движением и в особенности — со странами победившего социализма. Только такой союз может обеспечить действительную победу национально-освободительных революций, уничтожение национального гнета и неравноправия. Основным гарантом победы В. И. Ленин считал опору этих движений на Советскую Россию. В тезисе В. И. Ленина отразилось открытое им основное противоречие новой эпохи — после победы Октябрьской революции в России, — противоречие между социализмом и капитализмом в мировом масштабе. Именно отсюда вытекало принципиальное положение об объективной взаимосвязи освободительных революций на Востоке со странами социализма, более того — об объективной необходимости такой связи, такого союза.

Как видим, В. И. Лениным были вскрыты и сформулированы основные закономерности и особенности национально-освободительного движения в странах Востока. Выводы В. И. Ленина послужили методологической и теоретической основой для последующей выработки Коминтерном, коммунистическими партиями стратегии и тактики революционной борьбы применительно к конкретным условиям той или иной страны.

* * *

С первых шагов своей деятельности Коминтерн уделял постоянное внимание теоретической разработке вопросов революционного движения в отсталых колониальных и полуколониальных странах Востока. Принципиальная постановка вопроса о содержании и особенностях этого движения имелась уже в Тезисах по национальному и колониальному вопросам, одобренных II конгрессом Коминтерна 28 июля 1920 г. Эти тезисы базировались на ленинских идеях о закономерностях и особенностях национально-освободительного процесса в странах Востока, высказанных им еще до II конгресса Коммунистического Интернационала, в частности в его речи на VIII съезде РКП(б) и в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Общим теоретическим фундаментом Тезисов II конгресса Коминтерна послужила работа В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Отличительной чертой постановки вопроса о национально-освободительном движении в странах Востока в первых документах Коминтерна, включая Тезисы II конгресса, явилось методологически единственно правильное стремление выявить диалектическое единство всеобщего и особенного, националь-

но-специфического в этом движении. Базируясь на общих закономерностях мирового революционного процесса, эти документы исходили из необходимости творческого, а не механического раскрытия этих закономерностей в условиях каждой отдельной страны.

Конечно, глубина решения этого принципиального вопроса зависела от степени изученности конкретного положения дел в каждом районе национально-освободительной борьбы и от умения перевести положения марксистско-ленинского учения на «национальный язык» конкретного движения. Кроме того, требовались доскональное знание и учет национально-специфических особенностей развития того или иного региона или страны, что позволяло делать правильные выводы о характере национально-освободительных движений, их социально-классовом составе и социальной базе. Именно эти требования были изначально заложены в первых решениях Коммунистического Интернационала по национальному и колониальному вопросам.

Первый принципиальный вопрос движения касался отношений между национально-освободительным и пролетарским движениями в мире, взаимосвязи между этими двумя потоками мирового революционного процесса. В Тезисах II конгресса Коминтерна дана принципиальная постановка вопроса, исходящая из ленинской идеи о неразрывном единстве национально-освободительных революций и пролетарского революционного движения. Основываясь на идее о том, что в новую историческую эпоху стержнем мирового развития стала борьба «всемирной буржуазии против Советской Российской республики» и что в силу этого Советская республика должна «группировать вокруг себя неминуемо... все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей», тезисы обосновали важнейший в теоретическом и политическом смысле вывод о том, что в новую эпоху «необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны, или национально-революционного освободительного движения в отсталых странах, или среди отсталых национальностей»¹⁸. Как доказал весь последующий ход всемирной истории, в этом положении была выражена закономерность развития национально-освободительных революций на Востоке. Успех, победа национально-освободительных революций действительно обеспечивались тесным союзом национально-революционных сил борющихся народов отсталых стран с передовым революционным движением пролетариата, и особенно — как наиболее завершенной ее формой — со странами победившего социализма.

Это — общая черта, общая закономерность развития революционного процесса в отсталых странах Востока. Но тезисы этим не ограничились. В них содержится — правда, еще в общем виде — идея обязательности учета и национальных, конкретно-специфических особенностей развития национально-освободительного движения в той или иной стране. Прежде всего это видно из уже приведенного отрывка Тезисов II конгресса: в нем говорится, в частности, о необходимости определять формы союза освободительного движения с революционным движением мирового пролетариата «сообразно степени развития» каждого из этих движений — то есть как национально-освободительных, так и пролетарских. Другими словами, речь идет о необходимости конкретно-исторического подхода к формам союза двух мировых потоков революционного движения, исходя из уровня их развития, их особенностей в каждой данной стране. Требование учета конкретных исторических условий, в которых разворачивается национально-освободительное движение, содержалось и во 2-м пункте тех же тезисов. Однако в Тезисах

II конгресса Коминтерна этот вопрос еще не имел развернутого обоснования, в них были намечены лишь его принципиальные контуры.

Более развернутую картину исторически обусловленных особенностей революционного движения в отсталых странах Востока дали Общие тезисы по восточному вопросу, принятые IV конгрессом Коминтерна 5 декабря 1922 г. Эти выводы базировались — как видно из самого их текста — на достаточно полном изучении положения дел в различных отрядах национально-освободительного революционного движения, что позволило авторам тезисов вывести некоторые закономерности, общие для сходных по историческим условиям стран. Хотя в целом следует все же отметить недостаточную дифференциацию революционных процессов в различных регионах Востока, довольно условное объединение их в однотипные группы, которые к тому же оказались подвижными по составу в зависимости от критерия, по которому происходила группировка¹⁹.

В то же время Общие тезисы по восточному вопросу дали научно обоснованные положения, отразившие действительный процесс национально-революционного движения в странах Востока, вскрывшие его о б щ и е особенности, что было крайне важно в тот период, когда международное коммунистическое движение только приступало к теоретическому осмыслению революционных процессов на Востоке, к выработке на этой основе научно обоснованной стратегии и тактики коммунистических партий. При этом Коммунистический Интернационал — и это принципиально важно подчеркнуть — предполагал, что на основе этих общих закономерностей и особенностей движения в целом коммунистические и национально-революционные партии должны будут выработать свою собственную стратегию и тактику, основывающуюся на учете национально-специфических черт революционного движения в той или иной стране. По существу, именно к этому сводились и рекомендации Коминтерна тем или иным отрядам коммунистического движения в отдельные периоды их деятельности. Следовательно, Коминтерн определял лишь принципиальные установки, указывая на особенности того или иного момента национально-революционного движения, оставляя для национальных отрядов коммунистического движения право самим разрабатывать конкретные проблемы революционной практики, в том числе и ее теоретического осмысления. Здесь необходимо также учитывать и тот факт, что разработку вопросов национально-освободительного, революционного движения в странах Востока Коминтерн осуществлял при непосредственном участии представителей самих этих отрядов революционного движения.

IV конгресс Коминтерна впервые в истории коммунистического движения разработал теоретические положения о характере революционного движения на Востоке, о его движущих силах, о месте аграрного вопроса, а следовательно, и крестьянства в этом движении, о роли и особенностях рабочего движения в отсталых странах Востока и, наконец, о задачах коммунистических партий этих стран, об их стратегии и тактике, отношении к другим, некоммунистическим национальным движениям (партиям). Уже в Общих тезисах были сформулированы ставшие впоследствии программными положения о едином антиимпериалистическом фронте как важнейшем, необходимом условии успешного осуществления национально-освободительной революции в отсталых странах, где эта революция носит затяжной характер и требует мобилизации всех революционных, в данном случае антиимпериалистических, элементов²⁰. В связи с этим в Общих тезисах по восточному вопросу были сформулированы принципиальные положения о соотношении национальных и классовых задач пролетариата и его партии в национально-освободительных революциях вообще и в едином антиимпериалистическом фронте в частности.

Исходя из того, что «основная задача, общая всем национально-революционным движениям, заключается в осуществлении национального объединения и достижении государственной независимости», IV конгресс Коминтерна указал и на условие, которое обеспечивает успешную реализацию этой задачи: вовлечение в русло революции «широких трудовых масс», воплотив в программе движения их социальные требования. А поскольку первостепенное значение, как указывалось в Общих тезисах по восточному вопросу, в большинстве стран Востока имеет аграрный вопрос, революционное движение в них обязано «ясно определить свою аграрную программу, которая должна требовать полного уничтожения феодализма и его остатков».

Другим условием успешного развития национально-революционного движения Коминтерн считал гибкую тактику коммунистических партий по отношению к революционно-демократическим партиям. Эта тактика предполагала участие коммунистов «во всяком движении, открывающем им доступ к массам». Перед коммунистическими партиями колоний и полуколоний ставилась двойная задача: борьба за наиболее радикальное решение задач буржуазно-демократической революции и, с другой стороны, организация рабочих и крестьянских масс на борьбу за их «специально-классовые интересы, используя при этом все противоречия в националистическом буржуазно-демократическом лагере». Коминтерн решительно предостерегал коммунистов Востока от двух равно недопустимых уклонов: отказа от участия в борьбе против империализма «под предлогом якобы «защиты» самостоятельных классовых интересов», что является «оппортунизмом худшего вида», могущим лишь дискредитировать пролетарскую революцию на Востоке, и попыток «устраниться от борьбы за насущные и повседневные интересы рабочего класса во имя «национального единения», или «гражданского мира» с буржуазными демократами». Эти установки IV конгресса Коминтерна имели всеобщее методологическое значение для коммунистов всех отрядов национально-революционного движения на Востоке, раскрывая диалектическое единство общенациональных и специфически классовых задач, решаемых в ходе освободительных, национальных революций.

Наконец, IV конгресс Коминтерна, основываясь на ленинских идеях о гегемонии рабочего класса в этих революциях, обосновал принципиальное положение о путях обеспечения этой гегемонии. Согласно Общим тезисам, право на эту гегемонию рабочий класс отсталых стран Востока должен завоевать в ходе длительной борьбы против империализма, за социальные интересы трудящихся. Ввиду исключительного значения этого тезиса для развертывания национально-революционной борьбы на Востоке, стоит привести это место из Общих тезисов полностью. «Молодому пролетариату колоний, — говорилось в 5-м разделе Общих тезисов, — предстоит еще длительная борьба на протяжении целой исторической эпохи, борьба с империалистической эксплуатацией и своими правящими классами, стремящимися монополизировать для себя все выгоды промышленного и культурного развития и оставить широкие трудящиеся массы в прежнем «доисторическом» состоянии.

Эта борьба за влияние на крестьянские массы должна подготовить туземный пролетариат к роли политического вождя. Лишь проделав эту предварительную работу над самим собой и смежными с ним общественными слоями, он будет способен выступить против буржуазной демократии в условиях отсталого Востока [подчеркнуто нами. — В. Ф.], носящей еще более формальный отсталый характер, чем на Западе»²¹.

Таким образом, утверждение гегемонии рабочего класса в национально-революционном процессе на Востоке связывалось в Общих тезисах с целой

исторической эпохой, основным содержанием которой будет антиимпериалистическая борьба, перерастающая в борьбу со «своими правящими классами», то есть в более глубокую социальную революцию, направленную уже и против буржуазной демократии. Только пройдя такую школу антиимпериалистической борьбы, завоевав на свою сторону народные (в основном крестьянские) массы, рабочий класс отсталых стран Востока будет способен выступить в роли политического вождя революционного движения.

Это новое теоретическое положение, обоснованное в Общих тезисах по восточному вопросу, имело принципиальное методологическое и важное политическое значение для выработки коммунистами Востока стратегии и тактики антиимпериалистической революционной борьбы. Оно указывало им конкретный путь становления гегемонии рабочего класса в освободительных революциях, предупреждая в то же время от неоправданного забегания вперед, от политического авантюризма, которым могло обернуться субъективно понятное нетерпение некоторых компартий в вопросе о «завоевании рабочим классом своей гегемонии» в разворачивающихся национально-освободительных революциях. Тезисы ориентировали молодые компартии Востока на трезвый, объективный учет в своих странах расстановки классовых сил, степени их политической зрелости, той реальной роли, которую они играли в данный исторический момент на арене политической борьбы. Одним словом, гегемония рабочего класса должна была явиться результатом исторического и политического развития как самого рабочего класса, так и его союзников в каждой конкретной стране.

Позицию IV конгресса Коминтерна фактически подтвердил и V конгресс, состоявшийся в июне — июле 1924 г. Он вновь подчеркнул принципиальное значение создания единого антиимпериалистического фронта коммунистов и национально-революционных партий и движений, дал отпор сектантским, антиленинским тенденциям и настроениям, которые наиболее отчетливо проявились в позиции М. Н. Роя²².

* * *

Таковы принципиальные методологические и теоретические положения ленинского учения о национально-освободительных революциях в странах Востока, развитые на II—V конгрессах Коминтерна. Как показала вся последующая история мирового революционного процесса, в них были вскрыты действительные, объективные закономерности развития отсталых стран этого региона, путей революционной перестройки их обществ, ведущих к национальному и социальному освобождению угнетенных народов. Победоносные национально-освободительные революции в ряде стран Азии, прежде всего в Китае, Вьетнаме и Корее, подтвердили историческую правоту ленинизма, указавшего народам Востока дорогу строительства нового, социалистического общества как наиболее последовательного решения и национальных, и социальных проблем.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 7.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, с. 41, 37.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 379; т. 30, с. 123; т. 41, с. 77.

⁴ Материалы XXVII съезда КПСС, с. 128.

⁵ Там же, с. 7.

⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 177.

⁷ А. Б. Резников. Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. М., 1978, с. 45.

⁸ См.: Р. А. Ульяновский. Ленин о национальном освобождении народов Востока. — В кн.: Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982, с. 12—15.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 354; т. 39, с. 327.

¹⁰ Там же, т. 41, с. 163.

¹¹ Там же, т. 39, с. 329.

¹² Там же, т. 41, с. 162.

¹³ Там же, т. 45, с. 292—294.

¹⁴ Там же, т. 41, с. 243—244.

¹⁵ Там же, с. 166—167.

¹⁶ Там же, с. 246.

¹⁷ См. там же, т. 39, с. 330; т. 41, с. 167.

¹⁸ Цит. по: Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986, с. 7—8.

¹⁹ См., например, группировку стран Востока во 2-м, 3-м и 6-м разделах Общих тезисов по восточному вопросу. (Коммунистический Интернационал и китайская революция, с. 27—34).

²⁰ См. там же, с. 33.

²¹ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934, с. 46—47, 49.

²² См.: Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 134—136.

XIII съезд Компартии Китая

*К. В. КУКУШКИН,
кандидат исторических наук*

25 октября — 1 ноября 1987 г. в Пекине состоялся XIII съезд Коммунистической партии Китая. В работе съезда участвовало 1936 делегата, представлявших свыше 46 млн. членов партии.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза направил приветствие XIII съезду КПК, в котором говорилось:

«Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза от имени советских коммунистов шлет делегатам XIII съезда Коммунистической партии Китая, всем китайским коммунистам товарищеский привет и пожелания плодотворной работы высшего партийного форума.

Советские люди с большим вниманием и симпатией следят за тем, как китайский народ под руководством компартии решает масштабные задачи социалистического строительства. В СССР ценят вклад КНР в борьбу против угрозы ядерной войны, за укрепление мира и международной безопасности и с удовлетворением отмечают, что усилия наших двух крупнейших социалистических государств на мировой арене имеют во многом сходную направленность.

Руководствуясь решениями XXVII съезда КПСС, Советский Союз последовательно проводит курс на налаживание взаимовыгодного добрососедского сотрудничества с КНР. Мы готовы и впредь расширять политический диалог, укреплять торгово-экономические связи, умножать контакты на различных направлениях и уровнях, искать решения возникающих вопросов в духе доброй воли и взаимного доверия с целью дальнейшего поступательного развития советско-китайских отношений на благо народов двух стран, в интересах социализма и мира»¹.

25 октября в девять часов по пекинскому времени Председатель Центральной комиссии советников КПК Дэн Сяопин объявил съезд открытым. Был исполнен партийный гимн «Интернационал». Затем присутствующие почтили минутой молчания память Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Лю Шаоци, Чжу Дэ, других китайских революционеров старшего поколения.

С Отчетным докладом ЦК КПК «Вперед по пути социализма с китайской спецификой»² выступил исполнявший обязанности Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыян.

Отчетный доклад состоит из семи разделов: «Достижения исторического значения и задачи нынешнего съезда», «Начальная стадия социализма и основная линия партии», «О стратегии экономического развития», «О реформе хозяйственной системы», «Относительно перестройки политической системы», «В ходе реформ и расширения внешних связей усиливать партийное строительство», «К завоеванию новой победы марксизма в Китае».

Обобщая итоги работы партии после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, состоявшегося в 1978 году, Чжао Цзыян указал, что истекшее девяти-

летие открыло новый период в истории развития страны на основе огромных успехов в социалистическом строительстве, достигнутых после образования КНР, глубоко изменило облик Китая. За последние девять лет валовой национальный продукт, финансовые доходы государства, а также средние доходы городского и сельского населения увеличились в основном в два раза. Были достигнуты заметные результаты в укреплении и развитии обстановки политической стабильности и сплоченности, в постепенном расширении строительства социалистической демократии и законности, в строительстве социалистической духовной культуры, в проведении военной реформы, в реализации идеи и практики завершения объединения Родины по принципу «Одно государство — два строя», в упорядочении дипломатической архитектуры и внешних партийных сношений и в других областях.

Чжао Цзыян подчеркнул важные сдвиги в социально-экономической области:

— Миллиардное население Китая в своем абсолютном большинстве теперь обеспечено питанием и одеждой. Часть районов начала вступать на путь среднезажиточной жизни, а в части районов вопрос о питании и одежде, хотя и не полностью разрешен, но там все-таки жить стало лучше.

— В городах и сельских районах открылись широкие возможности для трудоустройства. Так, в городах 70 млн. человек получили работу, а в сельских районах благодаря появлению огромного числа волостных и поселковых предприятий 80 млн. крестьян перешло или частично перешло в сферу несельскохозяйственного производства.

— Намного улучшилось рыночное снабжение. Уже в основном покончено с острой многолетней нехваткой потребительских товаров.

— Заметно уменьшились серьезные диспропорции важнейших экономических соотношений в народном хозяйстве, оно в основном постепенно перешло на рельсы гармоничного развития.

Девять лет практической работы показали, сказал докладчик, что линия, взятая 3-м пленумом ЦК 11-го созыва, является правильной, марксистской линией. Он отметил: «Эта линия — квинтэссенция разума партии и народа». Развертывание активности широких народных масс привело к дальнейшему развитию производительных сил. Реформа и расширение внешних связей обеспечили дальнейшее духовное раскрепощение народа. Однако, отметил докладчик, у нас нет никаких оснований для зазнайства, перед нами еще много проблем и трудностей.

Теоретически обосновывая современный этап социализма в Китае, товарищ Чжао Цзыян подчеркнул: «Правильное понимание того, на какой исторической стадии находится сейчас наше общество,— коренная предпосылка для разработки и проведения правильной линии и правильных установок». «Китай переживает начальную стадию социализма,— указал он.— Весь период, начинающийся с завершения в основном социалистического преобразования частной собственности на средства производства в 50-х гг. и кончающийся осуществлением в основном социалистической модернизации, на что требуется минимум сто лет, и составляет у нас начальную стадию социализма. Это не первоначальная стадия вообще, которую переживает любая страна при вступлении на путь социализма. Это тот особый период у нас в Китае, вышедшем из недр полуколониального и полуфеодального общества, через который мы должны неизбежно пройти, строя социализм в условиях отсталости производительных сил, неразвитости товарного хозяйства».

Аргументируя историческую правомерность начальной стадии социализма в Китае, Чжао Цзыян говорил: «Социализм у нас вышел из недр полуколониального и полуфеодального общества, и по уровню развития про-

изводительных сил мы далеко отстаем от развитых капиталистических стран. Именно это обстоятельство предопределило для нас необходимость пройти через весьма длительную начальную стадию развития, когда нам предстоит осуществить индустриализацию страны, коммерциализацию, социализацию и модернизацию производства, то есть проделать то, что многие другие страны проделали в условиях капитализма».

Нынешнее положение в Китае после более чем 30-летнего развития социализма таково: с одной стороны, уже утвердилось социалистическая экономическая система, основанная на общественной собственности на средства производства, установился социалистический политический строй демократической диктатуры народа, а марксизм занял руководящее положение в области идеологии. Словом, уже уничтожены эксплуататорский строй и эксплуататорские классы. Экономическая мощь страны намного возросла, довольно большое развитие получили народное образование, наука и культура. Но, с другой стороны, в Китае огромное население, слабая экономическая база, и по среднедушевой доле валового национального продукта страна занимает одно из последних мест в мире.

«Главное противоречие, которое встает перед нами на нынешней стадии,— подчеркнул Чжао Цзыян,— это противоречие между растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством». Классовая борьба, говорил он, будет еще долго существовать в известных пределах, но она уже перестала составлять главное противоречие. Для того чтобы разрешить главное противоречие нынешней стадии, необходимо всемерно развивать товарное хозяйство, повышать производительность труда, постепенно осуществлять модернизацию промышленности, сельского хозяйства, национальной обороны, науки и техники, а также перестраивать с этой целью ту часть производственных отношений и ту часть надстройки, которые не отвечают требованиям развития производительных сил.

Базируясь на анализе теоретических положений о начальной стадии социализма, съезд сформулировал основную линию партии в строительстве социализма с китайской спецификой. «Основная линия нашей партии на этой стадии,— говорится в Отчетном докладе ЦК,— это линия, которая требует вести и сплачивать многонациональный народ Китая на борьбу за то, чтобы, ставя экономическое строительство в центр внимания, твердо отстаивая четыре основных принципа, твердо держась реформы и твердо расширяя внешние сношения, опираясь на собственные силы и самоотверженно работая, превратить нашу страну в богатое, могучее, демократическое и цивилизованное современное социалистическое государство».

КПК, формулируя «основную линию партии в строительстве социализма с китайской спецификой на его начальной стадии», базировалась на диалектической взаимосвязи экономики и политики как необходимом условии социалистического развития страны.

Содержащееся в этой линии определение генеральной задачи социально-экономического развития страны воплощает в себе единство политики и экономики в их взаимодействии и состоит в превращении страны «в богатое, могучее, демократическое и цивилизованное современное социалистическое государство».

Средством для достижения этой цели является взаимодействие производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки в процессе их развития. Совершенствование производительных сил и производственных отношений в их взаимосвязи выражено в требованиях ставить «экономическое строительство в центр внимания», опираться «на собственные силы и самоотверженно трудиться», неуклонно осуществлять реформу и расширять

связи с внешним миром. Неразрывно связанная с этим задача совершенствования надстройки содержится в требовании «твердо отстаивать четыре основных принципа» — социалистический путь, демократическую диктатуру народа, руководство Коммунистической партии Китая, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна.

В соответствии с этой основной линией партия выработала стратегию поступательного развития, состоящего из трех больших шагов. Первый шаг предполагает увеличение валового национального продукта к 1990 г. в два раза против 1980 г., разрешение вопроса об обеспечении народа питанием и одеждой. Эта задача в основном уже выполнена. Второй шаг предусматривает увеличение валового национального продукта к концу нашего столетия еще в два раза, обеспечение среднезажиточного уровня жизни. А третий шаг предусматривает увеличение среднедушевого валового национального продукта к середине следующего столетия до размеров, существующих в среднеразвитых странах, обеспечение более зажиточной жизни и осуществление в основном модернизации. Затем на этой основе предстоит двигаться дальше.

Съезд сформулировал три важнейших требования экономической стратегии:

— поставить во главу угла развитие науки, техники и народного образования, с тем чтобы экономическое строительство стало опираться на научно-технический прогресс и повышение уровня подготовки трудящихся;

— поддерживать в основном сбалансированным совокупный общественный спрос и предложение, провести рациональное урегулирование и перестройку структуры производства;

— еще больше расширять и углублять внешние сношения, непрерывно развивать технико-экономический обмен и сотрудничество с заграницей.

Съезд дал научный анализ характера осуществляемой реформы хозяйственной системы. В отчетном докладе отмечалось, что проведенная в стране перестройка — от развития экономики, основанной на различных формах собственности, среди которых ведущая роль принадлежит общественной собственности, вплоть до допущения существования и развития частного хозяйства — обусловлена реальным состоянием производительных сил на начальной стадии социализма.

«В настоящее время, — сказал Чжао Цзыян, — задача углубления перестройки хозяйственной системы состоит главным образом в том, чтобы, проводя поэтапно дополняющие реформы систем планирования, инвестирования, материальных ресурсов, финансов, денежного обращения, внешней торговли и т. д. вокруг такого центрального звена, как изменение хозяйственного механизма предприятий, постепенно заложить основы каркаса новой системы планового товарного хозяйства».

В отчете ЦК подчеркивалось, что механизм социалистического планового товарного хозяйства должен воплощать в себе органическое единство планирования и рынка. Отмечалось существенное отличие социалистического товарного хозяйства от капиталистического, состоящее в том, что они покоятся на разных формах собственности. Указывалось, что планирование должно учитывать потребности товарного обмена и закон стоимости. Акцентировалось внимание на том, что новый рабочий механизм экономики должен быть механизмом «государственного регулирования рынка и рыночного ориентирования предприятий».

В целях дальнейшего развития и углубления реформы хозяйственной системы страны Чжао Цзыян предложил целый комплекс мероприятий, предусматривающих оживление деятельности предприятий всенародной соб-

ственности на основе принципа отделения права собственности от права хозяйствования. В связи с этим были рассмотрены осуществленные в настоящее время различные формы хозяйственной ответственности, в том числе подряд, аренда и т. д.

Было обращено также внимание на необходимость содействовать дальнейшему развитию хозяйственного объединения по горизонтали. Подчеркивалось, что это неизбежная тенденция развития крупного обобщественного производства, социалистической товарной экономики. При этом отмечалось, что объединение предприятий по различным видам производства — основная форма горизонтального хозяйственного объединения.

В отчетном докладе был поставлен вопрос о необходимости ускорить создание системы социалистического рынка, которая включает не только рынки потребительских товаров и средств производства. В нее входят также рынки денежных средств, услуг, техники и технологии, информации, недвижимого имущества и других важнейших компонентов производства. В связи с этим отмечалось, что необходимо активно, но в то же время без отклонений в сторону вести реформу товарных цен. Реформа цен должна координироваться с политикой регулирования доходов. При этом подчеркивалось, что нельзя допускать понижения реального жизненного уровня народных масс в процессе перестройки, наоборот, нужно обеспечить его постепенное повышение по мере развития производства.

Была выдвинута задача постепенного совершенствования системы макроэкономического урегулирования, ведущая роль в которой принадлежит косвенному управлению. Как отмечалось, центр тяжести планового управления должен переместиться на разработку производственной политики, на стимулирование ее реализации посредством комплексного использования различных экономических рычагов.

Чжао Цзыян подчеркнул, что необходимо обеспечить дальнейшее развитие экономики, основанной на разных формах собственности, при сохранении ведущей роли общественной формы собственности. На начальной стадии социализма ведущая роль в структуре собственности должна принадлежать общественной форме собственности. Вместе с тем отмечалось, что следует и впредь поощрять в городе и деревне развитие кооперативных, индивидуальных и частных хозяйств. Смешанные предприятия, основанные на китайском и иностранном капитале, предприятия производственного сотрудничества и предприятия, основанные исключительно на капитале иностранных коммерсантов, тоже являются необходимым и полезным дополнением к социалистической экономике.

Совокупность перечисленных мероприятий должна обеспечить дальнейшее развитие и существенное углубление всей реформы хозяйственной системы.

Большое место в Отчетном докладе ЦК КПК отведено вопросам реформы политической системы. Перспективная цель этой реформы заключается в том, чтобы создать жизнеспособную социалистическую политическую систему с высокоразвитой демократией, совершенным законопорядком и высокой эффективностью. В ближайшее время реформа политической системы, как отмечалось на съезде, может иметь лишь ограниченные цели.

Чтобы осуществить ближайшие цели реформы политической системы, съезд наметил семь мероприятий, которые включают: разделение функций между партийными и правительственными органами; передачу права хозяйственно-оперативного управления предприятиям и непромышленным единицам, выявление роли народных организаций и массовых организаций самоуправления в низах, постепенно добиваясь того, чтобы народные массы сами,

согласно закону, управляли своими делами; перестройку правительственного рабочего аппарата, изменение его функций, объединение или сокращение различных оперативно-управленческих отделов и т. д.; перестройку кадровой системы путем установления системы государственных служащих; введение в практику системы общественных консультаций и диалогов; совершенствование институтов социалистической политической демократии, сущность которой состоит в том, что народ должен чувствовать себя полноправным хозяином страны; усиление строительства социалистического законопорядка, закрепление в форме закона социалистической политической демократии.

Поставленные съездом задачи партийного строительства предусматривают значительное усиление роли КПК как руководящего ядра в деле строительства социализма в Китае. Решение этих задач тесно связано с реализацией основной линии партии на его начальной стадии. Иными словами, процесс партийного строительства определяется целым рядом взаимосвязанных факторов, в том числе приверженностью четырем основным принципам, правильным пониманием характерных черт начальной стадии социализма в Китае, стратегии экономического развития, сущности реформы хозяйственной системы и реформы политической системы.

Съезд подчеркнул, что реализация основной линии партии требует длительной борьбы с помехами, создаваемыми догматизмом, окостенелостью мысли, а также проявлениями буржуазной либерализации. При этом отмечается: «Поскольку левачество укоренилось весьма глубоко и поскольку главным образом оно воздвигает препятствия как на пути реформы, так и на пути расширения внешних сношений, постольку, говоря в целом, и преодоление окостенелых взглядов будет довольно долго оставаться в нас главной задачей».

Важное значение имеет вывод съезда о том, что партийное руководство всегда должно быть политическим руководством, в котором в концентрированном виде выражаются задачи экономического строительства. Это положение отражено в формулировке основной линии партии, а также конкретно раскрывается на примере взаимосвязи реформы хозяйственной системы и перестройки политической системы, особенно на примере решения вопроса о разграничении функций партийных и правительственных органов. «Пока этот вопрос не будет решен,— подчеркивается в отчете ЦК,— невозможно будет действительно усилить партийное руководство и успешно осуществить другие мероприятия, связанные с реформой».

В соответствии с разграничением функций на ЦК КПК возлагается обязанность определять политические установки в важнейших вопросах внутренней и внешней политики, экономики национальной обороны, выдвигать кандидатуры на руководящие посты в органы верховной государственной власти, осуществлять политическое руководство во всех областях.

Совершенствование методов политического руководства КПК требует внесения изменений в организационные формы и структуру рабочего аппарата партии. Это конкретно выражается в том, что при парткомах различных ступеней не будут учреждаться должности секретарей и постоянных членов, которые, не работая в правительственных органах, в то же время ведали бы определенной сферой их работы. В парткомах должны быть упразднены отделы, дублирующие работу правительственных органов, и т. д.

Усилению политического руководства партии послужит также реформа кадровой системы, упор в которой делается на установление системы государственных служащих, подразделяющихся на две категории: административных и профессиональных работников. Дело в том, что в настоящее время в Китае насчитывается более 26,5 млн. руководящих кадровых работников, в том числе около 9 млн. кадровых работников партийного аппарата и

17,5 млн. административных и профессиональных работников. Введение системы государственных служащих упразднит существующую в настоящее время модель управления кадрами партийно-правительственного аппарата.

В целях развития политического руководства партии, для демократизации и повышения научного уровня ее решений съезд акцентировал внимание на усилении строительства партийных институтов. В связи с этим в Отчете ЦК подчеркивается: «Оздоровление порядка коллективного руководства и демократического централизма в партии следует начинать с Центрального Комитета». Съезд предложил: учредить такой порядок, при котором Постоянный Комитет Политбюро регулярно докладывает бы Политбюро о своей работе, а Политбюро — Пленуму ЦК партии; увеличить число ежегодно созываемых пленумов ЦК, с тем чтобы значительно усилить коллективную роль Центрального Комитета в принятии важнейших решений; установить правила работы и порядок созыва собраний по вопросам партийной жизни Политбюро, Постоянного Комитета Политбюро, а также Секретариата ЦК, с тем чтобы возвести коллективное руководство в норму, усилить контроль и взаимодействие среди партийных руководящих кадров.

Задачи оздоровления стиля работы партии составляют важнейший аспект партийного строительства. Положение о том, что «вопрос о стиле работы правящей партии — это вопрос жизни и смерти партии», признано считать одной из составных частей теории строительства социализма с китайской спецификой. В Отчете ЦК КПК подчеркиваются два главных условия, на которых должен проверяться стиль работы руководящих кадров: «Испытание властью и обстановкой реформ и расширения внешних связей».

XII съезд КПК поставил задачу — в течение пяти лет коренным образом улучшить стиль работы партии. Главная роль в этом деле отводилась кампании по упорядочению партии, проходившей в 1983—1987 гг. Подводя итоги этой работы, XIII съезд отметил, что «устранение изъянов в идеологическом и организационном отношениях и в стиле работы партии является долговременной, постоянной работой», что «разрешение всех вопросов путем упорядочения за какой-то короткий период времени невозможно».

Борьба за оздоровление стиля работы партии тесно увязывается с преодолением таких негативных явлений среди части членов партии и руководящих кадровых работников, как использование служебного положения в корыстных целях и различные проявления разложения. «Борьба против явлений разложения,— подчеркивалось на съезде,— должна пронизывать весь ход строительства и реформ. В процессе реформ и расширения внешних связей эта борьба неизбежна. Если терпеть в своих рядах разложившиеся элементы, то это может привести к разложению всей партии».

Съезд подчеркнул, что сила и роль пролетарской партии зависит главным образом не от количества ее членов, а от их качества. В связи с этим было отмечено, что «долгое время в работе по приему членов партии наблюдается тенденция игнорирования качества». В результате на протяжении двадцати лет (1957—1976) имел место чрезмерно быстрый рост партии, когда партия увеличилась более чем на 25 млн. человек. В последние восемь лет партия также выросла более чем на 10 млн. членов. По данным на конец 1986 г., из 46,1 млн. членов партии только 17 % составляют рабочие, 41 % — крестьяне, 42 % — инженерно-технические работники, кадровые работники партийного, административного и военного аппаратов и др. Съезд предложил выработать более строгие нормы поведения членов партии, побуждать к выходу из партии или исключать из ее рядов всех, кто не соблюдает требования Устава партии. В этой связи следует отметить, что в ходе более чем трехлетней кампании упорядочения из

партии было выведено в общей сложности свыше 150 тыс. человек и около 500 тыс. получило различные партийные взыскания.

Отметив, что реформы, в особенности перестройка политической системы, придадут новый динамизм развитию партии, Чжао Цзыян призвал поднять на еще более высокий уровень день партийного строительства.

Заключительный раздел Отчетного доклада ЦК КПК, являющийся по существу обобщением теоретической и практической работы партии за период, прошедший после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, посвящен проблеме творческого применения марксизма в конкретных условиях Китая. Как отметил Чжао Цзыян, «социализм с китайской спецификой — продукт соединения основных положений марксизма с делом модернизации Китая, научный социализм, пустивший глубокие корни в современном Китае».

Докладчик подчеркнул, что партия в последние годы разработала ряд теоретических положений, которые «представляют собой контуры теории строительства социализма с китайской спецификой, дают первичный ответ на такие основные вопросы, как этапы строительства социализма в нашей стране, его задачи, движущие силы, условия, общая схема и международная обстановка, и определяющий наш научно обоснованный путь движения вперед».

Доклад ЦК КПК был, в основном, посвящен вопросам внутренней политики. Коснувшись кратко в заключение внешнеполитической проблематики, Чжао Цзыян указал, что Китай будет и впредь неуклонно проводить мирную, независимую и самостоятельную внешнюю политику. Китайские коммунисты приветствуют недавно достигнутое между СССР и США принципиальное согласие по вопросам ракет средней дальности и оперативно-тактическим ракетам, наметившееся определенное смягчение отношений между Востоком и Западом.

Со своей стороны китайский народ будет прилагать усилия, с тем чтобы международная обстановка развивалась в направлении, благоприятном для народов всей Земли и мира во всем мире.

После выступления Чжао Цзыяна проходили прения по Отчетному докладу ЦК КПК, продолжавшиеся почти неделю.

1 ноября 1987 г. XIII съезд КПК на основе обсуждения делегатами Отчетного доклада ЦК КПК принял резолюцию (текст резолюции публикуется в журнале).

В тот же день XIII съезд на основе глубоких обсуждений отчетов³ Центральной комиссии советников КПК и Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины принял соответствующие резолюции с оценкой итогов их работы за пятилетний период.

Съезд избрал Центральный Комитет КПК в составе 175 членов и 110 кандидатов в члены ЦК КПК. Центральная комиссия советников КПК была избрана в составе 200 человек, Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины — в составе 69 человек.

На состоявшемся 2 ноября 1987 г. 1-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва в Политбюро ЦК КПК были избраны Вань Ли, Тянь Цзюнь, Цяо Ши, Цзян Цзэминь, Ли Пэн, Ли Тэин, Ли Жуйхуань, Ли Симин, Ян Жудай, Ян Шанкунь, У Сюецянь, Сун Пин, Чжао Цзыян, Ху Цили, Ху Яобан, Яо Илин, Цинь Цзивэй. Кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК избран Дин Гуаньгэн.

Генеральным секретарем Центрального Комитета Компартии Китая избран Чжао Цзыян.

Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК избран в составе пяти членов: Чжао Цзыян, Ли Пэн, Цяо Ши, Ху Цили, Яо Илин.

Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК выдвинул состав Секретариата ЦК КПК, который был одобрен пленумом. В секретариат вошли Ху Цили, Цяо

Ши, Жуй Синвэнь, Янь Минфу. Кандидатом в члены Секретариата стал Вэнь Цзябао.

Пленум ЦК КПК по предложению Постоянного комитета Политбюро ЦК назначил Дэн Сяопина Председателем Военного совета ЦК КПК, Чжао Цзыяна — первым заместителем председателя этого совета, Ян Шанкуня — постоянным заместителем председателя Военного совета ЦК КПК.

По случаю избрания Чжао Цзыяна Генеральным секретарем ЦК КПК на его имя была направлена телеграмма Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, в которой говорилось:

«Уважаемый товарищ Чжао Цзыян!

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и от себя лично поздравляю Вас с избранием на высокий пост Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Китая.

Желаю Вам, китайским коммунистам и всему китайскому народу успехов в выполнении решений XIII съезда КПК.

Выражаю уверенность в том, что советско-китайские отношения будут развиваться по пути добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества на благо народов наших стран, в интересах социализма и мира»¹.

2 ноября 1987 г. состоялись также пленумы Центральной комиссии советников КПК и Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины.

Председателем Центральной комиссии советников КПК избран Чэнь Юнь, его заместителями — товарищи Бо Ибо и Сун Жэньцун.

Членами Постоянного комитета Центральной комиссии советников КПК избраны: Ван Пин, Ван Шоудао, У Сюцюань, Лю Ланьтао, Цзян Хуа, Ли Иман, Ли Дэшэн, Ян Дэчжи, Сяо Кэ, Юй Цюли, Сун Жэньцун, Сун Шилунь, Чжан Цзинфу, Чжан Айпин, Лу Динъи, Чэнь Юнь, Чэнь Писянь, Чень Силян, Ху Цяому, Дуань Цюньи, Гэн Бяо, Цзи Пэнфэй, Хуан Хуа, Хуан Чжэнь, Кан Шиэнь, Чэн Цзыхуа, Бо Ибо.

Секретарем Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины избран товарищ Цяо Ши, заместителями секретаря — Чэн Цзолинь, Ли Чжэнтин и Сяо Хунда.

XIII съезд явился важным событием в жизни Коммунистической партии Китая и всего китайского народа. Характеризуя значение съезда, газета «Жэньминь жибао» в передовой статье от 3 ноября 1987 г. писала: «Самая большая историческая заслуга XIII съезда состоит в том, что он дал творческое теоретическое обобщение девяти годам богатой событиями жизни миллиардного народа, впервые представив целостную концепцию начальной стадии социализма, четко определив основную линию партии на этой стадии».

¹ «Правда», 25.X.1987.

² «Жэньминь жибао», 4.XI.1987.

³ Отчетные доклады двух Центральных комиссий КПК были опубликованы в «Жэньминь жибао» от 4 ноября 1987 г.

⁴ «Правда», 4.XI.1987.

Торгово- экономические связи Китая с социалистическими странами

Ю. М. АВСЕНЕВ,
кандидат экономических наук
С. В. СТЕПАНОВ,
кандидат экономических наук
В. П. АНДРЕЕВ

Значение внешних экономических связей КНР существенно возросло в 80-е гг., после того как на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) была провозглашена так называемая «открытая внешнеэкономическая политика», отводящая сотрудничеству с зарубежными странами важную роль в модернизации народного хозяйства страны. Она предусматривает форсированное развитие внешнеэкономических отношений Китая, увеличение импорта передовой иностранной техники и технологии, расширение экспорта, внедрение новых форм внешних экономических связей и привлечение иностранного капитала. Результатом этих усилий явилось повышение доли экспорта в национальном доходе с 5,6 % в 1978 г. почти до 14 % в 1986 г.¹, что отразило повышение роли внешней торговли в развитии народного хозяйства страны.

Сначала «открытая внешнеэкономическая политика» была ориентирована преимущественно на капиталистические страны, в последние годы она распространяется и на социалистические государства.

Отношения КНР с социалистическими странами развивались неровно. В первые десятилетия своего существования КНР осуществляла широкие торгово-экономические связи с социалистическими странами. В 1959 г. торговля КНР с этой группой стран увеличилась по сравнению с 1950 г. в 8,3 раза и составила свыше 2,7 млрд. руб. (в том числе с Советским Союзом около 1,9 млрд. руб.)². Удельный вес стран социализма во внешней торговле Китая превысил 69 %.

Советский Союз и другие братские страны, руководствуясь принципами социалистического интернационализма, оказывали Китаю большую помощь в экономическом строительстве³. Значение этой помощи в те годы было тем более велико, что она оказывалась Китаю в условиях экономической блокады и эмбарго на торговлю с КНР, которые проводились империалистическими государствами во главе с США. При техническом содействии Советского Союза в КНР было полностью или частично сдано в эксплуатацию более 250 предприятий, отдельных цехов и других объектов, оснащенных новейшим оборудованием.

С начала 60-х гг. торгово-экономические связи Китая со странами социализма существенно сократились. Основными торговыми партнерами КНР стали капиталистические государства.

Лишь с КНДР и Румынией Китай сохранил двусторонние связи. С ними поддерживаются контакты на всех уровнях и осуществляется значительный экономический обмен.

Долгое время Китай поддерживал нормальные отношения с Албанией и Вьетнамом, оказывал им значительную помощь в различных областях. Однако во второй половине 70-х гг. отношения обострились, контакты были свернуты, и в последние годы возобновилась лишь небольшая по объему торговля с Албанией.

Длительное состояние отчуждения между КНР и СФРЮ продолжалось до начала 70-х гг., когда произошло восстановление межгосударственных и межпартийных отношений. Получили развитие торгово-экономические связи.

Отношения Китая с большинством социалистических стран (за исключением КНДР и Румынии) в течение двух десятилетий поддерживались, включая торговлю, на минимальном уровне. В 80-е гг. положение существенно изменилось. Постепенно расширились межгосударственные контакты, достигшие в 1985 г. уровня обмена визитами заместителей глав правительств.

В 1986—1987 гг. состоялся обмен визитами руководителей Китая с НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР. Китай посетили В. Ярузельский, Э. Хонеккер, Т. Живков, Л. Штроугал и Я. Кадар. В июне 1987 г. эти страны посетил в то время исполнявший обязанности Генерального секретаря ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян.

Дальнейшее развитие получили и советско-китайские отношения*. В сентябре 1986 г. КНР посетила делегация СССР во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Н. В. Талызиным. Обе стороны вновь подтвердили обоюдную заинтересованность в дальнейшем развитии торгово-экономических связей, рассмотрели вопросы использования всех преимуществ географического соседства двух стран и исторически сложившейся взаимодополняемости экономик СССР и КНР для дальнейшего развития двустороннего сотрудничества⁵.

В последние годы руководители КНР неоднократно высказывали заинтересованность в развитии контактов со всеми социалистическими странами. В одной из бесед, объясняя «новую точку зрения» по этому вопросу, Дэн Сяопин высказал мысль о том, что необходимо «глядеть вперед», а не «копаться в прошлом»⁶.

В статье «Новая глава в отношениях Китая с пятью странами Восточной Европы» (НРБ, ВНР, ГДР, ПНР и ЧССР) газета «Жэньминь жибао» писала, что «отношения Китая с этими странами строятся на основе взаимного уважения интересов народов каждой страны и проводимой ими внутренней и внешней политики. Китай и эти страны обмениваются опытом проведения реформ и совершенствования политической и экономической структуры, ускорения социалистического строительства, активно поддерживают мир и выступают против гонки вооружений»⁷.

Китайская сторона высоко оценивает достижения европейских социалистических стран, проявляет готовность всячески расширять сотрудничество, в том числе в экономической области.

И. о. премьера Государственного совета КНР Ли Пэн в статье в «Жэньминь жибао» отмечал быстрые темпы развития техники и технологии в европейских социалистических странах, обеспечившие их выход в некоторых областях

* Более подробно о советско-китайских отношениях см.: А. П. Кузнецов. СССР — КНР: торгово-экономические отношения. — «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 2.

на передовые рубежи. Из этого он сделал вывод о том, что развитие технологического и экономического сотрудничества с ними, ввоз в КНР необходимой техники и оборудования могут оказать благотворное влияние на «четыре модернизации»⁸. Кроме того, как отмечает китайская печать, существующий механизм клиринговой торговли КНР с социалистическими государствами позволяет экономить значительные валютные средства. Поскольку же среди многочисленных промышленных предприятий Китая, подлежащих реконструкции, значительную долю составляют предприятия, построенные в КНР в 50-е гг. при содействии социалистических стран, то подчеркивается, что использование их оборудования и технологии при модернизации этих предприятий во многих случаях является наиболее целесообразным⁹.

Говоря о заинтересованности Китая в экономическом сотрудничестве с социалистическими странами, нельзя не упомянуть и те трудности, с которыми он столкнулся в развитии экономических отношений с промышленно развитыми капиталистическими странами. За последние годы в китайской печати все чаще стали появляться материалы, критикующие односторонность современной региональной структуры внешнеэкономических связей КНР и указывающие на объективную необходимость торгово-экономического сотрудничества с социалистическими странами. Вот что писал, в частности, еженедельник «Шицзе цзинци даобао»: «В нынешних условиях, когда западные государства принимают меры, направленные на усиление протекционизма во внешней торговле, и экспортные товары КНР попадают под множество ограничений и барьеров, нам следует пересмотреть вопросы рыночной стратегии, имея в виду рост торгово-экономических связей с Советским Союзом и странами Восточной Европы, что обещает нашей стране стабильный внешний рынок сбыта»¹⁰.

Улучшение политических отношений сопровождалось активизацией всего комплекса внешнеэкономических связей Китая с социалистическими странами в середине 80-х гг. Товарооборот после спада в 1981—1982 гг., вызванного главным образом замедлением внутриэкономического развития КНР, в 1985 г. резко увеличился и достиг 4,7 млрд. руб., что почти вдвое больше, чем в 1980 г.¹¹.

Таблица 1

Торговля с социалистическими странами
(млн. руб. в текущих ценах)

	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.
Всего							
Оборот	2508,2	1898,6	2132,3	2321,1	2896,9	4598,9	4758,1
Экспорт	1167,4	887,8	885,7	1012,4	1313,0	2009,1	2120,2
Импорт	1340,8	1010,8	1246,6	1308,7	1583,9	2589,8	2632,9
в том числе страны — члены СЭВ							
Оборот	1944,0	1470,5	1709,5	1952,3	2471,9	4111,5	4336,0
Экспорт	895,6	649,4	674,3	803,6	1080,0	1852,9	1868,3
Импорт	1048,4	821,1	1035,2	1148,7	1391,9	2258,6	2467,7
СССР							
Оборот	316,6	176,8	223,5	488,2	977,8	1614,9	1822,0
Экспорт	147,0	94,2	103,4	232,6	509,9	834,5	911,7
Импорт	169,6	82,6	120,1	255,6	467,9	780,4	910,3
Албания							
Оборот	—	0	3,2	8,0	3,2	13,0	13,1*
Экспорт	—	0	—	3,0	1,9	8,3	8,5*
Импорт	—	—	3,2	5,0	1,3	4,7	6,1*

Болгария							
Оборот	42,2	36,3	45,9	59,8	38,5	50,8	73,1
Экспорт	22,5	20,6	16,5	17,8	10,2	17,6	17,8
Импорт	19,7	15,7	29,4	42,0	28,3	33,2	55,3
Венгрия							
Оборот	86,8	60,2	54,6	49,1	78,2	164,6	236,8
Экспорт	32,3	29,1	19,2	21,0	30,5	71,2	96,0
Импорт	54,5	31,1	35,4	28,1	47,7	93,4	140,8
ГДР							
Оборот	278,4	158,5	149,6	183,1	185,8	345,4	361,7
Экспорт	109,6	71,5	50,8	43,9	73,2	103,0	158,2
Импорт	168,6	87,0	98,8	139,2	112,6	242,4	203,5
Куба							
Оборот	142,9	193,3	279,0	222,0	174,0	190,2	127,0
Экспорт	60,2	55,7	84,8	72,3	73,6	99,7	67,6
Импорт	82,7	137,6	194,2	149,7	100,0	90,5	59,4
МНР							
Оборот	5,0	3,2	3,0	3,3	3,3	5,6	8,6*
Экспорт	2,3	1,7	1,6	1,7	1,6	3,9	6,4*
Импорт	2,7	1,5	1,4	1,6	1,7	1,7	2,2*
Польша							
Оборот	214,8	106,7	185,6	196,2	207,1	443,3	694,6
Экспорт	91,8	60,3	137,4	121,8	97,2	232,3	311,5
Импорт	123,0	46,4	48,2	74,4	109,9	211,0	382,9
Румыния							
Оборот	673,4	623,0	511,5	513,7	577,2	737,8	563,8
Экспорт	332,9	272,1	202,1	217,3	237,5	238,8	177,6
Импорт	340,5	350,9	309,4	296,4	339,7	499,0	386,2
ЧССР							
Оборот	180,9	90,6	191,0	151,1	205,1	405,9	384,8
Экспорт	95,6	49,9	53,7	67,1	91,1	192,8	173,5
Импорт	85,3	40,7	137,3	84,0	114,0	213,1	211,3
КНДР							
Оборот	439,7	383,5	428,1	393,2	395,0	425,5	364,8
Экспорт	242,9	216,5	205,8	203,7	179,2	200,4	169,9
Импорт	196,8	167,0	222,3	189,5	215,8	225,1	194,9
Лаос							
Оборот	...	6,5	4,9	3,4	4,3	8,1	...
Экспорт	...	0,6	0	—	—	—	...
Импорт	...	5,9	4,9	3,4	4,3	8,1	...
Югославия							
Оборот	127,5	60,0	52,4	50,0	47,4	193,8	108,0
Экспорт	30,1	15,6	10,4	10,2	7,1	6,6	21,5
Импорт	97,4	44,4	42,0	39,8	40,3	187,2	86,5

* Оценка

Источники: журнал «Хайгуань тунци» («Таможенная статистика КНР») за соответствующие годы. Данные за 1986 г. см.: «Чайна экономик ньюз», 1987, № 5. Торговля с СССР дана по справочникам «Внешняя торговля СССР» за соответствующие годы.

Примечания: 1. Юани в ам. долл. пересчитаны по "International financial statistics" за соответствующие годы:

1980 г. — 1 юань — 0,6674 ам. долл.

1981 г. — 1 юань — 0,5867 —>—

1982 г. — 1 юань — 0,5284 —>—

1983 г. — 1 юань — 0,50615 —>—

1984 г. — 1 юань — 0,43103 —>—

1985 г. — 1 юань — 0,34052 —>—

Ам. доллары пересчитаны в рубли по средним курсам Госбанка СССР за соответствующие годы.

2. После обострения китайско-вьетнамских отношений в середине 70-х гг. торговля между двумя странами была прервана.

Со странами — членами СЭВ торговля в те же годы возросла также более чем вдвое, превысив 4 млрд. руб. В 1986 г. доля стран — членов СЭВ в общем объеме торговли КНР с социалистическими странами превысила 90 % (в 1985 г. — 87 %).

Надо, правда, оговориться, что торговля с этой группой стран увеличивалась во многом благодаря расширению торговли с СССР: в 1980—1986 гг. она возросла почти в 6 раз и наша страна вновь стала крупнейшим торговым партнером КНР из числа социалистических государств. Торговля Китая с остальными странами — членами СЭВ стала заметно расти только в 1985 г.

Следует подчеркнуть, что в этот период в отличие от СССР большинство других стран — членов СЭВ превысили рекордный уровень своей торговли с КНР, достигнутый в прошлом. Советско-китайская торговля в 1986 г. приблизилась по стоимости к наивысшей отметке, но, если учесть рост цен на мировом рынке, еще значительно отстает от нее по физическому объему.

Структура экспорта КНР в социалистические страны за пятилетие 1981—1985 гг. существенно не изменилась. Наибольший удельный вес в нем занимали пищевкусовые товары и сырье для их производства. Их доля в китайском экспорте в 1982—1985 гг. в среднем составила около 30 %. Если в первые годы пятилетки вывоз товаров указанной группы оставался примерно на одном уровне, то в 1984—1985 гг. он значительно увеличился (в 1985 г. рост по сравнению с 1981 г. более чем в 2,8 раза)¹². Китай поставлял в социалистические страны кукурузу, рис, соевые бобы, арахис, мясо и мясопродукты, свежие и консервированные фрукты и овощи, чай, табачные изделия и т. д. Например, только за 1985 г. КНР экспортировала в СССР 115 тыс. т мяса и мясопродуктов, 388 тыс. т сои-бобов, а в ЧССР — 52 тыс. т риса, в ПНР — 49 тыс. т риса.

Второе место в экспорте КНР в страны социализма занимали топливо, минеральное сырье, металлы. В 1981—1985 гг. их вывоз был в основном стабилен и составлял в среднем около 30 %. Китай поставлял в социалистические государства нефть и нефтепродукты (в основном в КНДР и Румынию), коксующийся уголь, кокс, прокат черных металлов, цветные металлы, их руды и концентраты, плавиковый шпат, тальк и т. д.

На промышленные товары народного потребления в 1981—1985 гг. приходилось в среднем 20 % стоимости вывозимых в страны социализма товаров. При этом на протяжении пятилетия их экспорт имел устойчивую тенденцию к увеличению и в 1985 г. возрос по сравнению с 1981 г. в 3,9 раза. Такой значительный рост, как и увеличение вывоза продовольственных товаров, наряду с прочими причинами объясняется усилением политики протекционизма, проводимой промышленно развитыми капиталистическими странами в отношении импорта из Китая ряда пищевкусовых товаров и товаров народного потребления (прежде всего продукции текстильной и швейной промышленности). Номенклатура экспортируемых в социалистические государства промышленных товаров народного потребления весьма широка — хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани, одежда и белье, кожаная, резиновая и спортивная обувь, канцелярские и спортивные товары, фарфоровая и эмалированная посуда, кустарно-художественные изделия и другие товары.

Доля непродовольственного сырья растительного и животного происхождения в китайском экспорте в страны социализма за пятилетие составила около 12 %, а по стоимости их вывоз увеличился в 6 раз. Основными товарами этой группы являлись шелк-сырец, щетина, тунговое масло, пух и перо, шерсть и животный волос, кишки, эфирные масла и т. д. В 1984—1985 гг.

Китай начал экспортировать хлопок в Советский Союз, Венгрию и Чехословакию.

Кроме того, Китай вывозил в социалистические страны химические товары (сернистый натрий, буру, канифоль, карбид кальция, лаки и краски и т. д.). Их доля в экспорте в эту группу стран составила около 5 %.

В отличие от экспорта в структуре китайского импорта из социалистических государств за пятилетие произошли довольно существенные изменения.

Традиционно основой импорта КНР из европейских социалистических стран были машины и оборудование. Однако в силу главным образом внутриэкономических причин в 1981—1983 гг. Китай заметно сократил закупки товаров этой группы. Лишь с 1984 г. ввоз этих товаров начал увеличиваться как в абсолютном, так и в относительном выражении, и в 1985 г. машины, оборудование и транспортные средства заняли первое место в импорте КНР из стран социализма. В целом за пятилетие удельный вес товаров этой группы составил около 25 %, а по стоимости их ввоз в 1985 г. возрос по сравнению с 1981 г. почти в 4 раза. В этот период машины, оборудование и транспортные средства занимали третье место в импорте КНР из социалистических государств. Основными поставщиками машинно-технических изделий в Китай являлись Чехословакия, Польша, Советский Союз, ГДР, Венгрия и Румыния.

Китай импортирует из этих стран оборудование и технику, необходимые прежде всего для приоритетных отраслей народного хозяйства — транспорта и энергетики. Закупаются авиатехника (СССР), автотехника (СССР, ЧССР, СРР, ПНР, ГДР, ВНР), мотоциклы (СССР, ГДР, ЧССР), горно-шахтное (СССР, ПНР) и энергетическое (СССР, ЧССР) оборудование, металлорежущие станки, оборудование для пищевой, легкой и текстильной промышленности, сельскохозяйственные машины, медицинское оборудование, научные, контрольно-измерительные, оптические приборы и аппаратура, различные запасные части и другие товары этой группы.

Первое место в импорте КНР из стран социализма занимали топливо, минеральное сырье, металлы — их доля в 1981—1985 гг. составляла в среднем около 30 %. Наибольший удельный вес в этой группе занимает прокат черных металлов — за пятилетие его импорт, по оценке, составил 2,7 млн. т. Основными поставщиками проката в КНР являлись Советский Союз, Польша, Румыния, Чехословакия, ГДР, КНДР, Югославия. Кроме того, закупались трубы, чугуны, лом черных металлов, медь, алюминий, свинец, цинк, железная руда, антрацит и т. д.

Доля химических товаров в китайском импорте из социалистических стран за пять лет составила примерно 25 %. Основным товаром в этой группе являлись химические удобрения, поставлявшиеся из Советского Союза, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Польши, КНДР.

Более 10 % в импорте КНР занимало сырье для производства пищевых товаров — прежде всего ввозимый с Кубы сахар-сырец.

Из социалистических стран импортируется также непродовольственное сырье растительного и животного происхождения, прежде всего лесоматериалы (из Советского Союза — 2,5 млн. м³ в 1986 г.).

Расширение и улучшение разносторонних связей Китая с большинством социалистических стран в 80-е гг. сопровождалось укреплением договорно-правовой основы экономического сотрудничества, диверсификацией его форм и переводом на долгосрочную основу.

В 1984—1985 гг. Китай подписал долгосрочные соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве и о создании межправительственных комиссий с Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, СССР, Чехословакией¹³. В 1985—1986 гг. с этими странами, а также с Албанией,

Румынией, Югославией, Кубой и Монголией были заключены торговые соглашения на 1986—1990 гг. Торговое соглашение на 1987—1991 гг. с КНДР было подписано в 1986 г.

В большинстве указанных долгосрочных торговых соглашений содержится специальная статья, предусматривающая возможность уточнения и дополнения зафиксированных приглашениями количеств товаров при заключении ежегодных протоколов о товарообороте и платежах.

Расчетной единицей в торговле Китая с большинством социалистических стран является швейцарский франк. Торговля ведется на клиринговой основе (кроме Югославии). Цены на товары при заключении контрактов определяются на базе текущих мировых цен.

По имеющимся оценкам, подписанными торговыми соглашениями предусматривается доведение объема торговли Китая со странами социализма в 1986—1990 гг. примерно до 27 млрд. руб. по сравнению с 14,2 млрд. руб. в предыдущем пятилетии (рост в 1,9 раза). При этом советско-китайская торговля должна возрасти примерно вдвое.

Всеми важнейшими вопросами торгово-экономических связей страны с социалистическими государствами по-прежнему ведает Министерство внешних экономических связей и внешней торговли КНР, а непосредственными партнерами внешнеторговых организаций стран социализма являются генеральные внешнеторговые компании, входящие в систему этого министерства. Расширение полномочий местных административных органов, территориальных и отраслевых внешнеторговых компаний, а также отделений и филиалов генеральных компаний пока мало коснулось торговых операций с социалистическими странами, контроль за ведением которых по-прежнему централизован. Это, однако, не относится к торговле КНР с Югославией, а также к советском-китайской приграничной торговле.

В то же время проводимые и в Китае, и в других социалистических странах хозяйственные реформы, включающие перестройку организации внешнеэкономической деятельности, делают возможным и целесообразным поиск новых форм экономического сотрудничества, которые выходили бы за рамки традиционной торговли.

Впервые вопрос о возможности налаживания такого сотрудничества был поставлен на повестку дня в конце 1979 — начале 1980 г., когда КНР приступила к практическому осуществлению «открытой внешнеэкономической политики». В августе 1980 г. представителями Министерства внешних экономических связей и внешней торговли КНР было сделано заявление о готовности расширить сферу экономического сотрудничества с Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей и Чехословакией. Было объявлено, в частности, о готовности обмениваться технологией, лицензиями, осуществлять совместное строительство предприятий, в том числе и на территории третьих стран, развивать промышленную кооперацию по поставкам узлов и деталей к производимым в Китае и других странах машинам и оборудованию и т. д.

Однако реализация этих предложений началась только через несколько лет. Весной 1984 г. китайская экономическая делегация во главе с заместителем председателя Госэкономкомитета КНР Чжу Жунци посетила Болгарию, Венгрию, ГДР, Польшу и Чехословакию. Были проведены переговоры о расширении экономического сотрудничества и достигнута договоренность об участии этих государств в реконструкции 79 объектов на территории Китая. Общая сумма их участия в модернизации китайских промышленных предприятий оценивалась примерно в 80 млн. ам. долл.¹⁴ В число этих объектов входят предприятия машиностроительной, металлургической, электроэнергетической, угольной, легкой, текстильной, химической, фармацевтической,

пищевой промышленности, а также объекты в области транспорта, сельского и лесного хозяйства. Во время переговоров была также достигнута договоренность о налаживании промышленной кооперации между Китаем и указанными странами, в том числе с Болгарией — в производстве автопогрузчиков, с Венгрией и Польшей — пассажирских автобусов, с ГДР — зерноуборочных комбайнов, с ЧССР — грузовых автомобилей¹⁵.

Летом и осенью того же года Чэнь Мухуа, бывшая в то время министром внешних экономических связей и внешней торговли КНР, также посетила указанные пять стран. В ходе переговоров с их руководителями состоялся обмен мнениями относительно дальнейшего развития двусторонних торгово-экономических связей и были подписаны упомянутые выше десятилетние межправительственные соглашения.

Заключенные затем торговые соглашения на 1986—1990 гг. предполагают расширение сотрудничества в сооружении целого ряда народнохозяйственных объектов. Например, таким соглашением между КНР и Румынией предусматривается сотрудничество в строительстве 31 промышленного объекта в Китае и Румынии. В соответствии с подобным соглашением при содействии Советского Союза в течение текущего пятилетия в КНР должно начаться сооружение и реконструкция ряда предприятий в таких отраслях, как энергетика, черная и цветная металлургия, машиностроение, угольная промышленность, химия, транспорт и др.

Новые формы торгово-экономического сотрудничества, внедрение которых является в настоящее время одним из основных отличительных признаков «открытой внешнеэкономической политики» (производственная кооперация, компенсационные соглашения, создание совместных предприятий и т. д.) наибольшее развитие получили в экономических отношениях Китая с Югославией и Румынией. Как отмечал в интервью газете «Чайна дейли» министр внешних экономических связей и внешней торговли КНР Чжэн Тобинь, начиная с 1979 г. Китай заключил с Румынией 172 контракта о промышленной и технологической кооперации. С Югославией за тот же период заключены подобные контракты на сумму 60 млн. ам. долл. К концу 1986 г. с СФРЮ был заключен 61 контракт об осуществлении производственной кооперации, почти половина из которых уже реализуются¹⁶.

Что касается сотрудничества с другими социалистическими странами, то здесь можно упомянуть производственную кооперацию в сборке автобусов на базе поставляемых в Китай из Венгрии шасси¹⁷, совместно с Венгрией производство холодильников в городе Нинбо¹⁸, сборку автомобилей «татра-815» в городе Синтай¹⁹ и др.

Одной из новых форм сотрудничества является налаживание торгово-экономических контактов промышленных предприятий социалистических стран (ГДР, ВНР, СРР, СФРЮ, ЧССР) непосредственно с провинциями и городами КНР (Хэйлунцзян, Ляонин и др.)²⁰.

Важной формой экономического сотрудничества, способствующей развитию многосторонних связей, становится совместный выход Китая и стран социализма на рынки третьих стран. В конце 1985 г. между Китайской компанией по строительству предприятий металлургической промышленности и чехословацкой внешнеторговой организацией «Техноэкспорт» заключен контракт, по которому ЧССР поставит оборудование, а КНР командует свою рабочую силу и будет нести ответственность за строительство нефтехранилищ в Ираке²¹.

В 1986 г. было положено начало такой форме сотрудничества, как использование китайской рабочей силы в некоторых европейских социалистических странах. Десятилетнее соглашение об этом было подписано с ГДР (март

1986 г.), где с 1987 г. китайские рабочие будут работать на предприятиях по производству вагонов-рефрижераторов. ГДР будет выплачивать им заработную плату на уровне ставок оплаты труда местных рабочих²². В октябре того же года было подписано соглашение о работе китайских специалистов на промышленных предприятиях Болгарии²³.

Во время визита советской правительственной делегации в КНР осенью 1986 г. обсуждалась целесообразность использования таких форм сотрудничества, как промышленная кооперация, поручительская переработка сырья, компенсационные сделки, создание совместных предприятий и т. д.

В Китае изучается и обобщается опыт торгово-экономического сотрудничества с социалистическими странами в последние годы. В октябре 1986 г. в Пекине было проведено рабочее совещание по вопросам экономического и технического сотрудничества с европейскими социалистическими странами, организованное Госэкономкомитетом, Госпланом, Министерством внешних экономических связей и внешней торговли КНР. Представители различных ведомств, провинций, городов центрального подчинения и автономных районов обменялись на совещании опытом развития экономического и технического сотрудничества с европейскими социалистическими странами, наметили новые объекты этого сотрудничества и меры, способствующие его развитию²⁴.

В последние годы появился новый аспект сотрудничества Китая с социалистическими странами в области экономики. Чрезвычайно важное место реформы хозяйственной системы во внутренней политике Китая вызывает естественно большой интерес к соответствующему опыту других социалистических государств. Особенно это касается стран — членов СЭВ, многие из которых уже длительное время проводят реформы хозяйственного механизма и накопили немалый опыт.

В интервью, опубликованном в журнале «Шицзе чжиши» непосредственно перед визитом Чжао Цзыяна в пять европейских социалистических стран заместитель министра иностранных дел КНР Цянь Цичэнь отмечал, в частности, что эти страны накопили богатый опыт в социалистическом строительстве. Подчеркивалась также общность многих проблем, стоящих перед КНР и этими странами, и готовность Китая расширить взаимный обмен опытом в проведении хозяйственных реформ. Между Госпланами СССР и КНР заключено соглашение о сотрудничестве в области плановой деятельности.

Сам Чжао Цзыян перед этой поездкой заявил о своей заинтересованности в возможности ознакомиться с их достижениями в развитии экономики и проведении реформ и отметил большой прогресс, достигнутый в отношениях между КНР и этими социалистическими странами.

В Китае ценят высокий уровень получаемых из стран — членов СЭВ машин и оборудования. В частности, речь идет о вагонах-рефрижераторах и другом железнодорожном подвижном составе из ГДР, энергетическом оборудовании из ПНР и ЧССР, польском горно-шахтном оборудовании и др.

С успехом используется в КНР и приобретаемая в этих странах промышленная технология. Среди уже действующих проектов можно назвать оборудование для обустройства промышленности из Чехословакии, производство автопогрузчиков, налаженное в городе Тяньцзинь при содействии Болгарии. Хорошо зарекомендовала себя чехословацкая техника для текстильной промышленности, оборудование для производства вагонов из ГДР, средства связи из Польши²⁵.

Китайская сторона высказывает готовность к дальнейшему развитию сотрудничества с социалистическими странами. В частности, в ходе визита в ГДР Чжао Цзыян подчеркнул необходимость повышения удельного веса

европейских социалистических государств в общем объеме внешних экономических связей КНР²⁶. В интервью газете «Руде право» он отмечал, что широкие возможности для дальнейшего углубления сотрудничества открывают новые формы, в том числе кооперация и обмен технологиями, расширение участия в реконструкции предприятий в Китае²⁷.

Страны социализма в свою очередь предпринимают усилия для дальнейшего развития отношений с Китаем в различных областях. При этом они руководствуются как решениями своих партийных съездов, так и совместно принятыми решениями. На Экономическом совещании стран — членов СЭВ на высшем уровне (июнь 1984 г.) было признано необходимым и впредь «последовательно развивать экономическое сотрудничество с другими социалистическими странами, не являющимися членами СЭВ, исходя из важной роли, которую играет это сотрудничество в экономическом развитии каждой страны, и укрепления позиций социализма в мире»²⁸.

В настоящее время объективно складываются благоприятные предпосылки для расширения торгово-экономических связей между Китаем и социалистическими странами. Расширение масштабов этого сотрудничества на взаимовыгодной основе отвечает интересам указанных стран и будет оказывать возрастающее позитивное влияние на развитие народного хозяйства как КНР, так и других социалистических государств, может благоприятным образом отразиться на состоянии всего комплекса их межгосударственных отношений.

¹ Национальный доход КНР в 1986 г. составил 779 млрд. юаней (см.: «Жэньминь жибао», 21.II.1987), а экспорт — 108,2 млрд. юаней (см.: «Хайгуань тунци», 1987, № 1).

² См.: Чжунго дуйвай цзинци маон няньцзянь. Пекин, 1984.

³ См.: «Экономическая газета», 1972, № 42.

⁴ С помощью других социалистических стран в Китае было построено свыше 100 промышленных объектов (см.: «Политическая агитация», декабрь 1974).

⁵ In: «China Daily», 29.X.1986.

⁶ «Жэньминь жибао», 20.X.1986.

⁷ См. там же.

⁸ См.: «Гоцзи маон вэньти», 1985, № 4.

⁹ «Шицзе цзинци даобао», 19.VIII.1985.

¹⁰ Здесь и далее расчеты произведены по данным журнала «Хайгуань тунци» за соответствующие годы.

¹¹ Оценочные данные на базе «Хайгуань тунци», 1986, № 1; 1981 г. — оценка.

¹² In: «Sino-British Trade», July 1984, «China Daily», 3.VII.1984.

¹³ In: «China Daily», 20.V.1986.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ In: «Beijing Review», 1987, № 21.

¹⁶ См.: «Гоцзи маон», 1986, № 3.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ In: «China Trade News», April 1986; «Чехословацкая внешняя торговля», сентябрь 1986; «China Business and Trade», 9.XII.1986.

¹⁹ In: «Beijing Review», 22.XII.1986; «China Economic News», 8.XII.1986.

²⁰ In: «China Trade News», October 1985, «China Economic News» 7.VII.1986.

²¹ In: «Hongkong standard», 12.IV.1986; «China Economic News», 24.XI.1986.

²² In: «Intertrade», December 1986.

²³ См.: «Жэньминь жибао», 20.X.1986.

²⁴ In: «Beijing Review», 1987, № 21.

²⁵ См.: «Жэньминь жибао», 11.VI.1987.

²⁶ См.: «Руде право», 13.VI.1987.

²⁷ «Правда», 16.VI.1984.

КНР и развивающиеся страны: новые направления в политике

С. Т. МИРОВ

Со времени образования КНР ее политика в отношении развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки неоднократно менялась. Это было связано как с внутренними процессами в КНР, так и с эволюцией ее основных внешнеполитических приоритетов. Безусловно, воздействие на китайскую политику оказывали и внешние факторы, в первую очередь углубление основного противоречия нашей эпохи. Однако, несмотря на все изменения, развивающиеся страны всегда занимали важное место в политике КНР.

За сравнительно короткий исторический срок КНР установила дипломатические отношения почти со 100 развивающимися странами Азии, Африки, Латинской Америки и акватории Тихого океана, смогла обеспечить довольно прочные позиции в некоторых регионах и свести практически на нет дипломатическое присутствие тайваньского режима в зоне развивающихся стран. Естественно, что уровень отношений КНР с отдельными странами различен, ибо они не однородны по своей экономической и социальной структуре, политической ориентации правящих сил. Но эти критерии, во многом определяющие политику социалистических и капиталистических государств в отношении развивающихся стран, далеко не всегда применимы в оценке политики КНР, которая может быть одновременно направлена на поддержание отношений как с Никарагуа, так и Чили, Анголой и Заиром, Эфиопией и Сомали, НДРГ и Пакистаном.

С начала 80-х гг. на внешнеполитический курс КНР в отношении развивающихся стран стали оказывать все возрастающее воздействие внутренние политические и социально-экономические изменения, направленные на реализацию задач социалистической модернизации Китая, а также на формирование реалистического подхода китайской стороны к проблемам мира и разоружения, другим глобальным проблемам современности. Выделяя приоритет внутренних факторов, потребности социалистического развития страны и международное значение процесса нормализации советско-китайских отношений, развитие связей КНР с большинством других стран социалистического содружества, следует отметить и другие факторы, которые также повлияли или продолжают влиять на изменения китайской политики в зоне развивающихся стран. К этим факторам относятся: ослабление в 70-х гг. позиций Китая в странах социалистической ориентации; рост недовольства в большинстве развивающихся стран на рубеже 80-х гг. китайской политикой в отношении конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке, Юге Африки, в Центральной

Америке и зоне Карибского бассейна; известное сближение с империалистическими державами, в первую очередь с США и такими одиозными режимами, как чилийская хунта, режим Нимейри (Судан), режим Садата (Египет) и др.; усиление на международной арене позиций стран «третьего мира», движения неприсоединения, активизации их борьбы за мир и политическое решение конфликтных ситуаций; ликвидация остатков колониализма и апартеида; усиление движения за новый международный экономический порядок; общее ухудшение экономического развития государств «третьего мира»; беспрецедентное гегемонистское давление США на различные страны, в том числе и на КНР.

Изменения в китайской политике проявились и продолжают проявляться во многих направлениях. Наблюдается не только прекращение со стороны КНР поддержки политики США на Ближнем Востоке, Юге Африки, в Центральной Америке, но и усиление критики некоторых черт американского курса в отношении Никарагуа, Южной Африки и Намибии, на Ближнем Востоке. В китайской прессе ослабевают, а в некоторых случаях и вовсе исчезли негативные публикации в отношении политики СССР в зоне освободившихся стран. Китай улучшает отношения с государствами социалистической ориентации, усиливает поддержку национально-освободительных движений. Коммунистическая партия Китая идет по пути нормализации и улучшения отношений с коммунистическими и революционно-демократическими партиями развивающихся государств.

Однако сами изменения в китайской политике существенно варьируются в зависимости от территориального расположения тех или иных стран. Эта политика демонстрирует весьма заметные изменения в подходе к таким отдаленным регионам, как Латинская Америка, Африка, Ближний Восток, оставаясь в то же время достаточно устойчивой по отношению к большинству своих азиатских соседей.

В 80-х гг. китайское руководство пытается на практике и в теории занять нейтральное положение не только по отношению к противоречию между двумя социально-экономическими системами, но и к подвижному комплексу противоречий между империализмом и развивающимися странами. Это в какой-то степени достигается прежде всего путем введения или усиления в теоретических основах внешней политики положений о взаимозависимости мира, пяти принципов «панча шила», десяти принципов Бандунга и затушевывания классового подхода к оценке международных событий и процессов¹. Так, один из десяти основных принципов, лежащий в основе внешней политики КНР, гласит: «Китай соблюдает пять принципов мирного сосуществования и на этой основе упорно создает, восстанавливает и развивает нормальные отношения, живет в мире и согласии и не собирается использовать различия в общественных системах и взглядах для решения своих проблем. Китай решительно выступает против того, чтобы любая страна под предлогом сходства или различия общественной системы и взглядов захватывала территорию чужих стран, вмешивалась во внутренние дела других государств. Китай решительно выступает против любых форм экспансионизма и считает, что, только ликвидировав общественные и политические корни такой деятельности, можно решить эту проблему»².

Китайские политологи, по крайней мере значительная их часть, берут на вооружение концепцию многополярного (многоэлементного) мира, одним из равноправных элементов которого они видят КНР. Даже те из китайских ученых, которые считают реальностью «двухполюсный мир» и придерживаются концепции «двух сверхдержав», полагают, что этот бипо-

лярный мир ослабевает и движение происходит в сторону «многополюсного мира»³.

Конечно, появление и рост новых сил на международной арене, новых центров политической или экономической активности — объективный процесс. В Советском Союзе поддерживают и содействуют тенденции демократизации международных отношений. Однако при этом исходные позиции в оценках концепции многополюсного мира советских ученых отличаются от китайских. Признание Советским Союзом объективного процесса появления новых политических сил, а также связанных с этим тенденций к демократизации международных отношений отнюдь не означает отрицания того факта, что характер и основное содержание современной эпохи определяет противоречие между социализмом и капитализмом.

В целом изменения в теоретических воззрениях отражают поиск разрешения противоречия между основополагающими китайскими концепциями 70-х — начала 80-х гг. и потребностями развития отношений КНР с развивающимися и социалистическими государствами. Именно эти реальные потребности заставляют китайскую сторону вносить изменения в концептуальные основы своего курса на международной арене.

В отчетном докладе ЦК КПК XIII съезду КПК, опубликованном 4 ноября 1987 г. в газете «Жэньминь жибао», в качестве важнейшей черты современной международной обстановки указывалось на возрастание борьбы народов мира за прекращение гонки вооружений, агрессии и экспансии, за подлинное разоружение и скорейшее разрешение региональных конфликтов. «Китай будет и впредь, — отмечалось в докладе, — неуклонно проводить мирную, независимую и самостоятельную внешнюю политику, на основе пяти принципов мирного сосуществования устанавливать отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами мира».

Новые тенденции к реализму в политическом курсе КНР объективно укрепляют ее позиции в зоне развивающихся стран. Эти тенденции, судя по всему, имеют и более глубокие корни, поскольку развиваются на фоне усиления кризисных явлений в мировой капиталистической экономике, роста дискриминационной, протекционистской политики Запада в отношении освободившихся стран, с одной стороны, и усиления борьбы за мир, ядерное разоружение, за создание зон мира в различных регионах, с другой⁴.

Конфликтные ситуации в зоне развивающихся стран: избирательный подход

В последние годы наблюдаются изменения в подходе Китая к конфликтным ситуациям в зоне развивающихся стран, что тесно связано и с его позицией в отношении зон мира и безъядерных зон. Если раньше внешнеполитическая концепция КНР исходила из того, чтобы использовать и подогреть, а иногда и создавать такие конфликты в качестве средства давления на «сверхдержавы», то сейчас Китай в целом выступает за урегулирование конфликтных ситуаций путем переговоров. Правда, позицию КНР в этом вопросе нельзя назвать последовательной, о чем свидетельствует подход к афганской и кампучийской проблемам. Что же касается очагов напряженности, расположенных на большем удалении от территории КНР, то здесь налицо та или иная поддержка Китаем усилий в пользу их урегулирования. Как отмечалось в журнале «Хунци», «в последние годы в некоторых регионах появились положительные тенденции к нарастанию контактов, ведущих к диалогу и мир-

ному разрешению вопросов. Развитие этой тенденции будет содействовать стабильности в различных регионах и миру во всем мире»⁵.

Можно отметить выступление Китая в пользу ближневосточного урегулирования, прекращения ирано-иракской войны, мирного урегулирования без вмешательства извне конфликтной ситуации в Центральной Америке. Так, с 1984 г. КНР выступает в поддержку предложения ряда стран о созыве международной конференции по Ближнему Востоку⁶. Более того, во второй половине 80-х гг. она непосредственно включилась в процесс, ведущий к мирным переговорам по ближневосточному вопросу: по решению 41-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) идет формирование подготовительного комитета для проведения конференции, в который наряду с другими странами вошла и КНР. Весной 1987 г. состоялись переговоры генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра с постоянными членами Совета Безопасности и участниками арабо-израильской конфронтации; прошли переговоры постоянного представителя КНР в ООН Ли Луе с генеральным директором МИД Израиля А. Тамиром и с другими сторонами будущих переговоров⁷. Китай поддерживает позицию Аргентины по мирному решению ее спора с Англией относительно установления аргентинского суверенитета над Мальвинскими (Фолклендскими) островами. КНР выступает в поддержку усилий КНДР, направленных на снижение напряженности на Корейском полуострове и мирное объединение страны. Китай высказывается и за ликвидацию очагов напряженности на Африканском континенте, в том числе существующих не только из-за вмешательства извне, но и между самими странами этого континента.

Несмотря на необъективную позицию КНР в отношении событий в Афганистане, наблюдается некоторая корректировка в китайских оценках по вопросу об источниках напряженности, связанных с развитием обстановки вокруг Афганистана. Если в конце 70-х — начале 80-х гг. в китайской пропаганде однозначно утверждалось, что якобы действия СССР являлись главным источником напряженности в регионе⁸, подчеркивалось наличие «пересекающихся стратегических интересов» между Китаем и США в отношении Афганистана⁹, то с середины 80-х гг. в КНР начали появляться публикации, правда весьма редкие, в которых в несколько ином плане стали трактоваться действия США и СССР. Так, в книге Ли Цзэмина «Афганские события» отмечается, что действия Советского Союза в отношении Афганистана явились ответными мерами на «наращивание военного присутствия США на Среднем Востоке и в районе Персидского залива в конце 70-х гг.»¹⁰.

Официальная же позиция КНР в отношении Афганистана остается прежней. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты визита Чжао Цзыяна в Пакистан в июне 1987 г. Высказавшись за «справедливое и разумное политическое урегулирование афганского вопроса», главы правительств КНР и Пакистана не упомянули о происходящем в Афганистане процессе национального примирения. Судя по сообщению агентства Синьхуа, китайский руководитель «подтвердил поддержку Китаем» пакистанской позиции в афганском вопросе, что свидетельствует об отсутствии изменений в подходе двух стран к этой важнейшей региональной проблеме¹¹.

Отмечая позитивные изменения в позиции КНР в отношении большинства международных конфликтов в зоне развивающихся стран, следует в то же время иметь в виду, что сама трактовка возникновения этих конфликтов и оценка роли «двух сверхдержав» в основном остаются неизменными. По-прежнему китайская печать утверждает, что деятельность СССР

и США в «третьем мире» является «главным источником беспорядков и нестабильности», что они «раздувают и используют» международные конфликты, которые «являются важной составной частью их стратегии»¹². Правда, иногда в китайской печати появляются статьи, в которых дается иная трактовка причин возникновения международных конфликтов в «третьем мире». В них справедливо отмечается, что «большинство развивающихся стран по-прежнему остается источником сырья для развитых государств, огромным рынком для мирового сообщества и сферой капиталовложений. Такое положение является одной из причин региональной нестабильности и конфликтов»¹³.

Что касается конфликтов между самими развивающимися странами, то, по мнению китайских политологов, они происходят из-за пограничных, территориальных, расовых или иных споров и трений, в своем большинстве оставленных в наследство колониализмом, и в сравнении с такими крупными проблемами, как укрепление независимости, развитие, сотрудничество, являются второстепенными и «полностью поддающимися согласованию и урегулированию путем переговоров... на основе взаимного доверия и взаимных уступок»¹⁴.

В целом политическое урегулирование конфликтных ситуаций в «третьем мире» в Китае рассматривают как фактор, который способствовал бы укреплению всеобщего мира и ослаблению опасности возникновения новой мировой войны.

С другой стороны, ликвидация очагов напряженности, влекущих за собой большие экономические, людские и прочие потери, рассматривается Китаем как важное условие экономического развития стран «третьего мира», укрепления их сплоченности. Значительную роль здесь, по мнению китайской стороны, могут и должны сыграть движение неприсоединения, различные международные и региональные объединения развивающихся стран.

Позиция КНР в отношении движения неприсоединения и нового мирового экономического порядка

КНР высоко оценивает деятельность движения неприсоединения. В поздравительной телеграмме премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна от 1 сентября 1986 г. в адрес Харарской конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран отмечались огромные успехи, которых эти страны добились за 25 лет существования движения «в благородном деле защиты всеобщего мира, сохранения национальной независимости и государственного суверенитета, развития национальной экономики, в борьбе против империализма, нового и старого колониализма, гегемонизма и расизма, а также против иностранной агрессии, оккупации, контроля и вмешательства во всех формах»¹⁵. В Китае считают, что возникновение и развитие движения неприсоединения, выросшего в ходе национально-освободительной борьбы, является отражением исторической тенденции стремления народов различных участвующих в этом движении стран взять свою судьбу в собственные руки, содействовать развитию и защите мира.

Китайская печать неизменно отмечает, что движение неприсоединения представляет собой «независимую политическую силу, играющую активную роль в международных делах и оказывающую все большее влияние»¹⁶. Принятые на сессиях ГА ООН Декларация об объявлении Индийского океана зоной мира в 1971 г., Декларация о создании нового международного

экономического порядка в 1974 г. и Программа действий в 1978 г. — все это, указывают китайские авторы, неотделимо от инициатив и усилий неприсоединившихся стран¹⁷.

В Китае считают, что силу и жизнеспособность движению неприсоединения придает его приверженность основным принципам и целям, состоящим в самостоятельности, независимости и внеблоковости, которые «одинаковы», как отмечал Чжао Цзыян в указанной телеграмме, с основными принципами китайской внешней политики. Одновременно китайская пресса отмечала, что причиной многих бед, испытываемых неприсоединившимися странами, является схватка между «двумя сверхдержавами», которые пытаются оказывать давление на движение неприсоединения, вмешиваться в его дела, чтобы увести его с первоначального курса, и на этом основании движению давались рекомендации сохранять «равную удаленность» от обеих «сверхдержав»¹⁸. Правда, в 70-х гг. китайские политологи пытались убедить движение неприсоединения в необходимости выступать исключительно против «советской сверхдержавы», но это не нашло отклика у подавляющего большинства неприсоединившихся стран, что послужило одной из причин отказа Китая от этого тезиса.

Что касается борьбы развивающихся стран за создание нового мирового экономического порядка (НМЭП), инициатором которой выступило движение неприсоединения и в которую впоследствии активно включилась «группа 77», то китайская печать с начала 80-х гг. признает направленность этой борьбы в основном против развитых держав Запада и его транснациональных корпораций (ТНК). Как отмечалось в международном ежегоднике за 1984 г. в статье о движении неприсоединения, несмотря на достижение политической независимости, освободившиеся страны «во многом все еще подвергаются контролю и манипулированию со стороны западного империализма... Вплоть до настоящего времени многие страны сохраняют монокультурную экономическую структуру, в некоторых из них жизненно важные экономические сферы находятся в руках западных стран. Развитые западные государства во главе с США, используя старые, неравноправные экономические отношения, сдерживают и затягивают процесс экономического освобождения развивающихся стран, чтобы они как можно дольше оставались поставщиками дешевого сырья, рабочей силы, рынками сбыта продукции и местом капиталовложений, приносящих сверхприбыли»¹⁹.

В настоящее время политика КНР в отношении борьбы развивающихся стран за НМЭП все более и более базируется на учете объективных факторов, критическом настрое к курсу США. Еще в 1981 г., когда политическое сотрудничество между КНР и Западом развивалось во всех сферах, а китайская печать призывала к углублению связей «второго и третьего миров», китайское руководство пришло к выводу: «Если развитые страны будут продолжать настаивать на своем несправедливом и неравноправном подходе к развивающимся государствам, то напряженность в отношениях между Севером и Югом будет неизбежной»²⁰. Это заявление сделал Чжао Цзыян в Мексике на международном совещании по сотрудничеству и развитию. Тогда же Чжао Цзыян стал критически оценивать политику США в отношении «третьего мира». Во время встречи с премьер-министром Японии Т. Фукудой, как отмечала японская газета «Майнити». 2 ноября 1981 г., он впервые после совещания в Мексике официально выразил недовольство в отношении курса официального Вашингтона. А на переговорах в конце октября 1981 г. с президентом Венесуэлы Э. Кампинса Чжао Цзыян заявил, что канкунская встреча «явилась для одной из сверхдержав саморазоблачением»²¹.

Сегодня эти положения, наряду с другими, лежат в основе подхода КНР к борьбе за НМЭП. Чжао Цзыян в речи на 40-й сессии ГА ООН призвал все страны приложить совместные усилия для «достижения общего развития и процветания», что является «важнейшей проблемой и главным историческим вызовом, стоящим перед человечеством». В ней он напомнил Западу, что «до сих пор не реализованы глобальные переговоры Юг — Север» и после совещания в Канкуне «не наблюдается значительных изменений в отношениях Юг — Север»²². В связи с тем, что требование развивающихся стран относительно глобальных переговоров или диалога «Юг — Север» все еще остается неосуществленным из-за обструкции ряда развитых государств, то, по мнению китайской стороны, необходимо активно развивать экономическое сотрудничество «Юг — Юг» с целью достижения коллективной опоры на собственные силы и как средство давления на «Север», чтобы вынудить его пойти наконец на проведение глобальных переговоров²³.

КНР стала более тесно увязывать вопросы экономического развития освободившихся государств с проблемами защиты мира. В докладе на 40-й сессии ГА ООН У Сюецянь сказал, что «развитие — это важная проблема, тесно связанная с миром во всем мире», и что «экономическая стабильность и развитие Юга — это важный фактор обеспечения мира и стабильности во всем мире». У Сюецянь призвал «принять эффективные меры в поддержку развивающихся стран, облегчая бремя их долга, снижая процентные ставки, открывая рынки, субсидируя их и увеличивая экономическую и техническую помощь»²⁴.

Становятся более реалистичными и объективными взгляды китайских политологов на проблемы социально-экономического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки²⁵. Чрезмерное восхваление экономических успехов стран «третьего мира», призывы к нему сплотиться с Западом уступают место трезвой оценке положения дел. В китайских публикациях появился тезис о том, что развитые страны «поддерживают с широким кругом развивающихся стран неравноправные отношения господствующих с подчиненными, эксплуататоров с эксплуатируемыми. В течение этих лет разрыв между бедностью и богатством Юга и Севера не только не сокращается, но, наоборот, возрастает. Если экономика стран «третьего мира» не станет самостоятельной и развитой, то им будет трудно укрепить политическую независимость»²⁶.

Происходят изменения во взглядах китайской стороны на стратегию развития стран «третьего мира», идет переоценка соотношения приоритетов политики и экономики в их жизни. Еще в 1983 г. Чжао Цзыян, находясь в Африке, заявил, что развитие экономики является главной задачей освободившихся государств, отметив при этом, что «здесь еще есть проблемы, которые усугубляются тем, что развитые страны перекладывают тяжесть кризисных явлений на плечи развивающихся государств»²⁷. Ныне в Китае признают разнородность стран Азии, Африки и Латинской Америки, право этих стран выбрать любой путь развития, поддерживать отношения с теми государствами, с которыми они желают. «История и современное положение стран «третьего мира», положение в каждой стране, — отмечала китайская печать, — не идентичны. В выборе социального строя, внутренней и внешней политики в конечном счете могут быть различия, это — внутреннее дело стран «третьего мира», и никто не может вмешиваться или посредничать. Однако в коренных вопросах борьбы против империализма, гегемонизма, колониализма и стремлении к развитию ин-

тересы стран «третьего мира» едины; это и является исходным пунктом сплочения «третьего мира»³⁸.

На изменение китайских взглядов в отношении развивающихся стран и, соответственно, политику КНР оказывает возрастающее воздействие сам «третий мир». Отнеся социалистический Китай к группе развивающихся государств, китайское руководство в теории и на практике в той или иной степени учитывает основные концепции и главные направления политики как «третьего мира» в целом, так и его лидеров. Китай, как правило, присоединяется к позиции большинства развивающихся государств по тому или иному вопросу и стремится не декларировать свою позицию до выявления преобладающего мнения. В своем стремлении к большей свободе политического маневра на международной арене он в то же время уклоняется от чрезмерно жесткой привязки своих позиций к позициям развивающихся стран.

Однако следует отметить, что социалистическая суть общественного строя в Китае в конечном счете выступает все более активным фактором формирования внешнеполитического курса страны, в том числе в отношении развивающихся стран. Но в развитии этой тенденции нет автоматического постоянства. Реализуясь в довольно сложной внутри- и внешнеполитической обстановке под воздействием противоречивых факторов, она не исключает возможных политических зигзагов и отступлений.

Во второй половине 80-х гг. возрастает значение экономической реформы в КНР как одного из основных факторов, оказывающих существенное влияние на характер и направленность ее политики в «третьем мире». Именно исходя из интересов внутреннего развития Китай стал уделять больше внимания углублению торгово-экономических отношений с наиболее развитыми в экономическом отношении странами «третьего мира» (Аргентиной, Бразилией, Кувейтом и др.).

Анализ внешнеполитической деятельности Китая в «третьем мире» показывает, что его основными целями в 80-х гг. в этой обширной зоне являются стремление к обеспечению стабильной политической поддержки своей политики на международной арене, использование политической значимости развивающихся государств, связей с ними в целях повышения глобального статуса КНР как великой державы; окончательное устранение политического и дипломатического присутствия в Азии, Африке и Латинской Америке тайваньского режима; использование экономического потенциала стран «третьего мира» в качестве важного источника для реализации задач внутреннего социально-экономического развития. Новой долгосрочной целью КНР в зоне развивающихся государств становится создание совместных (государственных и частных) предприятий с местным капиталом, что содействует формированию новых видов и сфер международного разделения труда и ведет к упрочению долговременных экономических связей и относительно прочной основы для других видов сотрудничества между КНР и государствами «третьего мира».

Некоторые региональные аспекты политики КНР

Являясь важной самостоятельной политической силой на международной арене, КНР вырабатывает новые подходы к различным регионам и проблемам, разнообразнее и гибче становятся формы, методы проведения китайской политики. Значительно усиливается экономический аспект политики Китая. При этом по-прежнему КНР обращает особое внимание на Юго-

Восточную и Южную Азию, рассматривая эти регионы в качестве важных сфер направления своей деятельности.

Для политики КНР в ЮВА, традиционно занимающей одно из ведущих мест в международной деятельности Китая, характерны высокая активность, большая гибкость, мобильность и вместе с тем приверженность старым подходам к проблемам регионального урегулирования, к отношениям с двумя группами государств ЮВА с различным общественным строем — Индокитая и АСЕАН. Хотя в китайских публикациях несколько возрос акцент на желательность «политического решения» кампучийского вопроса, в целом позиция КНР не способствует его решению. Именно эта позиция позволила госсекретарю США Дж. Шульцу по завершении визита в КНР в марте 1987 г. заявить, что его переговоры в Пекине подтвердили «взаимные интересы» сторон в отношении «некоторых главных источников напряженности в азиатском регионе», к которым он отнес, в частности, ситуацию вокруг Кампучии²⁹.

Выражая «полную поддержку» известной позиции АСЕАН по кампучийскому вопросу, Китай расширяет диапазон своего подхода к ассоциации. По мнению китайской стороны, ныне АСЕАН — «быстро крепнущее динамичное региональное сообщество, лидирующее в контактах Юг — Север по политическим и экономическим вопросам, вставшее на путь превращения в весомую экономическую силу, дающее пример плодотворного взаимного сотрудничества развивающихся стран, ускоряющее их экономическое развитие и помогающее им добиться цели — опоры на собственную коллективную силу»³⁰. Все чаще АСЕАН рассматривается как важное звено «Юга» и партнер Китая в нарождающемся экономическом сотрудничестве в АТР. В условиях, когда в АТР «с каждым днем обостряются советско-американское противостояние и американско-японские экономические противоречия», «мощный Китай и сплоченная АСЕАН играют огромную роль в этом регионе, что позволит направить события в нем в сторону, благоприятную для дела мира, стабильности и экономического развития»³¹.

В то же время нельзя не видеть стремления КНР продемонстрировать большую самостоятельность от США своего курса в ЮВА. Так, заместитель премьера Госсовета КНР Тянь Цзюнь, посетивший в октябре 1986 г. Сингапур, Малайзию, Филиппины и Таиланд, выразил поддержку идее АСЕАН о создании в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия, назвав ее логическим продолжением асеановского предложения о «нейтрализации» региона³². Эта идея, с одобрением встреченная миролюбивыми силами, была отвергнута США как якобы «наносящая вред их военным планам»³³. В китайских публикациях обращается внимание на опасности для народов ЮВА, таящиеся в милитаризации Японии, а также в своекорыстной торгово-экономической политике Вашингтона и Токио в отношении стран ЮВА³⁴.

Наиболее тесные политические связи по сравнению с другими странами АСЕАН у КНР сложились с Таиландом. Стороны регулярно проводят политические консультации по международным вопросам, заявляют о «всесторонней поддержке» коалиции кхмерской эмиграции, о «близости или сходстве взглядов по многим международным проблемам, особенно по проблемам мира и стабильности в ЮВА»³⁵. Китай и Таиланд начали и активно развивают военное сотрудничество. За последние 6 лет, как писала тайландская «Нейшн», сотрудничество в этой области прошло значительный путь от ограниченных контактов и чисто символической помощи до создания хорошо отлаженного механизма³⁶. Регулярный характер приняли об-

мены визитами высокопоставленных военных руководителей двух стран. В январе 1987 г., например, в Таиланде находилась китайская делегация во главе с начальником Генерального штаба вооруженных сил КНР Ян Дэчжи. Командующий сухопутными войсками Таиланда Ч. Юнгчайют сообщил, что стороны обсудили, в частности, вопросы военной помощи КНР. Говоря об этой помощи, таиландский генерал заявил, что она будет предоставляться на основе «дружественных цен» или долговременного льготного кредита³⁷. В 1985 г. Китай и Таиланд договорились об установлении линии «горячей связи» Пекин — Бангкок. В Малайзии и особенно в Индонезии, власти которой, ссылаясь на соображения безопасности, по-прежнему воздерживались от нормализации дипломатических отношений с КНР, китайско-таиландское сближение в военной области вызывает озабоченность. В политических и общественных кругах этих стран укрепляется мнение, что такое сотрудничество не отвечает интересам «нейтрализации» ЮВА, чревато подрывом ее единства и появлением новых факторов дестабилизации обстановки в регионе³⁸.

Нормальному развитию отношений КНР со странами АСЕАН до сих пор в той или иной степени мешают нерешенные проблемы, оставшиеся в наследство от прошлого. Одной из таких проблем во взаимоотношениях Китая с государствами ЮВА является на протяжении длительного периода времени вопрос о гражданстве проживающих там китайцев.

Принятие в 1980 г. на третьей сессии ВСНП пятого созыва первого в истории КНР закона о гражданстве рассматривалось Китаем как важный шаг на пути нормализации отношений, прежде всего со странами ЮВА. Согласно этому закону, была фактически ликвидирована проблема так называемого «двойного гражданства», когда Китай считал своими подданными всех зарубежных китайцев, в том числе и имеющих гражданство стран проживания.

Обосновывая причины принятия нового закона, китайское правительство руководствовалось при этом перспективными интересами как Китая, так и зарубежных китайцев³⁹. Для последних это означало получение полных политических и гражданских прав, законное участие в сфере экономики стран проживания. Руководство же КНР надеется увидеть в будущем такие общества китайцев, которые будут сохранять лояльность своей «родине».

Учитывая прошлый опыт, правительства государств АСЕАН с настороженностью следят за любыми шагами, направленными на расширение и укрепление связей китайских общин с КНР. Китай со своей стороны делает немало для смягчения «проблемы хуацяо», стремясь не допустить ее превращения в фактор, осложняющий его политику в регионе, декларируя следующие тезисы: зарубежные китайцы должны быть лояльны в отношении правительств стран проживания, уважать культуру, языки, традиции этих стран; своим трудом «вносить вклад» в политическое, экономическое и культурное развитие стран проживания; способствовать укреплению и развитию «дружбы и взаимопонимания» между странами проживания и Китаем⁴⁰.

Проводя курс на «модернизацию» страны, что предполагает и расширение сфер сотрудничества с зарубежными странами для получения от них капиталовложений, передовой техники и технологии и опыта управления экономикой, китайское руководство взяло курс на активное привлечение финансовых средств зарубежных китайцев и с этой целью стало устанавливать с ними более тесные связи.

Капиталовложения китайцев, проживающих за рубежом, направляемые

в смешанные и совместные предприятия, играют исключительно важную роль для экономики КНР. Подавляющее большинство этих инвестиций поступает в провинции Гуандун и Фуцзянь, здесь же расположены и все так называемые «особые экономические зоны». Зарубежные китайцы вносят решающий вклад в создание и развитие этих зон, призванных стать «базовыми» для последующей «модернизации» внутренних районов страны.

На состоявшемся в сентябре 1985 г. Совещании по экономической работе с хуацяо в провинции Гуандун было отмечено, что из 2,2 млрд. долл., привлеченных в этот район за последние 6 лет, 90 % составляли капиталы зарубежных китайцев⁴¹. На конец 1985 г. в провинции Фуцзянь инвестиции зарубежных китайцев составляли 80 % от всех иностранных капиталовложений⁴².

В политической области важнейшей задачей остается мобилизация зарубежных китайцев на воссоединение Тайваня с КНР. Эта тема неизменно затрагивается во время зарубежных визитов руководителей КНР, в ходе их встреч с представителями китайцев, проживающих за границей. С 1985 г. наметились изменения в подходе китайского руководства к привлечению зарубежных китайцев для осуществления указанного курса. Так, выступая в марте на 2-м Всекитайском съезде тайваньских соотечественников, председатель ПК НПКСК Дэн Инчао подчеркнула, что «необходимо терпеливо проводить трудную и тщательную разъяснительную работу... в отношении тех зарубежных китайцев, которые «неправильно понимают» курс КНР на воссоединение или даже выступают против него»⁴³. В соответствии с подобной установкой представители КНР вступают в контакты даже с участниками «движения за независимость Тайваня», в то время как на официальном уровне этому движению дается негативная оценка.

В 80-е гг. заметно усилилось внимание Китая к Южной Азии. Расширяются двусторонние контакты КНР со странами региона, углубляются торгово-экономические, научно-технические и культурные связи. Китайские политологи подчеркивают большое стратегическое значение южноазиатского субрегиона, ряд государств которого (Индия, Непал и Бутан) имеют протяженную границу непосредственно с КНР. В Китае Южную Азию рассматривают и как важнейшую зону «третьего мира», играющую возрастающую роль в международной политической и экономической жизни⁴⁴.

Несмотря на имеющиеся разногласия по ряду вопросов с некоторыми государствами Южной Азии, в частности с Индией, наблюдается рост заинтересованности Китая в улучшении отношений. В последнее время все более негативное воздействие на положение в области безопасности стран Южной Азии оказывают развивающиеся американо-пакистанские военные связи, к которым Вашингтон хотел бы активнее подключить и Китай. Предоставление США современных видов оружия Пакистану, перспектива создания Исламабадом собственного ядерного оружия создают основу для эскалации гонки вооружений на качественно новом уровне, углубляют региональную напряженность, подрывают усилия Дели по нормализации отношений с Пакистаном и Китаем. Негативное воздействие на эти отношения оказывает недружественная позиция США, Пакистана и Китая в отношении Афганистана. Вашингтон рассматривает Пакистан как идеально расположенное со стратегической точки зрения государство, поскольку оно имеет общие границы с Афганистаном, Ираном, Индией и КНР. Американская администрация стремится использовать пакистанскую территорию в качестве базы не только против Афганистана, но и для так называемой защиты американских интересов на Ближнем Востоке, в Персидском заливе и Южной Азии. Это пред-

ставляет угрозу миру и безопасности всему району Южной Азии, соседним с ним государствам, в том числе и КНР.

Китайские авторы в своих исследованиях выделяют стремление Р. Ганди к созданию вокруг Индии мирного международного окружения, улучшению отношений со всеми государствами, и прежде всего со своими непосредственными соседями, к обеспечению международного мира и безопасности, демилитаризации Индийского океана и т. п.⁴⁵ Они акцентируют внимание на «активной позиции» Р. Ганди по вопросу улучшения китайско-индийских отношений, который после вступления на пост премьер-министра неоднократно заявлял, что «надеется посетить Китай», что индийско-китайская дружба отвечает интересам мира во всем мире, содействует безопасности и развитию Индии.

В свою очередь Китай также демонстрирует стремление путем переговоров устранить наслонения в своих отношениях с Индией. Во время встречи в октябре 1985 г. на сессии ГА ООН премьер-министра Индии Р. Ганди с премьером Госсовета КНР Чжао Цзяном последний заявил: «Китайское правительство искренне надеется улучшить отношения с нашим соседом — Индией. Более 2 тыс. лет между народами Китая и Индии существует глубокая традиционная дружба. В настоящее время перед нами стоят общие задачи развития экономики. У обеих стран имеется много общего, что создает условия для установления дружественных добрососедских отношений». Тогда же Чжао Цзян отметил, что политика его страны в отношении Южной Азии осуществляется по двум направлениям: 1) развитие дружественных добрососедских отношений со всеми южноазиатскими странами; 2) поддержка отношений «дружественного сосуществования» между южноазиатскими государствами с тем, чтобы Южная Азия стала районом «мира, стабильности и развития»⁴⁶. Эти положения были вновь подтверждены в высказываниях представителя Отдела печати МИД КНР в декабре 1986 г.⁴⁷

По-инному в КНР стали восприниматься и оцениваться отношения СССР с государствами Южной Азии. Хотя порой еще сохраняется налет подозрительности и недоверия к советской политике в регионе, враждебность и недоброжелательность исчезли. Определенный интерес в КНР вызвали итоги визита Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Индию, подписанные совместные советско-индийские документы. Китайская печать отмечала, что этот визит «привлек большое внимание и вызвал широкую реакцию в мире»⁴⁸, имел «решающее значение для Москвы в поиске поддержки со стороны третьего мира своих внешнеполитических инициатив на международной арене»⁴⁹.

Происходят изменения и в оценках КНР деятельности Вашингтона в Южной Азии. В них стала прослеживаться тенденция рассматривать действия США в субрегионе как гегемонистской державы, активизирующей свою политику в Южной Азии и тем самым усиливающей угрозу миру, безопасности и стабильности в этой части земного шара. Так, в отличие от недавнего прошлого, когда на страницах китайской печати обходились молчанием вопросы негативной направленности деятельности США на южноазиатском субконтиненте, с конца 1986 г. эта тема получила определенное освещение в китайской пропаганде. Китайская сторона стала отмечать, что в Южной Азии американская администрация «добилась наименьшего успеха» и в связи с этим США активизируют свою деятельность в субрегионе в стремлении «обеспечить контроль над морскими путями от Северо-Восточной Азии до Индийского океана»⁵⁰. Выделяются и следующие направления, применяемые Вашингтоном для достижения своих целей: предо-

ставление военно-экономической помощи Пакистану; попытки ослабить заинтересованность Индии в развитии связей с Советским Союзом путем предоставления ей современной технологии и оружия; поощрение Пакистана и Индии к нормализации отношений между собой⁵¹.

В 80-е гг. заметное развитие получили отношения КНР с соседями Индии — Пакистаном, Бангладеш, Шри Ланкой, Непалом и Бутаном. В развитии политических связей между КНР и странами Южной Азии большое внимание уделяется непосредственным контактам, в особенности встречам на высшем уровне. В последние годы значительно расширился обмен делегациями государственных и общественных деятелей, военными, торгово-экономическими, культурными и др. Получил развитие обмен делегациями между КПК и различными политическими партиями стран Южной Азии.

Изменяется политика КНР в отношении стран Ближнего и Среднего Востока, которым китайская дипломатия всегда уделяла повышенное внимание. В первую очередь значительно эволюционизировалась трактовка первопричин и источника ближневосточного кризиса. Заметно поднялся уровень критических высказываний в адрес США и Израиля. Недружественные Советскому Союзу оценки и негативные выступления по поводу политики СССР в арабских странах с первой половины 80-х гг. встречаются в китайской печати все реже. Более того, принимая во внимание точку зрения многих арабских стран относительно важности достижения координации действий между великими державами (в том числе СССР и КНР) в деле урегулирования арабо-израильского конфликта, представители КНР в беседах с руководителями ближневосточных государств демонстрировали доброжелательное отношение к нормализации связей между Советским Союзом и Китаем.

Развитие позитивных тенденций в ближневосточном курсе КНР нашло свое наиболее яркое проявление в связи с агрессией Израиля против Ливана (1982), по поводу которой китайская печать писала: «Все злодеяния правящей клики Израиля были инспирированы и совершены при поддержке США, которым не удастся избежать ответственности за эту преступную агрессию»⁵². Осуждение американской политики на Ближнем Востоке было лейтмотивом многих выступлений представителей КНР в ООН, заявлений МИД КНР и китайского правительства. Позиция КНР по урегулированию ливанского кризиса остается конструктивной и поныне⁵³, а политическая поддержка ливанского и палестинского народов сопровождается материальной помощью.

Дружеской была позиция КНР и в отношении НДРЙ, народ которой в начале 1986 г. пережил тяжелый внутривосточный кризис. Два китайских судна помогали эвакуировать иностранных граждан НДРЙ в Джибути. Была оказана и другая материальная помощь. Китайские специалисты и бригада врачей возобновили свою работу в стране спустя небольшой промежуток времени.

Поворот китайской дипломатии в сторону арабского мира дал незамедлительные результаты: руководители ряда стран региона выступили за развитие отношений с КНР и ее привлечение к урегулированию ближневосточного конфликта.

Особенностью, характерной именно для ближневосточной политики КНР, стало широкое использование исламского фактора как в налаживании межгосударственных связей со странами арабского мира, так и в китайско-арабском экономическом сотрудничестве. Восстановление религиозных свобод в Китае, активизация связей Китайского мусульманского общества с религиозными институтами арабских стран, Ирана и Турции, а

также с международными мусульманскими организациями подкреплялись соглашениями о сотрудничестве между арабскими государственными, частными фирмами и китайскими корпорациями, специально созданными в Синьцзян-Уйгурском и Нинся-Хуэйском автономных районах, в частности Международной инвестиционной мусульманской корпорацией, Исламским китайским банком, функционирующим в городе Иньчуань. Политическому сближению со странами ислама и укреплению экономических связей Китая в регионе способствовали и такие форумы, как Международный исламский симпозиум (Пекин, 1985), Конференция Всемирного совета церквей (Нанкин, 1986), регулярный обмен делегациями последователей ислама и т. д.

Искусство китайской дипломатии в применении «гибких» формулировок по тому или иному вопросу, раскалывающему Ближний Восток (например, ирано-иракская война, конфликт между Марокко и Западной Сахарой, осложнения в отношениях между ООП и некоторыми арабскими странами), позволяет находить общий язык с любым государством региона, независимо от его социально-политической ориентации или характера режима. Затуманивание идеологических критериев в формировании своего отношения к внешнеполитическому партнеру существенно упрощает процесс укрепления позиций КНР на Ближнем Востоке и позволяет в равной мере успешно развивать связи со всеми арабскими странами, с Турцией и Ираном. Следует также добавить, что некоторые теоретические построения из области внешней политики КНР (концепция «соперничества двух сверхдержав») находят на Ближнем Востоке благоприятную почву и собственную социальную питательную среду.

Экономическое сотрудничество КНР с развивающимися странами

Возрастает значение внешнеэкономических связей КНР с развивающимися странами. Они начинают играть важную роль в ускорении развития и повышения технико-экономического уровня его народного хозяйства. Сотрудничество КНР с развивающимися странами расширяется и углубляется не только и не столько в области внешней торговли, сколько в других сферах экономики. С середины 80-х гг. особое значение придается формированию и развитию таких новых форм экономического сотрудничества, как создание совместных (государственных и частных) предприятий и компаний. Если в странах Африки такие компании в основном действуют пока в сфере сельского хозяйства и легкой промышленности (Танзания, Сьерра-Леоне и др.), то на Ближнем и Среднем Востоке — в сфере строительства, в Южной и Юго-Восточной Азии китайская сторона стремится к созданию совместных компаний по добыче полезных ископаемых, в Латинской Америке — в обрабатывающей промышленности и торговле.

Большое внимание КНР уделяет привлечению капиталов из развивающихся стран для нужд китайской экономики. Капитал из арабских стран (Кувейт, ОАЭ и др.) привлечен в область разведки и разработки газовых и нефтяных месторождений на территории КНР и китайского континентального шельфа. По неполным данным, к середине 80-х гг. в КНР было построено более 90 объектов экономического сотрудничества с привлечением капиталов из Сингапура, Таиланда, Филиппин и Малайзии. В их числе предприятия как совместно эксплуатируемые, так и полностью принадлежащие предпринимателям из названных стран. Это сотрудничество включает такие области, как нефтедобыча на континентальном шельфе,

строительство гостиниц, гражданская авиация, выращивание масличных культур и др.⁵⁴

Новым направлением в сфере экономических связей КНР со странами Ближнего Востока и Северной Африки стал экспорт китайской рабочей силы. «Мы можем взаимно дополнять друг друга,— говорил посол КНР в Кувейте Ян Фучан,— капитал стран Персидского залива, с одной стороны, и китайские полезные ископаемые и рабочая сила, с другой»⁵⁵. И действительно, экспорт китайской рабочей силы в арабские страны стал широко распространенной формой экономического сотрудничества Китая со странами Ближнего Востока. В 1986 г. только в Ираке было занято на сооружении различных объектов 20 тыс. рабочих и технических специалистов из КНР, в Кувейте — более 10 тыс., в Иордании — 2,5 тыс., в Ливии, Алжире, Египте, даже в Саудовской Аравии (КНР не имеет с ней дипломатических отношений) китайские рабочие участвовали в строительстве дорог, аэродромов, энергетических комплексов, ирригационных сооружений, госпиталей, жилых комплексов. Китай регулярно направляет в Малайзию, Сингапур, Таиланд и на Филиппины специалистов в областях производства натурального каучука, сахара, лесного и рыбного хозяйства, птицеводства, строительства высотных зданий. Работа китайских специалистов приносит десятки миллионов долларов чистой прибыли. Немаловажно и то, что китайские рабочие, находясь на современных предприятиях западноевропейских и японских фирм, оперирующих в странах региона, получают не только валюту, но и высокую профессиональную подготовку, овладевают западной технологией.

В Латинской Америке новым направлением в экономической деятельности КНР является установление сотрудничества в сфере наукоемкого и военного производств. В 1984 г. КНР заключила соглашение о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии с Бразилией, в 1985 г. аналогичное соглашение было подписано с Аргентиной. В сентябре 1985 г. было подписано специальное соглашение об обмене военной техникой между КНР и Аргентиной, в мае 1986 г.— с Боливией. Активные контакты в военной области на протяжении 80-х гг. поддерживались также с Бразилией, Венесуэлой и некоторыми другими странами. В КНР побывали военные делегации ведущих латиноамериканских стран, в том числе Аргентины и Бразилии. Растущие масштабы приобретает обмен делегациями специалистов в области ядерной энергетики, электроники, нефтедобычи и др.

Сотрудничество по военной линии КНР развивала в 80-х гг. с Пакистаном, Таиландом, Египтом, Танзанией и некоторыми другими афро-азиатскими государствами. Новым в этом сотрудничестве является то, что китайская сторона с начала 80-х гг. стремится положить конец практике предоставления китайского вооружения в качестве даров, а осуществлять эти поставки на коммерческих условиях.

КНР стремится придать своим торгово-экономическим связям с развивающимися странами долговременный и устойчивый характер путем заключения соглашений об экономическом и техническом сотрудничестве. В соответствии с этими соглашениями систематически проводятся сессии межправительственных комиссий для определения направлений и рассмотрения конкретных форм экономического сотрудничества.

Развитие и углубление торгово-экономических отношений КНР с развивающимися странами, равно как и с социалистическими государствами, свидетельствует о серьезном намерении китайской стороны отказаться от односторонней ориентации своих внешних экономических связей на Запад,

которая в середине 80-х гг. привела к резкому увеличению дефицита торгового баланса страны из-за усиления протекционизма в развитых капиталистических странах и неблагоприятной конъюнктуры мирового рынка. Проводящаяся в настоящее время частичная переориентация внешнеэкономических связей, расширение сотрудничества с социалистическими и развивающимися странами оказывают положительное влияние на внутриэкономическое развитие страны и содействуют росту авторитета КНР на международной арене, упрочению ее позиций в зоне развивающихся государств.

* * *

Анализ политики КНР позволяет сделать вывод о том, что Китай рассматривает развивающиеся страны в качестве важного политического и экономического партнера и стремится к созданию прочной и долговременной основы взаимоотношений с ними. Эта основа, как заявляет китайская сторона, создается на принципах равноправия и взаимовыгодности, стимулирования совместного экономического сотрудничества, отстаивания независимости и самостоятельности, совместной борьбы за установление нового международного экономического порядка, отстаивания дела мира⁵⁶. Хотя еще рано говорить о повсеместном внедрении этих принципов во внешнеполитическую деятельность КНР в странах Азии, Африки и Латинской Америки, тенденция формирования нового китайского курса в «третьем мире» пробивает, хотя и не без трудностей, себе дорогу. Препятствиями на этом пути служат порой национальные и классовые противоречия между сторонами, недостаточная экономическая база и нехватка финансовых средств, проявление объективных противоречий на международной арене.

Китаем накоплен богатый и разнообразный опыт в отношениях с развивающимися странами. Его положительные черты получают свое дальнейшее развитие в политике КНР. Одновременно идет поиск новых форм методов сотрудничества Китая с этой группой государств. Следует особо отметить, что используемые ныне китайской стороной новые формы сотрудничества с развивающимися государствами являются реальным вкладом в обогащение международных связей, ведут к росту взаимопонимания между различными странами, установлению климата доверия между ними.

¹ См.: «Шицзе чжиши», 1987, № 1, с. 2—9.

² Китайская Народная Республика 1949—1985 гг. Справочник. Пекин, 1986, с. 219 (на кит. яз.).

³ См.: Са Бэньван. Проблема войны и мира через призму стратегических позиций США и СССР.— «Шицзе чжиши», 1985, № 24, с. 4; 1987, № 1, с. 2—9. Однако в КНР имеются политологи, которые довольно последовательно придерживаются концепции «двух сверхдержав».— См.: «Ляован», 1987, № 14, с. 27—28.

⁴ Подробнее см.: В. Н. Федотов. Китай и проблемы разоружения.— «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 3.

⁵ «Хунци», 1985, № 18, с. 26.

⁶ На встрече в июле 1986 г. в Тунисе с председателем Исполкома ООП Я. Арафатом премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян заявил, что Китай уже принял во внимание тот факт, что все больше арабских стран высказывается за политическое урегулирование ближневосточного вопроса.— «Жэньминь жибао», 27.VII.1986.

Ип: «Beijing Review», 1987, № 15, p. 16.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 31.XII.1979; 24.I.1980.

⁹ См.: «Ляован», 1981, № 10.

¹⁰ Ли Цзэминь. Афганские события. Пекин, 1984, с. 58 (на кит. яз.).

- ¹¹ См.: «Правда», 24.VI.1987.
- ¹² См.: «Пицзе чжиши», 1986, № 8, с. 16; «Ляован», 1987, № 14, с. 27—28.
- ¹³ In: "Beijing Review", 1984, № 48, p. 16.
- ¹⁴ Ежегодник международных событий: 1984, Шанхай, 1984, с. 29—30 (на кит. яз.).
- ¹⁵ «Жэньминь жибао», 1.IX.1986.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Чжэнь Жуйсян. Движение неприсоединения за 25 лет.— «Жэньминь жибао», 31.VIII.1986.
- ¹⁸ См.: напр.: «Жэньминь жибао», 1, 3.IX.1986; "Beijing Review", 1986, № 37, p. 10—11.
- ¹⁹ Ежегодник международных событий: 1984, с. 26—28.
- ²⁰ «Жэньминь жибао», 24.X.1981.
- ²¹ Там же, 31.X.1981.
- ²² Там же, 25.X.1985.
- ²³ См.: Ван Хэсин. Движение неприсоединения и новый мировой экономический порядок.— «Жэньминь жибао», 29.VIII.1986.
- ²⁴ «Жэньминь жибао», 2.X.1985.
- ²⁵ См.: Китай о развивающихся странах.— «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 3, с. 174—177.
- ²⁶ «Хунци», 1984, № 16, с. 13.
- ²⁷ «Жэньминь жибао», 16.I.1983.
- ²⁸ Там же, 18.IX.1984.
- ²⁹ См.: «Правда», 18.VI.1987.
- ³⁰ "Beijing Review", 1985, № 2, p. 18; № 19, p. 17; № 30, p. 12.
- ³¹ «Пицзе чжиши», 1985, № 9.
- ³² In: "Hindu", 22.X.1986; "Christian science monitor", 28.X.1986.
- ³³ См.: «Правда», 18.VI.1987.
- ³⁴ "China daily", 4.VI.1985; "Beijing review", 1985, № 1, p. 21—22; 1986, № 21, p. 10; № 29, p. 12.
- ³⁵ «Жэньминь жибао», 27.IV.1984; "Beijing Review", 1986, № 45, p. 9.
- ³⁶ In: "Nation", 5.II.; 5.III.1987.
- ³⁷ Ibid., 25.I.1987.
- ³⁸ Ibid., 5.III.1987; «Нян Зан», 6.III.1987; "Merdeka", 13.III.1985.
- ³⁹ На середину 80-х гг. в мире насчитывалось 30 млн. зарубежных китайцев, совокупный капитал которых составлял 130 млрд. ам. долл. (в странах ЮВА он оценивался в 50—60 млрд. ам. долл.). В различных странах мира компании, фирмы и банки, принадлежащие зарубежным китайцам, держат под своим контролем капитал до 300 млрд. ам. долл.— См.: Китайская народная республика 1949—1985 гг. Справочник, с. 77; «Хуашэн бао», 5.II.1984.
- ⁴⁰ Китайская Народная Республика 1949—1985 гг. Справочник, с. 77—78.
- ⁴¹ См.: «Наньфан жибао», 9.IX.1985.
- ⁴² См.: «Фуцзянь цяосян бао», 22.XII.1985.
- ⁴³ «Жэньминь чжэнсе бао», 15.III.1985.
- ⁴⁴ См.: «Нанья яньцзю», 1983, № 4, с. 1.
- ⁴⁵ «Сяндай гоцзи гуанси», 1986, № 2, с. 54.
- ⁴⁶ «Жэньминь жибао», 25.X.1985.
- ⁴⁷ См. там же, 4.XII.1986.
- ⁴⁸ Там же, 3.XII.1986.
- ⁴⁹ "Beijing Review", 1986, № 49, p. 10.
- ⁵⁰ Ibid., 1986, № 45, p. 15.
- ⁵¹ См.: «Жэньминь жибао», 3.XII.1986.
- ⁵² «Жэньминь жибао», 27.VIII.1982.
- ⁵³ См.: «Жэньминь жибао», 11.V.1987.
- ⁵⁴ См.: «Ляован», 1986, № 12, с. 30—31.
- ⁵⁵ "The Middle East", 1986, № 143.
- ⁵⁶ См.: Китайская Народная Республика 1949—1985 гг. Справочник, с. 219—224.

Положение секторов общественного производства в Китае

*А. В. ОСТРОВСКИЙ,
кандидат экономических наук*

С конца 70-х гг. в КНР стала осуществляться крупномасштабная хозяйственная реформа, которая пробудила экономическую мысль в Китае и способствовала постановке конкретных задач по ускорению экономического развития страны. На Всекитайской партийной конференции (сентябрь 1985 г.) они были выдвинуты в качестве основных задач хозяйственной реформы: развитие хозяйственной самостоятельности предприятий, совершенствование товарно-денежных отношений как проявление закона стоимости, переход в управлении предприятиями от прямого контроля к косвенному как главной форме контроля. Как отмечают китайские ученые-обществоведы, «хозяйственная реформа провела новое упорядочение застывших в течение долгого времени производственных отношений, вслед за появлением и развитием многообразных экономических укладов и многообразных форм хозяйствования также произошли соответствующие изменения в положении всех классов и слоев общества, в распределении прав и интересов всех слоев»¹.

Изменения в социально-экономической структуре КНР

К моменту победы народной революции и в первые годы существования КНР в стране сохранялась многоукладная экономика: от патриархально-родового слоя до крупных государственно-капиталистических предприятий и созданного в ряде освобожденных районов Китая государственного сектора. В результате в стране сложилась сложная система полуфеодальной, полукOLONиальной и капиталистической эксплуатации, которая своеобразно переплелась с деспотическими формами эксплуатации не только феодального, но и дофеодального укладов.

В условиях многоукладной экономики с небольшим удельным весом современных форм производства требовался довольно длительный период для осуществления социально-экономических преобразований, создания экономической основы социалистического строя — общественной собственности на средства производства. Поэтому переходный период к социализму в Китае должен был быть значительно более продолжительным, чем в СССР и социалистических странах Европы.

В первые восемь лет после образования КНР (1949—1957) произошли глубокие качественные изменения в социально-экономической структуре китайского общества. Были проведены национализация собственности иностранного и бюрократического капитала, аграрная реформа и кооперирование в сельском хозяйстве, преобразования в частной промышленности и торговле. Был создан государственный сектор, который занял господствующие позиции в ведущих отраслях промышленности, в современных видах транспорта и связи, в сфере

денежного обращения и кредита, в оптовом товарообороте. В китайской литературе начала 50-х гг. выделялось пять секторов: государственный, коллективный, мелкотоварный, капиталистический и государственно-капиталистический. Им соответствовали три класса китайского общества — рабочий класс, крестьянство и кустари, буржуазия². Однако после кооперирования в деревне в 1955 г. и поотраслевого преобразования частной промышленности и торговли в 1956 г. в китайском обществе остался формально лишь один уклад — социалистический, в котором было два сектора — государственный и коллективный. В дальнейшем в ходе создания народных коммун и осуществления «большого скачка» с 1958 г. степень обобществления производства повысилась в такой степени, что формы производственных отношений значительно оторвались от уровня развития производительных сил. Это привело к замедлению экономического развития страны и поставило под угрозу социалистические завоевания китайского народа.

Наиболее характерной чертой этого периода социально-экономического развития КНР явилось одностороннее развитие государственного сектора в ущерб коллективному и индивидуальному, что в конечном итоге обострило многие социальные проблемы из-за того, что производительные силы китайского общества оставались на низком уровне. К концу 70-х гг. социально-экономическая структура китайского общества была на практике в значительной степени приближена к почти однородной по формам собственности при сохраняющемся низком уровне развития производительных сил, который не мог повышаться из-за их несоответствия искусственно насаждавшимся производственным отношениям.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) в КНР отказались от дискредитировавших себя форм и методов «казарменного коммунизма», и в области производственных отношений имел место своего рода возврат к формам многоукладной экономики. В материалах XII съезда КПК (сентябрь 1982 г.) говорилось о создании «модели социализма с китайской спецификой», которая предусматривает «еще в течение долгого времени сохранение различных форм экономики вследствие низкого уровня и неравномерного характера развития производительных сил»³.

В результате в начале 80-х гг. стала складываться весьма пестрая и своеобразная картина сосуществования различных хозяйственных укладов. В социальной структуре китайского общества начались изменения, связанные с развитием коллективного и индивидуального секторов, а также с созданием госкапитализма в виде смешанных предприятий национального и иностранного капитала, особых экономических зон, различных видов компенсационной торговли и других форм экономического сотрудничества с иностранным капиталом. Таким образом, основной особенностью нынешней хозяйственной реформы является возврат к нескольким хозяйственным укладам, существовавшим в КНР в 50-е гг., что и было закреплено в новой Конституции КНР 1982 г. и в принятых в 80-е гг. различных законах и постановлениях Госсовета КНР и ВСНП. В результате за 30 с лишним лет структура собственности и соотношение занятых в различных формах собственности претерпели заметные изменения.

Можно говорить о том, что в настоящее время в КНР существуют три хозяйственных уклада: социалистический — при значительном расширении в нем доли коллективного сектора; государственно-капиталистический, который представлен смешанными предприятиями китайского и иностранного капитала в разных формах, и мелкотоварный уклад в виде развивающегося индивидуального сектора в городе и деревне. Некоторые исследователи считают правомерным говорить о наличии в КНР частнокапиталистического уклада

Таблица 1

**Изменение в структуре занятости
по формам собственности в КНР в 1952—1985 гг.**

Распределение по формам собственности	Численность (в млн. чел.)			Структура (в %)		
	1952	1978	1985	1952	1978	1985
1	2	3	4	5	6	7
Экономически активное население	207,29	398,56	498,73	100	100	100
1. Рабочие и служащие предприятий общенародной собственности	11,87	74,51	89,90	5,7	18,7	18,0
2. Трудящиеся предприятий коллек- тивной собственности	73,20	323,90	87,34	35,3	81,3	17,5
из них:						
4 рабочие и служащие городов и по- селков	0,230	20,48	33,24	0,1	5,1	6,7
трудящиеся в сельских коллекти- вах	72,97	303,42	54,10	35,2	76,1	10,8
в том числе на предприятиях во- лостей и поселков	—	28,29	41,52	—	7,1	8,3
3. Лица, занятые в семейном подряде и в индивидуальном секторе	118,29 ¹	0,150	321,05	57,1	0,04	64,4
из них:						
занятые в индивидуальном секторе городов и поселков	8,83	0,150	4,5	4,3	0,04	0,9
занятые в индивидуальном секторе в деревне	—	—	13,06	—	—	2,6
крестьяне индивидуального сектора и на семейном подряде	109,46 ²	—	303,49	52,8	—	60,9
4. Занятые на предприятиях частной собственности	3,670	—	—	1,8	—	—
5. Занятые на смешанных предприя- тиях	0,200 ³	—	0,440	0,1	—	0,1

Примечание: 1) кооперированные крестьяне;
2) некооперированные крестьяне;
3) сюда включены занятые на объединенных государственно-частных предприятиях, смешанных предприятиях национального и иностранного капитала, собственно иностранного капитала.

Источник: Чжу Цинхан. Изменение в структуре собственности и классовой структуре в нашей стране. — «Шэхуэй яньцзю», 1986, № 6, с. 20.

в форме частных предприятий, если на предприятии занято свыше 8 наемных рабочих⁴. Как отмечают китайские ученые, таких индивидуальных предпринимателей, имеющих свыше 8 наемных рабочих, более 10 % всех занятых в индивидуальном секторе; имеющих доход более 10 тыс. юаней в год — 0,8 % всех занятых в индивидуальном секторе (основной капитал этой группы предпринимателей составляет десятки, сотни тысяч, а иногда и миллионы юаней, и они имеют более 100 наемных рабочих⁵). Однако, на наш взгляд, делать вывод о наличии частного сектора в КНР нет оснований, поскольку данная деятельность зачастую носит противозаконный характер, существование такого рода предприятий не закреплено в соответствующих положениях и инструкциях и не охвачено системой государственного статистического учета.

Государственный сектор

В настоящее время, несмотря на значительный рост количества смешанных предприятий и предприятий индивидуального сектора в различных отраслях

народного хозяйства, социалистический уклад занимает господствующее положение в социально-экономической структуре китайского общества. Увеличение количества коллективных предприятий также не изменило господствующего положения государственного сектора по таким показателям, как доля в валовой продукции промышленности, розничном товарообороте, численности занятых в промышленности, не говоря уже о таких отраслях народного хозяйства, как транспорт, финансы (см. таблицу 2). Например, в конце 1986 г. около 91 % грузооборота приходилось на государственный сектор⁶.

Таблица 2

Удельный вес сектора по формам собственности
в различных отраслях народного хозяйства в КНР в 1984 г.

Отрасль	Всего		Государственный		Коллективный		Индивидуальный		Прочие формы ¹	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
1. В целом по стране ²										
Кол-во предприятий (тыс.)	12976,6	100	831	6,4	2800	21,6	9300	71,7	45,6 ³	0,3
Численность занятых (млн. чел.)	140,95	100	56,817	40,3	70,280	49,9	13,0	9,2	0,853	0,6
2. Промышленность										
Кол-во предприятий (тыс.)	437,2 ⁴	100	64,1	14,7	352,1	80,5	—	—	1,0	0,2
Численность занятых (млн. чел.)	63,58	100	35,92	56,7	26,75	42,2	0,380	0,6	0,330	0,5
Валовая продукция (млрд. юаней)	703,0	100	517,12	73,6	157,78	25,0	1,48	0,2	8,61	1,2
3. Розничная торговля										
Кол-во предприятий (тыс.)	6715	100	211	3,1	1305	19,4	5196	77,3	3	0,2
Численность занятых (млн. чел.)	15,330	100	2,674	17,4	6,004	39,2	6,631	43,3	0,021	0,1
Товарооборот (млрд. юаней)	337,64	100	153,79	45,6	133,7	39,6	49,37 ⁵	14,6	0,760	0,2

1) В понятие «прочие» включаются смешанные государственно-коллективные, государственно-частные, смешанные предприятия китайского и иностранного капитала и чисто иностранного капитала.

2) Без учета сельского хозяйства и непроизводственной сферы.

3) В том числе более 2 тыс. предприятий с иностранным капиталом.

4) Без учета индивидуальных предприятий в сельской местности.

5) Сюда включена также продажа крестьянами продукции сельского хозяйства горожанам.

Источники: «Жэньминь жибао», 11.V.1985; Statistical Yearbook of China — 1985— Beijing. Jong Kong, 1985, p. 214, 305, 306, 308, 487.

Вместе с тем в середине 80-х гг. доля предприятий государственного сектора стала постепенно сокращаться. Например, в промышленности она составляла в 1957 г. 34,2 %, в 1965 г. уменьшилась до 29,1, в 1978 г. — до 24,0, а в 1983 г. — до 22,2 % от общего числа промышленных предприятий КНР (включая предприятия волостей и поселков и все виды смешанных предприятий⁷). Аналогичная ситуация сложилась в сфере торговли, общественного питания и услуг. Если в 1957 г. доля государственных предприятий здесь составляла 22,0 % всех предприятий этой сферы, в 1965 г. она увеличилась до 32,1 (за счет уменьшения абсолютной численности предприятий, в этих сферах), в 1978 г. — до 36,2 (опять-таки за счет уменьшения абсолютной численности предприятий, а не количественного роста предприятий госу-

дарственного сектора), то в 1983 г. она резко уменьшилась до 10,75 %⁸. При этом происходил быстрый рост численности предприятий индивидуального сектора с 1978 по 1983 г.: в торговле — со 108 тыс. до 3,441 млн., в сфере общественного питания — с 36 тыс. до 704 тыс., в сфере услуг — с 34 тыс. до 775 тыс. Заметно возросла численность занятых в этом секторе — с 262 тыс. чел. в 1978 г. до 6,1 млн. чел. в 1983 г.⁹ Однако эти изменения не оказали серьезного влияния на ту роль, которую играет государственный сектор в экономической структуре китайского общества. Он по-прежнему занимает ведущие позиции в китайской экономике. В 1984 г. из общей стоимости производственных фондов, составляющей 980 млрд. юаней, на долю государственного сектора приходилось 76 %, коллективного сектора — 13, дворов семейного подряда и специализированного подряда — 11 %¹⁰.

Этим и определяется необходимость первоочередного учета изменений в социалистическом укладе при анализе хозяйственной реформы в КНР. На наш взгляд, суть изменений сводится к заметному расширению прав государственных предприятий (или хозяйственных единиц) как в городе, так и в деревне в условиях, когда используются различные формы кооперирования и ослабляется прямой государственный контроль за деятельностью предприятий коллективного сектора. Иными словами, в ходе хозяйственной реформы произошли определенные изменения в структуре собственности, выразившиеся в том, что у производственных коллективов расширились возможности распоряжаться собственностью на средства производства. В деревне это произошло в результате постепенного снижения уровня обобществления производства, перехода к системе подворного подряда, в городе — в результате развития различных форм кооперирования и расширения хозяйственной самостоятельности предприятий.

Однако при этом хотелось бы отметить, что крупные предприятия государственного сектора оказались меньше всего затронуты хозяйственной реформой, несмотря на самое большое число постановлений по вопросам их хозяйственной деятельности. По данным Государственного торгово-промышленного административного управления КНР, на конец 1984 г. насчитывалось 803,1 тыс. предприятий государственного сектора против более чем 2800 тыс. предприятий коллективного и индивидуального секторов¹¹. Однако в силу того, что предприятия государственного сектора оборудованы современной техникой, занимают большие производственные площади, выпускают техноемкую продукцию и сконцентрированы в ключевых точках экономической жизни страны, удельный вес рабочих и служащих государственного сектора начиная с середины 50-х гг. постоянно преобладал в общей численности рабочих и служащих страны, составляя примерно $\frac{3}{4}$ всех рабочих и служащих КНР¹². По-прежнему государственные предприятия определяют направление и характер экономического развития КНР.

В настоящее время крупные государственные предприятия пока не имеют достаточной хозяйственной самостоятельности в решении производственных вопросов, во многом зависят от вышестоящих организаций. Они не имеют достаточных стимулов для производства сверхплановой и высококачественной продукции, практически не имеют возможности самостоятельно распоряжаться фондами предприятий и даже остающейся частью прибыли. Даже после замены системы перечисления в государственный бюджет доли прибыли на уплату подоходного и регулирующего (в зависимости от рентабельности предприятия) налога для них сохраняется большое количество плановых показателей, включая такие основные, как общая численность занятых, общий фонд заработной платы, план по ассортименту, снабжение фондируемой продукцией, энергетическим сырьем и др. Часто они не могут реализовать даже те права,

которые получили по закону в ходе хозяйственной реформы, например право свободной реализации сверхплановой продукции по комиссионным ценам и т. д.¹³ И именно об этом много говорили делегаты пятой сессии ВСНП шестого созыва (март 1987 г.), сетуя на то, что слишком много вышестоящих инстанций у крупного государственного предприятия, часто вмешивающихся не только в процесс распределения, но и в процесс производства¹⁴. И не зря одной из основных задач хозяйственной реформы остается оживление деятельности крупных и средних предприятий, которые практически все относятся к государственному сектору.

Коллективный сектор

Неизмеримо больше возможностей для развития и большую хозяйственную самостоятельность получили предприятия коллективного сектора. В настоящее время коллективным сектором охвачена почти вся сельская местность и большая часть городов. Особого внимания заслуживают процессы, которые начали происходить в коллективном секторе китайской деревни в конце 70-х гг., после перехода сельского хозяйства на подворный подряд, прямо увязывающий доходы крестьянского двора с объемом произведенной им продукции. Если в 60—70-е гг. сельскохозяйственные народные коммуны считались формально коллективным сектором, то по своей сути — по характеру распоряжения собственностью — коллективными они не являлись. Государство контролировало не только процесс распределения конечного продукта, но и сам процесс производства, включая распределение рабочей силы, средств производства, промежуточного продукта труда в рамках хозяйственной единицы и за ее пределами. В результате государственная форма хозяйствования не смогла обеспечить высокий уровень производительности труда.

Переход к системе подворного подряда (а к началу 1985 г. и переход от заданий по централизованным заготовкам и закупкам сельскохозяйственной продукции к контрактным и прямым рыночным закупкам при сохранении коллективной собственности на землю и крупные средства производства) коренным образом изменил ситуацию в деревне, заметно активизировал человеческий фактор и способствовал более быстрому росту производства сельскохозяйственной продукции при значительном повышении ее товарности и расширении сферы товарно-денежных отношений. В конце 1986 г. в КНР в городах и селах уже насчитывалось 67,6 тыс. рынков с общим объемом товарооборота 90,6 млрд. юаней¹⁵. Как видим, децентрализация организации хозяйственной деятельности в сельскохозяйственном производстве заметно повысила активность крестьянства, которое получило возможность самостоятельно организовывать процесс производства и отвечать за конечные результаты труда. Как отмечают некоторые китайские ученые, система подворного подряда является формой индивидуального хозяйствования на предприятиях коллективной собственности, то есть носит характер как коллективной, так и индивидуальной собственности¹⁶. И на наш взгляд, суть хозяйственной реформы в деревне как раз и состоит в том, что она позволила более полно проявить преимущества кооперативной формы собственности.

Другой большой группой *предприятий коллективного сектора* в КНР являются предприятия *вне сферы сельского хозяйства*. В середине 80-х гг. их насчитывалось более 2,8 млн., на которых было занято 70,280 млн. человек¹⁷. В мае 1983 г. Госсовет КНР принял Временное постановление по некоторым политическим вопросам экономики коллективного сектора в городах и поселках, которое предоставило коллективным предприятиям право на хозяйственную самостоятельность — право использовать и распоряжаться основными и

оборотными фондами, закупать сырье и сбывать товар, покупать или арендовать основные фонды, а также продавать лишние основные фонды, проводить найм на работу на основе экзаменов, устанавливать премии и штрафы, освобождать от должности и отправлять на пенсию. При этом предприятие имеет право использовать различные формы заработной платы в зависимости от местных условий и выплачивать заработную плату по результатам работы предприятия. Данное постановление также предоставило право предприятиям коллективного сектора иметь свой фонд социального страхования, самостоятельно решать вопросы трудового страхования при уходе на пенсию, потере трудоспособности и т. д. Эти законодательные меры, направленные на развитие коллективного сектора экономики в городах и поселках, способствовали постепенному повышению доходов и уровня социального страхования занятых на этих предприятиях. Это в свою очередь привело к определенному повышению социального статуса рабочих и служащих предприятий коллективного сектора. Таким образом, в ходе хозяйственной реформы в КНР в рамках социалистического уклада активно развивается коллективный сектор при сохранении ключевых позиций государственного сектора в социально-экономической структуре общества.

Коллективный сектор в отличие от государственного не требует государственных капиталовложений, он развивается в основном за счет коллективных капиталовложений. Используются различные организационные формы, отличающиеся степенью обобществления средств производства коллектива. В Китае обычно подразделяют их на три категории: производственно-кооперативные группы (или «новые хозяйственные объединения»), мелкие коллективные предприятия с различными формами производственной кооперации и коллективные предприятия, включая заводы и фабрики с довольно высокой степенью обобществления, использующие коллективные накопления местных органов и ведомств¹⁸. К коллективным предприятиям относят также мелкие государственные предприятия, которые сдаются в подряд или аренду коллективам, а также предприятия, создаваемые на средства рабочих и служащих¹⁹.

Сдача мелких предприятий розничной торговли, общественного питания и услуг в аренду впервые была предпринята в январе 1984 г. Собранием народных представителей провинции Гуандун, и затем эта форма постепенно стала распространяться по всей стране. Согласно положению, убыточные предприятия торговли, общественного питания и услуг, на которых занято несколько человек, могут сдаваться в подряд коллективу рабочих и служащих или отдельным лицам. Арендаторам разрешается искать подходящее место, скажем для торговли, вести торговлю вразнос, открывать семейные лавки, нанимать учеников. Подряд осуществляется на основе заключения контракта с предприятием, который устанавливает ответственность, права и обязанности обеих сторон. Коллективы и лица на подряде, помимо выплаты налогов и перечисления установленной прибыли, берут на себя все накладные расходы, выплаты заработной платы и социального страхования, а также ответственность за прибыль и убытки. При этом в положении оговаривается, что рабочие и служащие таких предприятий по социальному статусу, условиям начисления заработной платы, системе повышения квалификационных разрядов и льгот по пенсионному обеспечению ничем не отличаются от работников других предприятий²⁰. Однако практика показывает, что, хотя по уровню доходов они мало чем отличаются от рабочих и служащих других предприятий (часто их доходы бывают даже выше), тем не менее разрыв в доходах рабочих и служащих и подрядчиков достаточно велик, у подрядчиков он выше в 3—4 раза. Например, в 1985 г., по данным 32 предприятий города Шэньяня (провинция Ляонин), сданных в подряд, среднегодовой доход подрядчика составлял 16 тыс. юаней, а иногда и не-

сколько десятков тысяч юаней, в то время как у рабочих и служащих он увеличился лишь на 16 %²¹.

В деревне широкое распространение получили *производственно-кооперативные группы (или «кновые хозяйственные объединения»)*. В конце 1984 г. их насчитывалось 466,8 тыс. с общей численностью занятых 3,557 млн. человек, включая 703,5 тыс. наемных работников и учеников (19,8 % всех занятых)²². Такие кооперативные объединения стали активно развиваться после опубликования Документа ЦК КПК № 1 1986 г., в котором было объявлено о поддержке всех видов и форм кооперации в сельской местности²³. В экономически развитых районах КНР (провинции Цзянсу, Гуандун и др.) такого рода кооперативные предприятия стали привлекать внимание молодежи: уровень доходов на этих предприятиях был выше, чем на предприятиях волостей и поселков. Основные и оборотные фонды этих предприятий создаются не столько за счет общественных накоплений, сколько за счет личных средств таких социальных слоев, как разбогатевшие крестьяне и кадровые работники. Занятые на этих предприятиях рабочие и служащие также могли делать паевые капиталовложения. В конце года часть прибыли распределялась по паям среди рабочих и служащих в качестве дивидендов, помимо получаемой ими заработной платы и премий²⁴.

В соответствии с установками Госсовета КНР об управлении кооперативами трудящихся активно развиваются мелкие предприятия в виде производственных кооперативов в городах. В своей деятельности они могут использовать такие формы, как производство и сбыт продукции, переработка сырья, ведение комиссионной торговли, торговли вразнос, оказание бытовых услуг, перевозка пассажиров, погрузка, разгрузка и переноска вещей, мелкий ремонт зданий и т. п. Кооператив может нанимать инженерно-технический и административно-управленческий персонал. На предприятиях, где имеется сложная техника или требуется длительное время обучения, можно с разрешения местного торгово-промышленного административного управления, ведающего кооперативами, набирать учеников, но не более десяти человек. Зарплату члены кооператива получают в соответствии с принципами «оплата по труду» и «за больший труд — большая оплата». После отчисления налогов прибыль распределяется в четыре фонда — общественных накоплений, коммунальных нужд, трудовых доходов и доходов распределения по паевым взносам. Причем распределение доходов по паям не может превышать 15 % всего акционерного фонда. Все члены кооператива могут делать взносы в фонд социального страхования. Расходы по социальному страхованию возлагаются на самого члена кооператива или в кооперативе выделяются средства по фонду заработной платы и социального страхования²⁵.

Другая форма производственных кооперативов в городах и поселках — это *мелкие коллективные предприятия*, где активно используется система паевых взносов в создании основных и оборотных фондов предприятия²⁶. Люди, занятые на этих предприятиях, являются собственниками средств производства, поскольку вложили свои средства в фонды предприятия. Они могут изъять свой пай только в денежной форме (а не в форме средств производства). Эти акционеры в конце года получают дивиденды на пай, но этот фонд также составляет не более 15 % прибыли предприятия и распределяется согласно паю. Все прочие виды доходов зависят от трудового вклада рабочего или служащего. Например, в городе Ухань (провинция Хубэй) насчитывается 1200—1300 таких предприятий, на каждом из которых занято несколько десятков человек²⁷. Выступая в 1983 г. на Всекитайском расширенном совещании директоров кооперативов кустарной промышленности, министр легкой промышленности Ян Бо отметил, что, развивая коллективный сектор, надо перенимать опыт системы подворного

подряда в сельском хозяйстве, осуществлять различные формы ответственности при управлении производством, развивать на основе добровольности распределение акций коллективных предприятий среди рабочих и служащих и использование их средств, выплачивать им дивиденды на акции и по трудовому вкладу, постепенно связывать их деятельность с работой предприятия²⁸.

Произошли серьезные изменения в вопросах распоряжения основными и оборотными фондами на *крупных коллективных предприятиях* с высокой степенью обобществления производства и численностью занятых свыше 1 тыс. человек, использующих коллективные накопления местных органов и ведомств. Предприятия имеют три постоянных источника капитальных вложений — централизованные, местные и собственно предприятия. Государственные фонды образовывались за счет централизованных капиталовложений, а коллективные — за счет части прибыли предприятия. Например, на Чанчжоуском велосипедном заводе прибыль предприятия распределяется таким образом: 55 % прибыли идет на уплату подоходного налога государству, из оставшейся части прибыли после уплаты подоходного налога 5 % перечисляется вышестоящему ведомству, а 40 % остается у предприятия. Та доля прибыли, которая осталась у предприятия, распределяется следующим образом: 60 % — фонд развития производства, 20 — фонд социального страхования и 20 % — премиальный фонд. Кроме того, на этих предприятиях активно используются личные вклады рабочих и служащих в непромышленную сферу — заводские бюро услуг, столовые, магазины, общежития и т. д. В среднем каждая акция стоит 50 юаней, и по итогам работы сделавшим вклады рабочим и служащим выплачиваются дивиденды на внесенный пай.

В отношении *мелких государственных предприятий* с оборотом не более 10—15 тыс. юаней проводится политика «ответственности за прибыли и убытки». Суть ее состоит в том, что предприятие берет на себя расходы по покрытию убытков производства из тех средств, которые остаются после уплаты государству торгового-промышленного налога. В частности, для многих мелких предприятий было установлено твердое соотношение — 20 % прибыли изымается в качестве налога, а 80 % остается у предприятия²⁹. Государство, таким образом, снимает с себя ответственность за функционирование большинства нерентабельных предприятий. Руководство предприятия может вступить в договорные отношения с другими предприятиями и частными лицами на основе Закона о хозяйственных договорах. Как отмечают некоторые китайские ученые, «таким образом, мелкие государственные предприятия в разной степени *приобретают характер предприятия коллективной собственности*»³⁰. В 80-е гг. удельный вес таких предприятий постепенно возрастает, повышается и роль рабочих и служащих этого своеобразного коллективного сектора.

Индивидуальный сектор

С конца 70-х гг. стал воссоздаваться и развиваться социальный слой мелких товаропроизводителей, численность которых постоянно растет. В конце 1986 г. общая численность индивидуальных предприятий составила 12,1 млн. с общей численностью занятых 18,5 млн. человек³¹. Индивидуальный сектор преобладает в основном в сфере мелкой розничной торговли, общественного питания, услуг и ремонта бытовых приборов.

В ходе экономической реформы в КНР индивидуальный сектор рассматривается как важное дополнение государственной и коллективной форм собственности. Газета «Жэньминь жибао» отмечала: «В настоящее время индивидуальный сектор в нашей стране является необходимым дополнением к социалистическому производству. Его существование и развитие может не только способствовать

производству, оживить рынок, улучшить жизнь масс, удовлетворить их потребности, но и способствовать улучшению управления предприятиями государственной и коллективной собственности, повышению качества услуг, проведению экономической реформы»³².

В китайской печати появилось немало теоретических статей, в которых обосновывалась необходимость расширения индивидуального предпринимательства, отмечались его особенности и доказывалось, что индивидуальный сектор ни в коей мере не базируется на использовании наемного труда. Все аргументы сводились к трем основным моментам, определяющим необходимость развития индивидуального сектора в стране: 1) он тесно связан с социалистической собственностью; 2) хозяин производства принимает непосредственное участие в труде; 3) индивидуальный сектор является важным дополнением государственной и коллективной экономики³³. Однако при этом в значительной степени неясными оставались вопрос о наемной рабочей силе на индивидуальных предприятиях городов и поселков, перспективы масштабов найма рабочей силы в ходе дальнейшего развития индивидуального сектора.

В КНР «индивидуальными тружениками в городах и поселках» называются индивидуальные производители вне сферы сельского хозяйства, которые получают лицензию на ведение индивидуального хозяйства в торгово-промышленном административном управлении, ведут дела в соответствии с законами, не эксплуатируют труд других людей. Однако при этом, согласно документу Госсовета КНР от 7 июля 1981 г. «О некоторых политических установках для индивидуального сектора городов и поселков вне сферы сельского хозяйства», на каждое предприятие индивидуального сектора разрешалось нанимать до 7 человек — 2 помощников и 5 учеников³⁴.

Однако в конце 70-х — начале 80-х гг. доля наемного труда персонала на предприятиях индивидуального сектора была невелика. В 1978—1982 гг. в сфере розничной торговли на одно предприятие приходилось в среднем от 1,17 до 1,28 человека, а в общественном питании — от 1,40 до 2,00 человек³⁵. К середине 80-х гг. численность наемного персонала в индивидуальном секторе стали постепенно увеличиваться, особенно в тех отраслях экономики, где требуются большие капиталовложения, — кустарной промышленности, ремонте изделий. По отдельным выборочным данным, около 20 % индивидуальных предпринимателей использовали наем рабочей силы. В частности, по данным, полученным автором этой статьи из беседы в Ассоциации кустарей-единоличников квартала индивидуальных предпринимателей Ханьчжэнцзе (город Ухань), в 1985 г. 20 % кустарей-единоличников квартала использовали наем рабочей силы.

Производственные отношения между индивидуальными предпринимателями и наемными рабочими регулировались посредством письменного договора между учеником и мастером, в котором оговаривались обязанности мастера и ученика в течение срока обучения, профессиональные требования, предъявляемые к ученику по окончании срока обучения, а также условия труда, заработной платы и льготы. В частности, в образце типовых договоров между учеником и мастером в индивидуальных хозяйствах пекинского района Чаоян, подготовленных торгово-промышленным административным управлением данного района, помимо месячной заработной платы и дополнительной заработной платы, мастер должен был также выделять ученику деньги на парикмахерскую, лечение и питание. Как мастер, так и ученик в случае нарушения одного из пунктов договора имеют право расторгнуть его в местном торгово-промышленном административном управлении. Таким образом, отношения между индивидуальным предпринимателем и наемным персоналом в 80-х гг. уже имели известную правовую основу.

Однако одним из основных вопросов деятельности индивидуальных предприятий с наемной рабочей силой по-прежнему остается вопрос, можно ли считать это эксплуатацией наемного труда. В 80-х гг. в китайской печати активно обсуждался этот вопрос. В результате дискуссии китайские ученые пришли к выводу, что основным критерием эксплуатации наемного труда является количество наемных рабочих на одном предприятии, и нынешнее положение о деятельности индивидуальных предприятий, не разрешающее нанимать более 1—2 помощников и 3—5 учеников, в целом правильно устанавливает эту границу³⁶. При этом некоторые китайские ученые высказывали вполне обоснованные опасения насчет того, что в отдельных районах страны положение о количественном пределе наемной рабочей силы нарушается. В частности, один из ведущих китайских ученых Сюе Муцяо писал: «Во многих районах уже созданы индивидуальные предприятия с общей численностью наемного персонала более 10 человек. До каких пор это можно допускать?»³⁷. Китайскими учеными была проанализирована структура, источники и сущность доходов индивидуального предпринимателя, которые состоят из четырех частей: 1) трудовой доход самого предпринимателя; 2) доходы от вложенных средств; 3) дополнительный доход как следствие фактора цен; 4) собственно доходы за счет прибавочного труда подмастерьев и учеников. В результате делался вывод о том, что первые три части носят трудовой характер, и лишь четвертая, меньшая, часть складывается за счет труда подмастерьев и учеников. При этом указывалось, что «оплата подмастерьев и учеников устанавливается ниже их трудового вклада, и эта часть дохода может рассматриваться как взнос за обучение профессии»³⁸. Из этого делался вывод об отсутствии эксплуатации чужого труда.

На наш взгляд, в теоретическом плане вопрос как раз и упирается в количество наемного персонала на индивидуальных предприятиях Китая. До тех пор пока индивидуальный предприниматель обходится без привлечения наемной рабочей силы или проводит наем в соответствии с государственными законами, доходы индивидуального предпринимателя от эксплуатации чужого труда существенно ограничены, не являются основной частью в структуре его доходов, он принимает непосредственно участие в труде.

Вместе с тем китайские ученые отмечают, что в индивидуальном секторе наблюдается тенденция движения к частному предпринимательству. Как отмечает Цинь Цзунвэнь, «в некоторых районах уже имеются частные предприятия промышленности и торговли с авансированным капиталом в несколько сотен тысяч и даже несколько миллионов юаней, на которых занято от нескольких десятков до нескольких сотен человек, и они называются «индивидуальными предприятиями»³⁹. Существуют и другие тенденции развития индивидуального сектора — объединение индивидуальных предприятий на кооперативной основе или создание кооперативных хозяйств и экономических объединений совместно с государственными или коллективными предприятиями, которые считаются в КНР прогрессивными. Именно в этих формах многие в Китае видят перспективу развития индивидуального сектора в городах и поселках. В деле целенаправленного развития индивидуального сектора в нужном направлении в настоящее время на первый план выступает регулирующая роль государства. В КНР учеными был сделан вывод о том, что «в условиях развития производства можно разрешить индивидуальным предпринимателям нанимать рабочих, однако нельзя поощрять наем большого числа рабочих, нельзя превращать рабочую силу в товар, создавать систему наемного труда»⁴⁰. В этом вопросе многое в КНР зависит от того, какую политику будут проводить государственные органы на местах.

Развитие индивидуального сектора в КНР в конце 70-х — 80-е гг. в основном было обусловлено трудностями, связанными с удовлетворением спроса населения на потребительские товары и услуги, а также трудоустройством избыточного населения без привлечения государственных централизованных капиталовложений. Однако в настоящее время в индивидуальном секторе остается и в дальнейшем будет оставаться более низкая производительность труда по сравнению с государственным и коллективным секторами. С другой стороны, развитие индивидуального сектора во многом находится под прямым контролем Государственного административного торгово-промышленного управления на местах, устанавливающего свои правила регистрации, порядок взимания налога и создающего условия для деятельности каждого отдельного кустаря-единоличника. Это и определяет временный, преходящий характер существования этого уклада, который, однако, необходим на данном этапе социально-экономического развития.

Государственно-капиталистический сектор

С конца 70-х гг. стал постепенно формироваться государственно-капиталистический уклад в форме смешанных предприятий китайского и иностранного капитала и компенсационной торговли, а также предприятий в особых экономических зонах (ОЭЗ). Предпринимались большие усилия для развития четырех особых экономических зон (Шэньчжэнь, Чжухай, Сямынь и Шаньтоу). С целью дальнейшего привлечения иностранного капитала в 1984 г. было принято решение открыть для него еще 14 приморских городов — таких, как Далянь, Тяньцзинь, Шанхай, Гуанчжоу и др. Было принято постановление о снижении подоходного налога для иностранных предпринимателей в этих городах, что должно было способствовать притоку иностранного капитала, импорту современной технологии, выпуску качественной продукции и повышению уровня квалификации ИТР и рабочих.

С 1981 по 1984 г. было зарегистрировано более 2 тыс. предприятий с участием иностранного капитала, занято на них свыше 160 тыс. человек, из них иностранных граждан — 11 тыс. человек⁴¹. В дальнейшем в различных формах происходил рост занятости на смешанных предприятиях. В 1986 г. в КНР уже насчитывалось 6532 смешанных предприятия, и 1876 иностранных фирм имели здесь свои постоянные представительства⁴². Цель создания государственно-капиталистического сектора — импорт передовой современной технологии, выпуск высококачественной продукции и ее реализация за рубежом с целью увеличения валютных поступлений в государственный бюджет, повышение уровня квалификации ИТР и рабочих. Однако в настоящее время доля государственно-капиталистического сектора невелика. Она составляет 1,2 % в валовой продукции промышленности, а доля занятых в общей численности рабочих и служащих — 0,5 %⁴³. Китайские ученые в отличие от ученых-китаеведов других стран мира не уделяют достаточно внимания изучению этой проблемы, связывая меры по развитию государственного капитализма с целями не столько внутренней, сколько внешней политики.

Особенно серьезным препятствием для развития государственно-капиталистического уклада являются сравнительно небольшие возможности для трудоустройства избыточного населения из-за их капиталоемкости. Во многих районах, прежде всего в ОЭЗ, где сконцентрированы смешанные предприятия, возникли проблемы трудоустройства избыточной рабочей силы, поскольку на смешанных предприятиях производство капиталоемкое, к тому же для работы на них требуется достаточно высокий общеобразовательный уровень. Например, при строительстве ОЭЗ Сямынь (провинция Фуцзянь) требова-

лось около 100 тыс. человек, а излишек рабочей силы составил 150 тыс. человек¹⁴. Причем в этой ОЭЗ требовалась рабочая сила высокого качества. В целом сложившаяся ситуация создает значительную конкуренцию среди рабочих.

Аналогичная ситуация складывается и в других районах. Набор рабочих на смешанные предприятия, как правило, проходит в КНР централизованно через компании трудовых услуг. Эти компании публикуют объявления о наборе рабочей силы на смешанные предприятия и затем проводят отбор кадров в соответствии с рекомендацией местных властей. При этом зачастую набор проводится не только за счет местных жителей, но и из числа жителей других районов страны. В частности, в ОЭЗ Шэньчжэнь с 1979 по 1984 г. было набрано всего 10 тыс. рабочих в различные отрасли промышленности, транспорт и сферу услуг, причем 5 тыс. из них — в промышленную зону Шэкоу и 5 тыс. — на предприятия в остальной части ОЭЗ. Из всего населения ОЭЗ Шэньчжэнь (250 тыс.) примерно 100 тыс. человек составляли приехавшие из других провинций Китая¹⁵.

Таким образом, развитие государственно-капиталистического сектора в КНР в значительной степени осложняется внутренними проблемами, связанными со слабой материально-технической базой экономики, низким уровнем квалификации рабочей силы, что не позволяет в полной мере реализовать цели, поставленные перед предприятиями государственно-капиталистического сектора.

* * *

В целом возврат к многоукладности в экономике в конце 70-х — начале 80-х гг., развитие многообразных форм хозяйствования в значительной степени явились вынужденными мерами, как результат того, что на этапе переходного периода к социализму в КНР необоснованно быстро был повышен уровень обобществления производства — задолго до того, как все несоциалистические уклады и коллективный сектор в рамках социалистического уклада смогли полностью выявить свои возможности. В настоящее время развитие коллективного и индивидуального секторов экономики определяет практику проведения хозяйственной реформы в КНР. В этих секторах предприятия получили большую хозяйственную самостоятельность, на них в основном распространяются мероприятия хозяйственной реформы. Предприятия государственного сектора зачастую вынуждены подстраиваться к этой новой ситуации. В коллективном секторе в настоящее время апробируются теоретические разработки и рекомендации ученых-экономистов (например, Закон о банкротстве предприятий, развитие направляющего планирования, система ответственности за прибыли и убытки, паевые взносы в фонды предприятия, выплата дивидендов рабочим и служащим и т. д.). Существование многоукладности в экономике Китая в значительной степени определяет перспективы развития товарно-денежных отношений и более полное проявление действия закона стоимости на новом этапе переходного периода к социализму.

¹ Чжу Цинфан. Изменения в структуре собственности и классовой структуре в нашей стране. — «Шэньчжэнь яньцзю», 1986, № 6, с. 19.

² Сюй Хэ. К вопросу о характере и положении классов в структуре социалистической экономики нашей страны на современном этапе. — «Шэньчжэнь чжаньсянь», 1981, № 1, с. 50.

- ³ «Жэньминь жибао», 2.IX.1982.
- ⁴ См., например, подготовленный по материалам проходившего в ИМРД СССР 2-го рабочего совещания «Аграрно-крестьянский вопрос в КНР на современном этапе развития» сборник «Социальные аспекты новых явлений в аграрной политике Коммунистической партии Китая». М., 1986, с. 5—7.
- ⁵ См.: Ч жу Цинфан. Указ. соч., с. 23.
- ⁶ In: «Beijing Review», 1987, № 3, p. 21.
- ⁷ См.: Статистический ежегодник Китая — 1984. Пекин, 1984, с. 193.
- ⁸ См. там же, с. 376.
- ⁹ См. там же.
- ¹⁰ См.: Ч жу Цинфан. Указ. соч., с. 23.
- ¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 11.V.1985.
- ¹² См.: Статистический ежегодник Китая — 1986. Пекин, 1986, с. 123.
- ¹³ Подробнее см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 4, с. 83—90; 1987, № 1, с. 59—70.
- ¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 2.IV.1987; 6.IV.1987.
- ¹⁵ См. там же, 11.IV.1987.
- ¹⁶ См., например: Ч жу Цинфан. Указ. соч., с. 22.
- ¹⁷ См.: «Жэньминь жибао», 11.V.1983.
- ¹⁸ См.: Сунь Дэцзюнь, Гун Фасинь. Опираясь на особенности коллективного сектора, создавать коллективные предприятия в городах и поселках. — «Хунци», 1984, № 9, с. 32.
- ¹⁹ См.: Ч жу Цинфан. Указ. соч., с. 21.
- ²⁰ См.: «Наньфан жибао», 23.I.1984.
- ²¹ См.: «Жэньминь жибао», 6.II.1987.
- ²² См.: Статистический ежегодник Китая — 1985. Пекин, 1985, с. 291.
- ²³ См.: «Жэньминь жибао», 23.II.1986.
- ²⁴ См. там же, 18.I.1985.
- ²⁵ См. там же, 23.IV.1983.
- ²⁶ Подробнее см.: «Beijing Review», 1986, № 19, p. 22; Жуи Вэньцзо. Развивать многообразные формы экономики и методы управления производством. — «Жэньминь жибао», 18.I.1985.
- ²⁷ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 1, с. 51.
- ²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 2.XII.1983.
- ²⁹ См. там же, 8.I.1983.
- ³⁰ См.: Хэ Вэй. Социалистическая общественная собственность должна быть многообразной. — «Жэньминь жибао», 31.XII.1984.
- ³¹ См.: «Жэньминь жибао», 11.IV.1987.
- ³² Там же, 8.II.1983.
- ³³ Подробнее см.: Ли Цяо. Три особенности индивидуального сектора. — «Цзинцзисюэ Чжоубао», 5.V.1985.
- ³⁴ См.: Справочник индивидуального труженика. Пекин, 1984, с. 6.
- ³⁵ Рассчитано по: Справочник индивидуального труженика, с. 224—225.
- ³⁶ Подробнее см.: Дун Яньчэн. Найм помощников и учеников на кустарные предприятия — это эксплуатация наемного труда? — «Хунци», 1982, № 10, с. 30—31.
- ³⁷ Сюе Муцяо. О дискуссии по теоретическим вопросам реформы управления экономикой. — «Гуанмин жибао», 9.V.1982.
- ³⁸ Дун Яньчэн. Указ. соч.
- ³⁹ Цинь Цзунвэнь. Обсуждаем направление развития индивидуального сектора. — «Цзинцзисюэ чжоубао», 5.V.1985.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ См.: «Жэньминь жибао», 11.V.1985.
- ⁴² См. там же, 11.IV.1987.
- ⁴³ См.: Статистический сборник Китая — 1986, с. 124, 223.
- ⁴⁴ См.: Сунь Чэнхуа. Развитие ОЭЗ Сямынь и источники рабочей силы. — «Фуцзянь луньтань», 1985, № 3, с. 20.

Китайская пресса о социально- политическом аспекте перестройки в СССР

О. С. АРТЕМЬЕВА

В своем докладе на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Перестройка в нашем обществе вызывает огромный интерес в мире. Мы чувствуем понимание наших проблем и симпатии среди не только трудящихся социалистических стран, но и широких кругов мировой общественности...»¹ Эти слова можно с полным основанием отнести и к Китаю. Об интересе и внимании ко всем изменениям в нашем обществе свидетельствует характер и количество публикаций в китайской прессе, в которых освещаются те или иные стороны этого процесса.

Сразу же после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС китайские специалисты приступили к анализу причин, вызвавших необходимость принятия курса на перестройку. Основной объективной причиной коренных преобразований, прежде всего в экономике СССР, они сочли неспособность хозяйственного механизма, сложившегося в годы экстенсивного развития, обеспечить интенсификацию экономики². Китайские авторы, считая экономический аспект перестройки основополагающим, правомерно отмечают, что нынешний курс радикальных реформ носит комплексный характер. Например, в статьях журнала «Шицзе цзинцзи» («Мировая экономика») указывается, что «достоинство советской «стратегии ускорения» в том, что она направлена на комплексное упорядочение советской экономики и социального развития, смысл ее во всесторонней перестройке, а не в частичных улучшениях», что эта стратегия «требует совершенствования общественных отношений, обновления форм и методов работы политических и идеологических органов, широкого развития социалистической демократии, решительного избавления от инерции, косности, рутины, всего того, что мешает общественному прогрессу»³. Однако некоторые китайские наблюдатели видят в такой «всеобъемлющей стратегии» и «фактор риска» для полной реализации поставленных задач⁴.

Необходимо напомнить, что всего несколько лет назад, незадолго до того, как в Советском Союзе состоялся апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, определивший путь коренных перемен, китайские специалисты весьма пессимистично оценивали перспективы развития реформ, проводившихся в нашей стране в предшествующие годы (например, в 1965—1967 гг.). При этом они рассуждали так: «Хозяйственная реформа требует демократизации экономической жизни, однако она теснейшим образом связана и с демократизацией политической жизни. Явной же особенностью реформы в СССР является ее акцент лишь на совершенствование экономической системы. В настоящее время СССР не готов, осуществляя экономическую реформу, одновременно провести и политическую, подлинную реформу надстройки, чего остро требует

развитие экономики. В области надстройки не предпринимаются эффективные меры по расширению политической демократии, которые гарантировали бы демократизацию экономической жизни»⁵. Отсюда китайские авторы делали вывод о том, что проведение реформы только в области экономики, не дополненное соответствующей политической реформой, не сможет получить широкой поддержки у народных масс, не позволит устранить разрушающее влияние консервативного мышления и консервативных сил на реформу. Это предопределяет невозможность ее успешного проведения, так как очень сложно преодолеть существующие препятствия⁶. Наличием в Китае подобных взглядов на возможность проведения в СССР подлинных изменений в социально-политической сфере можно, очевидно, объяснить и тот факт, что освещение в китайской прессе этой стороны советской перестройки в период с апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС до XXVII съезда КПСС носило краткоеинформативный, сдержанный характер. В основном китайский читатель мог узнать о многочисленных кадровых перестановках в различных звеньях советского руководства.

Например, в июле 1985 г. из 11 публикаций в газете «Жэньминь жибао», посвященных советской перестройке, 10 касались именно кадровой проблемы и лишь одна — экономического аспекта перестройки. Вначале основное внимание китайской прессы было обращено на перемещения в высшем государственном и партийном руководстве страны и союзных республик. С июля 1986 г. стали появляться сообщения о серьезном сопротивлении перестройке со стороны кадров среднего звена, не желавших уступать свои полномочия. Отмечалось, что во многих руководящих органах остро встала проблема омоложения кадров, проблема изменения стиля и методов работы, недопущения в дальнейшем таких негативных явлений, как взяточничество, использование служебного положения в корыстных целях, хищения государственного имущества, недисциплинированность и халатность при исполнении служебных обязанностей.

В статье газеты «Лилунь синьси бао», появившейся уже в феврале 1987 г., обобщаются цели и средства советской кадровой перестройки: «...с учетом застарелых недугов советской общественно-политической жизни» в СССР «серьезно берутся... за искоренение бюрократизма, коррупции и морального разложения, в обстановке широкой гласности проводится суровое наказание виновных»⁷. Китайская пресса отмечала также неуклонную решимость нового советского руководства, всех здоровых сил общества преодолеть последствия субъективизма и волюнтаризма, «с корнем вырвать лезть и угодничество» в отношениях между некоторыми подчиненными и руководителями, провести духовную перестройку советского общества. В сентябре 1985 г. газета «Жэньминь жибао» сообщила о встрече в Кремле Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с ветеранами-стахановцами в связи с 50-й годовщиной зарождения у нас в стране стахановского движения. Газета приводила слова М. С. Горбачева о том, что и сейчас советскому народу необходим революционный дух, чтобы в самые сжатые сроки овладеть новой техникой, иметь мужество превзойти прежние нормы и отбросить старые привычки. В статье также подчеркивалось, что советский руководитель критиковал устоявшийся формализм производственного соревнования, указывал на необходимость всемерно развивать активность молодежи, укреплять дисциплину и порядок.

С пониманием и одобрением восприняли в Китае энергичные и последовательные меры советского правительства по пресечению и искоренению пьянства и алкоголизма. В китайской прессе сообщалось об определенных успехах этих мер, способствовавших духовному очищению и оздоровлению советского общества⁸.

Обобщая итоги советской перестройки за 1985 г., газета «Жэньминь жибао» отмечала, что «новые люди возглавили более 20 министерств ключевых отраслей народного хозяйства, произошли кадровые изменения в союзных республиках, областях. Изменился состав Политбюро...», подчеркивалось, что «апрельский Пленум поставил во главу угла поднятие организованности и дисциплины, улучшение стиля работы»⁹. В другой статье указывалось, что в СССР «в последнее время произошла смена многих партийных и государственных руководящих кадров, которые препятствовали решению новых задач... надеялись на то, что все вернется на прежний путь»¹⁰. В этой же статье приводились статистические данные о кадровых перестановках в ЦК КПСС, среди партийных секретарей областного уровня.

Вывод, сделанный одним китайским обозревателем по итогам 1985 г., состоял в том, что в этом году «были проведены некоторые важные меры, явно произошли перемены». Были и другие мнения. Например, известный китайский специалист-международник Хуань Сян отмечал «ограниченность советских экономических реформ», которая, по его мнению, обусловлена рядом внутренних причин. В их числе — кадровая проблема, так как, рассуждал он, пока неизвестно, как проявят себя новые руководящие кадры при решении насущных задач. Хуань Сян обращал внимание также на наличие большого числа кадровых работников, которым присущи консервативные взгляды и методы работы, а от кадров, подчеркивал китайский специалист, зависит многое¹¹.

Характерно, что весь период с момента апрельского Пленума вплоть до XXVII съезда КПСС назван китайской прессой «подготовительным этапом перестройки»¹² во всех ее областях.

XXVII съезд КПСС был оценен в КНР как событие, отметившее вступление Советского Союза в новый этап развития. Необходимо отметить, что подобная оценка значений съезда появилась в китайской печати не сразу после его завершения, а спустя несколько месяцев. Вначале газеты публиковали относительно небольшие сообщения о повестке дня и ходе съезда, об основных моментах докладов и выступлений, сделанных на нем. Обзорные, аналитические статьи в газетах и журналах КНР появились несколько позже. Анализируя материалы съезда, китайские наблюдатели подчеркивали новаторский характер его решений и выводов. Наряду с разработкой задач экономического аспекта перестройки, отмечалось китайской прессой, съезд «создал предпосылки для углубления перестройки в области идеологии и теории»¹³. Подчеркивалось глубокое понимание новым советским руководством того, что «самой главной трудностью, стоящей на пути экономических реформ, является бюрократизм», поэтому на XXVII съезде КПСС была выдвинута задача демократизации, то есть расширения гласности и социалистического самоуправления¹⁴. В Китае обратили большое внимание на ту часть Политического доклада съезду, где сказано, что «расширение гласности — это вопрос политический», что «без гласности нет и не может быть демократии, политического творчества масс, их участия в управлении», что «гласность — это исходный пункт психологической перестройки» советских кадров¹⁵. В одной из статей китайской прессы, освещавшей проблемы советской перестройки, отмечалось, что на съезде М. С. Горбачев указал на различные недостатки в социально-политической жизни общества, на их негативное влияние на экономическое развитие страны, подчеркнул необходимость упорядочения руководящих кадров, замены тех, кто не соответствует требованиям занимаемой должности, поскольку в организационном плане это гарантирует осуществление социально-экономических и политических преобразований. Автор статьи считает чрезвычайно важным понимание советским руководством необходимости «осуществления вместе экономи-

ческих и политических реформ... для того, чтобы политическая перестройка создавала предпосылки и расчищала препятствия для экономических реформ»¹⁶. Только комплексные меры могут решить вставшие перед СССР проблемы, указывает далее автор, потому что «на протяжении длительного периода Советский Союз подчеркивал превосходство своей социалистической системы, а изменения в политическом плане были небольшими, бюрократизм подавлял активность и созидательную силу трудящихся, что в значительной степени влияло на проведение экономических реформ. Многие хорошие проекты этих реформ из-за политических препятствий длительное время оставались неосуществленными...»¹⁷.

Печать КНР отмечала также, что перед КПСС «встал вопрос о перестройке в партийной работе», информировала своих читателей о публикациях в газете «Правда» и журнале «Коммунист», в которых говорилось о необходимости «делать упор на человеческий фактор».

Китайские обозреватели подчеркивали, что на XXVII съезде КПСС получили развитие некоторые кардинальные теоретические проблемы современного развития, и прежде всего отмечалась критическая переоценка концепции развитого социализма, того, что «в новой редакции Программы КПСС главная задача партии была сформулирована как планомерное и всестороннее совершенствование социализма». Все это «является важным прорывом Советского Союза в области теории социализма», — писала, например, газета «Цзинцзи жибао»¹⁸.

Внимание китайской прессы привлекало и то, что на съезде «особо подчеркивалась необходимость усиления социалистического самоуправления народа, расширения гласности, использования "непосредственной демократии"»¹⁹. В статье директора Института СССР и Восточной Европы Академии общественных наук КНР Сюй Куя в журнале «Баньюэ тань» развитие демократии характеризуется как «важнейшая часть советской перестройки»²⁰. Конкретизируя меры по развитию социально-политической перестройки в СССР, газета «Гуанмин жибао» отмечала: «На новый, более высокий уровень поднимается контроль за деятельностью административных органов, осуществляемый такими общественными и массовыми организациями, как советы, профсоюзы, комсомол, аппарат народного контроля; в низовых производственных звеньях постепенно начинает осуществляться социалистическое самоуправление народа... повышается роль собраний всех членов или представителей трудовых коллективов в обсуждении и решении важных вопросов в деятельности предприятий, усиливается роль масс в контроле "снизу"»²¹. В ряде китайских публикаций специально рассматривалась проблема повышения роли профсоюзов в жизни советских трудящихся, сообщалось, что профсоюзы «непосредственно участвуют в разработке и утверждении планов экономического и социального развития», что они пользуются большими правами и влиянием, имеют реальные возможности отстаивать права трудящихся в случае возникновения у них конфликтной ситуации с администрацией»²².

Китайская пресса уделяла внимание деятельности высшего законодательного органа СССР — Верховного Совета, освещала вопросы, касающиеся его роли в жизни советского общества, расширения прав республиканских и местных советов. «Жэньминь жибао», излагая содержание соответствующего решения ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 23 июня 1986 г., подчеркивала, что это решение предполагает «усиление демократических тенденций», совершенствование методов и стиля работы советов, укрепление связей депутатов с массами,

недопущение мелочной опеки и необоснованных ограничений прав советов со стороны партийных органов²³.

Как несомненно важную и необходимую меру, «свидетельствующую о том, что советское руководство сделало углубление социалистического самоуправления одним из направлений политической реформы»²⁴, расценили в Китае решение XXVII съезда КПСС о целесообразности распространения выборности на бригадиров, начальников цехов, управляющих отделениями совхозов, «чтобы в этом направлении искать отвечающие современным условиям формы сочетания единоначалия и выборности». Отмечалась и оправданность решения, согласно которому вышестоящие инстанции при назначении руководителей предприятий должны прислушиваться к мнению трудового коллектива. Например, газета «Гуанмин жибао» писала в связи с этим, что «под развитием подлинного социалистического самоуправления народа» в Советском Союзе понимают прежде всего меры по «расширению сферы, где решающее слово должно быть за производственным коллективом»²⁵. Китайская пресса сообщала о некоторых публикациях советских газет и журналов, рассказывающих о воплощении этих решений съезда в жизнь. В частности, в феврале 1987 г. «Жэньминь жибао» писала о выборах директора Рижского автозавода, отмечая, что в этот процесс действительно были вовлечены широкие массы трудящихся, что отбор кандидатов на эту должность «был жестким и объективным»²⁶.

Как еще один шаг к демократизации советского общества расценили китайские специалисты «усилия по совершенствованию избирательных кампаний в государственных органах власти», проводимых в СССР после XXVII съезда²⁷.

Газета «Лилунь синьси бао» отмечала, что такая «демократизация управления стимулирует энтузиазм трудовых масс в отношении реформы, закладывает в общественном мнении хорошую основу для углубления реформ, то же время гарантируются их социалистическое направление и принципы, а массами закрепляется положение хозяина»²⁸.

Тема укрепления в СССР социалистической законности, борьбы с теми, кто ее нарушает, постоянно находится в поле зрения китайских наблюдателей. Подчеркивая, что решения XXVII съезда КПСС дали новый импульс деятельности советского народа по проведению курса на всестороннюю демократизацию, пресса КНР сообщала о фактах решительного противодействия советских государственных и общественных организаций антисоциалистическим, антиобщественным явлениям. Следует отметить, что принятие в нашей стране законов, направленных на закрепление социально-политических решений, в Китае оценили как фактор, благоприятствующий курсу перестройки во всех областях. Информировав читателей о принятии в Советском Союзе с 1 июля 1986 г. закона, направленного на борьбу с нетрудовыми доходами, «Жэньминь жибао» подчеркивала, что этот закон направлен на ликвидацию доходов отдельных лиц, получаемых в результате хищений народного имущества, взяточничества, использования служебного положения в корыстных целях и других преступных действий.

Газета подчеркивала, что этот закон — один из комплекса мер по оздоровлению советского общества²⁹. В другой статье «Жэньминь жибао», сообщающей о крупномасштабных кадровых перемещениях в руководстве ряда отраслей народного хозяйства, в позитивном духе оцениваются действия государственных и общественных органов СССР по пресечению нарушений трудовой дисциплины, незаконных действий ряда руководителей, допуская приписки, срывов сроков сдачи в эксплуатацию важных народнохозяйственных объектов³⁰.

Принятие ЦК КПСС постановления «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усиление охраны прав и законных интересов граждан», по мнению некоторых китайских авторов, будет способствовать проведению всесторонней демократизации жизни страны, строгому соблюдению принципа социальной справедливости, укреплению социалистической дисциплины, искоренению случаев беззакония и обмана, поможет в борьбе с пьянством и алкоголизмом, бюрократизмом. Большое позитивное значение имеют меры, осуществляемые в СССР по усилению правового воспитания граждан, по поднятию их сознательности при соблюдении законов, считают китайские специалисты. С одобрением воспринимаются ими и всемерные усилия, направленные на то, чтобы в нашем обществе принцип равенства всех граждан перед законом соблюдался на деле, чтобы лица, преступившие закон, наказывались, «незвизрая на пост и ранг»³¹. В этой связи китайская пресса сообщала о мерах по повышению роли Верховного суда СССР, других правоохранительных органов.

В статье шанхайской газеты «Шицзе цзинци даобао» отмечается, что «нынешние советские руководители, основываясь на проблемах и уроках социально-экономического развития, все больше убеждаются в том, «что экономическая реформа должна идти вместе с реформой социальной», суммируются меры, осуществляемые для того, «чтобы каждый человек осознал необходимость и значение современного этапа развития, его переходный характер». Во-первых, это «усиление идейно-воспитательной работы среди советских людей» — переход от старых, не оправдавших себя методов работы, «от кампанейщины к работе с человеком», во-вторых, это «усиление изучения теории», осознание необходимости изменения направления развития общественных наук, так как это направление «должно отвечать конкретным условиям практики», в-третьих, это усилия по дальнейшему развитию социалистического самоуправления, в-четвертых, это укрепление материальной базы культуры, в-пятых, это совершенствование мер по поднятию эффективности воздействия общественного мнения, усилению роли критики»³².

Отмечая несомненные успехи советской перестройки в социально-политической области, подчеркивая ее «радикальный характер», китайская пресса справедливо отмечает и наличие немалых трудностей на пути ее осуществления. В этой связи «Жэньминь жибао» писала, что «созданные десятилетия назад бюрократические организации и бюрократический стиль работы непосредственно влияют на процесс перестройки. Конечно, хотя сменили многих руководителей, но еще трудно менять традиционный стиль работы»: «некоторые занимавшие привилегированные места и положение борются за свои права»³³. Газета подчеркивала, что «бюрократизм еще силен, так как он проник во все слои общества, породил инерцию, поэтому многие люди еще не могут определить свою позицию, являются наблюдателями»³⁴. А в статье журнала «Шицзе цзинци» отмечалось «наличие сопротивления перестройке не только среди кадров среднего звена», но и «среди определенной части народных масс», что, по мнению автора статьи, является одной из основных трудностей на ее пути. В этой же статье выражается точка зрения, согласно которой «в настоящее время активность и инициативность советского народа довольно низки», а потому возможность осуществления «стратегии ускорения» зависит от того, смогут ли в Советском Союзе «в полной мере мобилизовать активность масс»³⁵. Китайские наблюдатели подчеркивают, что понимание советским руководством необходимости решения этой сложной проблемы является положительным фактором в развитии перестройки.

Одной из важных областей советской перестройки китайские специалисты считают культуру и искусство. Сообщения по этой теме стали появляться в

печати КНР вскоре после завершения XXVII съезда КПСС, весной 1986 г. Одна из публикаций появилась в «Жэньминь жибао». Она информировала китайских читателей о встрече и беседе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с группой писателей, в ходе которой он сказал, что «перестройку надо начинать с перестройки мышления, психологии самого человека», отметил наличие сейчас в нашей стране острой потребности в произведениях, в которых высокохудожественно раскрывались бы современные конфликты, в произведениях, которые вселяли бы уверенность в победе идей и замыслов XXVII съезда КПСС, утверждали бы подлинные человеческие ценности. Эти слова, проникнутые заботой о путях развития социалистической советской литературы, нашли понимание у китайских обозревателей.

В мае 1986 г. китайские газеты писали о том, что «советские творческие круги, несомненно, встречают новую весну»³⁶, сообщали о том, что в Советском Союзе осуществляются меры по исправлению ошибок, допущенных в предшествующие годы в отношении некоторых писателей, поэтов, работников театра, кино и других сфер искусства. В этой связи сообщалось, что наконец получило объективную оценку творчество Б. Пастернака, идет подготовка к изданию многих его произведений, будет открыт музей этого талантливого литератора³⁷. Нашел отражение в публикациях на тему о перестройке в советской культуре и возросший интерес советских средств массовой информации к творчеству певца, актера, поэта В. Высоцкого³⁸. «Шицзе цзинци даобао» обратила внимание на появление в газете «Советская культура» новой рубрики «Прямая речь», рассказав о первой публикации — статье поэта Е. Евтушенко, который призвал читателей использовать предоставляемую газетой возможность для высказывания собственного мнения по различным волнующим советское общество вопросам, чтобы таким образом «помочь советскому руководству». Предполагается, что высказываемые мнения будут подчас диаметрально противоположными, но что именно такую свободу слова и подразумевает политика гласности³⁹.

«Ветер перестройки веет в области культуры в Советском Союзе» — так была озаглавлена статья журнала «Шицзе чжиши»⁴⁰. В ней отмечалось, что сейчас «наблюдается необычайная активность среди советских литераторов и работников искусства», сообщалось о проведении съездов композиторов, кинематографистов, писателей и других представителей творческих профессий, подчеркивалось большое внимание к этим форумам советской творческой интеллигенции со стороны советского государственного и партийного руководства, и прежде всего Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. «Самым важным съездом» был признан в Китае VIII съезд писателей. «Жэньминь жибао» назвала его «огромным событием в жизни советской культуры», сообщала о развернувшейся на съезде острой полемике, о требовании многих литераторов «расширить творческую независимость», об «осуждении бюрократического контроля» над творчеством со стороны различных государственных учреждений⁴¹. В другой статье этой же китайской газеты было помещено сообщение о статье в «Правде», тоже посвященной перестройке в литературе, в которой содержался призыв к советским писателям, поэтам, критикам «создавать новые талантливые произведения, которые помогли бы советским людям выработать новое мышление в условиях реформ»⁴². Китайский обозреватель отмечал, что «статья в «Правде» призывает к смелости мышления и отказу от косности», обращает внимание на неудовлетворительное положение дел в советской литературной критике, на бюрократизм и формализм, существующие в цен-

тральных и местных отделениях Союза писателей, поднимает другие наиболее важные вопросы⁴³.

Многие публикации китайской прессы об изменениях в СССР в 1986 г. рассказывают о художниках, режиссерах, артистах, музыкантах, кинематографистах, других работниках искусства и об их участии в духовной перестройке советского общества. В сентябре 1986 г. «Жэньминь жибао» писала, что «идут поиски путей перестройки сознания» советской творческой интеллигенции, что «все больше советских работников литературы, искусства участвуют в перестройке, выдвигают конкретные предложения»⁴⁴.

Демонстрацию на советских экранах отснятых ранее и не вышедших в течение ряда лет в прокат фильмов, постановку на сцене не входивших длительного периода в репертуар театров пьес, публикацию ранее не печатавшихся литературных произведений китайская пресса оценила как «определенную оттепель в области искусства». Отмечалось также, что эти фильмы, пьесы, романы, повести, стихи и другие произведения «осмеливаются поднимать острые проблемы действительности», подчеркивалось, что «советское правительство чувствует, что обладает достаточной силой, для того чтобы допустить эту «оттепель»»⁴⁵. В статьях некоторых китайских газет и журналов сообщалось, что Советский Союз приглашает принять участие в духовной перестройке всех деятелей культуры, в том числе и тех, кто по различным причинам выехал раньше за границу. «Однако не все из них верят в действительную революционность преобразований, считают, что позиции бюрократии еще сильны»⁴⁶, — отмечает китайская пресса.

Однако последовательность и целеустремленность курса на подлинную демократизацию жизни всего общества, взятого в Советском Союзе, дают основание наблюдателям в Китае констатировать, что «перестройка в области искусства набирает силу»⁴⁷. На страницах китайской прессы публиковались сообщения об эксперименте по расширению прав некоторых советских театров, коллективы которых получили возможность самостоятельно выбирать репертуар, осуществлять переход на самофинансирование и самокупаемость; об изменениях условий работы кинематографистов, о переводе киностудий на систему хозрасчета, которая требует от всего коллектива и от каждого отдельного работника ответственного подхода к делу, о предоставлении возможности молодым талантливым режиссерам и актерам самостоятельно осуществлять свои творческие замыслы⁴⁸. В статье «Жэньминь жибао» отмечается, что после проведения XXVII съезда КПСС более чем на две трети изменился состав Союза кинематографистов СССР, что дает основание надеяться на участие в перестройке энергичных и одаренных людей.

В феврале 1987 г. газета «Гуанмин жибао» информировала своих читателей об изменениях в правилах отбора и приобретения Советским Союзом зарубежных кинолент. Учитывая многочисленные мнения и предложения советских зрителей, подчеркивается в статье, «фильмы зарубежного производства будут приобретаться по принципу «лучше меньше, да лучше», так как практиковавшаяся прежде закупка этих картин без должной критической оценки часто приводила к напрасным тратам валютного фонда и заполнению советского экрана низкопробными фильмами»⁴⁹. В таком новом подходе в СССР к отбору покупаемой за рубежом кинопродукции китайская газета справедливо видит одно из проявлений демократизации жизни советского общества.

Естественно, что большое внимание китайской прессы было уделено изменениям в работе советской печати и других средств массовой информации. Отмечалось, что в советских газетах и журналах «возросло количество критических материалов, открыто разоблачающих негативные явления действительности», что теперь советская пресса «публикует много писем

читателей по волнующим всех проблемам», что советское телевидение регулярно проводит передачи-обсуждения «круглого стола», где «перед ответственными работниками министерств и ведомств» ставятся острые проблемы, которые им предлагается разрешить по мере возможности в кратчайшие сроки⁵⁰.

С большим интересом следят в Китае еще за одной сферой, где проходит перестройка, — советской системой образования. Ряд статей китайской прессы подробно освещал важнейшие осуществляющиеся и планируемые меры по улучшению этой системы. Основной целью реформы высшего и среднего образования, проводимой в СССР, китайские специалисты считают «улучшение подготовки учащихся по специальности и политической теории»⁵¹, создание условий для того, чтобы образование максимально отвечало требованиям ускорения социально-экономического развития, развитию в нашей стране научно-технического прогресса. Создание тесной связи образования с производством и НТР — это основное направление развития реформы, считают они. Подчеркивалось также, что советские университеты, институты и ПТУ «должны выпускать политически зрелых специалистов, в совершенстве владеющих своей профессией, марксистско-ленинской теорией, имеющих навыки управления и организации производства, умеющих использовать в своей работе ЭВМ, обладающих высоким культурным уровнем, владеющих иностранными языками»⁵². Конкретизируя шаги перестройки в высшем и специальном среднем образовании, китайские авторы сообщали об усилении ответственности отраслей и предприятий народного хозяйства по воспитанию и использованию кадров, о перенесении части учебного процесса ряда вузов и ПТУ в условия производства и о других мерах.

Подчеркивалась неустанная забота со стороны государственных и партийных руководителей о повышении качества образования в стране.

Проблемы образования тесно связаны с проблемами науки. Одним из важнейших вопросов, стоящих перед советской наукой, китайские наблюдатели считают повышение эффективности практического использования научных достижений и открытий⁵³, а также проблему омоложения научных кадров. (В этой связи в китайской прессе сообщалось о решении Президиума Академии наук СССР о создании в системе академических институтов молодежных научно-исследовательских коллективов.) Обсуждалась на страницах китайских периодических изданий и проблема ограничения числа научно-исследовательских организаций за счет повышения качества научной работы⁵⁴.

Отмечая большие трудности, с которыми сталкивается перестройка, китайские наблюдатели подчеркивают: несмотря ни на что, изменения происходят не только в производстве, политической и общественной сферах, но и в повседневной жизни советских людей. Иллюстрацией таких перемен стала публикация в «Жэньминь жибао» обширной статьи, рассказывающей о ярмарках сельскохозяйственной продукции в Москве. Эти ярмарки китайский корреспондент так и назвал «одним из проявлений перестройки», отмечая при этом, что снабжение столицы свежими фруктами и овощами на протяжении длительного времени было «узким местом» торговли, а реализация продукции колхозов, совхозов и агропрома на ярмарках, при всех имеющихся несовершенствах и недостатках, позволила в определенной мере сдвинуть эту проблему «с мертвой точки». Кроме того, это стимулирует перестройку всей советской торговли, замечает автор статьи⁵⁵.

В конце 1986 — начале 1987 г., подводя итоги советской перестройки за год, китайская печать отмечала, что «Советский Союз, как и другие социалистические страны, достиг новых успехов в области строительства социализма и в проведении экономической реформы»⁵⁶. Характеризуя данный этап

советской перестройки как «начальный»⁵⁷, китайские специалисты указывали, что в экономике СССР «наметилась тенденция к выправлению положения»⁵⁸, что советское руководство, считая, что «перестройка не ограничивается областью экономики», усиливает внимание к ее социально-политическому аспекту. Отмечалось также и понимание в Советском Союзе того, что «экономическая перестройка стимулирует перестройку надстройки»⁵⁹. Как уже подчеркивалось выше, многие китайские специалисты в начале 80-х гг. скептически оценивали перспективы любых экономических реформ в нашей стране, объясняя это «невозможностью» осуществления в СССР подкрепляющих их политических перемен. В этой связи обращает на себя внимание статья китайского автора Го Чуаньлина о советской перестройке в журнале «Гоцзи взньти яньцзю» (январь 1987 г.). Го Чуаньлин считает, что важнейшей чертой нынешних советских реформ являются «важные изменения, происшедшие в сфере идеологии». Он отмечает, как и многие другие китайские специалисты, комплексный характер перестройки, затрагивающей «все области общественной жизни» в Советском Союзе. Автор считает, что с точки зрения методов осуществления реформ этот процесс можно разделить на два этапа: первый этап включал в себя «внедрение доказавших свою эффективность в ходе экономических экспериментов новых методов хозяйствования, одновременное их улучшение и совершенствование», второй — это этап «проведения коренной перестройки» на основе достигнутого прогресса, включающей и социально-политический аспект.

Как важную веху на пути развития и углубления перестройки в СССР расценили в Китае январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС. После пленума в китайской печати появились оценки с акцентом на глубину и серьезность происходящих в Советском Союзе перемен, на уже достигнутые результаты. Именно январский Пленум, по мнению журнала «Ляован», дал возможность говорить о том, что «советская перестройка начинает вступать в новый этап сравнительно широкого и глубокого развития. Это является крупным прогрессом, достигнутым в ходе последовательной реализации курса на перестройку и преодоление всевозможных препятствий»⁶⁰. На пленуме, подчеркивал журнал, были конкретизированы дальнейшие шаги по осуществлению политической перестройки. «М. С. Горбачев выдвинул требование совершенствования избирательной системы, осуществления контроля масс над руководителями всех звеньев, развития гласности, чтобы трудящиеся имели возможность высказывать свою точку зрения по любому вопросу жизни общества». Насколько все эти меры будут реально воплощаться в Советском Союзе в жизнь, отмечает статья, покажет будущее⁶¹. Китайские публикации о ходе перестройки отражают стремление советских руководителей использовать каждую возможность обратиться к советским людям с разъяснением новых проблем и задач, встающих перед нашим обществом, с призывом укреплять демократию, развивать политическую перестройку. Именно об этом говорил М. С. Горбачев и с трибуны съезда профсоюзов, и в беседах с представителями трудящихся в ходе своих поездок по стране, и в других выступлениях⁶².

«Еще одним важным форумом после январского Пленума ЦК КПСС по кадровой политике» назвала «Жэньминь жибао» июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС⁶³. Газета писала, что «важнейшим пунктом повестки дня пленума была реформа структуры управления экономикой», что решение о поэтапном переводе объединений, предприятий и организаций на полный хозрасчет и самофинансирование «является важным шагом на пути реализации решений XXVII съезда КПСС по коренной перестройке управления экономи-

кой, усилению демократических начал в деятельности трудовых коллективов...».

Следует подчеркнуть, что китайская пресса отмечает интерес, который проявляется в Советском Союзе к ходу и опыту проводимых в КНР реформ, причем возможность нашей страны учитывать и заимствовать некоторые моменты опыта реформ в Китае и в других социалистических странах выделяется китайскими специалистами как фактор, положительно влияющий на процесс перестройки в нашей стране. По их мнению, изменение отношения в СССР к китайским реформам — от сдержанно-критического подхода в начале 80-х гг. к их целям и средствам проведения до признания в дальнейшем успехов политики реформ, принимая во внимание все существующие при этом препятствия и трудности, — тоже связано с переменами во внутренней политике Советского Союза, с отходом от принятых ранее стереотипов, с проявлением перестройки общественного сознания⁶⁴.

Можно констатировать, что процесс революционных преобразований в нашей стране вызвал серьезные изменения в оценках прессой КНР внутренней политики СССР. Теперь, после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, после XXVII съезда КПСС, Советский Союз предстает перед китайским читателем как социалистическое государство, осуществляющее глубокие и всесторонние преобразования, невзирая на трудности и препятствия. Определенные реальные успехи советской перестройки стали подводить китайских специалистов к мысли о том, что, несмотря на наличие многих специфических для каждой страны условий, методов и средств проведения реформ, в их теории и практике есть сходные моменты. Уже упоминавшийся в данной статье специалист по международным отношениям Хуань Сян писал в начале 1987 г.: «Советская система напоминает нашу, имеются и различия. Реформы в СССР проводятся, исходя из обстановки в Советском Союзе. Нам следует обдумать, как с учетом положения в нашей стране изучать реформу в СССР и в других странах»⁶⁵. Другие китайские авторы конкретно называют моменты из опыта СССР, которые будут полезны для проведения и углубления реформ в Китае, в том числе и для проведения политической реформы. Например, Чжан Сюй в статье в «Лилунь синьси бао» отмечает, что, по его мнению, «реформы в СССР находятся пока на начальном этапе, но проводятся они осмотрительно и обстоятельно», что имеется три направления, «где накоплен опыт, заслуживающий заимствования и изучения» в Китае. Первым из этих направлений Чжан Сюй называет «использование законодательства в интересах обеспечения юридических основ и гарантий для углубления реформ». Он напоминает в связи с этим, что «Верховный Совет СССР принял план законодательной работы», которым предусмотрена разработка до 1990 г. 38 основных законодательных актов по вопросам совершенствования 8 крупных сфер, таких, как хозяйственный механизм, развитие демократии, самоуправление, научно-технический прогресс, социальное развитие, охрана прав человека, издательская и информационная деятельность и др. «Такой пакетный подход к законодательству ведет к тому, что различные реформы в СССР складываются в органическое целое...»⁶⁶

Другое направление, заслуживающее изучения в КНР, — решение вопроса о том, «как развивать роль трудящихся масс в ходе реформ». Автор статьи считает, что «в СССР на начальном этапе реформ этот вопрос рассматривается... как исключительно важный». Третьим направлением изучения опыта СССР Чжан Сюй называет «постановку самоокупаемости в центр экспериментов по расширению самостоятельности предприятий»⁶⁷.

Другой автор, Чжэн Хунцин, в своей статье в журнале «Хунци»

отмечает, что «чрезвычайно важный опыт СССР и восточноевропейских стран заключается в том, что реформа экономической структуры не может проводиться изолированно, она должна тесно сочетаться с реформой политической структуры». (Необходимо отметить, что автор имел в виду опыт не только нынешних реформ в СССР и других восточноевропейских социалистических стран, но и реформы 50—60-х гг.) Подчеркивая взаимосвязь экономической и политической реформ, автор пишет, что «реформа политической системы путем налаживания партийно-административных отношений, сокращения аппарата и передачи прав низовым органам, усиления демократии и законности, установления кадровой системы назначения достойных и сокращения лишнего штата, обновления идейных представлений у людей подготавливает необходимые социально-политические условия для реформы политической структуры и тем самым обеспечивает прочное и глубокое проведение реформы политической системы, содействует модернизации общества в целом»⁶⁸.

Все эти «моменты, заслуживающие изучения», действительно важны для Китая, так как политическая реформа стоит там на повестке дня.

В ходе осуществления политической реформы в Китае на практике, безусловно, методы и средства ее проведения будут конкретизироваться и уточняться в соответствии с условиями и требованиями китайской действительности. Об этом справедливо говорят китайские специалисты. Однако следует отметить, что материалы китайской прессы, знакомящие китайцев с социально-политическими изменениями в нашей стране, свидетельствуют о том, что интерес к этой области советской перестройки в Китае не меньше, чем к ее экономическому аспекту. И интерес этот растет. Взаимное изучение теории и практики социалистического строительства и обмен опытом имеют важное значение и для Китая, и для СССР. Сходство основных задач в процессе самосовершенствования социализма, уважение к мнению друг друга уже стали важным фактором, способствующим увеличению взаимопонимания между нашими странами.

¹ «Правда», 26.VI.1987.

² См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 24.II.1986.

³ «Шицзе цзинцзи», 1987, № 2, с. 22.

⁴ См. там же, 1987, № 1, с. 57.

⁵ Обзор экономики СССР. Пекин, 1985, с. 475 (на кит. яз.).

⁶ См. там же, с. 476.

⁷ «Лилунь синьси бао», 23.II.1987.

⁸ См., напр.: «Жэньминь жибао», 12.IV.1986.

⁹ Там же, 7.I.1986.

¹⁰ Там же, 26.III.1986.

¹¹ См.: «Шицзе чжиши», 1986, № 3, с. 5.

¹² «Жэньминь жибао», 26.VII.1986.

¹³ «Шицзе чжиши», 1986, № 20, с. 10.

¹⁴ См.: «Шицзе цзинцзи», 1987, № 2, с. 21.

¹⁵ См. там же, с. 22.

¹⁶ «Шицзе цзинцзи», 1987, № 2, с. 23.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Цзинцзи жибао», 7.III.1987.

¹⁹ Там же, 7.III.1987.

²⁰ «Баньюэ тань», 1987, № 1, с. 33.

²¹ «Гуанмин жибао», 23.II.1987.

²² См.: «Лилунь синьси бао», 23.II.1987.

²³ См.: «Жэньминь жибао», 3.VIII.1986.

²⁴ «Лилунь синьси бао», 23.II.1987.

²⁵ «Гуанмин жибао», 23.II.1987.

- ²⁶ См.: «Жэньминь жибао», 2.II.1987.
²⁷ См.: «Баньюэ тань», 1987, № 1, с. 34.
²⁸ «Лилунь синьси бао», 23.II.1987.
²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 4.IV.1986.
³⁰ См. там же, 22.XI.1986.
³¹ См. там же, 2.XII.1986.
³² См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 23.VI.1986.
³³ «Жэньминь жибао», 25.XII.1986.
³⁴ Там же.
³⁵ «Шицзе цзинцзи», 1987, № 2, с. 24.
³⁶ «Шицзе цзинцзи даобао», 12.V.1986.
³⁷ См.: «Жэньминь жибао», 10.IX.1986.
³⁸ См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 12.V.1986.
³⁹ См. там же, 19.V.1986.
⁴⁰ См.: «Шицзе чжиши», 1986, № 18, с. 12.
⁴¹ См.: «Жэньминь жибао», 10.IX.1986.
⁴² Там же, 6.III.1986.
⁴³ См. там же.
⁴⁴ «Жэньминь жибао», 10.IX.1986.
⁴⁵ «Шицзе цзинцзи даобао», 28.VII.1986.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ «Жэньминь жибао» 10.IX.1986.
⁴⁸ См. там же, 12, 26.VIII.1986.
⁴⁹ См.: «Гуанмин жибао», 3.II.1987.
⁵⁰ См.: «Жэньминь жибао», 25.XII.1986.
⁵¹ Там же, 6.VI.1986.
⁵² Там же.
⁵³ См.: «Жэньминь жибао», 6.XII.1986.
⁵⁴ См.: «Гуанмин жибао», 8.I.1987.
⁵⁵ См.: «Жэньминь жибао», 5.XI.1986.
⁵⁶ «Баньюэ тань», 1987, № 1, с. 32.
⁵⁷ См.: «Лилунь синьси бао», 23.II.1987.
⁵⁸ «Шицзе цзинцзи», 1987, № 2, с. 21.
⁵⁹ «Жэньминь жибао», 25.XII.1986.
⁶⁰ «Ляован», 1987, № 10, с. 26.
⁶¹ См. там же, с. 27.
⁶² См.: «Жэньминь жибао», 28.II.1987.
⁶³ См. там же, 26.VI.1987.
⁶⁴ См., напр.: «Шицзе цзинцзи», 1986, № 3, с. 43.
⁶⁵ «Синьхуа вэньчжай», 1987, № 1, с. 45.
⁶⁶ «Лилунь синьси бао», 23.II.1987.
⁶⁷ Там же, 23.II.1987.
⁶⁸ «Хунци», 1986, № 22, с. 12.

Перестройка банковского дела в КНР

*Б. Г. ФЕДОРОВ,
кандидат экономических наук*

Реформа банковской системы — неотъемлемая составная часть экономических преобразований, проводимых в Китае с конца 70-х гг. Практически с самого начала курс на повышение роли товарно-денежных отношений, на переход от администрирования к экономическим методам управления народным хозяйством предполагал коренную перестройку банковской системы, активизацию роли банков и их воздействия на экономические процессы. В решающую стадию реформа банковской системы вступила в сентябре 1983 г., когда Госсовет КНР принял решение о превращении Народного банка Китая в настоящий центральный банк, координирующий и направляющий деятельность всех кредитных учреждений с помощью экономических рычагов.

Преобразования в банковской сфере Китая заключаются прежде всего в разделении функций центрального банка и специализированных коммерческих банков и других институтов, занимающихся определенными операциями по обслуживанию тех или иных отраслей, регионов и т. д. За последние годы было создано довольно много новых банков и кредитных учреждений (в том числе за счет отдельных подразделений Народного банка Китая) и образовалась весьма обширная банковская система. В центре системы находится Народный банк, роль которого неизмеримо возросла. Намеренно допускается дублирование функций отдельных банков, так как контролируемая конкуренция между ними рассматривается как важнейший стимул повышения эффективности всей банковской системы.

За последние годы в Китае появилось понятие денежно-кредитной политики как средства регулирования народного хозяйства. Значительно расширены права банковских учреждений, разрешены многие новые виды банковских операций. Предприняты конкретные шаги по развитию внутреннего рынка капиталов и повышению роли кредита в развитии экономики. Значительно активизировалась международная деятельность китайских банков, а иностранные банки получили возможность проводить операции в КНР.

Многие из новых тенденций в банковской сфере Китая характерны и для других социалистических государств (повышение роли банков и расширение их самостоятельности, интенсификация использования денежно-кредитных рычагов, улучшение банковского обслуживания экономики и т. д.). Некоторые другие нововведения, например разделение функций центрального и отраслевых банков, создание подобия рынка ценных бумаг, в сходной форме можно найти в Венгрии. Не все они, на наш взгляд, бесспорны и вполне оправдывают себя на практике. В организации банковского дела прослеживается иногда излишне сильное стремление ориентироваться на опыт западных стран. Тем не менее преобразования в банковской системе Китая представляют несомненный интерес для всех стран социализма, могут помочь найти верные пути развития и избежать возможных ошибок.

Народный банк Китая и специализированные банки

Ведущее банковское учреждение Китая — Народный банк Китая, созданный в 1948 г. В последние годы роль Народного банка резко возросла — он вышел из подчинения министерству финансов и получил самые широкие полномочия.

После выделения в 1984 г. из состава Народного банка Китая Торгово-промышленного банка центральный банк резко ограничил свою деятельность по обслуживанию предприятий и населения. В его функции теперь входит осуществление официальной денежно-кредитной и валютной политики, эмиссия наличных денег и контроль за денежным обращением, кредитным и валютным положением страны, установление валютных курсов и процентных ставок, управление валютными резервами и регулирование денежного рынка.

Как и любой другой центральный банк, Народный банк Китая является «банком правительства» (осуществляет кассовое исполнение госбюджета, обслуживает государственные учреждения) и «банком банков» в качестве единого расчетного центра и кредитора последней инстанции. Народный банк контролирует деятельность китайских и иностранных банков, осуществляет надзор за всеми иностранными заимствованиями и операциями с драгоценными металлами (а также сам ими торгует). Народный банк Китая представляет страну в международных валютно-финансовых организациях, в том числе в Международном валютном фонде (МВФ), Международном банке реконструкции и развития (МБРР), Азиатском банке развития.

Важнейший инструмент воздействия Народного банка на экономику — сводный кредитный план страны. Он состоит из планов специализированных банков и преследует цель сбалансирования спроса и предложения кредитных ресурсов в интересах последовательного развития народного хозяйства. План устанавливает показатели кредитования и привлечения депозитов, выполнение которых контролируется с помощью процентной политики и ограничения депозитной базы. Весь план разбирается на региональные разделы, регулирующие взаимоотношения отделений Народного банка и специализированных банков на местах.

Ведущее положение центрального банка в ограничении кредитной экспансии также обеспечивается обязательным депонированием в нем части депозитов специализированных банков (в том числе Строительного банка). До 1985 г. для различных категорий депозитов нормы редепонирования в центральном банке составляли 20—40 %, а в настоящее время установлена единая норма в размере 10 %, позволяющая Народному банку в совокупности контролировать примерно треть всех депозитов банковской системы (с учетом вкладов в нем государственных учреждений) ¹.

Количественные ограничения кредита дополняются системой кредитования центральным банком специализированных банков. До определенного лимита он дает кредиты по ставке 4,68 %, а сверх лимита — по 5,04 %. Сам Народный банк платит по депозитам других банков только 4,32 %.

Общая структура и уровень процентных ставок устанавливаются Народным банком, перед которым поставлена задача всемерного повышения роли процентных ставок как экономического рычага, создания гибкого механизма регулирования денежно-кредитной сферы на базе учетной ставки. Процентные ставки уже несколько раз повышались, и их уровень значительно выше в отношениях с населением и предприятиями, чем в межбанковских отношениях (по срочным вкладам населения платят 6,84 %, а ставки по кредитам предприятиям колеблются от 8 до 11 %). Рост ставок, несомненно,

помогает сдерживать кредитную экспансию и «перегрев» экономики, хотя увеличение общего объема кредитования и денежной массы в обращении остается чрезмерным.

В последнее время отделениям Народного банка и специализированным банкам предоставлены значительные права по распределению кредитных ресурсов в рамках лимитов, маневрированию между категориями кредитов, контролю за использованием кредитов, применению штрафных и льготных ставок, отказу в предоставлении кредитов. Например, для хорошо работающих предприятий ставки могут снижаться на $\frac{1}{5}$, а для неэффективных предприятий — на столько же повышаться. Для приоритетных отраслей кредиты предоставляются по очень низким льготным ставкам (2—4%), есть возможность варьировать сроками.

Большое значение имеет система централизованных расчетов через Народный банк Китая, которая фактически была создана только в 1985 г. Между тем такой межбанковский клиринг играет принципиальную роль в повышении эффективности всей банковской системы. Теперь все банки имеют в центральном банке собственные клиринговые счета, по которым не допускается автоматическая задолженность. Делаются попытки усовершенствовать систему расчетов на местах на базе отделений Народного банка: в перспективе она может стать основой межбанковского денежного рынка (уже выдаются кредиты на срок до 10 дней за счет неиспользованных квот других банков).

Еще один важный централизованный денежный рычаг — эмиссия казначейских облигаций, которая возобновилась в 1981 г. Облигации призваны прежде всего покрывать нужды государства без увеличения банковского кредита. В 1982—1985 гг. выпущено облигаций примерно на 18 млрд. юаней, причем в 1985 г. сумма эмиссии была увеличена на 2 млрд. юаней². Первоначально казначейские облигации распространялись только среди юридических лиц (в том числе в обязательном порядке), а с 1982 г. и среди населения, которое получает повышенный процент (9% против 5% для предприятий).

Государство теперь делает упор на банковскую систему как главный канал поступления финансовых ресурсов в народное хозяйство. Произошел поворот от использования кредита только для покрытия непредвиденных или временных сверхнормативных потребностей в кредитах в сторону целенаправленного его применения для увеличения основных фондов и оборотных средств. Поставлена задача по возможности избавиться от государственных ассигнований и дотаций, перевести все предприятия на самофинансирование. Только в 1979—1984 гг. удельный вес внебюджетного финансирования капиталовложений вырос с 35 до 60%, и эта тенденция продолжится³. Даже часть бюджетных ассигнований в последнее время стала предоставляться предприятиям в форме кредита под процент. Всемерное повышение роли кредита и ужесточение платежной дисциплины позволяют банкам усилить экономический контроль за предприятиями и тем самым способствовать поступательному развитию экономики.

Народный банк сегодня стоит во главе быстро развивающейся банковской системы, в которую входят Торгово-промышленный банк, Сельскохозяйственный банк, Банк Китая, Международная посредническая инвестиционная компания Китая, местные коммерческие банки, кредитные кооперативы, иностранные банки и другие учреждения.

Крупнейшим специализированным банком является Торгово-промышленный банк Китая (ТПБ), образованный в 1984 г. на базе подразделений Народного банка. Сегодня его активы достигают примерно 100 млрд. долл.,

он имеет 3 тысячи отделений и 300 тысяч сотрудников⁴. ТПБ специализируется преимущественно на обслуживании предприятий и населения в городах — расчеты, прием вкладов, кредитования. С ноября 1984 г. он начал активно развивать международные операции в специальных экономических зонах и устанавливать корреспондентские отношения с иностранными банками. Ожидается, что в перспективе ТПБ станет главным конкурентом Банка Китая в обслуживании внешнеэкономических связей (например, в 1984 г. им одновременно разрешили выдавать валютные кредиты для финансирования импорта передовой технологии).

Сельскохозяйственный банк Китая был восстановлен в 1979 г. для банковского обслуживания крестьян, кооперативов и различных предприятий в сельской местности. В настоящее время Сельскохозяйственный банк быстро развивает свою деятельность (например, он также начал предлагать экспортерам валютные кредиты) и его значение повышается.

Строительный банк (основан в 1954 г.) и Инвестиционный банк (основан в 1981 г.) подчинены министерству финансов, так как были созданы для перераспределения государственных ресурсов (Инвестиционный банк — кредитов, полученных от международных организаций; Строительный банк, имеющий 270 отделений и 46 тыс. служащих, финансирует и во все большей степени кредитует крупные строительные объекты, аккумулирует инвестиционные ресурсы предприятий, контролирует эффективность капиталовложений). Оба банка постепенно отходят от роли простых финансовых агентов правительства и совершенствуют свою деятельность.

Среди других кредитных институтов выделяются Банк Китая и Международная посредническая инвестиционная компания, специализирующиеся на внешнеэкономической деятельности. В стране также действуют 62 региональные посреднические инвестиционные компании (нечто вроде местных инвестиционных банков), мелкие кредитные кооперативы в сельской местности и с 1986 г. в городах (прием вкладов, кредиты, страхование). В последнее время отмечается быстрое развитие сети местных кредитных учреждений, вызванное нехваткой отделений всекитайских банков и их слабой работой.

В некоторых районах Китая действуют также провинциальные коммерческие банки, занимающиеся довольно широким кругом операций. Так, в Пекине базируется Банк Китая и Южного моря (основан в 1921 г., 13 отделений), Государственный банк Китая (основан в 1927 г., 17 отделений), Национальный торговый банк (основан в 1907 г., 12 отделений), Национальный промышленный банк (основан в 1919 г., 13 отделений), активы каждого из которых составляют примерно 1 млрд. долл.⁵

В Пекине также расположена штаб-квартира Транспортного банка (основан в 1907 г., 25 отделений, активы — 3 млрд. долл.), действующего главным образом в Сянгане (Гонконге) в составе группы Банка Китая. В середине 1986 г. было объявлено о создании в Шанхае всекитайского банка с таким же названием, который будет предоставлять полный набор банковских услуг по всей стране (в том числе в иностранных валютах). Этот банк уже получил статус специализированного банка под контролем Национального банка Китая, а капитал его принадлежит широкому кругу учреждений.

Следует отметить довольно быстрое функциональное и техническое развитие китайской банковской системы: выпуск коммерческих векселей, акций и облигаций, развитие рынка ценных бумаг, привлечение сбережений населения через почтовые отделения, первые опыты по использованию кредитных карточек (первоначально для иностранцев) и дорожных чеков, лизинг оборудования, чековые счета в Торгово-промышленном и Сельскохозяйствен-

ном банках. Все эти меры и быстрое распространение ЭВМ позволяют существенно улучшить банковское обслуживание предприятий и населения, хотя по сравнению с развитыми странами продолжает наблюдаться техническая отсталость, недостаточная квалификация кадров, несовершенство системы управления банками.

Рынок капиталов⁶

В 1985—1986 гг. китайские власти предприняли ряд шагов по развитию внутреннего рынка капиталов, призванного заменить административное перераспределение финансовых ресурсов. Участниками этого рынка должны стать государственные банки и учреждения, предприятия и кооперативы, иностранные банки и совместные предприятия, живущие за рубежом китайцы и т. д. По словам Чэнь Мухуа, председателя Народного банка Китая, контролируемое «открытие» рынка капиталов в приемлемых для условий Китая формах предполагается провести постепенно, шаг за шагом. Развитие и совершенствование «социалистической рыночной экономики» требуют создания эффективного рынка, который стал бы инструментом контроля за банковской системой, позволил бы развивать горизонтальные хозяйственные связи, более рационально распределять и использовать финансовые ресурсы.

В первую очередь в Китае предполагают развивать краткосрочный межбанковский рынок: банки и другие кредитные учреждения получают право кредитовать друг друга, а центральный банк становится активнейшим участником такого рынка в качестве регулирующего органа. Предполагается, что свободная циркуляция финансовых ресурсов между банками будет стимулировать горизонтальный перелив капиталов и эффективное использование кредита.

В 1985—1986 гг. китайские власти поставили задачу по предотвращению «перегрева» экономики, в том числе с помощью сдерживания кредитной экспансии, без ущерба для национальной промышленности. Для этого, помимо других мер, было введено резкое ограничение новых кредитов, и уже к середине 1986 г. искусственная нехватка кредитных ресурсов оценивалась в 25 млрд. юаней⁷. В результате темпы роста промышленного производства снизились с 23 % в первом полугодии 1985 г. до 5 % в первом полугодии 1986 г. Однако очевидно, что ограничение кредита бьет не только по необоснованным или преждевременным проектам и нерентабельным предприятиям, но и по передовым предприятиям, производящим нужную продукцию. Один из выходов — изымание избыточной ликвидности у одних предприятий (и населения) в пользу других предприятий на условиях определенного вознаграждения. В этих целях в Китае в последние годы очень быстро растет использование различных форм ценных бумаг.

В 1986 г. впервые после 1949 г. был разрешен выпуск предприятиями коммерческих векселей в 10 городах. Однако эмитентами векселей могут выступать только рентабельные предприятия для преодоления нехватки финансовых ресурсов. Учетная ставка по векселям должна стать еще одним рычагом, воздействующим на эффективность работы предприятий — чем лучше показатели предприятия, тем ниже дисконт. По сообщениям прессы, коммерческие векселя позволили ослабить негативные последствия ограничения кредита, но Народному банку в 1986 г. все-таки пришлось предоставить специальные дополнительные кредиты на сумму 5 млрд. юаней.

Быстро расширяется выпуск предприятиями акций и облигаций как формы мобилизации финансовых ресурсов. В конце 1986 г. насчитывалось примерно 6000 предприятий, выпустивших акции на сумму более 6 млрд.

юаней⁸. В печати сообщалось, например, о магазине в Шанхае, который два года назад выпустил акции, а в 1986 г. выплатил 18 тыс. акционеров дивиденд в 15 %. В некоторых случаях уровень дивидендов достигал 24 %, распространены облигации, по которым выплачиваются и проценты и выигрыши, погашение может производиться продукцией предприятия.

Ценные бумаги промышленных предприятий обычно имеют сроки от 1 года до 5 лет и номиналы от 50—100 юаней (для покупок населением) до 10 тыс. и более юаней (для предприятий и банков). В некоторых случаях разрешено досрочное погашение ценных бумаг и право их наследования. Иногда акционеры имеют некоторые привилегии, например по приему их родственников на работу, что в условиях безработицы немаловажно. В большинстве случаев китайские ценные бумаги представляют собой гибриды акций и облигаций в обычном представлении (например, акции могут одновременно приносить фиксированный процент и дивиденды по результатам работы предприятия). Облигации выпускаются, как правило, с процентным доходом выше, чем по вкладам в банках.

Эмиссия ценных бумаг предприятий производится по нескольким основным каналам. Во-первых, предприятия могут выпускать акции для распространения только среди своих рабочих и служащих. Во-вторых, ценные бумаги выпускаются для свободной продажи всем желающим с помощью банков. Многие совместные предприятия при участии иностранных фирм созданы на акционерной основе и выпускают ценные бумаги. Одна из важнейших функций провинциальных посреднических инвестиционных компаний — привлечение средств с помощью ценных бумаг для инвестирования в различные предприятия.

Эмиссия и торговля ценными бумагами в Китае находятся в ведении Народного банка Китая. Он и Торгово-промышленный банк организуют выпуск и хранение ценных бумаг для предприятий, осуществляют выплату процентов и дивидендов и выступают посредниками в купле-продаже акций и облигаций. Аккумулирование средств на производственные нужды с помощью ценных бумаг получило в Китае название «социального финансирования», так как прямыми кредиторами выступают предприятия и население. Ближайшем будущем ожидается принятие специального законодательства, регулирующего эмиссию ценных бумаг.

Торгово-промышленный банк является одним из крупнейших эмитентов облигаций в Китае: на 1986 г. было запланировано выпустить облигаций на 1,5 млрд. юаней, что в 3 раза больше, чем в 1985 г. Полученные средства используются для выдачи кредитов предприятиям и населению. Облигации имеют номиналы в 50, 100 и 500 юаней и приносят 9 % годового дохода.

С 1986 г. под контролем Народного банка начал развиваться вторичный рынок ценных бумаг. В августе 1986 г. посредническая инвестиционная компания в Шэньяне открыла первый в стране специальный рынок для бумаг двух крупных предприятий. Облигации могут быть проданы прямо компании или доверены ей для продажи по желаемой цене, куплены или проданы непосредственно в помещении рынка. По каждой сделке посредническая инвестиционная компания взимает комиссию в 0,4—2,0 % номинала. Ежедневно рынок посещает до 500 представителей предприятий и банков, частных лиц, а объем операций составляет около 20 тыс. юаней. Колебания цен на бирже ограничены фиксированными рамками.

В сентябре 1986 г. под эгидой местной посреднической инвестиционной компании возобновила работу фондовая биржа в Шанхае (в качестве брокера компания взимает 0,3 %), а в конце октября было сообщено об органи-

зации рынка ценных бумаг в Ухани. Вполне вероятно, что такие рынки и биржи в ближайшем будущем появятся и в других центрах.

Попытки развития рынка капиталов, стимулирование выпуска ценных бумаг вызывают довольно противоречивые отклики внутри Китая. Высказываются опасения, что данные явления представляют собой «возрождение капиталистических отношений», могут способствовать росту нетрудовых доходов и т. д. Многие в китайском опыте не бесспорно и нуждается в тщательном изучении. Однако очевидно, что ценные бумаги государственных предприятий ничем принципиально не отличаются от традиционных в странах социализма госзаймов и даже лотерей, если не затрагивают отношения собственности. И госзаймы и облигации предприятий используются для аккумуляции и рационального перераспределения средств в экономике, разница лишь в степени централизации этого процесса.

Международные банки Китая и внешние заимствования

Международными операциями в настоящее время занимаются главным образом два кредитных учреждения — Банк Китая (основан в 1907 г.) и Международная посредническая инвестиционная компания Китая (основана в 1979 г.).

Банк Китая (в свое время частный банк) уже многие десятилетия пользуется высокой репутацией на международных рынках. Только в 1983—1985 гг. суммарные активы Банка Китая выросли со 138 до 261 млрд. юаней, а чистая прибыль — с 1,2 до 1,8 млрд. юаней⁹. В настоящее время Банк Китая располагает внутри страны 344 отделениями с 18,3 тыс. сотрудников и 310 отделениями с 10 тыс. сотрудников за границей, главным образом в Сянгане (Гонконге) и Аомыне (Макао), а также в Лондоне, Люксембурге, Нью-Йорке и т. д.

По своим функциям Банк Китая — типичный внешнеторговый банк. Он осуществляет основную массу расчетов по внешней торговле, ведет счета в валюте для резидентов и нерезидентов, предоставляет кредиты в юанях и валюте (в том числе льготные для экспортного производства), обслуживает совместные предприятия с участием западных фирм, выпустил кредитные карточки «Великая стена», привлекает экспортные и другие кредиты из-за границы и т. д.

Отличительная особенность Банка Китая — активная деятельность за границей, в том числе обслуживание местной клиентуры, а не только внешнеэкономических связей Китая. Так, в Сянгане, где на 250 учреждений группы Банка Китая приходится почти 25 % всех банковских депозитов, он выдал в 1982—1985 гг. кредиты местным предприятиям на сумму почти 730 млн. долл. и вложил 270 млн. долл. в 143 смешанные компании¹⁰. Существует мнение, что Банк Китая стремится максимально укрепить свои позиции в Сянгане в преддверии 1997 г. Характерно, что в Великобритании Банк Китая, действующий там с 20-х гг., не ограничился одним учреждением в Лондоне, а открыл также конторы в двух других городах (Манчестере и Ливерпуле).

В 1979 г. было создано новое международное банковское учреждение — Международная посредническая инвестиционная компания Китая — СИТИК (от англ. The China International Trust Investments Corporation).

По своим функциям СИТИК более всего напоминает инвестиционный банк: основная ее задача заключается в привлечении иностранных капиталов в Китай и осуществлении капиталовложений¹¹. СИТИК получила права министерства и часто действует по прямым указаниям Госсовета. СИТИК

первая нарушила монополию Банка Китая в области валютных операций и в некоторых случаях конкурирует с ним.

СИТИК — одна из наиболее высокоорганизованных и динамичных кредитных учреждений Китая. Она очень быстро расширяет свою деятельность как в Китае, так и за границей, приобрела в Сянгане банк «Ка Ва» (его главой теперь является бывший председатель Банка Китая), участвует в совместной финансовой компании с «Ройал бэнк оф Канада», планирует создать в 1987 г. совместный банк в Китае.

В перспективе СИТИК планирует распределить свои функции между формально независимыми дочерними компаниями, среди которых будут банк, торговая компания, фирма по операциям с недвижимостью (уже создана), подразделение, специализирующееся на инвестициях в совместные предприятия.

Помимо Банка Китая и СИТИК, во внешней сфере в той или иной форме действуют и другие банковские учреждения (например, Транспортный банк), хотя они пока, как правило, не могут открывать заграничные учреждения. Однако в 1986 г. посредническая инвестиционная компания Гуандуна основала в Сянгане две компании по торговле ценными бумагами (одну — совместную). Кроме того, китайское судоходное объединение вместе с одной американской компанией установило контроль над гонконгским «Юнион бэнк» и стало первым нефинансовым учреждением, проникшим в банковскую сферу.

Китайские зарубежные банки играют важную роль не только в обслуживании внешнеэкономических связей страны, но и в приобретении необходимого для осуществления намеченных реформ опыта. Например, в Сянгане китайские банки широко используют кредитные карточки, автоматические кассовые аппараты, новые формы ипотечного кредита, эмиссию депозитных сертификатов и векселей, компьютеры и электронные средства связи. Все китайские банки планируют дальнейшее расширение заграничных операций (только в Сянгане группа Банка Китая в 1987 г. должна открыть дополнительно 100 отделений).

Международные банки Китая играют активную роль в мобилизации капиталов на иностранных рынках для развития народного хозяйства страны. Заграничные заимствования, которые значительно увеличились по мере разворачивания экономических реформ, осуществляются по следующим основным каналам: привлечение кредитов (от коммерческих банков, правительств, МБРР), выпуск облигационных займов, прямые иностранные инвестиции в Китае (прежде всего в совместные предприятия).

Суммарный внешний долг Китая составляет примерно 15 млрд. долл., но при нынешних темпах роста к концу десятилетия может достигнуть 49 млрд. долл.¹² Китай получил существенные инъекции капитала в результате вступления в МВФ, МБРР, МАР (только в 1984—1985 гг. не менее 2 млрд. долл.). До конца пятилетки от МБРР поступит примерно 3 млрд. долл. Около половины всех кредитов предоставили иностранные правительства. Официального лимита на рост внешней задолженности нет, но некоторые китайские руководители указывали, что обслуживание долга (ежегодные выплаты процентов и основной суммы) не превысит 15—20 % валютных поступлений от экспорта.

Рыночные заимствования возложены в основном на Банк Китая, в меньшей степени на СИТИК и осуществляются в форме экспортных и синдицированных кредитов, международных облигационных займов с фиксированной и плавающей ставкой, депозитных сертификатов и т. д. Китай пользуется достаточно высокой репутацией на международных кредитных рын-

ках и имеет возможность проводить заимствования на выгодных условиях (практически наравне с индустриальными государствами). Важнейшая особенность китайских внешних заимствований — самое активное среди социалистических стран использование эмиссии ценных бумаг, так как это помогает Китаю снизить стоимость заимствований, расширить круг кредиторов, повысить свою репутацию на финансовых рынках.

Средне- и долгосрочные внешние заимствования КНР
в 1981—1986 гг. (в млн. долл. США)

	1981	1982	1983	1984	1985	1986
Суммарные заимствования	452,5	360,0	128,4	307,9	3191,5	3347,5
Банковские кредиты	452,5	315,5	107,9	226,2	2231,9	1964,1
в т. ч. на еврорынке	452,5	50,0	104,5	191,5	2151,5	1614,8
на внутренних рынках западных стран	—	265,5	3,4	34,7	80,4	229,6
Облигационные займы	—	44,5	20,5	81,7	953,9	1384,4
(удельный вес в %)	—	(12,4)	(16,0)	(26,5)	(29,9)	(41,3)
в т. ч. на еврорынке	—	—	—	—	439,3	516,0
на внутренних рынках западных стран	—	44,5	20,5	81,7	520,6	867,4

Источник: Monthly Financial Statistic, OECD, 1981—1987.

Чаще всего Китай выпускает облигации с фиксированной процентной ставкой в иенах на рынке Токио (так называемые облигации «самурай»). Среди других рынков используются Сянган и Франкфурт. Лондон был долгое время закрыт для Китая из-за финансовых претензий по дореволюционным долгам. Например, в 1986 г. «Дойче банк» попытался организовать в Лондоне облигационный заем для Китая, но под нажимом Банка Англии был вынужден перенести его во Франкфурт. В 1987 г. взаимные претензии КНР и Великобритании были урегулированы.

В последние годы относительно небольшие иностранные заимствования (в том числе в форме выпуска ценных бумаг) начали производить некоторые посреднические инвестиционные компании, крупные промышленные предприятия и различные организации. Для упорядочения иностранных заимствований правительство опубликовало список государственных учреждений, которые имеют право гарантировать привлечение кредитов предприятиями (в том числе Банк Китая и СИТИК)¹³.

Все внешние заимствования требуют официального разрешения властей и представления детального плана использования иностранной валюты. Общий контроль осуществляет Народный банк Китая (через Главное управление валютного контроля), а в рассмотрении планов участвуют все центральные экономические ведомства. При отсутствии у предприятия валюты для погашения кредита оно пользуется кредитом Банка Китая или покупает валюту у другого предприятия. Прямые иностранные инвестиции санкционирует, как правило, Министерство внешнеэкономических связей и торговли и местные органы власти. Во всех случаях разрешения выдаются после изучения вероятного экономического эффекта от кредитов и инвестиций.

Симптоматично, что в последнее время Китай не ограничивается привлечением ресурсов с международных рынков и сам иногда принимает участие в кредитных консорциумах в качестве кредитора. Так, Банк Китая участвовал в качестве менеджера в ряде еврозаймов, является одним из руководителей консорциума из 10 международных банков, созданного для финансирования строительства туннеля стоимостью 350 млн. долл. в Сянгане¹⁴.

Иностранные банки в Китае

Составной частью экономических реформ на современном этапе является также предоставление иностранным коммерческим банкам довольно широких полномочий по проведению операций на территории КНР. С августа 1985 г. иностранным банкам разрешено, помимо представительств, открывать отделения в специальных экономических зонах (формально весь период народной власти в Шанхае продолжали действовать отделения «Стандард Чартед бэнк», «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн», «Бэнк оф Ист Эйша», «Оверси-Чайниз бэнкинг корпорейшн»).

На середину 1986 г. в Китае было представлено 93 иностранных банка, располагавших 22 отделениями и 148 представительствами. Представительства могут быть открыты во всех регионах, но в основном сосредоточены в Пекине (79), Шанхае (24), Гуанчжоу (20) и т. д. Наиболее широко в Китае сегодня представлены банки: гонконгский «Гонконг энд Шанхай» (3 отделения и 3 представительства), британский «Стандард Чартед» (2 отделения и 3 представительства), японские «Бэнк оф Токио» (1 отделение и 4 представительства) и «Санва бэнк» (1 отделение и 4 представительства). Больше всего в Китае представлены банки Японии, ФРГ, США, Франции, Швеции.

Представительства иностранных банков занимаются главным образом установлением контактов с китайскими организациями, сбором и анализом коммерческой информации, консультациями и другой помощью клиентам. Большинство банков открыли представительства в основном в расчете на будущее развитие торгово-экономического сотрудничества с Китаем и пока не получают от них реальной отдачи. Важные препятствия — очень высокие издержки по содержанию представительств и различные организационные трудности.

18 западных банков в настоящее время имеют в Китае 22 отделения: 11 — в Шэньчжэне, 5 — в Сямыне, 4 — в Шанхае и 2 — в других районах. Иностранные банки полностью ориентированы на международный бизнес, обслуживают иностранные и совместные предприятия. Круг разрешенных операций относительно узок, хотя в последние годы был принят ряд мер по расширению сферы деятельности иностранных банков. Отделения могут заниматься финансированием внешней торговли и отдельных проектов, кредитовать в валюте и принимать депозиты (в валюте и юанях) от совместных предприятий, совершать валютные (конверсионные) операции и т. д. Ожидается, что уже в ближайшем будущем иностранным банкам разрешат обслуживать китайские предприятия и организации.

Деятельность иностранных банков в Китае весьма детально регламентирована, что в настоящее время фактически исключает серьезную конкуренцию с национальными банками. Для отделений иностранных банков установлены очень высокие требования к собственным средствам (капиталу) — не менее 12,5 млн. долл. (в других странах к отделениям таких требований нет), что заставило «Сити бэнк» и некоторые другие банки воздержаться от открытия отделений. Общий надзор осуществляет Народный банк Китая, а тарифы и условия по большинству операций иностранных банков, включая аккредитивы, учет векселей, гарантии, переводы за границу, устанавливаются Банком Китая.

Иностранные банки пытаются развивать и некоторые новые формы экономического сотрудничества с Китаем. «Чейз Манхеттен бэнк» организовал специальную консультационную фирму. Ряд банков Сянгана, Франции, США, ФРГ и Италии и китайские банки основали несколько совместных лизинговых компаний, сдающих в аренду китайским и совместным предприятиям машины и оборудование. Так, «Сосьете женераль» и «Бэнк оф Ист Эйша» организовали

вместе с Банком Китая фирму «Три-Лиз», «Фёрст интерстейт бэнк оф Калифорния» — аналогичную фирму вместе с Торгово-промышленным банком Китая.

Новым явлением в деятельности иностранных банков в Китае стало создание совместных банков. Первый такой банк — «Сямынь интернэшнл бэнк» — был организован в декабре 1985 г. гонконгской группой «Панин» (49 % капитала) и тремя китайскими финансовыми учреждениями. Этот банк уже имеет дочерние компании в Сянгане и Аомыне и в 1986 г. получил 14 млн. гонк. долл. чистой прибыли. До этого совместные банковские учреждения создавались только за границей.

В середине 1986 г. было подписано соглашение об организации еще одного совместного банка — «Чайна интернэшнл файненс компани» в Шэньчжэне. Акционерами нового банка (капитал — 14 млн. долл., оплаченная часть — 7 млн. долл.) с долями по 20 % стали местное отделение Банка Китая, «Бэнк оф Ист Эйша» (Сянган), «Секьюрити Пасифик бэнк» (США), «Сумитомо бэнк» и «Номура секьюритиз» (Япония)¹⁵. Предполагается, что этот банк будет проводить операции во всех районах страны, а не только в специальных экономических зонах.

Деятельность иностранных банков в Китае вызывает много вопросов и споров. Во-первых, подвергается сомнению сама целесообразность создания иностранных банков. Денежно-кредитная и валютная сферы играют слишком важную роль в социалистическом хозяйстве. Через банки осуществляются контрольно-регулирующие функции, чтобы допустить полноправное функционирование капиталистических кредитных институтов. Поэтому, хотя иностранные банки используются прежде всего в области международных операций в целях экономии валютных ресурсов и приобретения соответствующего опыта, более предпочтительными выглядят совместные банки, фактически не выходящие из рамок государственного сектора. Во-вторых, критикуются попытки правительства использовать иностранные банки как дополнительный источник валютных поступлений (по оценкам, только плата за аренду помещений, средства связи, наем китайских служащих приносит свыше 50 млн. долл.). Политика китайских властей привела к некоторому спаду эйфории среди западных банкиров — большинство банков воздерживаются от расширения штатов.

В принципе иностранные банки выполняют определенные полезные функции и способствуют ускорению развития внешнеторговых связей Китая. Однако складывается впечатление, что нет четкой программы или стратегии в отношении иностранных банков, не определено до конца их место ни в банковской системе, ни в экономических реформах. Почти полностью отсутствует детально разработанная система надзора центрального банка за иностранными кредитными институтами (наборы показателей, критериев, форм отчетности и т. д.), то есть финансовое положение иностранных банков в Китае пока контролируется слабо, что может в перспективе привести к негативным последствиям.

Валютная система Китая

Валютная система Китая представляет собой совокупность специализированных учреждений, экономических и юридических рычагов, обеспечивающих в масштабах всей страны валютный контроль, регулирование и планирование, установление и использование валютного курса в качестве инструмента экономической политики государства.

Ведущий орган валютной системы — Главное управление валютного контроля (ГУВК), действующее под непосредственным руководством Народного банка Китая. ГУВК и центральный банк в валютной сфере активно взаимо-

действуют с Министерством финансов, Госпланом, Министерством внешнеэкономических связей и торговли, Банком Китая и СИТИК.

Центральным элементом валютной системы страны является сводный валютный план. В части внешней торговли он составляется Министерством внешнеэкономических связей и торговли, в части государственных учреждений — Министерством финансов, в части местных органов власти и частных лиц — ГУВК. Все части плана сводятся и координируются ГУВК совместно с Госпланом, который представляет сводный план в Госсовет КНР. Ход выполнения планов (годовой делится на квартальные) контролируется ГУВК и Банком Китая, а Госплан рассматривает окончательные итоги. На особые экономические зоны и прибрежные города распространяются специальные правила валютного планирования и регулирования.

Валютные операции на территории Китая разрешены только уполномоченным финансово-кредитным институтам. Всю иностранную валюту, полученную от внешней торговли, необходимо сдать в Банк Китая, где установленная законом часть помещается на валютный счет предприятия, а остаток обменивается на юани. В китайской прессе отмечается, что валютные отчисления в пользу предприятий слишком малы для реального стимулирования экспорта. Вслед за предприятиями в ноябре 1985 г. открывать валютные счета разрешили китайским гражданам (для гонораров, переводов от родственников и т. д.).

В 1980 г. для ликвидации возможности попадания иностранной валюты во внутренний платежный оборот для иностранцев были введены специальные валютные сертификаты, которые используются в ограниченном числе магазинов, гостиниц, для приобретения билетов на самолеты и т. д. Целесообразность этой формы денежных суррогатов подвергается сомнению, поскольку возник черный рынок сертификатов. Ожидается, что уже в ближайшем будущем, учитывая либерализацию валютного контроля, сертификаты будут отменены.

Экономические реформы в Китае, по заявлениям руководителей страны, предполагают кардинальное изменение роли валютного курса в народном хозяйстве. Он должен превратиться в активный инструмент регулирования спроса и предложения иностранной валюты и способствовать поступательному развитию внешнеэкономических связей и сбалансированности платежного баланса Китая¹⁶.

В течение первой половины 80-х гг. курс китайского юаня был привязан к «корзине» из 20 (в 1985 г.) валют ведущих торговых партнеров страны (наибольший вес был у доллара США, японской иены, гонконгского доллара). Это означало, что изменение текущего курса юаня представляет собой результат взвешенных на свои удельные веса изменений рыночных курсов валют «корзины».

Однако с 1 января 1986 г. китайские власти приняли решение отказаться от «корзины» и перейти к так называемому управляемому плаванию юаня. Дело в том, что основная цель валютной «корзины» — добиться стабильности курса, что ограничивает свободу использования валютного курса для стимулирования национального экспорта. В настоящее время ГУВК, которое ежедневно котирует курсы покупателей и продавцов, обязательные для всех операций на территории Китая, при установлении курса юаня учитывает целый ряд факторов: экономическую политику правительства, экономические потребности страны, состояние платежного баланса и положение на международных валютных рынках, покупательную способность юаня.

Для 15 наиболее важных западных валют устанавливаются срочные валютные курсы — наличный курс плюс специальная надбавка, отражающая уро-

вень процентных ставок и некоторые другие факторы. В срочных операциях (связанных только с товарной торговлей) по продаже юаней надбавка взимается во всех случаях, по покупке — только в отношении швейцарского франка и японской иены. Сроки таких операций составляют обычно 1—6 месяцев, но могут быть продлены до года.

В 1981—1984 гг. в Китае наряду с официальным курсом юаня использовался специальный пониженный расчетный курс (официальный курс и коэффициент). По этому внутреннему курсу предприятия и организации, участвующие во внешней торговле, рассчитывались с Банком Китая. Главной целью введения множественности валютных курсов было стимулирование экспорта — валютная выручка обменивается на большее количество юаней. В первое время действительно ощущался некоторый стимул для экспорта, однако в дальнейшем выявились серьезные проблемы. Наличие специального курса для внутренних предприятий уже само по себе дискриминирует иностранных инвесторов и туристов, неблагоприятно сказывается на валютных переводах хуацяо (появилась тенденция к посылке потребительских товаров, а не валюты). Кроме того, внутренний курс един для всех отраслей, хотя в каждой из них имеются различия в уровне издержек производства и других условиях (то есть не всем этот курс выгоден в равной мере). По сути дела, внутренний курс — скрытая форма субсидирования экспорта, маскирующая реальную конкурентоспособность продукции. Разница между официальным и внутренним курсом компенсируется банками и Министерством внешнеэкономических связей и торговли, и реальная эффективность экспорта существенно ниже. Еще один недостаток использования в Китае внутреннего расчетного курса — возникновение путаницы в отчетности и статистике. Учитывая все вышеуказанные факторы, в начале 1985 г. внутренний курс был отменен.

Последние годы характеризуются неуклонным понижением курса китайского юаня ко всем ведущим капиталистическим валютам (например, в конце 1984 г. — 1,9 юаня за 1 доллар США, а после девальвации на 15,8 % в июле 1986 г. — 3,7 юаня). Целенаправленное снижение курса юаня объясняется прежде всего стремлением властей увеличить экспорт и сократить дефицит торгового баланса. Кроме того, последнюю девальвацию связывают с уменьшением валютных резервов страны, реформой внутренних цен, рекомендациями МВФ. Одновременно с девальвацией в июле 1986 г. были снижены импортные таможенные сборы, так как было признано экономически нецелесообразным субсидировать экспорт за счет импорта.

Повышение роли валютного курса как экономического рычага поставило вопрос о создании в Китае валютного рынка, с помощью которого можно было бы более рационально и более полно перераспределять запасы иностранной валюты между предприятиями и организациями. Уже несколько лет в Пекине, Шанхае и ряде других районов действует экспериментальная система валютных операций: предприятия могут продавать валюту другим предприятиям при посредничестве Банка Китая, если последние имеют право на использование валюты (первоначально эта система распространялась на доллары США, фунты стерлингов, гонконгские доллары). Ожидается принятие специальных правил функционирования внутреннего валютного рынка. В частности, совместные предприятия получают право торговать между собой конвертируемой валютой по согласованному курсу. В Шанхае и Кантоне организованы центры валютного урегулирования, с помощью которых совместные предприятия имеют возможность приобрести иностранную валюту для покупки импортного сырья, оборудования и запасных частей.

Валютная система Китая все еще находится в стадии бурной перестройки, и пока неясны ее окончательные черты. Однако очевидно, что китайские

власти взяли курс на активное использование валютного фактора для повышения внешнеэкономических связей и всего народного хозяйства страны и смело идут на крупные эксперименты.

В принципе то же самое можно сказать и о всей банковской системе Китая, так как все еще идет поиск оптимальных путей решения назревших проблем, широко проводятся экономические дискуссии и совещания на всех уровнях. Главная отличительная черта нынешнего момента — решительная проверка теории практикой, настойчивое использование зарубежного опыта. Еще никогда банковская система Китая не переживала столь бурного периода развития, никогда ее роль в народном хозяйстве страны не была столь велика.

Основные направления преобразования китайской банковской системы (повышение роли центрального банка, расширение сети специализированных банков, активная процентная политика, развитие экономических методов воздействия, создание новых финансовых инструментов) представляются вполне экономически обоснованными и перспективными, и остается лишь ждать конкретных результатов. При этом проявляющееся иногда «забегание вперед» или некоторые явно непродуманные шаги, несомненно, будут отмечены, а положительные моменты — развиты и усовершенствованы.

¹ In: «IMF Staff Papers», June 1986, p. 228.

² Ibid., p. 229.

³ Ibid., p. 226.

⁴ In: «Institutional Investor», February 1986, p. 140.

⁵ In: Bankers' Almanac & Yearbook 1986. L., 1986.

⁶ Данный термин для КНР во многом условен.

⁷ In: «Financial Times», 5. VII. 1986.

⁸ In: «Beijing Review», 27 December 1986, p. 17.

⁹ In: «Banker», August 1986, p. 17.

¹⁰ Ibid., p. 16.

¹¹ С 1979 г. СИТИК сделала капиталовложения в 114 китайских и 47 совместных предприятий.

¹² «Institutional Investor», February 1986, p. 134.

¹³ «Asian Wall Street Journal», I.IX.1986.

¹⁴ In: «Business Trends», 8 September 1986.

¹⁵ In: «Journal of Commerce», 18.VIII.1986.

¹⁶ In: «Handelsblatt», 28.VIII.1986.

Капиталистическая «модернизация» и некоторые аспекты политического развития Южной Кореи

О. В. ДАВЫДОВ

Период 60—70-х гг. стал важным этапом социально-экономической эволюции Южной Кореи. Военная верхушка, захватившая власть в Сеуле в начале 1961 г. и опасавшаяся проигрыша в социально-экономическом соревновании с Севером, выдвинула курс на резкое ускорение темпов развития, осуществление программ модернизации экономики. Реализация этих задач обеспечивалась широким привлечением иностранной помощи, сначала в виде субсидий, а затем в форме займов, кредитов и инвестиций. Концентрация на узких участках экономики огромных материальных и финансовых ресурсов обусловила достижение высоких темпов прироста основных экономических показателей, способствовала созданию костяка базовых отраслей индустрии Южной Кореи.

Так, в 70-е гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составили 10—12 % (в 80-е гг. — 7—8%), ВВП на душу населения возрос за двадцатилетний период с середины 60-х гг. более чем в десять раз и составляет ныне около 3 тыс. долл. Экономика Южной Кореи, сравнительно недавно носившая аграрный характер, приобрела индустриально-аграрную структуру, ее основу стали составлять отрасли обрабатывающей промышленности — металлургия, химическая промышленность, судостроение. Быстрыми темпами растет армия наемного труда: доля занятых в промышленности увеличилась за два десятилетия с 8,7 до 21 %, а численность фабрично-заводских рабочих выросла в 4 раза и составляет сейчас более 2 млн. человек¹.

В условиях слабости внутреннего рынка важнейшим фактором экономического прогресса стал рост внешней торговли, увеличение экспортной направленности промышленности. В 1962—1983 гг. темпы прироста экспорта составили 35 % в год; его объем увеличился за этот период с 55 млн. до 24,2 млрд. долл., а в 1986 г. уже до 34,58 млрд. долл. Опережающие темпы роста экспорта по сравнению с ростом ВВП свидетельствовали о все более глубокой вовлеченности Южной Кореи в хозяйственные связи капиталистического мира: сейчас она занимает 12-е место в мире по объему внешнеторговых связей; ее доля в мировом экспорте возросла с 0,34 % в начале 70-х гг. до 1,6 % в 1986 г.

Экономический прогресс в Южной Корее, становление здесь системы индустриальных производительных сил тесно связаны с укреплением частного хозяйственного сектора в экономике, увеличением доли капиталистически организованного производства. Продвижению по пути капитализма сопутствовали процессы быстрой концентрации, централизации производства и капитала, выде-

ления прослойки крупной торгово-промышленной буржуазии, позиции которой в экономике становились доминирующими.

Решающее значение для обеспечения высоких темпов народнохозяйственного развития Южной Кореи имел иностранный капитал, экономическая и технологическая помощь главных политических союзников Сеула — США и Японии. Стремясь к упрочению своих позиций в рамках глобального противостояния мировому социализму, Вашингтон интенсивно подпитывал сеульских партнеров, занимающих важное стратегическое положение вблизи границ ряда социалистических стран. Особенности военно-политического положения Южной Кореи быстро «переводились» в экономические преимущества. Ни один режим в Азии (за исключением Тайваня) не имел столь крупных инъекций иностранного капитала как по государственной линии, так и по частным каналам, не был столь тесно связан с американским и японским рынками. И хотя доля внутренних накоплений в финансировании программ индустриализации постоянно увеличивалась, а удельный вес зарубежных инвестиций уменьшался, абсолютная сумма последних росла довольно быстрыми темпами. В настоящее время внешний долг Южной Кореи составляет около 50 млрд. долл. Однако еще более существенным, чем инвестиционный, был технологический, качественный эффект помощи, позволивший Южной Корее освоить конкурентоспособное на мировом рынке производство сложной современной техники — электроники, видеоаппаратуры, микропроцессоров и т. д.

Интенсивный рост национального капитала во многом обеспечивался протекционистской политикой правящих кругов, которые сделали основную ставку на насаждение в промышленности крупных частнопредпринимательских объединений, так называемых «чэболь». Эти семейно-клановые конгломераты благодаря созданным для них исключительно благоприятным условиям, привилегиям на первоочередное получение кредитов и субсидий и т. д. постепенно разрослись в целые «империи», под контролем каждой из которых находится от 10 до 30 крупных компаний, представляющих самые различные отрасли промышленности, торговые фирмы, банковско-страховые учреждения.

К середине 80-х гг. в Южной Корее действовало свыше 50 мощных финансово-промышленных группировок. На их долю приходится свыше 25 % создаваемого в стране национального дохода, около $\frac{1}{4}$ всех производимых товаров и услуг, половина банковского кредита. Входящие в состав ряда «чэболь» генеральные торговые компании обеспечивают сейчас до 50 % всех внешнеторговых поставок². Размеры ежегодного оборота наиболее известных южнокорейских «чэболь», таких, как «Дэу», «Самсон», «Хендэ», «Лакки голд стар» и некоторых других, составляют миллиарды долларов; они входят в число крупнейших монополистических объединений капиталистического мира.

Экономическая политика сеульской администрации в указанный период способствовала постепенному хозяйственному подъему, наращиванию определенного материального потенциала. Вместе с тем индустриализация, проводимая за счет усиления эксплуатации рабочего класса, крестьянства, городской мелкой буржуазии в условиях «завинчивания гаек», жесткой регламентации политической жизни, вела к быстрому накоплению социальных антагонизмов и диспропорций. Концентрация экономической и финансовой мощи в анклавах современной индустрии противоречиво сочеталась с застойностью традиционного массива; заметным становилось углубление разрыва между полюсами бедности и богатства в обществе. Данные официальной статистики красноречиво свидетельствуют о процессах имущественной дифференциации: если в 1970 г. на долю высших слоев общества, которые составляют 20 % населения,

приходилось 41,6 % национального дохода, то в 1980 г. уже 45,4 %. Соответственно удельный вес в национальном доходе наименее имущих слоев, представляющих 40 % населения Южной Кореи, уменьшился за тот же период с 19,6 до 16,1 %³.

Все более очевидное «несогласование» процессов экономического и социально-политического развития в Южной Корее стало причиной резкого обострения противоречий между противостоящими общественными силами, нарастания внутренней напряженности, кульминацией которой явились массовые выступления в городе Кванджу в мае 1980 г.

Выдвижение новой группировки армейской элиты во главе с Чон Ду Хваном было обусловлено реакцией влиятельных кругов в Южной Корее и за океаном на осложнение ситуации на Юге Корейского полуострова. Перед новым руководством была поставлена задача преодолеть кризис общественных структур, добиться укрепления политических и экономических основ режима в интересах форсированного преобразования важнейших сторон жизни общества на буржуазных началах. Это побуждало новых лидеров к более точному учету реально сложившейся обстановки, что в свою очередь требовало внесения определенных корректив в позиции по ряду вопросов, выработки и проведения такой стратегии, которая была бы рассчитана как на укрепление социальной опоры режима, так и на сдерживание процессов поляризации общественно-политических сил⁴.

Для стиля политического руководства Чон Ду Хвана характерным в тот момент был отказ от наиболее жестких, «конфликтных» идейно-политических установок в пользу сравнительно многоплановой и сбалансированной внутриполитической линии. Последняя предусматривала одновременно широкое использование изощренных приемов социальной демагогии, лавирования между основными классами и политическими группами, проведение умеренных реформ и ограниченную политическую «либерализацию» при сохранении репрессий и методов неприкрытого террора в отношении последовательных противников режима.

Цели администрации, ее понимание характера стоящих перед Южной Кореей проблем нашли выражение в выдвинутой Чон Ду Хваном доктрине «всеобщего развитого государства», создание которого провозглашалось главной национальной задачей. Целью официальных установок прокламировалось построение в Южной Корее к 2000 г. «открытого, зрелого общества», воплощением которого должно стать «демократическое государство всеобщего благоденствия».

Программа администрации в политической области включала лозунги поэтапного развития «либеральной демократии» через ее сочетание с «корейскими политическими традициями», достижение «общенационального единства и гармонии» на основе сотрудничества всех основных политических сил, идеи реформы политических и других надстроечных институтов. Чон Ду Хван демагогически выступил с критикой режима личной власти, осудил «все формы диктатуры».

В сфере социально-экономических отношений было обещано обеспечить рост благосостояния, повышение уровня жизни всех слоев населения, справедливое распределение доходов. Видя в укреплении «средних классов» важную гарантию стабильности режима, правящие круги заявляли о стремлении принять меры к ограничению крупного капитала, создать условия для стимулирования роста мелкого и среднего бизнеса⁵.

В интересах завоевания симпатий масс, создания видимости демократического обновления общественной жизни новый режим пошел на осуществление некоторых мероприятий в духе «политической либерализации». В 1981—

1982 г. были смягчены ограничения на передвижение населения по территории Южной Кореи и поездки за рубеж, отменен сохранявшийся долгий период времени комендантский час, ослаблена цензура печати. Целям смягчения социальной напряженности отвечали мероприятия по оказанию срочной помощи наименее имущим категориям населения, например было объявлено о некотором снижении налога на фермерские хозяйства и повышении закупочных цен на рис. Определенной стабилизации реальных доходов трудящихся способствовали шаги по обузданию инфляции, обеспечению роста занятости.

Обращали на себя внимание все более настойчивые попытки властей подключить государственные органы к регулированию сферы социальных отношений. Чон Ду Хван выступил с апологетикой налаживания тесного сотрудничества между рабочими и предпринимателями при посредничестве официальных властей. Было конкретизировано трудовое законодательство, на крупных предприятиях созданы постоянно действующие органы государственной инспекции, задачей которых было предотвращение возникновения трудовых конфликтов, а главное — контроль за деятельностью профсоюзных организаций. Правящая верхушка выступила с инициативой создания на предприятиях частного сектора так называемых консультативных комитетов, включающих на «паритетной» основе представителей профсоюзов и предпринимателей в интересах «объединения» их усилий для решения «общенациональных задач». К концу 1985 г. на промышленных объектах действовало свыше 5500 таких комитетов⁶.

В практическом плане основная ставка была сделана на развертывание крупных политических кампаний — «движения за новую политическую культуру», «борьбы за духовную реформу», — целью которых было, с одной стороны, «вооружить» массы руководящими установками режима, с другой — изолировать наиболее заметных политических противников Чон Ду Хвана. Принятый в 1980 г. закон о «специальных мерах по обновлению политического климата» запрещал примерно 600 влиятельным оппозиционерам участвовать в политической деятельности. Мероприятия правительства, проведенные в рамках этой кампании, были также подчинены задаче установления более жесткого контроля за деятельностью бюрократического аппарата, пресечения чрезмерной коррупции и злоупотреблений чиновничества. Закон об этике государственных служащих, вступивший в силу в 1983 г., вводил систему обязательной регистрации ими своего недвижимого имущества, банковских вкладов, предусматривал более строгие меры наказания уличенным в коррупции⁷.

Мобилизации широких слоев населения в направлении, заданном политической стратегией режима, была призвана содействовать деятельность созданной Чон Ду Хваном Демократической партии справедливости (ДПС). Партия была задумана ее основателями как массовая организация, имеющая четкую структуру, централизованную систему руководства и располагающая целой сетью инструментов эффективного воздействия на аудиторию. Только в первый год существования ДПС усиленной идеологической индоктринации в системе политической подготовки было подвергнуто около 160 тыс. человек, которые ныне составляют костяк полуторамиллионного корпуса членов партии.

Центр тяжести в своей работе партийная верхушка переместила в сельскую местность, стремясь использовать в своих интересах традиционализм и политическую пассивность крестьянства. Проводниками ее политики в этих районах стали сотни тысяч мелких чиновников, благополучие которых во многом зависело от патронажа со стороны местных отделений ДПС и которые, соответственно, исправно работали над тем, чтобы обеспечить лояльное отношение населения к правящей элите⁸.

* * *

Важным направлением деятельности правящих кругов стали придание дополнительного импульса процессам модернизации экономики, подготовка условий для осуществления нового рывка в области хозяйственного строительства. Эти усилия по укреплению материальной основы современного «индустриального общества» были в конечном итоге подчинены далеко идущим замыслам выдвижения Южной Кореи к исходу нынешнего столетия в число развитых в промышленном отношении капиталистических государств, превращения ее в «державу мирового значения».

Разработанная администрацией программа экономического развития Южной Кореи на 15-летний период предусматривает быстрый рост основных экономических показателей. Например, в соответствии с этой программой ВВП должен возрасти до 250 млрд. долл. (5 тыс. долл. на душу населения) при среднегодовом приросте на уровне 7—8 %. Объем внешнеторгового оборота намечено довести до 243,3 млрд. долл., причем стоимость экспорта должна составить к 2000 г. 123,3 млрд. долл., что позволит Южной Корее, как рассчитывают в Сеуле, войти в десятку крупнейших экспортеров мира. Предполагается, что к концу столетия основу экономики будет составлять триада отраслей — машиностроение, электроника и автомобилестроение, — а их доля в промышленном производстве за двадцать лет возрастет с 20,7 % в 1981 г. до 42,4 %⁹.

Перспективы экономического роста в Южной Корее связывают с созданием наукоемких, высокотехнологичных производств: радиоэлектроники, электротехники, биотехнологии, промышленности полупроводников и других отраслей, которые, с одной стороны, были бы конкурентоспособны на мировом рынке, а с другой — могли бы стать базой технического перевооружения промышленности и народного хозяйства в целом, обеспечения расширенного воспроизводства на национальной основе.

Переход к решению сложных проблем нового этапа индустриализации сопряжен с существенной корректировкой экономической стратегии правящей элиты, реализация которой в нынешних условиях требует более полного использования важнейших звеньев воспроизводственного механизма, максимальной мобилизации всех допустимых в рамках капиталистической модели развития факторов экономического роста. При этом акценты перемещаются в область осуществления структурной политики, мероприятий по содействию развитию НИОКР, совершенствования финансово-кредитной системы, поощрения иностранных капиталовложений. Одновременно происходит постепенная переориентация с жестких административно-командных методов управления экономикой, которые практиковались в 70-е гг., на варианты, допускающие экономическую либерализацию, элементы свободного предпринимательства, активизацию рыночного механизма, децентрализацию принятия экономических решений.

Всемерное укрепление позиций и роли частного сектора в народном хозяйстве рассматривается южнокорейскими лидерами в качестве главного резерва поступательного развития экономики, реализации выдвинутых Сеулом программ в этой области. Намеченные властями меры по стимулированию частнопредпринимательской активности, «оздоровлению» делового климата были направлены прежде всего на устранение архаичных, внеэкономических наслоений в деятельности бизнеса и его взаимоотношениях с государственными органами, модернизацию капиталистического сектора на основе использования современных методов организации производства и управления, более широкого применения инструментов свободной конкуренции.

Крупной акцией администрации Чои Ду Хвана стала перестройка фи-

нансово-кредитной системы в интересах большого бизнеса. В 1981—1983 гг. была осуществлена денационализация пяти ведущих коммерческих банков, сняты многие ограничения на проведение кредитной политики, банковских операций частными финансовыми учреждениями, ослаблен текущий контроль за их деятельностью. В ходе нынешнего пятилетнего плана предполагается осуществить переход к неконтролируемым правительством банковским процентным ставкам¹⁰.

Одним из важных элементов индустриальной политики Чон Ду Хвана стал курс на известное ограничение чрезмерной концентрации крупного капитала. В 1981 г. в Южной Корее было принято «законодательство о трестах и рыночной торговле», в соответствии с которым были усилены функции государственного надзора за деятельностью монополистических группировок, упорядочены взаимоотношения последних с кредитными организациями, субподрядчиками, определены приоритетные для их деятельности секторы экономики. В 1986 г. были одобрены поправки к законодательству о предпринимательской деятельности. Вводился, в частности, строгий запрет на так называемое «перекрестное» приобретение акций компаниями, входящими в соответствующие промышленные конгломераты, что, как правило, вело к фиктивной концентрации бизнеса, не подкрепленной реальным движением капитала и производственной активностью. Несколько ограничивались возможности монополистических объединений по установлению контроля за деятельностью фирм, не входящих в корпоративный сектор, их участие в спекулятивной деятельности, операциях с недвижимостью.

Меры по рационализации деятельности бизнеса были направлены прежде всего против тех магнатов, которые составили свое состояние в 60—70-е гг. благодаря личным связям с правящей бюрократической верхушкой, получению привилегий в обход существующего законодательства. Лидеры крупнейших «чэболь» — «Мёнсон», «Кванмен», «Ёндон», — ранее чуть ли не символизировавшие южнокорейское экономическое «чудо», были привлечены к судебной ответственности по обвинениям в незаконных финансовых махинациях.

В экономической политике администрации Чон Ду Хвана довольно четко прослеживалось стремление добиться ослабления негативных последствий однобокого развития народного хозяйства за счет поощрения роста капитализма снизу, более полного использования потенциалов «демократического капитала» в интересах модернизации экономики. Составленная властями в 1982 г. 10-летняя программа стимулирования мелкого и среднего бизнеса предусматривала меры, призванные приоткрыть заслоны, препятствующие деловой активности последнего, содействовать повышению его технических и финансовых возможностей, уровня управления. Основной упор при этом делался на поощрении связей мелких и средних предпринимателей с крупными фирмами на правах субподрядчиков, налаживании вертикального разделения труда в промышленности. В соответствии с этим было установлено свыше 200 видов промышленной продукции, исключительное право на производство которых закреплялось за предприятиями мелкого и среднего бизнеса. Также имелось в виду выбрать более 10 тыс. «перспективных» промышленных предприятий этого сектора экономики и небольших экспортных фирм, которым будет предоставлена первоочередная материальная и иная помощь со стороны правительства и кредитных учреждений.

Реализация этих мер, как предполагается, будет вести к поддержанию равновесия между монополистическими группировками и некорпорированным сектором и даже к повышению роли последнего в экономике. В этой связи полагают, что к началу 90-х гг. доля предприятий мелкого и среднего бизнеса возрастет: в производстве промышленной продукции — с 35 до 45 %, в экспорте —

с 37 до 60 %, на них будет занято более $\frac{2}{3}$ всех работающих в сфере промышленности¹¹.

Политика правящей сеульской верхушки объективно способствовала повышению устойчивости экономики, упрочению ее структурного единства на основе более тесного взаимодействия государственного капитализма, крупных предпринимателей и мелкого бизнеса. Это в свою очередь создавало благоприятные предпосылки для известного распространения пробуржуазных иллюзий в обществе, расширения социально-экономического пространства капиталистической формации, дальнейшего укрепления класса промышленной буржуазии в целом.

По мере вызревания капиталистических отношений, роста влияния местных деловых кругов заметней становилась кристаллизация специфических интересов южнокорейского бизнеса, его стремление наложить свой отпечаток на сферу принятия и осуществления экономических решений. Правящая элита демонстрирует растущую заинтересованность в экономической и политической поддержке со стороны этого окрепшего класса, видя в нем не только силу, которая в состоянии взять на себя инициативу в решении сложных народнохозяйственных задач, но и надежного политического союзника. Это побуждает военно-бюрократическую верхушку считаться с возросшими амбициями частного бизнеса, приспособливаться к его требованиям, искать взаимоприемлемые формы сотрудничества с ним в решении актуальных проблем.

С начала 80-х гг. зримой становится тенденция к расширению рамок диалога, формированию разветвленного механизма взаимодействия между администрацией и частным капиталом в лице таких предпринимательских объединений, как Федерация корейских предпринимателей, Федерация корейской мелкой и средней промышленности, Корейская торгово-промышленная палата, Корейская ассоциация торговли, которые выступают в роли ведущих партнеров правящих кругов.

Одним из основных каналов сотрудничества стали так называемые «советы по индустриальному развитию» (их создано уже более 20), которые призваны координировать деятельность правительства и бизнеса как в важнейших отраслях промышленности, так и в вопросах продвижения структурной перестройки, в сфере финансов, торговли, науки и технологии. С начала 1986 г. функционирует новый орган — комитет по социальным и экономическим вопросам, работающий под руководством заместителя премьер-министра. В компетенцию Комитета входит обсуждение совместно с лидерами делового мира текущих хозяйственных вопросов, анализ экономической ситуации в стране, выработка рекомендаций правительству по проблемам экономической стратегии¹². Сфера совместных действий правительства и бизнеса постепенно расширяется за счет включения в нее вопросов социальной политики. В рамках действующей под эгидой министерства труда Комиссии по отношениям между рабочими и предпринимателями осуществляется выработка согласованной линии в отношении рабочего класса.

О все более тесном переплетении интересов монополий и государственного аппарата свидетельствует и то, что ответственные деятели режима после ухода с политической арены зачастую занимают престижные позиции советников, консультантов крупнейших монополистических объединений, становятся руководителями частнопредпринимательских организаций¹³.

Параллельно происходит как бы обратный процесс. На руководящие посты в государственном аппарате выдвигаются представители технократии, которые, являясь фактически проводниками интересов крупной буржуазии, поне-

многу оттесняют военную элиту и старую политическую бюрократию от непосредственного влияния на принятие экономических решений.

В нынешних условиях сотрудничество между правительством и бизнесом ограничивается преимущественно кругом вопросов экономического и социального характера. Отсутствие прямых проявлений политического самовыражения деловых кругов связано не только с их относительной слабостью, недостатком опыта в этой области, но и с позицией правящей элиты, которая рассматривает разработку и проведение политического курса как свою монопольную прерогативу, стремится исключить любую возможность вмешательства иных сил, в том числе представителей бизнеса, в эту сферу. Такое положение не вызывает пока серьезных возражений крупного капитала, который в целом поддерживает линию правящих кругов по основным вопросам внутренней и внешней политики, считая, что на данном этапе она достаточно полно отражает его интересы.

Тенденции социально-экономического развития Южной Кореи свидетельствуют таким образом об ускорении процессов консолидации военно-бюрократической элиты с кругами торгово-промышленной буржуазии, формировании здесь на этой основе существенных элементов государственно-монополистической практики. Совокупные интересы этого находящегося в стадии становления нового классового союза оказывают все большее воздействие на экономическую ситуацию в Южной Корее, внутри- и внешнеполитический курс режима.

С ростом масштабов деятельности южнокорейского капитала, укреплением его внутренних позиций экономические устремления местных деловых кругов и связанной с ними правящей верхушки все шире проецируются вовне, выносятся за пределы собственно территории Юга Корейского полуострова. Южнокорейские фирмы, экспортные и финансовые возможности которых увеличиваются, вступают в ожесточенную конкурентную борьбу с западными монополиями, теснят их позиции уже не только в третьих странах, но и на их национальных рынках.

Наряду с этим проявляет себя и другая тенденция — южнокорейский бизнес все теснее интегрируется в систему международного капитала, формируется устойчивый механизм взаимных связей и отношений с транснациональными корпорациями, монополистическими объединениями Запада, ряда азиатских стран. Эти процессы, предопределяя характер и направленность внешнеэкономических связей Сеула, создают объективную основу для расширения общности его классовых, стратегических интересов с США и Японией, закрепления проимпериалистической ориентации Южной Кореи в международных делах.

* * *

Сдвиги в развитии обстановки на внутренней арене в Южной Корее, наметившиеся с середины 80-х гг., связаны с оживлением внутривнутриполитической борьбы, которая постепенно выходит за пределы искусственно установленных для нее сверху рамок декоративного парламентаризма. Состояние хрупкого равновесия между основными общественными силами, которое поддерживалось в течение некоторого времени проводимой Чон Ду Хваном политикой социального маневрирования вкупе с акциями рестриктирования новых социальных проблем и противоречий.

Все более рельефным становится контраст между стремительным взлетом макроэкономических показателей и отсутствием заметных улучшений в поло-

жении трудящихся, их социальным и политическим бесправием, консервативной однозвонной, диктаторской форм политического руководства обществом. Эйфория, вызванная поначалу пропагандистской риторикой правящих кругов, их демагогическими обещаниями, быстро сменилась острым разочарованием, нарастанием недовольства тех слоев населения, которые оказались обманутыми в надеждах на скорое установление «справедливости» в общественных отношениях.

С весны 1985 г. неуклонно начинает ползти вверх кривая активности студенческих выступлений. Выдвинув требование ухода в отставку военной администрации Чон Ду Хвана, образования «народного» правительства, отказа от политики антикоммунизма, проведения широких демократических реформ, южнокорейская молодежь перешла к активным действиям. Однако пока трудно говорить, что южнокорейское студенчество оформилось в конструктивную политическую силу. Зачастую его представители выступают с «нигилистских», мелкобуржуазных позиций. Этим во многом объясняются такие специфические формы студенческой борьбы, как нападения на правительственные учреждения, центры ДПС, захват зданий, принадлежащих американским представительствам.

Новый этап в политической борьбе студенчества сопряжен с укреплением организационных начал в его деятельности. Судя по сообщениям местной прессы, в крупнейших университетах страны существует от 50 до 70 «радикальных» студенческих организаций политического характера. В их числе такие крупные группировки, как «Минминтху», которая имеет первичные организации в 18 университетах, «Чаминтху», созданная на базе крупнейшего в стране Сеульского национального университета. Сильный резонанс в Южной Корее вызвали события в столичном университете «Конгук» в октябре 1986 г., когда полиция силой подавила митинг студентов около 30 высших учебных заведений страны, целью которого было создание общенациональной студенческой патристической организации¹⁴.

Тесную связь со студенческими группами установила созданная в марте 1985 г. как легальная организация Федерация движений масс за демократию и объединение (Минтхонрен), сплотившая в своих рядах 26 прогрессивных группировок и организаций, общей численностью до 30 тыс. человек, включая рабочих, представителей интеллигенции, религиозных деятелей. Лидер федерации пастор Мун Ик Хван призвал к активной борьбе за последовательную демократизацию всех сторон жизни общества, акцентировал необходимость усиления антиамериканских действий в этих целях¹⁵.

Период нарастания антиправительственных выступлений студенчества, других слоев населения совпал с перегруппировкой сил в лагере умеренной парламентской оппозиции. После отмены в конце 1984 г. запрета на участие в политической жизни ряда видных деятелей страны основные усилия вожаков либеральной оппозиции — Ким Тэ Чжуна, Ким Ен Сама и др. — были направлены на создание новой легальной организации, которая могла бы объединить всех основных политических противников Чон Ду Хвана и повести борьбу за завоевание власти конституционным путем.

Демократическая партия новой Кореи (ДПНК), сформированная в январе 1985 г., выдвинула требование освобождения более чем полутора тысяч политзаключенных, восстановления гражданских прав противников режима. Лидеры партии выступили против участия военной верхушки в политике, за ограничение гипертрофированной исполнительной власти, настаивали на необходимости более последовательного внедрения буржуазно-парламентских институтов, норм и методов «либеральной демократии» западного образца. Программные установки ДПНК призывали добиваться устранения пороков «индустри-

ального общества», вести дело к созданию «народного капитализма корейского типа» на основе роспуска семейных конгломератов, поощрения акционерного капитала, принятия неотложных мер по оказанию помощи рабочим, мелким предпринимателям, фермерам¹⁶.

При всей ограниченности целей и задач умеренной оппозиции ее лозунги встретили поддержку значительной части населения — рабочих, мелкой и средней буржуазии города, интеллигенции, студенчества, которые видели в новой политической организации ту реальную силу, которая будет способна возглавить борьбу за реализацию позитивных перемен в общественной жизни. Состоявшиеся в феврале 1985 г. выборы в Национальное собрание (парламент) принесли несомненный успех новой партии: она получила 28,6 % всех голосов избирателей (ДПС — 35 %) и стала ведущей группировкой парламентской оппозиции. Позиции ДПНК еще более усилились после перехода в ее ряды руководства и депутатов от Партии демократической Кореи¹⁷.

В практическом отношении лидеры ДПНК в качестве центрального выдвинули требование конституционной реформы в целях введения системы прямых выборов президента взамен существующего порядка избрания главы государства коллегией выборщиков. Руководители оппозиции подчеркивали, что только голосование в соответствии с этим принципом дает ДПНК возможность продвижения своего кандидата на пост президента.

Характерным для тактической линии партии в этот период было широкое использование внепарламентских форм борьбы, активная апелляция к массовой аудитории. С начала 1986 г. ее руководство призвало развернуть всенародное движение по сбору 10 млн. подписей под требованием проведения досрочных прямых президентских выборов. С марта по июнь в крупнейших городах — Сеуле, Пусане, Кванджу, Тэгу, Тэчхоне, Чонджу, Масане — по инициативе ДПНК состоялись массовые митинги в поддержку этого призыва. По мере включения в это движение наряду с партийными функционерами все новых контингентов населения оно стало носить масштабный характер, вылилось в широкую общенациональную кампанию. Свою парламентскую деятельность представители оппозиции использовали для дискредитации правящей верхушки, критики наиболее негативных аспектов деятельности администрации.

Такое развитие событий с беспокойством было воспринято в официальных кругах. Усилив нападки на оппозицию, которой были инкриминированы действия по «подрыву внутренней стабильности», «подыгрыванию коммунистическим силам», власти одновременно были вынуждены идти на определенные уступки, корректировку своей линии на политической сцене.

В апреле 1986 г. Чон Ду Хван заявил о готовности внести в ближайшее время поправки в конституцию в случае достижения компромисса с оппозицией по этому вопросу. Одновременно им был выдвинут собственный проект политической реформы, предусматривающей введение парламентской формы правления, при которой вся исполнительная власть была бы сосредоточена в руках премьер-министра, избираемого в Национальном собрании. Этот вариант в случае его принятия позволил бы сохранить наиболее приемлемую для нынешних лидеров многоступенчатую систему выборов руководства страны, фактически беспрепятственно гарантирующую их дальнейшее пребывание у власти¹⁸.

В рамках созданного по инициативе ДПС в июле того же года парламентского конституционного комитета, в который вошли представители ведущих политических партий, состоялась серия переговоров по вопросу о реформе основного закона. Вместе с тем постепенно становилось ясным, что правящая верхушка использует тактику вовлечения оппозиции в затяжные и малопродуктивные дискуссии главным образом в интересах выигрыша времени для перехвата

политической инициативы, подрыва единства и ослабления позиций своих противников, восстановления в конечном итоге контроля над ситуацией.

С конца 1986 г. обострились противоречия внутри основной оппозиционной партии — ДПНК, которая не смогла выработать единую четкую линию в ходе контактов с ДПС, а также в вопросе о будущей форме государственного устройства. В этой ситуации заметными стали расхождения между радикальным и консервативным крылом, активизировалась деятельность «фракций меньшинства», которые выражали недовольство в связи с кулуарным, келейным характером принятия решений партийной верхушкой. В широких кругах утвердилось мнение, что лидеры ДПНК используют политическую борьбу для удовлетворения своих личных амбиций. Студенческие организации, поддержка которых обеспечивала массовую базу ДПНК, осудили соглашательскую линию ее руководства на диалог с правительством, расценивая это как отход от первоначальной позиции бескомпромиссной борьбы против режима, за коренные перемены.

В обстановке нарастающих разногласий, соперничества фракций и кланов, фактически полностью парализовавших деятельность партии, лидеры оппозиции объявили о выходе из партии и приступили к созданию новой политической группировки. К ним присоединились 66 парламентариев, представлявших в Национальном собрании ДПНК. Ким Ён Сам, избранный председателем вновь образованной Демократической партии объединения (ДПО), призвал к сплочению рядов противников диктатуры, «широкому сопротивлению» политике режима «в интересах восстановления в полном объеме демократических свобод и институтов». Было заявлено, что ДПО бойкотирует предстоящие в конце этого года президентские выборы, если они будут проведены на условиях правящего режима¹⁹.

В условиях роста социально-политической напряженности, активизации демократических сил произошел быстрый, скачкообразный переход от более или менее «респектабельных» вариантов сдерживания оппозиции, к жестким, террористическим формам и методам идеологического давления и политической практики. Для обоснования такого курса правящая верхушка пытается спекулировать на трудностях диалога с КНДР по проблеме объединения Кореи, активно использует тезис о «северокорейской угрозе», «идеологическом влиянии Пхеньяна».

С осени 1986 г. правящие круги начали хорошо спланированную массированную кампанию террора и репрессий с целью разгрома прогрессивных сил. Власти объявили о решении расследовать деятельность более чем 30 демократических организаций, допросить в общей сложности до 10 тыс. их активистов на предмет причастности к «коммунистической подрывной деятельности»²⁰. В ноябре 1986 г. было принято решение о роспуске «Минтхонрена» — одной из наиболее влиятельных легальных демократических группировок.

13 апреля 1987 г. Чон Ду Хван выступил с официальным заявлением, в котором объявил о решении администрации прекратить все политические дебаты по вопросу о новой конституции и провести президентские выборы в запланированные сроки на основе навязанной властями избирательной системы. Мотивировав эту позицию ссылками на усиление «радикальных настроений» и «несговорчивость» оппозиции, диктатор указал, что впредь будет пресекаться любая деятельность, «нарушающая стабильность», и будут приняты суровые меры против тех, кто попытается инспирировать обстановку «общественного хаоса»²¹.

Наряду с этим были форсированы усилия по подготовке к смене декораций в верхнем эшелоне власти. На состоявшемся в начале июня съезде ДПС председатель партии Ро Дэ У был утвержден кандидатом в президенты

на предстоящих выборах. Однокашник Чон Ду Хвана по военной академии и его единомышленник Ро Дэ У в свое время сыграл ключевую роль в захвате Чоном государственной власти. Он известен как сторонник жестких форм правления, ярый приверженец той линии, которая отстаивается южнокорейской верхушкой.

Действия правящей элиты вызвали новую волну протестов в Южной Корее. В мае — июне ее потрясли самые мощные за последние несколько лет антиправительственные выступления, в которых, по самым скромным прикидкам, приняло участие более 200 тыс. человек. Лидеры оппозиции, исходя из понимания того, что нынешняя ситуация предоставляет им реальный шанс добиться реализации своих требований, усилили натиск на позиции правящих кругов. Как заявил Ким Ен Сам, «главная проблема сейчас состоит в том, чтобы ликвидировать военно-диктаторскую структуру и осуществить полный и бесповоротный переход к образованию подлинно демократического правительства»²².

Потенциал сторонников демократии заметно возрос в итоге перехода христианской церкви, ряда других религиозных организаций на более активные позиции в борьбе за гражданские права и политическую реформу. С осуждением «системы деспотической власти» выступили глава южнокорейских католиков кардинал Ким Су Хван и Национальный совет церквей Южной Кореи. Религиозные лидеры указывают, что долг христиан «усилить работу в интересах изменения существующей политической системы с тем, чтобы положить конец нынешнему циклу авторитарного правления»²³.

В мае 1987 г. в Сеуле было объявлено о создании новой общественно-политической организации — Национального движения за демократическую конституцию, которая провозгласила своей целью добиваться ликвидации диктаторской политики, изоляции военных от участия в политике, создания правительства, пользующегося поддержкой народа²⁴. В ее состав вошли депутаты парламента от оппозиционных партий, руководители христианской и буддистской церквей, юристы, журналисты.

Несмотря на различия во взглядах, позициях и политических программах отдельных оппозиционных сил, противостоящих Чон Ду Хвану, их консолидации объективно благоприятствует общая приверженность демократическим формам устройства общества, неприятие авторитарных методов и форм правления. Это делает реальной возможность оформления широкой социально-политической коалиции, объединяющей всех основных противников режима.

В этой ситуации обращает на себя внимание позиция частнопредпринимательских кругов. Оценивая внутривнутриполитическую обстановку в стране с точки зрения обеспечения условий для своей деятельности, руководители группировок большого бизнеса подчеркивают, что дестабилизация политического климата препятствует поддержанию деловой активности, требуют прекращения «общественной конфронтации и беспорядков» в интересах максимальной мобилизации усилий на решение задач экономического развития²⁵.

В этих заявлениях просматривается известная двусмысленность: выражая недовольство по поводу выступлений оппозиции, южнокорейские торгово-промышленные круги намекают вместе с тем на свою заинтересованность в более гибкой политической системе, таком правительстве, которое было бы в состоянии установить контроль за обстановкой, создать оптимальные политические и экономические возможности для нормального функционирования частного сектора.

В последнее время на арену политической борьбы в Южной Корее постепенно начинает выходить рабочий класс. Ведущую роль играют рабочие наиболее крупных корпораций, занятые на предприятиях с высокой степенью концентрации капитала и глубокой внутризаводской кооперацией труда. Летом и осенью

1987 г. по Южной Корее прокатилась волна забастовок, ставшая достаточно существенным дополнительным фактором демократического давления оппозиции на правительство. И хотя требования рабочих носили в основном экономический характер (повышение зарплаты, право на забастовку, создание независимых от государства профсоюзов), они непосредственно влияли на политическую обстановку в стране. Во-первых, проверялась политическая «искренность» правящих кругов: действительно ли они готовы идти на поиск компромиссов или же предпочтут возврат к политике «железной руки». Во-вторых, само удовлетворение этих экономических требований невозможно без изменений политической структуры южнокорейского общества, без допуска на арену внутривнутриполитической борьбы новой силы — пусть пока политически не оформленной — рабочего класса, разрешения на профсоюзное и стачечное движение. Демократическое давление рабочих внесло свой вклад в те процессы демократизации, которые начали развиваться на Юге в конце 1987 г.

В условиях быстрого нарастания кризисных явлений в Южной Корее заметными становятся настойчивые попытки США более активно подключиться к их «урегулированию». В Вашингтоне при этом исходят из того, что события на Юге Кореи чреваты взрывом, который может иметь нежелательные последствия для военно-стратегических интересов США в этом районе.

Представители американской администрации все более открыто высказывают недовольство действиями южнокорейских властей, которые «не могут найти формулу избрания президента» после ухода нынешнего диктатора, настаивают на возобновлении диалога между правительством и парламентской оппозицией в целях скорейшего достижения компромисса, стабилизации внутривнутриполитической обстановки. В ходе состоявшихся в марте этого года слушаний в конгрессе помощник госсекретаря США Г. Сигур подчеркнул заинтересованность Белого дома в создании в Южной Корее «более открытой и рациональной политической системы», в образовании там после истечения срока президентских полномочий Чон Ду Хвана в феврале 1988 г. «популярного правительства», которое «пользовалось бы поддержкой и доверием широких слоев населения»²⁶.

Новым в этой политике стал курс на «установление широкого круга контактов со всеми элементами южнокорейского общества». С начала 1986 г., несмотря на недовольство и протесты официального Сеула, американские политические деятели установили активные связи с наиболее влиятельными лидерами умеренной оппозиции — Ким Тэ Чжуном, Ким Ен Самом, Ли Мин У, Ли Ман Себом. Американские эмиссары в ходе участвовавших поездок в Южную Корею усиленно стремились найти с ними точки соприкосновения по важнейшим вопросам, прорабатывали различные варианты политического урегулирования.

США сыграли важную роль в достижении «сентябрьского компромисса» между главной оппозиционной силой — Партией демократического объединения и партией Чон Ду Хвана, оформленном в соглашении из 5 пунктов. Лидеры партий договорились: провести прямые президентские выборы до 20 декабря 1987 г., способствовать процессу демократизации южнокорейского общества, внести соответствующие изменения в законодательство в целях проведения прямых выборов главы государства, гарантировать рабочим «три права» (на забастовку, на повышение зарплаты, на свободные профсоюзы), объединить усилия в обеспечении успешного проведения Олимпийских игр 1988 г.

Примерно в то же время, когда политические лидеры Южной Кореи принимали компромиссное решение, Сеул с краткими визитами посетили видные политические и военные деятели США. В ходе американско-южнокорейских контактов представителями военного и политического руководства Сеула были даны заверения в том, что «все общественные конфликты будут решаться

политически», что «армия не будет вмешиваться в политические процессы, в частности в президентские выборы», что «будут внесены соответствующие поправки в южнокорейское законодательство». Интересно в этой связи заявление заместителя министра обороны США Э. Армитиджа, сделанное им в Сеуле: «США готовы вывести свои войска из Южной Кореи, как только этого пожелает корейский народ». Одна из политических целей такого заявления состояла в стремлении подыграть оппозиции, выдвинувшей в качестве пункта предвыборной программы обещание сделать Корею безъядерной зоной и вывести оттуда американские войска. Очевидно, что без согласия Вашингтона такое обещание выглядело бы политически наивным и не способствовало бы росту доверия населения начинающимся процессам буржуазно-демократических преобразований.

* * *

Развитие политической ситуации в Южной Корее характеризуется нарастанием противоречий между правящим блоком и широкими слоями населения страны. В требованиях демократизации экономических и политических институтов, создания «популярного правительства», с которыми все настойчивее выступают в последнее время различные контингенты населения, как бы сфокусированы их заинтересованность в коренном обновлении общественных структур, стремление утвердиться в качестве полноправных участников общественно-политического процесса. Эти лозунги берутся на вооружение и влиятельными политическими кругами, профессиональными партийными функционерами, находящимися в оппозиции к правительству, которые рассчитывают, выступив в роли выразителя интересов недовольных своим положением слоев населения, организатора разрозненных антидиктаторских сил, добиться прихода к власти на волне движения за демократию.

¹ См.: «Азия и Африка сегодня», 1984, № 11, с. 45; «Japan Times», 16. VIII. 1986.

² In: «Far Eastern Economic Review», 12. XII. 1985, p. 70—71.

³ In: Business Korea Yearbook, Seoul, 1986, p. 1—5.

⁴ См.: Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1985, с. 235—251.

⁵ In: «Korea Herald», 15. I. 1982.

⁶ In: Korea Annual, Seoul, 1986, p. 180.

⁷ In: «Korea Herald», 24. I. 1984.

⁸ In: «Far Eastern Economic Review», 16. IV. 1987, p. 26—27; 13. III. 1986, p. 24—25.

⁹ In: «Korea Herald», 17. I. 1985.

¹⁰ Ibid., 4. V. 1987.

¹¹ Ibid., 7. VI. 1984.

¹² Ibid., 16. I. 1983; 15. II. 1986.

¹³ Ibid., 13. V. 1984. Supplement.

¹⁴ In: «Japan Times», 5. II. 1986.

¹⁵ In: «Korea Herald», 24. V. 1986.

¹⁶ In: «Korea Herald», 30. III. 1986; 5. VIII. 1986; 15. II. 1986.

¹⁷ In: Korea Annual, p. 83.

¹⁸ In: «Japan Times», 2. VII. 1986.

¹⁹ In: «Mainichi Daily News», 2. V. 1987.

²⁰ In: «Korea Herald», 30. X. 1986.

²¹ In: «Far Eastern Economic Review», 23. IV. 1987, p. 14.

²² «Mainichi Daily News», 1. VI. 1987.

²³ «Far Eastern Economic Review», 14. V. 1987, p. 30; «Mainichi Daily News», 13. V. 1987.

²⁴ См.: «Информационный бюллетень ЦТАК», 28. V. 1987, с. 23—24.

²⁵ In: «Korea Herald» 19. II. 1986.

²⁶ Ibid. 27. III. 1987.

Япония и СОИ

(политические, экономические,
научно-технические и военные
аспекты)

*В. Н. БУНИН,
кандидат исторических наук*

21 июля 1987 г. вопреки антивоенной 9-й статье конституции, парламентской резолюции 1969 г. о мирном использовании космоса, обязательству не экспортировать оружие и военную технологию, вопреки широким протестам общественности Япония заключила с Соединенными Штатами Америки официальное соглашение об участии в научно-исследовательских работах в рамках стратегической оборонной инициативы (СОИ). В Вашингтоне, а именно там состоялся церемониал, были подписаны также секретные протоколы о принципах претворения в жизнь соглашения, обеспечения секретности информации о работах по программам «звездных войн», процедурах передачи техники и технологии и об использовании результатов исследования¹.

Скрепив подписью еще одну серию документов в системе японо-американского военно-политического союза, сфера действия которого далеко перешагнула рамки двусторонних отношений, правительство Японии еще раз подтвердило свою готовность во многих случаях решать острые военные, политические и научно-технические проблемы таким образом, чтобы не нарушить репутацию своей страны как верного союзника США.

При этом следует особо выделить роль одного из лидеров консерваторов недавно ушедшего в отставку премьер-министра Я. Накасонэ, правительство которого газета японских коммунистов «Акахата» назвала самым «проядерным кабинетом»². Я. Накасонэ одобрил эту одностороннюю идею практически с первых дней провозглашения президентом США Р. Рейганом программы «звездных войн». Он проводил твердый курс поддержки планов Вашингтона и поисков путей для подключения к ним в той или иной мере японского научно-технического потенциала.

Свое политическое кредо по отношению к проектам главы Белого дома Я. Накасонэ изложил в выступлении на совместном заседании нижней и верхней палат парламента 12 сентября 1986 г. Оно было вызвано тем, что в оппозиции и широких кругах японской общественности возникла волна массовых возражений и протестов по поводу объявленного 9 сентября 1986 г. правительственным решением «о присоединении Японии к исследованиям в рамках СОИ». Японский премьер сказал тогда: «Подключение к разработкам по планам стратегической оборонной инициативы будет способствовать эффективному использованию японо-американской системы безопасности (т. е. укреплению военного союза с США.— В. Б.) и, вероятно, окажет дальнейшее развитие в нашей стране высокосложной технологии»³.

Непреклонная линия бывшего главы японского правительства — не предпринимать ничего, что могло бы омрачить тесные узы сотрудничества между

Японией и США,— фактически предрешила позицию Страны восходящего солнца, ставшей благодаря его упорству первой азиатской страной — соучастницей глобальной стратегии американской администрации, направленной на достижение военно-технического превосходства над Советским Союзом и странами социализма. Занимавший в то время должность генерального секретаря японского кабинета министров М. Готода, ссылаясь на заявление Я. Накасонэ, отметил при объявлении правительственного решения, что «США не добиваются односторонних преимуществ над СССР». Однако он тут же, особо выделив нацеленность программы СОИ «на сохранение и укрепление сил сдерживания, которыми обладают страны Запада»⁴, перечеркнул тем самым свой первый постулат, поскольку каждому понятно, против кого направлены так называемые «силы сдерживания».

Новый председатель правящей партии и премьер-министр Нобору Такэсита, вступивший на пост 6 ноября 1987 г., уже с первых шагов своей деятельности продемонстрировал твердую приверженность Японии всем союзническим обязательствам перед администрацией Р. Рейгана, в том числе и в области СОИ. Он настойчиво подчеркивает мысль о решимости осуществлять преемственность курса Я. Накасонэ по всем основным направлениям внешней и внутренней политики страны.

Принятие решения: амбициозные цели сторонников СОИ

Какими же доводами руководствовались сторонники и противники вовлечения Японии в опасные планы США переноса гонки вооружений в космическое пространство в ходе оживленных дебатов в период между принятием политического решения и подписанием двустороннего меморандума с США?

Поборники СОИ из числа консерваторов утверждали, что программа «звездных войн» отвечает интересам японского монополистического капитала. Участие Японии в исследованиях, по их мнению, сулит ей дальнейший мощный подъем технического уровня экономики, позволит укрепить наряду с американским и японский военный потенциал. Подключение к научным изысканиям в рамках СОИ, утверждали они, будет способствовать развитию военно-политического сотрудничества между Японией и США, составляющего стержень послевоенной японской дипломатии, поднимет значение «пакта безопасности» на более высокую качественную ступень. Кооперация с Вашингтоном в области разработки космических и других «экзотических» видов оружия, а самое главное — использование конечных итогов космических исследований, как полагали в Токио, стимулируют новый научный и военно-технический рывок Японии в области высокосложных технологий. «Если наша страна,— отметил бывший генеральный секретарь кабинета министров М. Готода в интервью газете «Майнити»,— в связи с участием в разработке программы СОИ сможет использовать в какой-то форме результаты космических исследований, то это окажет огромное воздействие на возрастание уровня технического развития Японии»⁵.

Отвечая на первое приглашение Токио к участию в СОИ, сделанное министром обороны США К. Уайнбергером в марте 1985 г., бывший в то время министром иностранных дел Японии С. Абэ откровенно признал, что американские «программы» имеют важнейшее значение с точки зрения развития военной стратегии; они, по его словам, являются грандиозным проектом, рассчитанным на многие годы. В том же духе высказался и премьер-ми-

нистр Я. Накасонэ, отметивший в мае 1985 г., что сама идея космической обороны, обращенная в XXI век, имеет большой политический смысл, поскольку служит «козырной картой» в системе международных отношений. Именно эта карта, на чем не раз делал акцент бывший глава японского правительства, вынудила якобы Советский Союз пойти на возобновление переговоров с США на высшем уровне⁶. Одиозные, выдержанные в духе стереотипов старого мышления сентенции лидера консерваторов, откровенно ратовавшего за опору на военную силу в отношениях между государствами, снимают завесу с его неоднократных риторических заявлений о приверженности Японии к миру.

Как отмечала японская печать, одна из глубинных причин подключения Вашингтоном своих союзников к программам СОИ состоит в том, чтобы повысить сплоченность стран Запада в экономическом «обескровливании» Советского Союза путем их привязки к глобальной системе гонки вооружений капиталистического мира и укрепления на этой основе их комплексной военной мощи. Что же касается Японии, то ее решение подключиться к СОИ полностью соответствовало амбициозным интересам японского военно-промышленного капитала, заправилы которого рассчитывали на то, что положение Страны восходящего солнца, являющейся одним из самых стойких союзников США, станет еще более прочным в японо-американском военном альянсе. Этот шаг позволит-де Японии завоевать мировое признание «великой политической державы», мнение которой будет учитываться в переговорах на высшем уровне между СССР и США и, самое главное, укрепит позиции Вашингтона в диалоге с Москвой⁷.

Общее мнение делового мира Японии, положительно воспринявшего курс кабинета Накасонэ, нацеленный на подключение к СОИ, выразил президент компании «Кавасаки дзюкогё» К. Нагатани. «Промышленные круги нашей страны считают,— сказал он,— что решение правительства о присоединении к исследованиям по программе СОИ имеет огромное значение с точки зрения дальнейшего развития высокосложных технологий. В связи с этим мы глубоко заинтересованы в том, чтобы участвовать в реализации космической обороны⁸». Многие представители японских монополий откровенно уповали на то, что американская СОИ обеспечит им крупные прибыли и деловую занятость по крайней мере на 50 лет вперед.

Научно-техническая кооперация с военно-промышленным комплексом США, по их расчетам, будет эффективно способствовать завершению в начале 90-х гг. разработок собственных японских программ по созданию компьютеров пятого поколения, которые, как известно, составляют один из важных компонентов американской СОИ, и выполнению поставленной цели превзойти Америку в ближайшие годы по доли валового национального продукта (ВНП) на душу населения, составившего в Японии в 1986 г. 82 %⁹ от американского уровня. Надо участвовать в СОИ ради того, заявил как-то один из представителей деловых кругов Японии, чтобы бить в будущем американцев их собственным оружием (т. е. научно-техническими достижениями.— В. Б.).

Создавая на основе компьютеров пятого поколения серию высокосложных ЭВМ, японские авторы исследования выдвигают весьма амбициозные цели. Ставится, к примеру, задача вывести Японию к концу текущего столетия на лидирующее в мире положение в развитии компьютерной техники, которое позволило бы ей быть своего рода «законодателем» информационно-вычислительной политики в глобальном масштабе. По расчетам проктивировщиков, компьютеры пятого поколения позволят Японии достигнуть

более высокой производительности во всех сферах хозяйственно-экономической деятельности, проводить плановую политику в отношении экономии энергии и ресурсов, управлять социальными процессами, связанными со старением общества, успешно конкурировать на мировых рынках и активно участвовать в международном разделении труда¹⁰.

Поняв, что планами СОИ американский ВПК пытается, в частности, огородить свою экономику от все более чувствительной конкуренции японских монополий, члены могущественной в Японии Ассоциации экономических организаций (Кэйданрэн), объединяющей все крупнейшие монополистические концерны страны, готовы пойти на все, чтобы получить возможность для развертывания исследований, испытаний и производства качественно новой для своей страны техники и, таким образом, не оказаться позади Америки. Более того, техническое сотрудничество с Вашингтоном, по их замыслам, позволит Токио уже в недалеком будущем заняться разработками собственных программ азиатского варианта СОИ.

Что касается демократической общественности Японии и оппозиционных партий, то они с возмущением встретили решение правительства Я. Накасонэ. Негодование противников СОИ было обусловлено прежде всего тем обстоятельством, что японские правящие круги пошли на данный политический шаг вопреки воле народа, без широкого обсуждения негативных моментов вовлечения страны в гонку космических вооружений.

Коммунистическая партия Японии решительно высказалась против реализации планов СОИ, поскольку они предполагают наращивание американских ядерных вооружений и распространение их на космическое пространство. «Присоединение к исследованиям по программе стратегической оборонной инициативы, — сказано в заявлении КПЯ, — будет способствовать милитаризации науки и техники и таит в себе опасность возврата нашей страны к довоенному пути. Поэтому мы требуем отказа от участия в реализации планов космической обороны»¹¹.

Как явно противоречащее резолюции парламента 1969 г. о мирном использовании космического пространства расценила в своей резолюции Социалистическая партия решение правительства, заявив, что «опасная акция» Я. Накасонэ свела на нет положения мирной конституции и неизбежно может привести к ускорению принятия в Японии антидемократического закона о государственных тайнах. СПЯ потребовала пересмотра решения кабинета министров по данному вопросу и призвала к развертыванию всенародного движения в пользу отказа от участия страны в разработках американских программ.

Присоединение к исследованиям по программе СОИ, заявила крупнейшая оппозиционная партия Комэйто, означает не что иное, как сотрудничество с США в разработке глобальной военной стратегии, что противоречит духу мирной конституции. Программа СОИ не может быть неядерной и чисто оборонительной, как пытаются доказать Р. Рейган и его последователи в японском руководстве, участие в разработках СОИ несовместимо с существующими в Японии тремя неядерными принципами и парламентской резолюцией 1969 г.

В таком же примерно духе высказались и другие оппозиционные центристские партии. Председатель Социал-демократического союза заявил, например, что «политическая ответственность премьер-министра за принятое его кабинетом решение исключительно велика. Мы категорически возражаем против курса правительства, идущего вразрез с соответствующей резолюцией парламента»¹². Даже внутри правящей Либерально-демокра-

тической партии (ЛДП) было немало призывов к «осмотрительности и осторожности».

А тем временем в японских военно-политических и деловых кругах делались различные прикидки, главная цель которых состояла в выяснении вопроса: какие политические, экономические, научно-технические и военные выгоды сулит Японии участие ее частных фирм (а речь на первом этапе сотрудничества шла только о них) в исследовательских работах Пентагона по стратегической обороне?

Политическая сторона вопроса не вызывала особых сомнений в высшем эшелоне правящей партии. Из первых же правительственных заявлений стало ясно, что ради сохранения и упрочения военно-политического сотрудничества с Вашингтоном ЛДП, а следовательно, и кабинет министров готовы пойти не только на одобрение, но и на прямое участие в СОИ, если даже оно и не принесло бы стране экономических выгод. Раздавались даже заявления, что отказ от СОИ равнозначен разрыву военного союза с США — японо-американского «договора безопасности», составляющего, как следует из программных заявлений руководства ЛДП, основу внешней политики Страны восходящего солнца. Отсюда делался вывод: «Этого допустить никоим образом нельзя!», потому что тесный альянс с заокеанским партнером продиктован «общностью судеб» Японии и Америки, единством целей в борьбе с силами демократии и социализма.

«Для Японии нет другого пути, кроме участия в СОИ»¹³, — утверждает японский генерал в отставке Тосио Иваидэ в своей книге «СОИ и Япония», специально выпущенной в свет практически в день подписания в Вашингтоне японо-американского соглашения о «звездных войнах». Бывший высокопоставленный военный УНО говорит о том, что «Японии не следует задумываться над тем, в чем состоит истинный смысл СОИ, какова ее оборотная сторона»¹⁴, если она хочет решить свою главную цель — используя научно-технические достижения, которые будут получены в результате исследовательских работ по программам СОИ, построить по примеру США «общество электронной информатики» и иметь соответствующую боевую мощь. Ради этой стратегической цели Япония должна не по принуждению, а самостоятельно добиваться более глубокого проникновения в программы СОИ, чтобы заимствовать в них максимум полезного для себя.

Сотрудничество Японии и США в области высокосложных технологий

У читателя может сложиться ошибочное впечатление, что Япония пошла на участие в СОИ не самостоятельно, а под нажимом Вашингтона. Это обстоятельство требует особого пояснения. Дело в том, что происшедший в 80-е гг. в Японии мощный рывок в области разработки высокосложных технологий привлек к ней, как известно, пристальное внимание Пентагона, поставившего задачу любыми путями заполучить доступ к японским военно-прикладным технологическим достижениям. Когда эта задача в 1983 г. с благословения Я. Накасонэ была выполнена, руководство военного ведомства США, приступившего по указанию Р. Рейгена к разработкам программ СОИ, усмотрело в Японии наличие такой технологической базы, которая могла бы обеспечить основные поставки электронных и других компонентов для реализации пресловутой рейгановской идеи. Поняв, что Япония одобряет стратегическую инициативу, представитель американской администрации (им был шеф Пентагона К. Уайнбергер) обратился к Токио с официальным приглашением участвовать в

исследовательских работах. Характерная для японского механизма принятия политических решений тактика промедления и проволочек, которые были необходимы правительству для взвешенного и всестороннего изучения вопроса, вызвала раздражение Вашингтона и неоднократно заставляла его поторапливать кабинет Я. Накасонэ с окончательным выбором, хотя заинтересованность Японии быть непосредственной соучастницей в перспективных научно-технических программах США была отнюдь не меньшей, а может быть, даже значительно большей, чем у американской администрации.

На 6-м заседании японо-американского совета по вооружению и технике, которое проводилось в Вашингтоне с 13 по 17 августа 1984 г., были определены пять направлений японской высокосложной технологии, в получении которой заинтересовано министерство обороны США: 1) производство арсенида галлия, используемого для изготовления силовых схем и другого сверхточного электронного микрооборудования; 2) оптическая электроника, включающая волоконную оптику и лазерную технику; 3) сложные композиционные материалы, такие, как угольное волокно; 4) керамические материалы; 5) жаропрочные покрытия¹⁵. При этом представители Пентагона отметили, что японская высокосложная технология — это технология будущего, поэтому конкретные материалы, которые могут создаваться на ее основе, следует определять соответствующими соглашениями.

Практически эти направления не явились чем-то новым для японской стороны, поскольку они включали основные группы высокосложных технологий, над которыми в последнее время работала Япония. По словам бывшего заместителя помощника министра обороны США Эллена Форста, Вашингтон интересуется «все стандартные вещи, в которых японцы добились существенного коммерческого перевеса: арсенид галлия и другая некремниевая микроэлектроника, совершенные ЭВМ, включая компьютеры пятого поколения, керамика и прочие новые материалы, а также роботы и станки с числовым программным управлением»¹⁶.

С первого прочтения может показаться, что названные области не имеют ничего общего с военным делом. Однако более внимательное рассмотрение сферы применения продукции данных отраслей выявляет двойственность ее использования: одни и те же печатные схемы могут идти на монтаж персональных компьютеров, безобидных детских видеоигр и в то же время — электронных головок наведения межконтинентальных баллистических ракет. Кстати, компания «Фудзицу», которая экспортирует в США 70 % своих силиконовых печатных схем, выполненных на основе арсенида галлия, открыто признала, что большинство ее продукции используется в электронном «мозге» американских МБР¹⁷. Помимо медицины, оптическое волокно широко применяется компаниями «Фудзицу» и «Нихон дэнсин дэнва» для организации связи, которая позволяет передавать на сверхскоростях огромное количество информации. Военно-воздушные силы США заменяют обычное оборудование связи на системы волоконной оптики, используемые в стратегических ракетно-ядерных силах. Ими изучается вопрос применения волоконной оптики для связи между подводными лодками и базовыми надводными кораблями.

Угольное волокно и другие композиционные материалы, разрабатываемые компаниями «Тосиба дэнки когё» и «Ниппон дэнки», обладают способностями поглощать радиоволны и используются военным ведомством США при создании «невидимого бомбардировщика», а также для покрытия крылатых ракет, которые нельзя обнаружить никакими средствами радиолокации. Керамика, которую поставляет японская фирма «Кёсэра», идет для создания всех видов двигателей внутреннего сгорания, в том числе и военного

применения, а также деталей к крылатым ракетам «Томагавк», магниты фирмы «Хитати» идут на изготовление лазеров, поставляемых для программы СОИ, а жаропрочные смеси служат покрытием сверхзвуковых и космических летательных аппаратов.

Оценивая перспективы военно-технического сотрудничества между Японией и США, в том числе и в области СОИ, можно сказать, что реализация достигнутых соглашений будет осуществляться в основном в военно-прикладной сфере. Американцы больше рассчитывают на получение японской коммерческой высокосложной технологии так называемого двойного назначения, на экспорт которой не распространяется парламентское вето и в разработке которой Япония добилась больших успехов, нежели в военной области. Известно, например, что из 107 зарегистрированных в мире отраслей высокосложных технологий Япония более чем в половине опережает США. Содержащийся в соглашении 1983 г. пункт о том, что «передача различного вооружения, разработанного японскими государственными и коммерческими институтами, будет осуществляться в целях усиления оборонительного потенциала Соединенных Штатов»¹⁸, свидетельствует, что речь идет не только о коммерческой технологии, но и о военной технике, что предполагает получение Пентагоном в Японии чисто боевых образцов.

Японию, заинтересованную в получении конечных результатов исследовательских работ по СОИ, пока вполне устраивает роль поставщика, поскольку она престижна для японских монополий, усматривающих в своей миссии легальный канал для вывоза за границу военной продукции в условиях существования вето на экспорт вооружений. Кстати, когда в 1983 г. решался вопрос о применении парламентского запрета на передачу Вашингтону военных технологических новинок, глава японского правительства обосновал правомерность данного шага, его соответствие конституционным нормам и регулирующим военную политику законодательным актам в программной речи на 1983 г.: «Передача военной технологии США осуществляется в рамках японо-американского соглашения о взаимопомощи в вопросах обороны (подписано в 1954 г.— В. Б.) и не имеет отношения к трем принципам запрета на экспорт вооружения»¹⁹. Этим заявлением Я. Накасонэ продемонстрировал, что национальный принцип вето, сдерживавший наращивание темпов отечественного военного производства, попирается правящими кругами Японии в угоду интересам военно-промышленного комплекса США и их глобальной военной стратегии.

Нужда в японских поставках для США была настолько велика, что руководители программы СОИ стали тщательно изучать технологические возможности монополий Японии, которые работают над перспективными военно-прикладными технологиями. 5 июня 1985 г. министерство обороны США опубликовало доклад «Японская высокосложная электронная милли- и микроволновая технология», подготовленный исследовательской группой экспертов министерства, которая летом 1984 г. изучала проблему непосредственно в Японии. В документе были названы 36 пунктов, вызвавших наибольший интерес специалистов. Они были обследованы ведущие японские компании в области разработки высокосложной технологии — «Нихон дэнки», «Хитати сэйсакусё», «Фудзиси», «Мицубиси дэнки», «Шарп», «Сумитомо дэнки когё», «Мацусита дэнки сангё»²⁰.

Особое внимание группы привлекли чертежи и экспериментальные характеристики 1,3-микронных лазеров DFB, лазерных диодов, оптических волокон, арсенида галлия, лазерных диодов с высокой степенью памяти. В докладе было отмечено, что «обследованные японские предприятия охотнее идут на продажу готовых изделий, нежели на передачу их технологии»²¹. Здесь

констатировалось также, что США утратили лидерство в области многих отраслей высокосложной технологии и вынуждены пользоваться «ноу-хау» союзных стран, в первую очередь Японии.

Таким образом, еще до принятия политического решения и подписания официальных документов частные корпорации Японии (а их число превысило 300) в рамках научно-технического сотрудничества, которое с 1983 г. приобрело односторонний характер (из Японии в США), Страна восходящего солнца оказалась «автоматически вовлеченной» в СОИ. Правда, чтобы нивелировать растущее в Токио недовольство односторонним потоком японской технологической продукции, Вашингтон выступил в последнее время с целым рядом предложений о создании совместных образцов вооружения, которые способствовали бы налаживанию более эффективного боевого взаимодействия между войсками США и «силами самообороны» Японии в будущих совместных операциях.

Было выдвинуто предложение о создании консорциумом из пяти японских фирм во главе с «Мицубиси дзюкогё» и американскими концернами «Макдоннел-Дуглас» и «Дженерал дайнэмикс» истребителя непосредственной поддержки для японских военно-воздушных сил типа FSX, разработку которого практически завершила «Мицубиси». Однако министр обороны США К. Уайнбергер, посетивший Японию в конце июня 1987 г., неожиданно выдвинул новый проект: УНО отказаться от разработки собственного образца и закупить в США истребитель-бомбардировщик F-16, на базе которого наладить выпуск боевых машин нового поколения, чем значительно повысить боеспособность японских ВВС²².

Производство новейших образцов военной техники на основе закупаемых у США лицензий всегда прельщало японских промышленников, тесно связанных с выполнением заказов УНО. Хотя сборка самолетов в Японии обходится почти в 1,5 раза дороже готовых изделий, УНО идет на такие издержки ради освоения американских новейших военных технологий. Его не смущает даже то обстоятельство, что выпускаемая по лицензиям продукция фактически находится под контролем Пентагона.

В начале октября 1987 г. во время визита начальника УНО Японии Ю. Курихара в Вашингтон и его встреч с К. Уайнбергером был решен вопрос о новом истребителе (как и следовало ожидать, в пользу Пентагона), а также о совместном создании в Японии системы ведения противолодочных операций на основе использования последних японских достижений в области компьютерной техники.

Подписание соглашения: разочарование и перспективы

Несмотря на то что накал политических страстей вокруг СОИ продолжал находиться на пиковой отметке, спустя 10 месяцев после принятия политического решения кабинет Я. Накасонэ пошел на его юридическое оформление в виде двустороннего соглашения с Вашингтоном. Почему же консерваторы предприняли такой «смелый шаг», не прислушавшись к доминировавшим в стране настроениям? Достаточно напомнить, что об отрицательном отношении к СОИ объявили свыше 2700 видных японских ученых-физиков, математиков и программистов. Поиски ответа не требуют особых усилий. ЛДП, одержав убедительную победу на выборах летом 1986 г.²³, чему во многом способствовала разобщенность оппозиции в вопросе формирования единого фронта, поверила во вседозволенность своих действий, и это

позволило ей в течение года после выборов осуществить целый ряд анти-демократических мероприятий.

В июле 1986 г. был преобразован высший военный орган государства Совет национальной обороны в Совет национальной безопасности, получивший более широкие полномочия в определении военного курса страны. В сентябре того же года принято известное политическое решение о присоединении Японии к СОВ. В январе 1987 г. отменены «лимиты» на военный бюджет, что открыло шлюзы для неограниченного наращивания вооружений. Правительство в течение всего года предпринимало отчаянные попытки проталкнуть через парламент реакционный закон о шпионаже и, наконец, 21 июля заключило с Вашингтоном соглашение об участии в СОВ. 3-й пункт которого придал дополнительный стимул прояскам консерваторов в проталкивании законопроекта. В нем, в частности, записано: «В целях охраны секретной информации, предоставляемой или получаемой контрактами на научные исследования в рамках стратегической оборонной инициативы, оба правительства примут все необходимые и надлежащие меры в соответствии с законами каждой из стран и соглашениями между Соединенными Штатами и Японией»²⁴.

Не успели еще просохнуть чернила под цитируемым документом, как ретивые хозяева Токио приняли поправку к Закону № 228 «О контроле за иностранной валютой и внешней торговлей» об ужесточении мер проверки экспортируемой в Советский Союз и социалистические страны технологии. Ссылаясь на инцидент с фирмой «Тосиба кикай», которую Вашингтон обвинил в нарушении правил КОКОМ (Координационного комитета по осуществлению контроля над экспортом в социалистические страны) за то, что она продала СССР четыре фрезерных станка, премьер Я. Накасонэ отдал распоряжение 300 компаниям, занятым производством высокосложных технологий, доложить до конца октября (срока окончания пребывания его у власти), какие меры приняты ими для недопущения экспорта новейшего оборудования в социалистические страны.

Воспользовавшись шумным инцидентом с «Тосиба кикай», администрация США сразу же после подписания соглашения потребовала от Токио обеспечить обязательное участие военных экспертов УНО в контроле торговых поставок в СССР и направить представителей этого ведомства для постоянной работы в штаб КОКОМ²⁵.

Подписание соглашения, текст которого вызвал глубокое разочарование в кругах делового мира Японии, и активная деятельность кабинета Я. Накасонэ по его защите и реализации подняли новую волну возмущения демократических сил. В день подписания соглашения правительству было направлено совместное заявление протеста представителей пяти общественных организаций: Японского совета ученых, Японского совета профсоюзов преподавателей частных школ и вузов (Никкёсо), Отдела высших учебных заведений Никкёсо, Японского совета связи профсоюзов государственных и муниципальных служащих, Совета профсоюзов сотрудников исследовательских учреждений научного городка Цукуба. В документе, требовавшем аннулирования соглашения, говорилось, что СОВ означает перенос гонки ядерных вооружений в космос, а участие в программах открывает дорогу к исследованиям в военной области, о чем авторы заявления неоднократно предупреждали правительство, но, к сожалению, кабинет проигнорировал это предупреждение²⁶.

С решительными протестами по поводу «опасного шага» Я. Накасонэ выступили все оппозиционные партии. Выразив крайнее сожаление по поводу свершившегося акта, партия Комэйто отметила в своем заявлении, что соглашение создаст в будущем множество проблем, поскольку не определяет конкретных условий участия в СОВ японских частных фирм.

В целом крайне осторожную, близкую к разочарованию позицию заняли по отношению к совместному документу японские деловые круги. Промышленники выразили сомнение, что США предоставят японским фирмам право пользоваться конечными результатами, полученными в результате научно-исследовательских работ по СОИ. Высказывалось также сожаление, почему не были опубликованы так называемые секретные протоколы, сопутствующие соглашению.

Дело в том, что в атмосфере радужных и соблазнительных перспектив, которые, казалось бы, сулит участие в американских научно-исследовательских программах, Япония поначалу пыталась выдвинуть следующие амбициозные максималистские цели: 1) получение возможности полного и всестороннего использования техники США как в настоящее время, так и в будущем; 2) осуществление совместного контроля над планами, связанными с исследованиями в области СОИ; 3) сотрудничество в сфере управления всеми автоматическими системами, которые будут разработаны в результате завершения программ СОИ²⁷. Когда же стало ясно, что Вашингтон не допустит Японию к самым чувствительным нервным окончаниям «стратегической оборонной инициативы», которые важнее любых ожидаемых, но весьма сомнительных достижений в военной области, оптимистические расчеты Токио были значительно поколеблены.

Особенно насторожили деловые круги Японии сообщения о том, что в американском конгрессе один за другим стали вноситься законопроекты о запрещении участия в СОИ иностранных, и в первую очередь японских, компаний, о допуске последних только к той части исследований, в которых не будет использоваться американская технология. Для бизнесменов стало ясно, что Токио не может рассчитывать на равноправное участие в СОИ и будет довольствоваться лишь ролью подрядчика, чего они более всего опасались.

Поняв, что условия участия в СОИ практически исключают возможность использования конечных результатов научно-технических разработок в коммерческих целях, крупнейшие японские корпорации, такие, как «Сони», «Мацусита дэнки», «Сумитомо дэнки», а также многие другие электротехнические и машиностроительные фирмы отказались от присоединения своих лабораторий к программам «звездных войн»²⁸.

В чем же видят выход японские монополии, обеспокоенные перспективами стать заурядными подрядчиками США, довольствуясь лишь получением ситуационных прибылей, на значительность которых вряд ли следует рассчитывать? Конечные результаты исследований, по их убеждению, останутся в руках Пентагона, а иностранные, в том числе и японские, участники будут поглощены военно-промышленным комплексом США, что, безусловно, будет способствовать его укреплению. Соответствует ли это национальным интересам Японии? Отвечая на этот вопрос, отставной генерал Иваидэ считает, что в длительной стратегической перспективе, а для полного завершения программ СОИ, по его мнению, потребуется не менее двух столетий, ядро японских участников должно быть более весомым. Его следует представить государственными предприятиями, непосредственно связанными с УНО. Только крупный национальный консорциум японских членов в СОИ не допустит полного подчинения Японии Соединенным Штатам, которые хотя и дали обещание прикрыть Страну восходящего солнца в качестве своего союзника — равноправного партнера — новым «зонтиком СОИ», однако составную часть «прикрытия» — высокосложную технологию — оставили в распоряжении своего ВПК²⁹.

Рассуждая на эту же тему, японская газета «Майнити» предлагает оформить участие Японии в СОИ не в виде соглашения, которое может нарушаться,

а в форме договора, требующего обязательной ратификации законодательными органами обеих стран³⁰.

СОИ и проблемы безопасности Японии

Японские средства массовой информации и многие политологи склонны считать, что необходимо договорное оформление присоединения Японии к СОИ еще и потому, что проблема «звездных войн» непосредственно затрагивает вопросы безопасности и может оказать существенное влияние на военную политику страны. Заслуживает внимания мнение «Майнити дейли ньюс», спрашивающей в передовой статье, как «звездная» стратегия США соответствует военной политике Японии, базирующейся на концепции «исключительной обороны», если «СОИ может использоваться в конце концов и для наступления»³¹. В передовице вносится предложение правительству Накасонэ разъяснить народу, что подразумевает собой «участие в исследованиях» и как оно согласуется с основным курсом оборонительной политики страны, ее конституцией и тремя неядерными принципами. Тон статьи, опубликованной в буржуазной газете, в целом отражает обеспокоенность общественного мнения Японии тем обстоятельством, что СОИ непосредственно связана с глобальной военной стратегией стран западного лагеря и обуславливает выход сферы сотрудничества Японии и США за рамки сложившихся за последние десятилетия отношений на основе «пакта безопасности».

Уже давно прочно вошли в оборот рожденные западными политологами выражения «Япония и США находятся в одной лодке безопасности», «Япония и США — пассажиры одного огромного экономического корабля». Если судить по объему японо-американской торговли, достигшему в 1986 г. 109,6 млрд. долл., что составило 1/3 всего внешнеторгового оборота Японии, то можно сказать, что размеры этого морского лайнера, который, однако, многие годы не может выйти из штормовой волны, действительно крупные. Однако и «лодка безопасности» благодаря бурному развитию и укреплению двустороннего военного союза быстрыми темпами перерастает в «непотопляемый авианосец».

Представители американской администрации не раз отмечали, что, несмотря на трения в области торговли, военные отношения США с Японией развиваются чрезвычайно успешно. Особо выделяет военный аспект сотрудничества сам президент Р. Рейган. В программном заявлении на 1987 г. он подчеркнул, что «американо-японский договор о взаимной обороне придает официальный характер нашим оборонным связям, обеспечивая фундамент безопасности для широкого спектра экономических, социальных и политических ассоциаций, к которым мы принадлежим. В области безопасности недавний пересмотр Японией ее целей самообороны, особенно в том, что касается защиты морских путей, имеет особо важное значение. Японские силы самообороны, — признал глава Белого дома, — создают потенциал, способный внести значительный вклад в цели сдерживания».

Из заявления становится ясно, что стратегическая важность Японского архипелага для США остается первостепенной на многие годы и ради нее Вашингтон готов пойти на самые крупные экономические издержки, одной из которых является, к примеру, торговый дефицит, достигший в 1986 г. 60 млрд. долл.

В связи с присоединением Токио к «звездным войнам» можно, следуя логике образных сопоставлений, предположить, что Япония и США пересели в катамаран, в одном из корпусов которого расположились их

экономические связи, а в другом — военное сотрудничество. Платформой, соединяющей обе части и придающей прочную устойчивость этому кораблю, призвана служить СОИ. Во всяком случае, японская сторона в качестве одной из «благородных целей» подключения к исследовательским программам США называет «максимальное сокращение торгового дефицита» с Америкой и обязуется прилагать все усилия к тому, «чтобы не потопить общий корабль»³². А для этого, пользуясь языком представителей УНО, Японии необходимо наращивать военный потенциал.

Однозными представляются планы японского военного ведомства в связи с присоединением к программам «звездных войн». УНО усматривает в СОИ прежде всего шанс для развития собственных космических исследований, в которых первостепенное место отводится военным аспектам. Сейчас делаются прогнозы, как использовать технические достижения СОИ в рамках японской концепции «исключительной обороны».

В нынешний ядерный век, рассуждают военные теоретики Японии, безопасность государства предполагает распространение ее сферы вплоть до космического пространства. Исходя из доктрины Р. Рейгана о том, что в будущей войне победит лишь та страна, которая наиболее эффективно и полно использует последние научно-технические достижения, полученные в результате СОИ, японцы поддерживают американскую концепцию «неядерной оборонной инициативы» (НОИ — CDI), предполагающей разработку новых типов обычного вооружения.

Такое оружие, по мнению представителей УНО, вполне соответствует японским оборонительным принципам и не нарушает конституции. Речь идет о создании в будущем в Японии искусственных спутников военного назначения, техники наблюдения за космическими объектами противника, систем слежения, преследования и перехвата баллистических ракет, систем контроля за полем боя, которые будут включены в общую систему электронной обороны, элементы которой предполагается расположить в ряде мест страны³³.

Кроме электронных систем, Япония обладает всеми экономическими и научно-техническими возможностями для разработки в рамках СОИ любых компонентов «экзотического оружия», основанных на кинетической и направленной энергии и размещаемых на двух щитах прикрытия — атмосферном (докосмическом) и космическом³⁴.

Не дожидаясь, пока будут созданы новые и пока еще сомнительные типы вооружений, практики УНО считают, что необходимо предпринимать реальные меры по наращиванию боевой мощи Японии, которые служили бы существенным дополнением к СОИ. Они включают в себя укрепление военной группировки на пограничном с СССР острове Хоккайдо, улучшение возможностей «быстрого реагирования сил самообороны» в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств» на Дальнем Востоке, детальную разработку стратегии «охраны» морских коммуникаций в радиусе 1000 миль от японских берегов с концентрацией усилий в северо-западной части Тихого океана, повышение качества обычных вооружений, совершенствование системы противовоздушной обороны в докосмической сфере, отработку эффективной координации и взаимодействия между вооруженными силами Японии и войсками США.

Таковы подходы японского военно-политического руководства к проблеме обеспечения «национальной безопасности» в связи с присоединением Токио к СОИ. Эти концепции делают откровенную ставку на военную силу, поддержку глобального курса США, направленного на экономическое изматывание Советского Союза, втягивание его в дальнейшую гонку вооружений, срыв широкомасштабных советских планов перестройки. Они пресле-

дуют цель дискредитировать предложения СССР о создании всеобъемлющей комплексной, равной для всех государств системы безопасности в Азии, дестабилизировать обстановку в азиатско-тихоокеанском регионе.

Что же касается экономических и научно-технических аспектов участия Японии в СОИ, то, во-первых, она будет стремиться не допустить отставания от США в этих областях и сохранить достаточно высокий уровень внешнеторгового оборота с ними, а во-вторых, предотвратить образование «экономического вакуума», которым ей угрожают индустриализующиеся страны Азии — Южная Корея, Тайвань, Гонконг, уже сейчас представляющие серьезную конкуренцию для японской продукции на мировых рынках. Присоединение к американским исследовательским программам может способствовать тому, что Япония совершит новый прорыв в области высоко-сложных технологий, однако весьма сомнительно, что с ее планами использования в своих целях конечных результатов научно-исследовательских работ будет считаться Вашингтон.

¹ In: "Japan Times", 23.VII.1987.

² «Акахата», 12.IX.1986.

³ «Майнити симбун» (веч. вып.), 12.IX.1986.

⁴ Там же, 9.IX.1986.

⁵ Там же.

⁶ См.: «Майнити симбун», 10.IX.1986.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См.: Дзидзи нэнкан 1987 (Ежегодник информационного агентства Дзидзи цусин). Токио, 1987, с. 120.

¹⁰ См.: ЭВМ пятого поколения. Концепции, проспекты, перспективы. Пер. с англ. М., 1984, с. 14—16.

¹¹ «Майнити симбун», 10.IX.1986.

¹² Там же.

¹³ И в а н д э Т. SDI to Nixon (СОИ и Япония). Токио, 1987, с. 184.

¹⁴ Там же, с. 181.

¹⁵ In: "Japan Economic Journal", vol. 22, 1984, p. 1122, p. 1.

¹⁶ In: "Newsweek", 1984, No 2, p. 12.

¹⁷ In: "Japan Economic Journal", vol. 22, 1984, p. 1122, p. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ In: "Japan Times", 25.I.1983.

²⁰ «Акахата», 8.VI.1985.

²¹ Там же.

²² In: "Japan Times", 29.VI.1987.

²³ ЛДП завоевала на выборах дополнительно 56 депутатских мандатов и получила 452 из 761 места в обеих палатах японского парламента.— См.: Дзидзи нэнкан 1987, с. 81—82.

²⁴ In: "Japan Times", 23.VII.1987.

²⁵ См.: «Санкэй симбун», 26.VIII.1987.

²⁶ См.: «Акахата», 23.VII.1987.

²⁷ См.: И в а н д э Т. Указ. соч., с. 185—186.

²⁸ См.: «Нихон кэйдзай», 26.VII.1987.

²⁹ См.: И в а н д э Т. Указ. соч., с. 196—197.

³⁰ См.: "Mainichi Daily News", 27.VII.1987.

³¹ Там же.

³² И в а н д э Т. Указ. соч., с. 181.

³³ Там же, с. 194—195.

³⁴ Там же, с. 198—199.

*А. М. МАЛУХИН,
кандидат исторических наук*

Помню, как в конце 1927 г. на площади уездного города Моршанска мы пели революционный марш тех лет: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Был многолюдный митинг, посвященный Кантонской коммуне, ее подвигу и геронческой гибели. Советские люди в те годы глубоко чувствовали атмосферу китайской революции с ее жаркими взлетами и тяжкими ненастьями. Среди участников митинга, естественно, преобладала молодежь. На площади находились все комсомольцы города. Учащиеся группировались в свои школьные хоры. Речи ораторов, выступавших с трибуны, чередовались суровыми революционными песнями.

Такие митинги проходили тогда по всей стране, о них сообщали газеты, которые в Моршанске расклеивались на углу Интернациональной улицы. Перед газетами задерживались прохожие, читали, кратко переговаривались. Революционный Кантон в то время был хорошо известен советским людям. Далекый центр революционных событий в Китае, казалось, находился рядом, чтение газеты начинали с сообщений о Кантоне.

Приобретенный в юности интерес к революционному Кантону с его яркой и трагической судьбой я не утратил и позже. Судьба сложилась так, что два десятилетия спустя я прибыл в этот город в качестве ответственного сотрудника советского посольства. В Китае близилась к концу гражданская война, и нанкинское правительство гоминьдана предложило всему дипломатическому корпусу эвакуироваться на юг.

В сверкающем в рекламных огнях и шумном центре Южного Китая ничто не напоминало о Кантонской коммуне, о руинах, которые оставила артиллерия английских, американских и японских военно-морских судов на месте ожесточенной неравной борьбы, которую вели с гоминьдановскими дивизиями два революционных полка и несколько вооруженных отрядов коммунаров. В последний год существования чанкайшистского режима в Китае нельзя было, разумеется, и думать о поиске и посещении мест, где сражались и гибли защитники Коммуны.

Горстка советских людей вынуждена была ограничивать свои выходы в город из многоэтажного отеля «Ойкван», в нескольких номерах которого китайский МИД поместил наше посольство во главе с послом Н. В. Роциным. Мы подвергались слежке. В коридоре, где над дверью номера вывешивался алый флажок с золотым серпом и молотом, появлялись по-европейски одетые китайцы с непроницаемыми лицами, в гостинице сновали офицеры. В городе было много военнослужащих.

Из окна девятого этажа гостиницы открывалась панорама города. Внизу — набережная и пассажирский порт. Отчаливают пароходы в Гонконг и Макао.

Сквозь муравейник разношерстного люда — «беженцев», мелких коммерсантов, искателей случайного заработка, люмпен-пролетариев — полуголые кули перехваченными через плечо лямками тянут огромные плоские телеги. Ритмично стелая под тяжестью ноши, кули поднимаются чередой друг за другом на борт парохода... На верхней палубе в гнезде из толстого каната торчит крупнокалиберный пулемет — защита от пиратов, бороздящих устье реки Чжуцзян на проворных лодках. Газеты нередко сообщают о подрыве судов на пиратских самодельных минах.

Безуспешно мы старались тогда обнаружить в городе какие-либо следы бывшего революционного центра Китая, каковым являлся Кантон в середине двадцатых годов: повсюду кололи глаза контрасты колониалистского «рая» и тьла контрреволюции.

Роскошь богатых, нищета и подавленность масс. В феврале множество китайцев шлепало по асфальту босиком, а ночью спало прямо на тротуарах. И все это под сиянием многоцветных реклам на английском языке. Рестораны, игорные и публичные заведения... А в темных дворах — трущобы, битком набитые бездомными. Днем по улицам проезжают колонизаторы: модные леди и джентльмены в шикарных автомобилях, американские и английские офицеры на военных джипах. Таким был Кантон перед освобождением, которое пришло с севера в октябре 1949 г. Его несла с собой Народно-освободительная армия Китая, которая родилась в год Кантонской коммуны.

Из контактов с гоминьдановскими дипломатами особенно запомнилась последняя встреча. Когда была провозглашена КНР, Временный поверенный в делах СССР в Китае В. В. Васьков отправился в гоминьдановский МИД на острове Шамянь, чтобы вручить ноту о прекращении дипломатических отношений с гоминьдановским правительством. На передаче ноты присутствовали заведующий протоколом Посольства И. И. Сафронов и я. Прием в кабинете министра произошел не такой, какого можно было ожидать. Вместо возмущения и нападок исполнявший обязанности министра иностранных дел Е. Гунчао продемонстрировал растерянность. Отказавшись взять из рук В. В. Васькова ноту, он вяло сформулировал казенные фразы протеста, а затем мягко высказал слова собственного сожаления.

Зато крайние гоминьдановские реакционеры принялись раздувать антисоветскую кампанию. В этот тревожный вечер советские работники с семьями заперлись в здании бывшего царского консульства на острове Шамянь, куда еще весной после ремонта переехало посольство из гостиницы «Ойкван». Несколько дней все находилось в здании словно под домашним арестом: нашим людям не выдавали визы на отъезд. Наконец, к дому подъехали три синих автобуса английской компании «Гонконг эйруэйз», мы погрузились, и нас в сопровождении англичан отвезли в аэропорт. Морской путь из Гонконга на трофейном каботажном пароходике «Цусима» через Тайваньский пролив на север, в порт Дальний был также тревожным.

Гоминьдановский Кантон оставил у нас тягостное впечатление. Мы помнили, что здесь при разгроме Кантонской коммуны были зверски убиты советские консульские работники, а мы даже не имели возможности уточнить место, где это произошло, чтобы поклониться их праху.

Едва возвратившись из Южного Китая, я должен был вновь отправиться туда на работу консулом СССР в Гуанчжоу. Иностранцы, следуя местному диалекту, всегда называли этот город и порт Кантоном. Хотя такое название остается известным в мировой истории и литературе, оно не считается в Китае официальным, общегосударственным.

На открытии советского консульства в Гуанчжоу присутствовали руководители Южного Китая во главе с тов. Е Цзяньнинном, героем Кантонского вос-

стания. Вскоре у меня сложились отношения искренней дружбы с ним, его семьей, а также с его ближайшим окружением — Фан Фаном, Гу Дацунем, Чжу Гуаном и другими старыми коммунистами, среди которых были и соратники коммунистических руководителей Южного Китая — Чжан Тайлэя и Пэн Бая, погибших в двадцатые годы.

Е Цзяньин часто приглашал меня на приемы, встречи, массовые мероприятия. Это облегчало мою задачу знакомства с консульским округом, охватывающим весь Южный Китай.

За два года пребывания в Гуанчжоу я много раз бывал на улицах, в парках и в других местах, где проходили сражения кантонских коммунаров.

На восточной окраине города местность постепенно поднимается в гору. Это район Дуншань. Здесь в двадцатые годы на улице Байцзы лу находилось Генеральное консульство СССР. Там, где стояло здание, теперь была тщательно расчищенная площадка. Наш маленький коллектив посетил это место. Все постояли в молчании.

В одном из разговоров с заведующим гуанчжоуским бюро внешних сношений Цао Жоминном я как-то заметил, что в городе едва ли знают о трагической судьбе советских представителей, погибших, как и многие коммунары, и что мы едва нашли место, где находилось сожженное здание Генерального консульства СССР. Цао Жомин сказал, что о нападении гомильдановских убийц на советское консульство во время Кантонского восстания помнят не только в Гуанчжоу, но и во всем Китае.

Память о советских консульских работниках, павших в Кантоне от рук палачей Коммуны, действительно сохранена и увековечена. К 30-летию со дня восстания в Гуанчжоу в Парке памяти павших героев у братской могилы была построена беседка-павильон китайско-советской дружбы в ознаменование того, что дружба наша скреплена кровью.

Сегодня, в год шестидесятилетия восстания, по-прежнему неопровержимо звучат оценки, сделанные Коммунистической партией Китая и Коминтерном по следам событий в Кантоне.

VI съезд КПК, состоявшийся через полгода после Кантонского восстания, назвал его «героической, совершенно необходимой попыткой отстоять завоевание революции и углубить революцию». В тезисах VI Конгресса Коммунистического Интернационала, происходившего летом 1928 г., сказано, что оно явилось «героическим арьергардным боем китайского пролетариата в истекший период китайской революции» и, несмотря на грубые ошибки руководства, остается знаменем ее новой фазы. «Конгресс считает совершенно неправильной попытку рассматривать Кантонское восстание как путч», — говорилось в тезисах.

Что касается ошибок, их, в частности, вскрыл 9-й пленум Исполкома Коминтерна в феврале 1928 г. В своей резолюции по китайскому вопросу он отметил «недостаточную предварительную работу среди рабочих и крестьян, равно как и в армии противника; неправильный подход к рабочим — членам «желтых» союзов; недостаточную подготовку к восстанию самой партийной организации и комсомола; полную неосведомленность общекитайского центра о событиях в Кантоне; слабость политической мобилизации масс». VI съезд КПК в общем присоединился к оценкам 9-го пленума ИККИ.

В исследованиях советских и китайских историков указывается еще на ряд объективных причин поражения кантонских коммунаров — таких, как предшествовавшие ему тяжелые поражения, которые понесла революция в 1927 г., обстановка внешней изоляции восстания, большой военный перевес контрреволюции и активная помощь ей со стороны империалистов, отсутствие у восставших рабочих военного опыта. В советских и китайских публикациях названо немало и субъективных причин поражения пролетарского восстания в Кантоне.

Наиболее полно события в Кантоне освещены у нас в книгах: «Кантонская коммуна. Сборник статей и материалов» (издана в Москве и Ленинграде в 1929 г.) и «Кантонская коммуна (к сорокалетию восстания в Гуанчжоу)» (издана в Москве в 1967 г.).

В Пекине в 1984 г. вышел в свет сборник «Воспоминания о Чжан Тайлэе», в котором большинство авторов дает объективные характеристики событий Кантонского восстания, останавливается на героических образах и ярких эпизодах.

Ежегодно 11 декабря во всех Освобожденных районах Китая, а затем и в КНР проводятся собрания, вечера и беседы, посвященные памяти Кантонской коммуны. Только «культурная революция» временно прервала чествование коммунаров.

В день 50-летия Кантонского восстания гуандунский провинциальный комитет КПК устроил собеседование участников восстания. Старые коммунары Чэнь Хуэйцин, Го Миньго, Сун Вэйцзин, Ли Пэйцюнь, Гань Лай и другие делились своими воспоминаниями.

Проводивший собеседование секретарь провинциального парткома Ван Шоудао рассказал о таких руководителях восстания, как Чжан Тайлэй, Су Чжаочжэн, Е Тин, Е Цзяньин, Чжоу Вэньюнь, Не Жунчжэнь.

«Это вооруженное восстание, потрясшее весь мир,— сказал Ван Шоудао,— хотя и потерпело поражение после трехдневных мужественных кровопролитных боев, тем не менее свидетельствовало об энергичном героическом отпоре контрреволюционным силам в целях спасения революции, было новой великой практикой вооруженного захвата власти руководимыми нашей партией рабочими и крестьянами, вписало славную страницу в историю вооруженной борьбы нашей партии».

К таким большим событиям, какими являлись кантонские, необходимо возвращаться в воспоминаниях не раз и не два. Так обычно и делается в памятные даты. Время порой уточняет аспекты и умножает факты. Памятные даты будят интерес к прошлым событиям у людей молодого поколения. Заново сделанные описания событий непременно находят читателя и не становятся излишним повторением уже известного.

Если в кратком описании опустить многодневную энергичную подготовку Кантонского восстания гуандунским провинциальным комитетом КПК, то характерные эпизоды восстания и его поражения происходили, видимо, следующим образом.

10 декабря в 4 часа дня военно-революционный комитет приказал учебно-инструкторскому полку, которым командовал Е Цзяньин, и всей Красной гвардии подготовиться к выступлению по сигналу длинного фабричного гудка. Заранее разделенная на отряды Красная гвардия была размещена в семи районах восточной части города. Штаб восстания расположился в парке Сигуа, который затем стал местом присяги его участников. Красногвардейцы разместились также на территории библиотеки Лунцзанцзе. Эти названия, как и ряд других названий улиц и объектов, были изменены потом гоминьдановскими властями. Многие названия в городе менялись и после образования КНР. Поэтому поиск мест действий коммунаров по старым названиям представляет простую задачу.

Занятие коммунарами исходных позиций проходило без инцидентов. Местные военно-гарнизонные и полицейские силы без помощи милитаристов не смели препятствовать этим приготовлениям. К тому же контрреволюционные власти, осведомленные о предстоящем восстании, были дезориентированы относительно даты его начала. Когда отряд из 90 красногвардейцев в 7 часов вечера занял исходную позицию в здании бывшего комитета Сянган-Гуанчжоу-

ской забастовки, полиция с броневиками окружила его, но, не сделав даже попытки напасть на этот отряд, около полуночи сняла осаду.

В день восстания 11 декабря в 3 часа 30 минут утра в казармах учебно-инструкторского полка офицеры-коммунисты арестовали врагов революции; оказавшие сопротивление 15 старших офицеров были убиты в перестрелке либо расстреляны на месте. Одновременно произошли выступления в парке Сигуа, в библиотеке и других пунктах. Общая численность первоначально выступивших участников восстания достигала 10 тыс. человек. Правда, не все они были хорошо вооружены и обучены пользоваться оружием.

Ядром восставших был учебно-инструкторский полк — 1300 низших офицеров, несколько сот бойцов войск Е Тина и Хэ Луна, переведенных в провинцию Гуандун с севера после Наньчанского восстания, часть гарнизонного полка, разоруженного батальоном учебного полка; а также около 5 тыс. красногвардейцев, представлявших основную массу организованных повстанцев. Это были рабочие — бывшие стачечники, железнодорожники, текстильщики, рабочие каменоломен, кирпичных заводов, носильщики. К ним присоединились члены свыше 180 профсоюзов мелких производственных и коммерческих предприятий. Были также небольшие группы крестьян пригородной зоны.

События развивались очень быстро. Всего в течение двух часов восставшие захватили почти все главные улицы, на которые высыпали жители бедных кварталов, громко приветствуя восставших и присоединяясь к ним. Жизненно важные объекты хозяйства и управления в городе сразу оказались в распоряжении штаба восстания. К 6 часам утра был занят городской центр контрреволюции — гоминьдановское Управление общественной безопасности.

Вот как описывался этот эпизод развития борьбы кантонцев в местной газете «Ляньхэ бао»:

«На перекрестке улиц Вэйсиньлу и Хуэйайлу прожекторный луч ряд за рядом выхватывает из темноты теснящиеся черные головы. Над ними вспыхивают блеском новые острооченные длинные ножи, пики, поднятые рабочими-металлистами гранаты, сталь остроконечников на бамбуковых древках носильщиков. «Вперед! Вперед!» — грохочет небо, отражая бушующее море криков. Ночь уже на исходе. Тысячи рабочих в едином движении выступают из полумрака улиц в первых лучах восхода. Все горят нетерпением быстрее атаковать логово ненавистнейшего врага — Управление охраны безопасности контрреволюционной власти.

Весь квартал, в котором находилось Управление охраны безопасности, был окружен массами революционного народа. Командир охранников приказал открыть огонь. Однако солдаты охраны предпочли «охранять» собственную «безопасность». Они не перешли на сторону восставших, а пытались только укрыться от кары. Дрожащими руками охранники отрывали со своих фуражек кокарды или замазывали их грязью. Многие второпях старались спрятать атрибуты военно-полицейской форменной одежды. Командиры мелких групп напяливали на себя цветные женские платья, которые были им узки и лопались по швам.

Отряды рабоче-крестьянской гвардии и безоружные люди потоками заполняли помещения центра охранки. Находившиеся в его казематах многочисленные арестованные революционеры и политические заключенные атаковали охранников изнутри здания. Все охранники были быстро разоружены. С крепостью реакционеров, стоявшей между демократической восточной стороной города Дуншань и западной компрадорско-купеческой частью города Сигуань, где поспешно сколачивались силы сопротивления восставшим, было покончено.

Улица Вэйсиньлу, на которой находилось Управление общественной безопасности (после освобождения Гуанчжоу она стала называться Цзефан далу),

пересекается с улицей Хуэйайлу подобно осям координат, разделяющим весь город на четыре части. Управление общественной безопасности, расположенное у этого главного городского перекрестка, имело хорошие условия для быстрого доступа в любой квартал и осуществления контроля за деятельностью различных городских органов. Здание имело крепкие стены — важное преимущество для условий уличной борьбы. Туда был тотчас перемещен центр руководства восстанием.

В район центра было свезено оружие из тайных складов и захваченное в борьбе. Оно тут же раздавалось еще не вооруженным рабочим. С шести часов до полудня было роздано более 8 тыс. винтовок.

Восстание продолжало развиваться, первые успехи закреплялись. Число активных бойцов достигало уже 20 тыс. От профсоюзов поступали заявки на вооружение еще десятков тысяч человек. Вновь сформированные дружины вооруженных рабочих посылались в разные концы города на конфискованных ревкомом грузовиках. Четко действовало транспортное обслуживание, подвозились люди, боеприпасы, продовольствие.

12 декабря на массовом митинге на площади у парка Сигуа (около нынешнего театра «Тайпин») под председательством Чжан Тайлэя был создан Совет народных комиссаров — орган китайской советской власти в Гуанчжоу, которая была провозглашена накануне вечером. Тогда же была обнародована и программа власти. Программу разъясняли агитаторы, расклеивая ее текст на стенах домов в виде листовок. Так рождалась Кантонская коммуна.

Правительство коммуны не успело развернуть свою деятельность. Председатель Совета народных комиссаров Су Чжаочжэн и нарком по аграрным делам Пэн Бай — лидеры рабочего класса и крестьянства — вообще отсутствовали в городе.

Будучи в Гуанчжоу, я слышал замечательные рассказы о поведении кантоновцев в дни восстания 1927 г. Если ранее улицы пустели при появлении милитаристского войска, то с приходом Красной гвардии они, наоборот, наполнялись. Толпы окружали и сопровождали бойцов, добровольцы помогали вести разведку. Мужчины и женщины подносили боеприпасы, грузили и разгружали автомашины, доставляли к местам сражений повозки с горячим рисом. Другие варили пищу для бойцов, делились с ними продуктами из своих запасов. Участники восстания и очевидцы в своих воспоминаниях неизменно подчеркивают дисциплинированность и организованность населения.

Реакционеры пытались посеять панику, вызвать беспорядки, например поджогами. Население активно участвовало в выявлении и обезвреживании провокаторов, паникеров и поджигателей, тушило пожары. Женщины и учащаяся молодежь помогали коммунистам проводить агитационную работу среди жителей города, а также среди пленных, сидевших по обе стороны улицы на тротуарах.

Кипучая деятельность тысяч жителей на улицах восставшего города, их помощь и содействие вооруженным коммунарам — лучшее доказательство народного характера революционного восстания.

Кантонская советская власть — одна из форм диктатуры пролетариата — за три дня своего существования в обстановке непрерывных уличных боев энергично предпринимала организационно-политические меры по установлению нового социального строя и по борьбе с контрреволюцией. Важнейшей задачей власти являлось установление связи и сотрудничества с Хайлуфэнским советским районом. Однако эта боевая задача не могла быть решена в очень короткий срок. Красные войска Хайлуфэна не успели прийти на помощь рабочим восставшего южнокитайского центра.

Очаги контрреволюции, сконцентрировавшиеся за пределами освобожден-

ных улиц и кварталов, изо всех сил старались продержаться до прихода милитаристских войск. На улице Вэньдэ лу ожесточенно отбивался штаб 4-го гоминьдановского корпуса. Парк бронемашин в районе Тайпинша, штаб 26-й дивизии в Чжоуцзинхое, генеральские дома-резиденции милитаристов Ли Цзишэня и Чжан Факуя в Дуншане, а также другие гоминьдановские гнезда так и не были взяты восставшими, несмотря на высокий дух героизма и большие жертвы. Требовалось еще некоторое время, чтобы ликвидировать эти точки вооруженного сопротивления контрреволюции, но такого времени у коммунаров уже не оставалось.

Сразу после городского митинга 12 декабря произошло несчастье. Чжан Тайлэй, возвращавшийся с митинга в автомобиле в центр восстания (над воротами которого новая вывеска гласила: «Главное командование Рабоче-крестьянской Красной армии Городского Совета Гуанчжоу»), был убит вместе с шофером гоминьдановцами, проникшими на улицу Хуэйай лу.

Все нити управления вооруженной борьбой находились в руках Чжан Тайлэя. Заменявший его Е Тин плохо ориентировался в обстановке. Он прибыл в Кантон всего лишь за 6 часов до начала восстания и, кроме того, не имел опыта уличных боев. Е Тин даже не успел разобраться со всеми военными планами восстания. После смерти Чжан Тайлэя вооруженные силы коммуны фактически потеряли руководство и управление.

Между тем как раз в это время — в полдень 12 декабря — на исходные позиции выходили войска милитариста Ли Фулина. С юга они переправлялись через реку Чжуцзян, присоединяясь к неликвидированным гнездам контрреволюции; западнее острова Шамянь высаживались с китайских и иностранных военных судов, чтобы зайти в обход на северную сторону города. Ли Цзишэнь, Чжан Факуй, Се Яо выдвигали свои дивизии на северо-западные и северо-восточные окраины города. К мятежному городу приближались и империалистические воинские части из Гонконга.

Вечером находившиеся на реке Чжуцзян американские, английские и японские корабли, патрулируя вдоль набережных, прикрывали артиллерийским огнем наступавшие полки Ли Фулина. С вмешательством империалистов положение восставших резко ухудшилось.

К 8 часам утра 13 декабря вражеские войска, окружившие город, превышали численность коммунаров-бойцов в несколько раз. Действия этих войск координировались, осуществлялась тактика клещей. В районе острова Шамянь высадились американские и английские отряды морского десанта.

Началась героическая оборона, в которой на многих позициях беззаветно и подчас безвестно пали тысячи защитников коммуны. Так, в районе Дунлу отряд из 200 бойцов сдерживал натиск полка гоминьдановцев. Потери превысили половину отряда, но оставшиеся бойцы сражались до конца. На улице Тайпин лу более 600 вражеских солдат и офицеров атаковали с запада рогу рабочих (немногим более ста человек). Вылезшие из щелей контрреволюционеры открыли огонь по горстке храбрецов с тыла. Осталось в живых всего двадцать бойцов. Они продолжали биться до последней капли крови.

Оборона — смерть восстания. Ради сохранения сил командование приказало прорвать кольцо окружения и отступить.

Путь прорыва и отступления отрядов в северо-восточном направлении с ориентировкой на Хуанхуаган был поистине тернистым. Улицы были усеяны трупами. В последний день борьбы 13 декабря число убитых и растерзанных контрреволюционерами коммунаров дошло до 6 тыс. человек.

Но геройский дух коммуны продолжал жить. Вот один из последних боевых эпизодов. В здании Главного командования восставших оставалась группа рабочих, занявших круговую оборону с решением биться насмерть. В 3 часа дня

огонь оборонявшихся прекратился — иссякли боеприпасы. Однако враги, плотно окружавшие здание, в течение двух часов не решались вступить в него и над крышей гордо продолжал реять красный флаг Гуанчжоуского Совета. Подкатив пушку, гоминьдановцы стали бить по флагу прямой наводкой. Только после этого солдаты подчинились приказу офицера и ворвались в здание.

Особую страницу, не менее трагическую в скоростижном финале кантонских событий 1927 г., составляет кровавая расправа палачей коммуны с официальными советскими представителями в Южном Китае и сожжение здания Генерального консульства СССР. Враги Кантонской коммуны и ярые анти-советчики пошли на чудовищную провокацию против консульских работников, вообще не касавшихся событий 11—13 декабря.

Начиная с октября 1927 г., когда был совершен полицейский налет на советское полпредство в Пекине и арестованы его работники, участились налеты на советские учреждения в других городах Китая, советские граждане подвергались угрозам и дискриминации.

В середине декабря гоминьдановское правительство направило в провинции по телеграфу директиву, в которой сообщалось о том, что отношения Китая с Советским Союзом прекращены. Директива из Нанкина требовала повсеместно ликвидировать советские учреждения.

15 декабря из Нанкина поступила нота и в Генеральное консульство СССР в Шанхае (полпредство СССР в Китае после полицейского налета не функционировало), в которой было заявлено, будто советские учреждения на китайской территории служат центрами красной пропаганды и используются в качестве убежищ для коммунистов. Нанкинские власти предложили закрыть консульства и отделения торгпредства СССР.

Для контрреволюционеров в Гуанчжоу, упоенных кровавым террором после разгрома коммуны, приказ из Нанкина явился благословением на уничтожение советского Генерального консульства и на кровавую расправу с его персоналом.

* * *

Как первый советский консул в Гуанчжоу после образования КНР я посчитал своим моральным долгом найти людей, у кого мог бы узнать о подробностях этого преступления, а также имена лиц, его совершивших. При встречах с Е Цзяньном я в неофициальном порядке говорил ему о таком желании и видел, что мои чувства ему понятны.

Весной 1951 г. начальник Управления общественной безопасности Народного Правительства провинции Гуандун Тань Чжэнвэнь передал мне письмо «О зверском убийстве 15 декабря 1927 г. работников Консульства СССР в Кантоне бандитами контрреволюционера Чжоу Дуна».

В этом письме, адресованном мне, излагались факты, установленные следствием. Они касались в основном организации нападения на советское консульство.

Утром 15 декабря командир Гуандунской дивизии Дэн Лунгуан срочно вызвал командира 2-го полка Чжоу Дуна в штаб, находившийся на улице Дадун лу, за рынком Дунцзяо чан, и сообщил ему о намеченном нападении на советское учреждение. Для этой цели Чжоу Дун по приказу Дэн Лунгуана вызвал капитана штаба полка Хэ Сяовэня и знаменного офицера-поручика Ли Моу с ротой солдат — 90 человек.

План нападения на Генеральное консульство подробно изложили Чжоу Дуну милитаристы Се Яо и Чжан Факуй. Действуя по плану, полковник Чжоу Дун привел к концу дня свой вооруженный отряд в сопровождении агентов тайной полиции, одетых в штатское, на улицу Байцзы лу к территории консульства.

«Чжоу Дун расположил свой отряд в следующем порядке: одному взводу приказал укрыться за зданием консульства, другому — вести охранение с правой и левой сторон дома, а третий взвод был развернут на улице так, что можно было вести наблюдение за всем домом. По улице было запрещено как либо движение.

Затем Чжоу Дун и четыре охранника стали стучать в ворота консульства. В тот момент в полисаднике консульства находился один из его работников. Чжоу Дун позвал его жестом и предложил открыть вход. Когда советский работник открыл ворота, Чжоу Дун схватил его левой рукой за грудь и, грозя пистолетом, приказал не поднимать тревоги. После того как ворота были открыты, Чжоу Дун в сопровождении офицеров Хэ Сяовэня, Ли Моу, командира роты и четырех охранников вошел на территорию консульства.

Войдя в здание консульства, офицер Хэ Сяовэнь, командир роты и два охранника Чжоу Дуна приступили к осмотру помещений нижнего этажа. С Чжоу Дун со знаменным офицером и двумя охранниками поднялся на второй этаж. Там они связали советского консула и других советских работников всего 12 человек. Тем временем бандиты, осмотревшие нижний этаж здания, связали и привели наверх 12 китайцев — работников советского консульства.

«После тщательного обыска работников советского консульства, — говорится далее в письме, — по приказу Чжоу Дуна их притащили в туалетную комнату на первом этаже и расстреляли из пистолетов». После этого они собрали все воспламеняющиеся материалы и подожгли здание.

«В 10 часов утра следующего дня Чжоу Дун явился в штаб дивизии и доложил Се Яо о расстреле работников консульства и сожжении здания. Се Яо послал туда командира батальона спецслужбы Чэн Сы со взводом солдат и одного слесаря. Вскрыв несгораемые шкафы, которые находились в сожженном здании консульства, они доставили в штаб дивизии извлеченные из этих шкафов 350 тыс. американских долларов, 4 маузера, 2 охотничьих ружья, документы и одежду».

Из материалов следствия по делу Чжоу Дуна явствовало, что это был один из ближайших пособников гоминьдановских милитаристов на Юге Китая. После освобождения провинции Гуандун он занимал должность начальника штаба Сухой. Перед арестом он был одним из руководителей гоминьдановского революционного подполья в Гуанчжоу. Чжоу Дун был осужден и расстрелян вместе с группой гоминьдановских опасных преступников, разоблаченных в ходе кампании подавления контрреволюции в КНР.

Однако, как выяснилось позже, советские представители не были убиты в здании консульства, а были связаны и отправлены в полицейский заповодник.

Б. А. Похвалинский в своей небольшой книге «Кантонская трагедия. Генеральное консульство СССР в Кантоне в 1927 году. (Рассказ очевидца)», изданной в Москве в 1928 г., рассказывает о том, что во время налета в здании находились также одиннадцать служащих китайцев (семь мужчин и четыре женщины), судьба которых осталась ему неизвестной. Повидимому эти китайские граждане и были расстреляны в туалетной комнате на первом этаже, как показал Чжоу Дун на следствии.

Что же касается советских представителей, то, после почти неслыханных испытаний в застенке, вице-консул А. И. Хассис, секретарь В. А. Уколова, вальщик Ф. И. Попов, переводчик П. П. Макаров и делопроводитель К. С. Иванов были уведены из застенка под усиленным конвоем.

Во время следствия по делу Чжоу Дуна органы общественной безопасности КНР получили альбом фотоснимков, запечатлевших массовый террор в палатах Кантонской коммуны. Среди прочих имелись такие две фотографии: одна — с гордо поднятой головой, без головного убора, босиком шагает

Лица человек со связанными за спиной руками в изорванной одежде. За ним, почти упираясь в его спину штыком, идет солдат в гоминьдановской форме. Под фото написано на английском языке: «Русских коммунистов водят по улице под конвоем и показывают публике».

На другом фото шесть трупов расстрелянных мужчин лежат в различных позах у тротуара. Надпись на английском языке: «Красные русские, казненные в управлении охраны безопасности». То были тела советских героев-мучеников кантонской трагедии.

Некоторым из этих жестоких и горьких фотосвидетельств гуанчжоуская газета «Наньфан жибао» 12 апреля 1951 г. отвела почти всю свою первую полосу.

В заявлении Народного комиссара по иностранным делам СССР Г. В. Чичерина от 23 декабря 1927 г. указывалось, что реакционная печать и правительства капиталистических стран давно старались представить национально-освободительное движение в Китае как продукт советской политики и результат работы советских агентов, что то же самое утверждали контрреволюционные китайские генералы, утопившие в крови революционное восстание рабочих Гуанчжоу. Далее в заявлении говорилось, что ответственность за преступления этих генералов в отношении СССР падает на Нанкинское правительство и враждебные силы международной реакции. Выразив от имени Советского правительства протест против бесчинств китайской контрреволюции, Г. В. Чичерин заявил, что правительство СССР оставило за собой право предпринять все меры, которые оно сочтет необходимыми в связи с кровавыми преступлениями, совершенными в Южном Китае, и что эти зверства не могут быть оставлены безнаказанными.

Китайская революция 1925—1927 гг. в освещении англо-американской историографии

А. Ю. САРАН

В прошлом году исполнилось 60 лет национальной революции 1925—1927 гг. в Китае. Многие ее проблемы по-прежнему привлекают внимание советской и зарубежной историографии. Причем в последние годы в трудах буржуазных историков достаточно отчетливо прослеживается тенденция к смещению акцентов в освещении многих вопросов прошлого, в том числе и политики империалистических государств в Китае в период революции 1925—1927 гг., для того чтобы затушевать те явления, которые могут иметь негативный резонанс для капиталистических государств в настоящее время. В частности, для буржуазных историков важно показать, хотя бы на материале начала XX в., органичность присутствия империализма в китайской экономике и тем самым заложить теоретическую основу под капиталистическое проникновение в народное хозяйство КНР.

В буржуазной историографии постоянно имелся резерв разнообразных точек зрения — от откровенной апологетики империализма до ясно выраженных симпатий к борьбе китайского народа. Следовательно, возможность для перестройки направленности в буржуазной историографии существовала.

В данной статье делается попытка на нескольких примерах рассмотреть мнения американских и английских историков, высказанные в работах 70—80-х гг., по некоторым вопросам национальной революции 1925—1927 гг. в Китае.

Причины революции

В этом вопросе А. Фейерверкер, Л. Истмэн, К. Маккерас, Р. Чан, Т. Берн, Д. Томпсон, Р. Стэнли, Д. Перри, Р. Кэпп¹ единодушны, считая основной причиной революции «национализм». А. Фейерверкер, например, прямо называет ее «националистической революцией»², фактически признавая ее антиимпериалистический характер. Цели же революции эта группа исследователей сводит к традиционным для Китая антииностранному настроению, что позволяет затушевать классовую направленность событий 1925—1927 гг.

Д. Джекобс, в этом ключе объясняя цели империалистических государств в Китае в период революции, прямо пишет: «По другую сторону (то есть против кантонского правительства.— А. С.) находились англичане, японцы и американцы с их вездесущими судами, и они были вряд ли способны пассивно ожидать, допуская потерю своих значительных вложений в Китае»³. Подобная позиция автора вполне соответствует традициям современной дипломатии империалистических государств, признающей защиту исключительно собствен-

ных, часто произвольно толкуемых «жизненных интересов» священным долгом своей внешней политики.

Лишь А. Натан, развивая взгляды ученых гарвардской школы, в опубликованной «Бюллетенем изучения современной Азии» в 1972 г. статье отрицает антиимпериалистическую направленность революции, утверждая, что «воздействие империализма было слишком ограниченным для объяснения китайских проблем»⁴. Между тем при изучении революционного движения 20-х гг. в Китае нельзя не отметить даже территориального совпадения районов наивысшего подъема революции с районами наибольшего проникновения иностранного капитала. Конечно, невозможно объяснить все проблемы революции лишь «воздействием империализма», однако без вмешательства империалистических государств большинства этих проблем просто бы не возникло.

Указывая на рост националистических настроений в 20-е гг. в Китае как на главную причину революции, большинство буржуазных историков предпочитают не связывать прямо рост национализма в Китае с его экономическим закабалением империалистическими государствами. В качестве главных причин роста националистических настроений в стране выдвигаются существование неравноправных договоров, права экстерриториальности, иностранных судов, в меньшей степени — селтльментов. Это позволяет представить уступки, которые вынуждены были сделать империалистические государства под воздействием революционного движения, как отказ от захватнической политики и переход к якобы равноправным отношениям с Китаем. Таким образом, акцент переносится с главных экономических вопросов на производные от них — о формах господства империализма в Китае.

Интересно мнение Р. Кэппа, который в книге «Сычуань и Китайская республика» называет революцию 1925—1927 гг. «антиимпериалистическим националистическим движением, которое захватило Китай в середине 1920-х гг.»⁵ Кэпп избегает самого термина «революция», что позволяет ему не только не ограничиваться точными временными рамками, но и принизить значение событий того времени — ведь если революция призвана решать общенациональные проблемы, то движение может охватывать лишь часть общества и ставить перед собой более мелкие проблемы. Подобная подмена терминов, видимо, призвана смягчить признание автором антиимпериалистического характера революции.

Роль империалистических государств

По этому вопросу в англо-американской историографии 70—80-х гг. существует широкий диапазон мнений: от апологетики роли империализма в развитии Китая до констатации прямого участия стран капитала в удушении революции. Однако во всех случаях не ставятся под сомнение законность и необходимость защиты интересов империалистических держав, якобы поставленных под угрозу во время революции 1925—1927 гг.

Видный американский китаевед А. Фейерверкер пишет, что «иностранцы и их предприятия занимают лишь второстепенное место в китайской истории XX в. Но второстепенное не означает не важное, особенно в качестве источника современного китайского национализма...»⁶. Таким образом, империалистическое присутствие рассматривается лишь как фактор идеологический, причем с отсрочкой воздействия на десятилетия спустя. Уходя тем самым от наиболее уязвимо в его концепции вопроса — политики империалистических государств в Китае, — Фейерверкер ее последствия переводит с экономических на идеологические вопросы, объясняя свой подход тем, что «точные экономические

последствия империализма для китайской экономики — измеримые последствия иностранной торговли, займов и производства — крайне неясны»⁷.

А. Натан придерживается противоположного, утверждая, что иностранный капитал стал неотъемлемой частью китайской экономики, что диктовало необходимость его присутствия в Китае. Однако, сообщая о фактах прямого участия империализма в борьбе с китайской революцией, А. Натан пишет, что «нельзя считать, что они определили исход или течение революции»⁸.

Ли Чонси — профессор политических наук и директор Института дипломатии и международных отношений при Университете штата Пенсильвания (США) — разделяет концепцию «органичности» присутствия империализма в экономике Китая. Он считает, что «иностранцы в Китае лишь дополняли китайскую администрацию, помогая ей решать некоторые вопросы»⁹. Описывая в книге «Революционная борьба в Маньчжурии» инцидент в марте 1927 г. в Нанкине, когда части революционной армии, по его словам, напали на иностранных резидентов и здания консульств в городе¹⁰, Ли Чонси скрупулезно перечисляет ущерб, понесенный иностранными гражданами¹¹, умалчивая о жесточайшем обстреле города военной эскадрой «великих держав». Намеренно не указывая, что погромы производились деклассированными элементами, он возлагает тем самым ответственность на всех жителей города, что, по его мнению, должно привести к выводу о деструктивном характере революции и в конечном итоге оправдать вмешательство империалистических государств на стороне врагов революции.

В подобном ключе пишет о политике США И. Ким. В его работе «Пределы американской активности в Азии», изданной в Чикаго в 1981 г., говорится, что политику США периода 1925—1928 гг. по отношению к Китаю можно назвать политикой «бдительного ожидания». Развивая эту мысль, он пишет, что «бдительной она была из-за сопутствующей городским восстаниям толпы всеобщей обстановки анархии и угроз законным интересам США со стороны антииностранных восстаний, от которых США вынуждены были защищаться; политикой ожидания она была потому, что США были готовы торговать с любым правительством, которое поднялось бы над всеобщей неразберихой и смогло бы использовать государственную власть для восстановления общественного порядка»¹². Анализируя разъяснения Кима, можно сказать, что в первой части формулы автор оправдывает методы американской политики в Китае, правда с чисто американских позиций — признавая законность лишь интересов США, а во второй — акцентирует внимание на «аполитичности» позиции Соединенных Штатов, что вполне соответствует американской мотивации установления дипломатических отношений с КНР в 1979 г. и развития торговых отношений с ней. Так, в угоду интересам крупного капитала, рассчитывающего получить дивиденды от освоения огромного китайского рынка, буржуазная историография предпочитает забыть и участие в подавлении революции 1925—1927 гг., и поддержку Чан Кайши именно за его антикоммунистическую позицию, и тридцать лет тайной и открытой борьбы с Китайской Народной Республикой.

В 1970 г. в Нью-Йорке была переиздана книга «Американская политика в отношении Китая», впервые вышедшая в свет в 1931 г., что свидетельствует о признании современной буржуазной историографией ее основных идей. В своей работе, используя документы сената и конгресса США, автор утверждает, что администрация США принимала решительные меры лишь при ущемлении торговых или политических интересов Соединенных Штатов¹³. Примечательно, что буржуазная историография почти сразу после завершения революции 1925—1927 гг. в Китае начала выработать аргументы для оправдания политики США по отношению к революции. В книге прослеживается и еще один

путь амортизации негативных последствий внешней политики империализма — отделение решений законодательной власти от действий исполнительной, что дает возможность списать все издержки на конкретных исполнителей. В результате у правящего класса появляется возможность свободного маневра при любых упреках в жестокости, своекорыстии, вмешательстве во внутренние дела: от полного отмежевания от исполнителей до их поддержки.

Т. Бернارد в работе, вышедшей в 1975 г., подчеркивает верность империалистических государств законности в декабре 1927 г. «Иностранные военные корабли в Кантоне, — пишет он, — готовы были оказать содействие правительственным войскам»¹⁴ при подавлении городского восстания под руководством коммунистов. Тем самым Бернارد фактически признает, что к зиме 1927 г. империалистические государства нашли уже угодное им правительство, которому и оказывали содействие. Бернارد просто акцентирует внимание на уже произведенном выборе — Чан Кайши, в то время как И. Ким пытается акцентировать внимание на «лояльности» США в отношении внутренней борьбы китайского народа до победы одной из сторон.

В общей массе историки США и Англии не скрывают разнообразия связей империалистических государств с милитаристами — одной из главных контрреволюционных сил Китая. Цы Сишэн, например, приводит данные о том, как империалистические государства вооружали войска милитаристов. Правда, он утверждает, что продажа оружия милитаристам носила «чисто коммерческий, а не политический характер»¹⁵. Однако практически все буржуазные историки признают политический характер устремлений милитаристов к власти, основанной на силе собственных армий. В борьбе милитаристов между собой именно эта сила определяла размеры контролируемой территории, верность союзников и прочность их собственного положения. Следовательно, объем поставок оружия определял степень политической власти данного милитариста. А поскольку ликвидация милитаризма была одной из целей революции 1925—1927 гг. в Китае, то и поставки оружия носили определенно контрреволюционный характер.

Возможность такого вывода учитывает Д. Шэридан, приводя в качестве примера Японию, снабжавшую оружием аньхойских и фынтяньских милитаристов, проводя, правда, весьма сомнительную аналогию с советскими поставками оружия союзнику революционного гоминьдана Фэн Юйсяну¹⁶. Д. Шэридан, чья работа издана в 1983 г. вслед за И. Кимом старается представить политику США и Англии политикой невмешательства во внутренние дела Китая, одновременно отвлекая внимание читателей на действия политических и коммерческих конкурентов этих стран. Но для подтверждения такой концепции необходимо либо умалчивать о фактах, либо очень тонко подавать их, и Д. Шэридан выбирает второй путь, прибегая к способу, использованному в работе В. Ма. Он пишет: «Английское и американское правительства придерживались нейтралитета и отказывались предоставить помощь, несмотря на личные симпатии к У Пэйфу многих иностранцев в Китае»¹⁷.

Вместе с тем исследования других авторов достаточно основательно подрывают версию о нейтралитете западных государств во время революции. Так, О. Воу, которая посвятила свою книгу, изданную в Доусоне (Канада), милитаристу У Пэйфу, ориентировавшемуся на Англию и США, прямо указывает, что «У Пэйфу получал наиболее широкую поддержку от США и Англии» именно в «период революции 1925—1927 гг.»¹⁸. Ранее Г. Маккормак, преподаватель истории Латробского университета в Мельбурне (Австралия), в книге «Чжан Цзолин в Северо-Восточном Китае», опубликованной в 1977 г. в Стэнфорде (США), признал, что Англия и США устанавливали контакты и с Чжан Цзолином, претендовавшим на роль объединителя Китая¹⁹.

Р. Кэпп²⁰, К. Маккерас и Р. Чан²¹, Г. Солсбери²² также приводят многочисленные факты прямого вооруженного участия империалистических держав в борьбе с революцией 1925—1927 гг.

Таким образом, вопрос о роли империалистических государств в революции 1925—1927 гг. в Китае оказался в центре борьбы между различными группами в англо-американской историографии 70—80-х гг. А. Натан, Ли Чонси, И. Ким, В. Ма, Д. Шэридан, Т. Бернард с позиций апологии империализма прежде всего стараются показать в выгодном свете политику империалистических государств, акцентируя внимание на самозащите, охране собственности, умалчивая или вскользь упоминая о фактах грубого вмешательства империализма во внутренние дела Китая. Цы Сишэн, признавая факт продажи оружия китайским милитаристам, что фактически являлось в условиях того времени политическим вмешательством во внутренние дела Китая, тем не менее пытается сделать невозможное — оправдать эту политику.

О. Воу, К. Маккерас, Р. Чан и Г. Маккормак с позиций неопозитивизма констатируют, перечисляют, описывают факты, как правило уходя от их оценки.

Работа Г. Солсбери, проникнутая сочувствием к китайскому народу, показывает истинную роль империализма в Китае в период революции 1925—1927 гг. Эта книга, изданная в 1983 г., содержит элементы разоблачения политики империализма в 20-е гг., что должно подчеркнуть позитивность современной политики капиталистических стран в отношении Китая. Общим же для буржуазной историографии после установления дипломатических отношений между США и КНР на рубеже 70—80-х гг. стал переход от утверждений о законности, справедливости и полезности для Китая вмешательства империалистических государств к попыткам представить политику США и Англии в Китае в период национальной революции 1925—1927 гг. политикой невмешательства. Это смещение оценок продиктовано, по-видимому, целью создать более привлекательный образ империализма с учетом перспектив расширения экономического сотрудничества стран капитала с Китайской Народной Республикой.

Роль Советского Союза

Подход к освещению этого вопроса не подвергся заметной трансформации в работах буржуазных историков. Поэтому весьма узок и диапазон приводимых ими фактов и оценок: от констатации влияния СССР лишь на Коммунистическую партию Китая в работе Ли Чонси²³ и левое крыло гоминьдана у И. Кима²⁴ до фиксации антисоветских действий реакционных сил Китая в хронике К. Маккераса и Р. Чана²⁵.

Ли Чонси даже причину нанкинских событий, когда, стремясь добиться раскола единого антиимпериалистического фронта, империалистические державы 24 марта 1927 г. подвергли варварской бомбардировке Нанкин, использовав в качестве предлога инциденты, происшедшие в этом городе во время отступления милитаристских войск, видит в действиях «коммунистических радикалов и замешанного здесь Советского Союза»²⁶. В подтверждение он приводит также и мнение неких «американских представителей, которые решительно заявили, что нанкинский инцидент был вызван русскими советниками»²⁷. Подобная позиция, не подтвержденная, правда, фактами, позволяет решить основные задачи буржуазной историографии революции 1925—1927 гг. в Китае, заключающиеся в оправдании империалистической политики и перекладывании ответственности на противников США и Англии.

В целом, в работах буржуазных историков вопрос об оценке роли СССР в революции 1925—1927 гг. не является основным и решается у всех авторов в той или иной степени негативно для нашей страны: либо подчеркивается

незначительность роли Советского Союза, либо он голословно обвиняется в жертвах, понесенных обеими сторонами. В этой связи следует заметить, что в конечном итоге буржуазная историография при освещении вопросов революции 1925—1927 гг. в Китае вынуждена занимать оборонительную позицию и, исходя из этого, пытаться извратить роль СССР, который, как известно, открыто поддерживал революционную борьбу китайского народа за объединение страны, за освобождение от господства империализма.

Итоги революции

Вопрос об итогах революции 1925—1927 гг. в Китае являлся предметом исследований советских историков. В работах последнего времени отмечается прогрессивное значение революции для дальнейшего развития Китая как этапа начала «нового, советского этапа революционного движения»²⁸, а тщательный анализ итогов революции завершается выводом «о незавершенности национально-освободительной революции»²⁹.

В англо-американской историографии 70—80-х гг. лишь позицию К. Маккераса и Р. Чана, оценивающих революцию как националистическую и перечисляющих уступки империалистических держав к 1927 г.³⁰, можно расценить как признание частичного успеха революции. Во всех остальных рассматриваемых работах утверждается, что революция потерпела поражение.

М. Ристиано³¹, Т. Берн³², И. Ким³³, которые произвольно приписывают революции 1925—1927 гг. социалистический характер, что впрочем, совпадает с позицией некоторых советских руководителей 20-х гг., естественно, связывают поражение революции с репрессиями, развязанными правыми гоминьдановцами против коммунистов и организованного рабочего движения.

Так, И. Ким, профессор истории и международных отношений Интернационального института в Сан-Диего (США), пишет: «В марте 1927 г. войска Чан Кайши оккупировали Шанхай и Нанкин и в последующие месяцы начали массовую кампанию по уничтожению коммунистов. Войска националистов, полиция и секретные агенты вылавливали и расправлялись с коммунистами, ликвидировали рабочие организации и уничтожали рабочие союзы»³⁴. Автор, кроме того, отмечает переориентацию Чан Кайши на Запад как переломный момент революции: «...сделав это [то есть расправившись с рабочим движением.— А. С.], нанкинское правительство Чан Кайши начало выказывать признаки прозападной ориентации»³⁵. Акцент именно на этом моменте, на наш взгляд, отнюдь не случаен. Во-первых, нынешняя политическая конъюнктура диктует автору необходимость доказать, что расправа с Коммунистической партией Китая в 1927 г. производилась силами только китайской контрреволюции, которая лишь после кровавого переворота вступила в контакты с империалистическими государствами. Во-вторых, из факта переориентации следует, что ранее революционные силы ориентировались только на Восток, то есть на Советский Союз и социализм. У И. Кима это становится главным и единственным содержанием революции, неправомерно отодвигая в тень ее антиимпериалистическую направленность.

Д. Томпсон, П. Стенли, Д. Перри в монографии «Сентиментальные империалисты: американский опыт в Восточной Азии» так же, как и И. Ким, связывают поражение революции с переориентацией Чан Кайши, который, завоевывая доверие новых союзников, потопил революцию в крови. Однако главную причину поражения революции авторы монографии видят в «нерешенности аграрного вопроса», в том, что «Чан Кайши и американцы в 20—30-е гг. не ответили на нужды китайской деревни, а решение Коммунистической партией Китая проблем деревни привело ее к победе в 1949 г.»³⁶. Несомненно, что

подобная постановка вопроса во многом соответствует действительности, поскольку без анализа положения китайской деревни невозможен верный анализ течения и итогов революции. Рассматривая положение китайского крестьянства в начале XX в., нельзя не прийти к выводу о кризисе сельскохозяйственного производства в стране, о чем и говорят Д. Томпсон, П. Стенли и Д. Перри, указывая на остроту и важность решения проблем деревни. Столкновение мелкотоварного хозяйства с крупной машинной промышленностью, вторгавшейся извне, борьба его за существование, пробуждение и развитие национального самосознания в этой борьбе — вот подоплека борьбы с милитаризмом и иностранным империализмом в Китае в 20-х гг. XX в. И решить эти проблемы в пользу китайской деревни вряд ли были способны и американцы, и англичане, и любой политический деятель, который действовал бы в их интересах.

Авторы всех рассматриваемых работ отмечают тяжелое положение КПК после поражения революции 1925—1927 гг. М. Ристано пишет о «значительном сокращении рядов китайских коммунистов» и наступлении «переходного периода для КПК»³⁷, а Т. Берн уточняет, что из-за неудач в рабочем движении «компартия перешла к мелкобуржуазному курсу Мао Цзэдуна»³⁸. Г. Солсбери³⁹ и И. Ким⁴⁰ связывают поражение КПК с наступлением контрреволюции на организованное рабочее движение Китая. Положение КПК после революции можно оценивать с двух позиций: до революции и во время революции. Во втором случае следует сказать, что численность КПК резко упала, коммунисты потеряли массовую базу, прежде всего в рабочем движении, в руководстве партии образовалось несколько групп. Если же сравнивать КПК до революции 1925—1927 гг. и после революции, то становится очевидным, что партия приобрела влияние в стране, опыт борьбы и руководства массовой борьбой во всех формах — политической, экономической, военной, в руководстве партии сложилось ядро интернационалистов. Рассматривая положение Коммунистической партии Китая лишь с одной стороны, буржуазные синологи проявляют известную тенденциозность, обращая внимание читателей лишь на ту сторону явления, которая выгодна для буржуазии.

В целом, в качестве поражения революции 1925—1927 гг. в Китае в рассматриваемых работах английских, американских историков и некоторых других ученых из англоязычных стран принимается поражение левого крыла революционного движения, прежде всего репрессии против коммунистов и рабочего движения. Это позволяет, с одной стороны, проводить мысль о том, что империалистические государства сами отказались от наиболее оскорбительных форм своего господства в Китае, а с другой, — обойти вопрос о фактическом сохранении ими своих основных позиций.

* * *

Англо-американская историография 70—80-х гг. национальной революции 1925—1927 гг. в Китае продолжает разработку основных вопросов революции с классовых позиций различных групп буржуазии своих стран, переориентируясь при смене ситуации в международных отношениях Китая с капиталистическими странами.

Замалчивая негативные для капиталистических стран факты, тенденциозно подавая исторический материал, перекладывая ответственность на СССР, КПК и гоминьдан, историки США и Англии пытаются оправдать политику империализма в Китае, используют материал революции 1925—1927 гг. для проимпериалистической, антисоветской пропаганды.

- ¹ In: A. Feuerwerker. Chinese History and the Foreign relations of contemporary China.— Annals of American Academy of Political and Social Science. Vol. 402, Philadelphia, 1972, p. 7; China at the crossroads. 1927—1949. Boulder, 1980; C. Mackerras, R. Chan. Modern China: A chronology from 1842 to the present. L., 1982, p. 310—318; J. Bern. Labor and Chinese Revolution. 1983, p. 3; J. Thompson, P. Stanley, J. Perry. Sentimental imperialists. N—Y., 1981; R. Kapp. Szechwan and the Chinese Republic. Provincial militarism and central power. 1911—1938. New Haven—L., 1973, p. 75.
- ² In: A. Feuerwerker. Op. cit.
- ³ D. Jacobs. Borodin. Stalin's Man in China. Cambridge—L., 1981, p. 163.
- ⁴ A. Nathan. Imperialism's effects on China.— Bulletin of concerned Asian Schoolars. Vol. 4, San-Francisco, 1972, № 4, p. 5—6.
- ⁵ R. Kapp. Op. cit., p. 75.
- ⁶ A. Feuerwerker. The Foreign establishment in China in the early twentieth century. 1976, p. 110.
- ⁷ Ibid., p. 111.
- ⁸ A. Nathan, Op. cit., p. 6.
- ⁹ Lee Chong-sik. Revolutionary Struggle in Manchuria. Berkeley etc., 1983, p. 56.
- ¹⁰ Ibid., p. 91.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Y. Kim. American frontier activities in Asia. Chicago, 1981, p. 95.
- ¹³ In: Ma Wen Hwan. American policy toward China. N—Y., 1970.
- ¹⁴ T. Bernard. "Proletarian Hegemony" in the Chinese Revolution and the Canton commune of 1927. 1975, p. 24.
- ¹⁵ In: Ch'i Hsi-sheng. Warlord politics in China. 1916—1928. Stanford, 1976.
- ¹⁶ In: J. Sheridan. The warlord era. 1916—1928.— The Cambridge history of China. Republican China. 1912—1949. Vol. 12, Cambridge, 1983, p. 284—321.
- ¹⁷ Ibid., p. 307.
- ¹⁸ O. Wou. Militarism in Modern China. The Career of Wu P'ei-fu. 1916—1939. Dawson, 1978, p. 151—158.
- ¹⁹ In: McCormack. Chang Tso-lin in Northeast China. Stanford, 1977.
- ²⁰ In: R. Kapp. Op. cit., p. 76.
- ²¹ In: C. Mackerras, R. Chan, Op. cit., p. 300—318.
- ²² In: H. Salisbury. China. 100 years of Revolution. L., 1983, p. 90—91.
- ²³ In: Lee Chong-sik. Op. cit., p. 56.
- ²⁴ In: Y. Kim. Op. cit., p. 96.
- ²⁵ In: C. Mackerras, R. Chan. Op. cit., p. 314—318.
- ²⁶ Lee Chong-sik. Op. cit., p. 91.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Новейшая история Китая. Т. I. 1917—1927. М., 1983, с. 326.
- ²⁹ Там же, с. 370.
- ³⁰ In: C. Mackerras, R. Chan. Op. cit., p. 313—318.
- ³¹ M. Ristiano. Communist strategy by 1928. — "China quarterly", L. 1980, № 84, p. 694.
- ³² In: T. Bern. Op. cit., p. 3—10.
- ³³ Y. Kim. Op. cit., p. 91.
- ³⁴ Ibidem.
- ³⁵ Ibid., p. 96.
- ³⁶ J. Thompson, P. Stanley, J. Perry. Op. cit., p. 182.
- ³⁷ M. Ristiano. Op. cit., p. 694.
- ³⁸ T. Bern. Op. cit., p. 3.
- ³⁹ In: H. Salisbury. Op. cit., p. 90.
- ⁴⁰ In: Y. Kim. Op. cit., p. 91.

В. Ф. СОРОКИН,
доктор филологических наук

За последнее время произошли два события, которые, несомненно, оставят заметный след в истории изучения важнейших проблем литературы и искусства Китая. Речь идет о Международной конференции по вопросам современной китайской литературы в Шанхае (ноябрь 1986 г.) и о состоявшемся в столице КНР Международном симпозиуме по изучению традиционного китайского театра сицуй (апрель 1987 г.). Автор этих строк в составе делегаций советских синологов участвовал в обоих форумах и хотел бы поделиться своими впечатлениями и выводами.

За последнее десятилетие китайская литература, воскресшая из пепла «культурной революции», не только вновь утвердилась в сердцах отечественных читателей, но и стала вызывать растущий интерес за пределами Китая. И не только в социалистических странах, где этот интерес возник сразу же после победы народной революции в Китае, но и на Западе, где литература 50—60-х гг. фактически игнорировалась. Появляются переводы прозы и стихов, публикуются исследования и рецензии, происходит обмен писательскими визитами. Но в КНР справедливо полагают, что современная китайская литература пока что недостаточно известна за границей, что число доступных иностранным читателям произведений китайских авторов, считая и изданные в КНР переводы, несоизмеримо мало по сравнению с объемом современной иностранной литературы, публикуемой в Китае.

Среди мероприятий, призванных помочь китайской литературе «выйти в мир» (это выражение стало широко употребляться), заметное место заняла организованная Союзом китайских писателей международная конференция в Шанхае.

Правильнее было бы сказать «под Шанхаем»: хотя уездный город Цзиньшань, гостиничном комплексе которого проходила конференция, административно входит в Большой Шанхай, он находится километрах в шестьдесят от основной части города. Туда съехалось около 70 иностранных синологов (из двух десятков стран со всех континентов, кроме Африканского) и 40 известных китайских писателей и литературоведов, а также 35 наблюдателей. Наиболее представительными — по 6 участников — были делегации СССР, США, Франции и Японии, по 4 ученых приехало из Англии и ФРГ. Правда, итальянцев было 10, но большинство среди них составляли обучающиеся в Китае студенты и аспиранты. Из стран социализма были также представлены КНДР, ГДР, Польша, Чехословакия и МНР.

Нашу делегацию возглавлял член-корреспондент АН СССР Н. Т. Федоренко. В ее состав входили, кроме автора этих строк, д. ф. н. Б. Л. Рифтин, д. ф. н. В. И. Семанов, д. ф. н. член Союза писателей Л. Е. Черкасский и популяризатор китайской литературы на Украине, член Союза писателей И. К. Чирко. Все они — авторы широко известных исследований по проблемам новейшей китайской литературы и переводов китайских романов, рассказов, стихов и драм на русский и украинский языки. Некоторые их работы знакомы и китайским читателям.

О важности, придававшейся конференции руководителями культурного фронта КНР, свидетельствует то, что в ее работе участвовало 4 заместителя председателя Союза китайских писателей — Ван Мэн, Дэн Юмэй, Лю Биньянь и Малчинху. Председатель союза Ба Цзинь из-за состояния здоровья не смог участвовать в заседании, но через дочь передал теплое приветствие делегатам. Как известно, Ван Мэн с прошлого года является министром культуры КНР, но на конференции он выступал в своей писательской ипостаси. В числе китайских участников конференции были видные прозаики и поэты разных поколений, а также литературоведы и критики. Наряду с собственно китайской (ханьской) были представлены и литературы национальностей, населяющих автономные районы КНР, — тибетской, казахской и монгольской (Внутренняя Монголия).

Заседания конференции проходили с 4 по 6 ноября. Ввиду большого числа докладов их обсуждение шло одновременно по двум секциям. Следует отметить большую подготовительную работу, проведенную оргкомитетом: все предложенные доклады были заблаговременно отпечатаны, а присланные на английском, русском и других языках предварительно переведены на китайский. Вся работа конференции шла, как и предполагалось, на китайском языке (впервые в практике международных форумов). Нельзя не отметить и демократический характер ведения заседаний, царившую на них непринужденную и доброжелательную атмосферу.

Общая оценка состояния китайской литературы за последнее десятилетие (по принятой сейчас терминологии — «литература нового периода»), по-видимому, отражавшая точку зрения руководства Союза китайских писателей, содержалась в докладе исполнительного секретаря правления союза Бао Чана.

В течение длительного периода, сказал он, литература в КНР рассматривалась как орудие классовой борьбы. В 1978 г. Дэн Сяопин выдвинул тезис о «служении литературы народу, служении социализму», который заменил лозунг Мао Цзэдуна о «служении рабочим, крестьянам и солдатам, служении пролетарской политике». С этого времени началось бурное развитие литературы. Она стала не только отражающим жизнь зеркалом, очищающей душу родниковой водой. Литература стала удовлетворять разнообразные потребности людей, выражать желания народа и мысли самих писателей. Хотя и сейчас существуют произведения пропагандистского, воспитательного характера, в целом литература перестала быть орудием достижения чисто политических целей.

Характерной особенностью литературы нового периода является усиление в ней субъективного начала. Речь идет, с одной стороны, о самовыражении писателя, который в процессе творчества находит и обновляет себя. С другой стороны, человек стал подлинным субъектом литературы. Исчезли «возвышенные, крупные, совершенные» образы времен «культурной революции», не стало пропасти между героическими личностями и простыми людьми. Исчезли «запретные зоны», стало возможным изображать людей остальных, переродившихся, аморальных; можно, не боясь укоров, писать о любви и проблемах пола, о трагедиях и преступлениях. Вновь обрели права гражданства понятия «человечность» и «гуманизм».

Усиление субъективного начала сказалось и на читательском восприятии искусства. Произведения становятся все менее «лобовыми», все чаще требуют работы читательской мысли, творчества. Вызывавшие споры направления — такие, как «туманная поэзия», экспериментальная проза, театр абсурда, — получили, за исключением некоторых крайних проявлений, признание. (Но к словам Бао Чана надо добавить, что с первых месяцев 1987 г. отношение литературной критики к названным течениям несколько изменилось в негативную сторону.)

Существенной чертой современной литературы докладчик считает внимание к внутреннему миру людей, все более углубленный анализ психологии персонажей. Писатели стремятся изображать людей из плоти и крови, с присущими только им эмоциями и страстями. В то же время подавляющему их большинству свойственно чувство ответственности перед обществом, перед нацией. На этой основе рождается стремление самостоятельно осмыслить исторические судьбы родного народа, включая судьбы интеллигенции. Так родилась «литература шрамов», представляющая собой полное отрицание «культурной революции», а затем «литература раздумий о прошлом», которая затронула вопросы о национальной психологии и культурных традициях.

О возникшей после 1978 г. «литературе реформ», призванной отражать происходящие в китайском обществе перемены и содействовать успеху модернизации, докладчик сказал, что она представлена произведениями неодинакового достоинства. Трудно достичь успеха, оставаясь в сфере экономики, техники и политических установок, нужно продолжать искать способы соединения подобного жизненного материала с глубокими философскими размышлениями. Немало вопросов вызывают и появившиеся за последнее время произведения о «современном сознании» у молодежи: что в этом сознании позитивно и что негативно, каким оно, по нашим представлениям, должно быть.

По мнению Бао Чана, реализм остается господствующим течением в современной китайской литературе, но с осуществлением открытой политики в отношении заграницы в Китай «импортированы» такие западные течения, как символизм, имажинизм,

неосенсуализм, школа потока сознания, латиноамериканский магический реализм и т. д. Равным образом в литературоведении наряду с марксистской эстетикой, которая «по-прежнему пользуется поддержкой большинства», заявили о себе структурализм, психоанализ, культурантропология и другие направления. Но еще недостает принципиальных дискуссий между представителями различных творческих школ и литературоведческих концепций.

Проблеме творческого метода в литературе нового периода посвятил свое выступление Чжан Цзюнь, заведующий сектором литературной теории Института литературы АОН Китая. Он сказал, что достаточно окинуть взглядом лучшие произведения последних лет, чтобы убедиться: главное течение в современной литературе основывается на методе революционного реализма, хотя существуют также «революционный романтизм и другие методы». Есть и «небольшое число» произведений, по творческим установкам их авторов «очень напоминающих модернизм».

Революционному реализму в настоящее время присущ боевой критический дух, стремление сочетать широту охвата действительности с пристальным вниманием к конкретным подробностям, разнообразие художественных приемов и выразительных средств. Чжан Цзюнь говорил о революционном реализме как о продолжении реализма социалистического, но каких-либо сопоставлений с теорией и практикой социалистического реализма в СССР и других странах не проводил. Не затрагивался этот аспект и в выступлениях других китайских делегатов, хотя в беседах многие обнаруживали знакомство с современной советской литературой.

Главный редактор литературно-художественной газеты «Вэнь бао» Се Юнван остановился на таком явлении последних лет, как обилие дискуссий по широкому кругу вопросов теории и творческой практики. В их числе дискуссии по методологическим проблемам литературоведения, о «литературе поисков корней», по проблемам гуманизма, о «национальном культурном сознании», об отношении к содержанию и форме западной модернистской литературы и т. д. При всем многообразии обсуждавшихся тем и конкретных поводов для дискуссий докладчик сумел возможным выделить несколько главных проблем. Это поиски путей более углубленного и художественно убедительного изображения человека, путей сочетания острого чувства современности с глубоким освоением исторической традиции.

О судьбах своего писательского поколения — о тех, кому сейчас от 50 до 60 лет, говорил Ли Говэнь (романист, главный редактор популярного журнала «Сяошо сюань-ань»). Это поколение пришло в литературу в пору создания новой жизни в Китае, прошло через революционную школу. Однако позднее многие его представители испытали жизненные удары, были надолго отлучены от творчества. Перенесенные страдания закалили их, жизнь среди трудового народа помогла понять его нужды. Сейчас эти писатели, следуя воспринятой в молодости реалистической традиции, стараются создавать смелые и честные произведения, исполненные любви к родной стране и живущим в ней людям. Один из видных представителей этого поколения, очеркист Лю Биньянь, также говорил о долге писателя перед современниками, его обязанности вскрывать недостатки и извращения, мешающие движению вперед.

Не имея возможности остановиться на всех интересных и содержательных докладах (всего их было заслушано 56), выделяю лишь своего рода дискуссию о современной поэзии — этого, по мнению литературоведа Се Мянля, «наиболее авангардного» из родов словесности. Поэт поколения «пятидесятников» Лю Шахэ в конце выступления задал аудитории вопросы: нужно ли продолжать соблюдать китайскую традицию, требующую от стихов — выражаясь современным языком — идейности? Должен ли поэт «не отрываясь» смотреть на действительность или же можно писать о снах и о поисках?

Как бы отвечая на это, Се Мянль говорил о происшедшем в поэзии «мирном бунте», об усилении в ней субъективного начала. Поэты осознали, что стихи не должны быть «лишь комментариями к картинкам из жизни». Но в то же время Се Мянль сказал, что и самый известный из поэтов, «бросивших вызов», относительно молодой Бэй Дао, в сущности, является воплощением традиционного для сегодняшней китайской поэзии духа гражданственности. С другой стороны, Шу Тин, известная представительница того же поэтического поколения, заявила, что уже поднялась «третья волна» совсем молодых поэтов, для которых «время Бэй Дао и Шу Тин уже прошло». Если сверстников Шу Тин, даже когда они писали «туманные стихи», отличал кол-

лективизм, дух социальной критики и гуманизма, то адепты «третьей волны» исходят из индивидуальности бытия, жизнь для них таинственна, внушает им сомнения и беспокойство.

И еще о двух выступлениях молодых, но уже видных писательниц стоит упомянуть. Это речь Чжан Синьсинь о довольно большой группе писателей, вышедших из «образованной молодежи», в конце 60-х гг. отправленной в деревню, об их стремлении преодолеть общий для всех жизненный опыт и найти свой собственный путь. Это и озаглавленное «Лицом к самой себе» выступление Ван Аньи о том, что писателю, как и нации в целом, должен быть присущ дух смелого и острого самоанализа.

Не раз поднималась в выступлениях китайских писателей проблема «выхода китайской литературы в мир», «достижения мирового уровня». В этой связи поэт и драматург Бай Хуа справедливо отметил, что суть дела не в формальных поисках (как ни важна сама по себе форма литературного произведения), а в том, что мир ждет от китайской литературы прежде всего «глубокого воссоздания современного Китая. Прогресса Китая, его борьбы, его кровавых слез, его бедности, его мечтаний, его надежд...». Только произведения, отвечающие этому критерию, смогут принести китайским писателям признание всемирной аудитории.

В ходе прений в деликатной форме высказывались претензии в связи с тем, что за пределами Китая не всегда своевременно замечают и популяризуют действительно ценное, создаваемое в китайской литературе. Не раз выражалось недоумение по поводу того, что за все время существования Нобелевских премий по литературе ни одна из них не была присуждена китайскому писателю. Шведский синолог Г. Мальмквист (член Нобелевского комитета) объяснил это недостаточно высоким качеством английских переводов, но это прозвучало недостаточно убедительно. Н. Т. Федоренко с полным основанием отметил, что китайской литературе, давшей миру Лу Синя, Лао Шэ, Го Можо, Мао Дуя и других мастеров, нечего стыдиться. Это Нобелевскому комитету должно быть стыдно за то, что он «проглядел» этих выдающихся художников.

Выступления иностранных участников конференции можно разделить на три большие группы. В одной освещалось состояние изучения и популяризация китайской литературы в отдельных странах и регионах. Так, Т. Ляховска рассказала о синологическом литературоведении в Польше, М. Саббаттини — о китайской литературе в Италии, Д. Фольч — о росте интереса к китайской литературе в Испании. «Китайская литература на Украине» — так был озаглавлен доклад И. К. Чирко; опытом преподавания китайской литературы в советских вузах поделился В. И. Семанов.

Другая группа докладов была посвящена анализу конкретных аспектов современного литературного процесса в Китае. В их числе сообщение Б. Л. Рифтина об элементах традиционности в стиле современных писателей, доклад А. Долежаловой (ЧССР) «Образы реабилитированных «правых» в современных рассказах и повестях». О языковых проблемах современной литературы говорил Л. Ли (Ли Оуфань, США), соотношение «отечественных» и «иностраных» элементов в художественной ткани ряда современных произведений анализировал другой американский профессор. П. Линк. Социальным функциям современной литературы было посвящено выступление австрийского сиолога В. Рихарда.

Третью, и пожалуй наиболее многочисленную, группу составляли выступления, содержавшие общую оценку состояния китайской литературы или ее важнейших составных частей, ее достижений и трудностей, пожелания на будущее. «Мой взгляд на современную китайскую литературу» — так назывался доклад А. Пуятти (Италия). О тенденциях развития современной поэзии, о существующих в ней поэтических школах и ярких индивидуальностях рассказал Л. Е. Черкасский, сходной была и тема выступления Г. Мальмквиста. О прозе 80-х гг. говорил А. Пэйроб (Франция), который поделил ее на «реалистическо-натуралистическую», «психологическую» и возникающую сейчас «школу нового романа». Публицистике последних лет, носящей автобиографический характер, уделил внимание Дж. Барме (Австралия), тогда как Дж. Кипкли (США) говорил о новом для китайской литературы жанре — обработке магнитофонных записей. Любопытную, хотя и не слишком убедительную попытку отыскать в произведениях современных китайских писателей «мифологическое начало»

предпринял В. Кубин (ФРГ). В своем выступлении я остановился на чертах общности современной литературы с предшествующим периодом ее развития и на ее новаторском характере.

Несколько особняком стояли сообщения Ван Жуньхуа о сингапурской китайязычной литературе и Х. Гольдблатта (США) о современной тайваньской прозе, равно как и интересные сами по себе выступления, посвященные современной литературе Тибета и Синьцзяна.

Некоторые выступавшие — среди них М. Дьюк (Канада), У. Дженнер (Англия) — остановились на недостатках, присущих, по их мнению, значительной части современной китайской литературы. Это не всегда высокий уровень художественного мастерства, излишняя публицистичность, стремление все «разжевать», растянутость (У. Дженнер даже в шутку предложил уплачивать двойной гонорар за те части книги, которые автор согласится сократить). Другие, преимущественно французские, участники усматривали залог дальнейшего развития китайской литературы в расширении «свободы творчества», прекращении «политического вмешательства» в сферу искусства. Китайские участники выслушивали такие выступления внимательно, но своего отношения к ним не высказывали.

Сразу после завершения конференции почти все китайские делегаты улетели в Пекин, где начинался пленум правления Союза китайских писателей. Иностранцы же участники получили возможность совершить поездку по благодатной Цзяннани — южной части провинции Цзянсу. Прогулки по парку Сучжоу, посещение почти не изменившегося с минских времен городка Тунли, поездка по озеру Тайху, знакомство с музеями, художественными промыслами, деликатесами местной кулинарии останутся в памяти надолго. Все две недели пребывания в Китае наша делегация пользовалась теплым гостеприимством и дружеским вниманием со стороны хозяев, за что мы выразили сердечную благодарность Союзу китайских писателей. Мне же хочется присовокупить слова признательности за организованную для меня как исследователя творчества Мао Дуня поездку в Дом-музей писателя на его родине, в поселке Учжэнь провинции Чжэцзян.

* * *

Международный симпозиум по традиционному китайскому театру сньюй (музыкальной драмы) проходил с 14 по 21 апреля минувшего года в Пекине и был организован Академией искусств Китая. На этот раз соотношение китайских и иностранных представителей было обратным: от КНР участвовало около 60 виднейших театроведов, музыковедов, специалистов по драматургии и театральным практикам не считая многочисленных наблюдателей. Зарубежное китаеведение представляло 17 делегатов и 6 наблюдателей: восемь участников из Японии, пять из США, двое из СССР, по одному из ЧССР, Англии, Франции, ФРГ, Голландии, Италии, Австралии и Гонконга. Среди них — известные ученые профессора С. Берч (Беркли), Чжао Жулань (Гарвард), В. Идема (Лейден), К. Маккеррас (Брисбен), К. Танака (Токно), Д. Калводова (Прага). К сожалению, ряд видных специалистов не смог воспользоваться приглашением. Наша наука была представлена старшим научным сотрудником ИВ АН СССР С. А. Серовой, исследовательницей истории китайского театра и его эстетики, и автором этих строк, специализирующимся по китайской классической драматургии.

Все доклады китайских участников и тех из иностранных, которые смогли заранее прислать свои тексты с китайским переводом, были размножены и розданы аудитории. Были отпечатаны и краткие резюме докладов. На выступления отводилось 15—20 минут, на прения времени не оставалось. Организаторы пояснили, что, поскольку это был первый в истории театроведческий форум такого масштаба, им хотелось дать участникам возможность продемонстрировать итоги своей работы перед всеми собравшимися. В дальнейшем, очевидно, нужно будет шире использовать и секционные заседания.

Цель международного симпозиума его организаторы определили как «широкий обмен результатами научных исследований, глубокое обсуждение вопросов эстетического своеобразия китайской музыкальной драмы и истории ее развития, расширение сферы исследований, использование новых научных методов». При этом имелось в виду,

что театр сицью «является уникальным видом искусства Китая и в то же время частью мировой культуры, чье влияние широко ощущается в мире».

Действительно, в последние годы ощущается рост интереса к китайскому традиционному театру за пределами КНР. С большим успехом прошли во многих странах, в том числе и нашей, гастроли трупп пекинской музыкальной драмы цзинцзюй и некоторых других жанров, кое-где возникают любительские и полупрофессиональные коллективы, осуществляющие экспериментальные постановки спектаклей в манере сицью. Еще раньше внимание таких деятелей европейской культуры, как Брехт, Мейерхольд, Эйзенштейн, привлекла эстетика китайского театра. Очевидно, данный симпозиум может в какой-то мере способствовать развитию этой тенденции.

Еще более важной представляется другая практическая цель, стоявшая перед семинаром. Она связана с современным состоянием традиционного театра, которое в печати и в некоторых выступлениях на семинаре характеризовалось как «кризисное». На протяжении веков театр сицью в его многочисленных жанровых и региональных вариантах был любимым в народе зрелищем, важнейшим средством эстетического воспитания и идеологического воздействия. Уже с 50-х гг. современные виды театра, а еще больше кино и телевидение (сейчас добавилась и видеотехника) стали «отбирать» у сицью его аудиторию. «культурная революция» поставила под угрозу само его существование.

В конце 70-х гг. началась полоса возрождения, возвращения зрительского интереса. Но вскоре положение изменилось. Как я мог убедиться во время недавних посещений КНР, сейчас даже выступления высокопрофессиональных трупп зачастую проходят при полупустых залах. Театр сицью не только становится все более чужд молодежи, но и теряет зрителей старшего поколения. Поиски путей выхода традиционного театра из кризиса и стали одной из тем, обсуждавшихся на семинаре.

Из посвященных этой теме выступлений отметим доклады одного из руководителей симпозиума, видного ученого и театрального деятеля Чжан Гэна «Китайский традиционный театр», Чжу Инхоя «Пути реформы китайского театра», Цзин Найли «Современное состояние театра сицью и пути его дальнейшего развития». Вопрос об обеспечении жизнеспособности традиционного театра, возвращении в театр зрителя рассматривается китайскими учеными как составная часть проблемы приобщения нынешнего молодого поколения к национальному культурному наследию, как один из аспектов осуществления курса «пусть расцветают сто цветов».

По мнению Чжу Инхоя, на протяжении истории КНР существовали две противоположные тенденции. С одной стороны, имели место попытки законсервировать национальное наследие, в частности театр. С другой — существовала тенденция к фактическому отказу от национального в пользу «современного», европеизированного. В разные периоды на первый план выходила то одна, то другая тенденция, но обе имели негативные последствия, с которыми приходится встречаться и поныне. В работе по реформе театра докладчик предлагал во главу угла поставить принцип «изменение репертуара, перевоспитание кадров, преобразование системы организации и руководства театром». Репертуарная политика должна основываться на «сочетании трех» — «традиционных пьес, пьес на современные темы, новых пьес на исторические сюжеты».

Известно, однако, что попытки создания на современном материале пьес для традиционного театра (особенно таких его эстетически цельных, формально совершенных разновидностей, как цзинцзюй) до сих пор к успеху не приводили. Не так много удач в создании новых спектаклей на историческом материале: нельзя отнести к ним и показанный участникам симпозиума спектакль труппы из города Лючжоу, в основу которого положен полубогемный эпизод из истории династии Сун. Не показалась убедительной и предпринятая в нем попытка сочетать традиционные сценические приемы с современной хореографией. Словом, нужны новые активные поиски.

Важно подчеркнуть, что, как свидетельствуют и обсуждение на симпозиуме, и театральная практика, традиционный театр в Китае стремятся сохранить как живой организм, как важную часть общего культурного процесса, а не как музейный экспонат или туристический объект, каким, по мнению многих, стал театр кабуки в Японии.

Многочисленные доклады по истории театра сицью можно разделить на две основные части. В одних сообщались новые фактические данные, приводились неизвестные ранее материалы, уточнялись прежние представления. Так, Ян Мэнхэн рассказал

о недавно обнаруженных в провинции Шаньси старинных сценических площадках, из которых три относятся ко времени Северной Сун, а восемь — к Южной. Лю Бэнь сообщил об относящихся к эпохе Хань изображениях представлений, известных под названием «сто игр». Общий обзор новых материалов по истории театра, обнаруженных за годы КНР, сделал Лю Нянъцзы. Неизвестная страница прошлого была освещена в докладе Гу Юйчжэня «Театр Тайпинского государства».

К этой группе докладов примыкают и те, в которых анализируются частные, но существенные вопросы истории классической драмы и театра. Среди них — сообщение Фу Сяохана о работе Цзинь Шэнтаня по комментированию знаменитой пьесы «Западный флигель», доклад С. Берча об истории сюжета пьесы «Белый заяц», доклад Д. Калвдовой о новаторской театральной деятельности Кун Шанжэня (драматург начала цинской эпохи).

Если охарактеризованная выше группа докладов в общем носила традиционный для китайской науки характер, то выступления, о которых речь пойдет сейчас, представляют собой новое явление. Они также построены на историческом материале, но театр рассматривается в них не изолированно, а в его связи с другими сферами традиционной культуры и с жизнью общества на различных этапах его истории. Таковы доклады Чжан Ганьшэна «Театр сицью и традиции китайской культуры», Чжоу Юйдэ «Китайский традиционный театр и религии Китая», Лю Иньбо «Юаньское общество и судьба театра цзацзюй». Из иностранных участников выступили С. А. Серова с докладом на тему «Театр, зритель, общество (XVII век)» и К. Маккеррас, осветивший проблему «Китайский театр и правящие классы при Цинах». Подобные работы позволяют видеть историю развития театра в более широкой социальной и идеологической перспективе, помогают определить специфическую роль театра в духовной жизни того или иного периода. Это направление исследований представляется весьма плодотворным.

Во многом новаторский характер носят и те доклады, авторы которых стремятся выявить специфику китайского театрального искусства, определяющие его особое место в мировом театральном искусстве. Часть авторов искала путь решения этой важнейшей, но и труднейшей проблемы на путях компаративистики, что видно из заглавий: «Шекспир и китайский театр» (Сюй Шофан), «Сопоставление эстетических принципов китайского и западного театров» (Ван Юнцзин), «Театр сицью и западная опера» (У Цзюньда) и др. В сравнительном плане были построены и доклады японского ученого Ока («Театр Ли Юя и кабуки»), А. Верле-Бургер из ФРГ («Сицью и санскритская драма из Кералы»), а также мое сообщение на тему «Вклад юаньского театра цзацзюй в мировую драматургию».

В других докладах прямого сопоставления не было, хотя порой оно как бы предполагалось. Я имею в виду размышления Му Гуна об эстетической специфике сицью, Е Чжанхая о цельности сицью как театральной системы, доклад Вэнь Исюань «О двойственном характере традиционного театра» и т. д. В содержащихся в таких докладах наблюдениях и выводах что-то убеждает сразу, что-то вызывает ответную работу мысли, иногда возникает и желание поспорить. Но тема действительно сложна, механизм исследования только вырабатывается, так что работа еще впереди.

Перед тем, как завершить обзор выступлений, следует упомянуть и о тех, в которых рассказывалось о специфике, исторических судьбах и современном состоянии некоторых региональных театральных жанров — сычуаньского чуаньцзюй, юаньнаньского хуадэн, шаньдунского дунлю, а также еще бытующих у некоторых народностей «шаманских представлений» («но си»).

Большое впечатление на аудиторию произвело сообщение Ван Сяо о ведущейся сейчас во всех районах Китая работе по составлению «Описания китайского театра сицью» («Чжунго сицью чжи»). Этот огромный, 30-томный труд предполагается вчерне завершить в 1990 г. Он будет включать материалы по театральному искусству различных районов и народностей, расскажет об истории и современном состоянии всех театральных разновидностей. Выход в свет такого компендиума, несомненно, явится большим событием в культурной жизни страны.

В ходе работы симпозиума участникам была предоставлена возможность просмотреть целый ряд спектаклей различных разновидностей традиционного театра в исполнении лучших трупп. Особый интерес представили видеозаписи спектаклей сельских самодея-

тельных коллективов, сохранивших до наших дней давно исчезнувшие с профессиональной сцены старинные формы представления, включая театр масок.

Разъезжаясь после этого хорошо организованного, прошедшего в творческой и дружественной атмосфере симпозиума, его участники увозили с собой уверенность в том, что проводимая в КНР большая работа по сохранению и обновлению традиционного театра даст свои плоды. Как говорилось в упоминавшемся докладе Цзин Найли, история театра сицзюй показывает неизбежность упадка и отмирания отдельных его разновидностей, на смену которым приходили другие. Взятый же как целое, театр сицзюй исчезнуть не может.

Два международных форума, о которых рассказано выше, явились важными мероприятиями в области расширения сотрудничества китаеведов разных стран. За ними, несомненно, последуют другие. Пусть они будут столь же успешными и плодотворными.

Интервью известного китайского историка профессора Лю Даняня журналу «Ляован» по вопросу о так называемой «сплошной европеизации»¹. Журнал «Ляован», 1987, № 8, 9.

Политика реформ, проводимая в КНР после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978), всколыхнула общественную мысль Китая. Постановка на повестку дня задач модернизации страны и превращения ее к концу XX в. в высокоразвитое государство вызвала в обществе живой отклик и многочисленные дискуссии о путях и методах достижения этих целей.

В стране появились различные высказывания, авторы которых призывают отказаться от социалистического пути развития (сторонники «буржуазной либерализации», «сплошной европеизации» китайского общества и т. п.). (Журнал «Проблемы Дальнего Востока» уже публиковал некоторые материалы по этим вопросам².) Ведется широкая разъяснительная работа, проводятся беседы с известными учеными, ответственными работниками государственных учреждений, руководителями предприятиями, встречи с корреспондентами китайских газет, студентами вузов и с представителями других слоев населения. Цель этих мероприятий, как заявляют руководители КНР, показать, что реформы и политика расширения связей с внешним миром не означают изменения существующего в Китае социалистического общественного строя или отказа от руководства со стороны КПК.

Ниже приводится полный перевод интервью профессора Лю Даняня, опубликованного в журнале «Ляован».

Истоки «сплошной европеизации» и почему она неприемлема

24 января наш собственный корреспондент взял интервью у почетного директора Научно-исследовательского института новой истории Академии общественных наук Китая, известного ученого-историка Лю Даняня по вопросу о так называемой «сплошной европеизации», за которую ратуют некоторые люди в КНР. Широко известный в Китае и за рубежом историк последовательно проанализировал, как возникло это понятие, показал причины неодинакового подхода к нему со стороны различных классов китайского общества в период новой истории, ознакомил с появившимися в последнее время в Китае суждениями о «сплошной европеизации». Ниже приводится подготовленный для печати текст интервью.

Вопрос: «Сплошная европеизация» — тема не новая, но сейчас она вновь поднята некоторыми людьми, которые считают, что решая проблему «четырёх модернизаций», мы должны идти по пути «сплошной европеизации». Не могли бы Вы рассказать, каково конкретное содержание так называемой «сплошной европеизации» и какие могли бы быть последствия «сплошной европеизации» для Китая? Какова история появления в Китае выражения «сплошная европеизация»?

Ответ: Выражение «сплошная европеизация» появилось сравнительно недавно. Однако оно имеет свой далекий прообраз. В период опиумных войн Линь Цзэсюй³ уделил большое внимание собиранию материалов с целью изучения Запада. Позже из этих материалов Вэй Юань⁴ составил книгу «Хайго тучжи» («Собрание карт и описание заморских стран»). В предисловии к ней Вэй Юань говорит, что книга написана, чтобы «учиться высокому мастерству у чужеземцев, дабы им же давать отпор». Под этим подразумевается изучение западной техники, в частности морского и артиллерийского дела, организации и обучения войск и т. п. для отражения внешней агрессии. Книга «Хайго тучжи» знакомила также с политическим строем США, Швейцарии и других государств, отмечая, что «их порядки существуют не одно

поколение и от них нет вреда». Высказывание интересное. В книге есть места, где Вэй Юань описывает Запад как землю обетованную. Однако появление этой книги в Китае не получило сколько-нибудь значительного отклика. Но в Японии, куда книга попала позже, ей уделили серьезное внимание. Она даже имела влияние в последующем на движение за свержение сёгуната⁷.

В 60-е гг. прошлого века, спустя 20 лет после опиумных войн, Китай постепенно превращался в полуфеодальное, полуколониальное общество. В прошлом обособленная, старая империя теперь имела широкие контакты с капиталистическим миром Запада. Политическое, экономическое, культурное проникновение Запада, заключение ряда неравноправных договоров, открытие в Китае портов для иностранной торговли, миссионерство и т. п., огромное засилье капитализма, проявившееся в ходе агрессии в Китае, — все это вроде бы доказывало, что капитализм имеет значительные преимущества перед феодализмом. В то время на большей части территории Китая обосновались тайпины, и правители Цинской династии оказались в тяжелом положении, раздираемые внутренними и внешними неурядицами. Для решения внутренних проблем они видели лишь один выход из создавшегося положения — потопить крестьянскую революцию в крови. Однако над тем, как строить свои отношения с Западом, им пришлось серьезно задуматься.

На деле оказалось, что речь идет не столько о географическом понятии «Восток — Запад», сколько о понятии историческом: это вопрос о двух различных социальных системах — системах, находящихся на разных этапах истории. Это значит, что изучение Востока и Запада взаимосвязано не по горизонтали, а по вертикали. В своем развитии они оказались на различных исторических стадиях: Запад — впереди и на вершине, Восток — сзади, внизу. Запад представлял собой капиталистическое, Восток, т. е. Китай, — полуфеодальное, полуколониальное общество. Значит, нужно четко уяснить себе различие между модернизацией и европеизацией, не смешивать их. Между ними нельзя ставить знак равенства. Под модернизацией понимается модернизированная наука и техника и применение их в общественном производстве. Европеизация — это, конечно, совсем другое. Под европеизацией понимается превращение Китая в капиталистическое государство. Каков западный капитализм, таким мог бы быть и Китай. Это и означает, коротко говоря, провозглашенную некоторыми людьми «сплошную европеизацию». Если сегодня есть люди, которые путают эти два понятия разного содержания, то я считаю, что их недостаточно убедили. Наши предшественники в Китае смотрели на вещи по-другому. Они четко разграничивали их. По вопросу применения модернизированных способов производства, избавления страны от нищеты и отсталости предшественники не спорили до хрипоты. У них была совершенно другая позиция в отношении капиталистического строя Запада. Боюсь, что нынешним защитникам «европеизации» это не приходило в голову.

Вопрос: Итак, какую же роль играла в новой истории Китая «европеизация», т. е. отстаивание «капитализации»? Или скажем так: какой она получила отклик в Китае? Какую позицию по отношению к ней заняли в новой истории различные классовые силы?

Ответ: В историческом плане три различные классовые силы занимали и различные позиции по вопросу о европеизации.

Первая позиция — позиция цинских правителей, представлявших помещичий класс. Поначалу они делились на «твердолобых» и «западников». «Твердолобые» были невежественны и консервативны и считали, что учиться у других стран — значит подменять китайскую культуру иностранной. Поэтому они выступали против так называемого «использования варваров, чтобы перестраивать Китай». Сторонники западничества выдвигали контраргументы. Каждая сторона в ходе дискуссии постепенно сформулировала свою целостную теорию. В работе теоретика «западников» некоего Фэн Гуйфэня «Цзяо-бин-лу канъи» (Очерки, посвященные социальным и экономическим проблемам при Цинах) отстаивалась необходимость «брать за основу известные китайские постулаты морали, в качестве же дополнения — могущественную технику различных стран». Другой теоретик западничества, Сюэ Фучэн, в трактате «Чоу ян чу и» (Суждения о планировании по-западному) отстаивал мысль об «использовании техники европейцев, чтобы защитить самобытный путь Яо, Шуня, Юя, Тана, Вэня, У и Чжоу-гуна»⁸. Наконец, написанный Чжан Чжидунем «Призыв к учебе»

просто и четко обобщил позицию цинских правителей в следующем выражении: «Учиться китайскому как основному, учиться западному как прикладному». Хотя это высказывание появилось в 1895 г. во «Всемирном вестнике» (Ваньго гунбао), но в результате пропаганды этого высказывания Чжан Чжидуном оно стало по существу официальной формулой. Позиция феодальных правителей была предельно ясна: можно использовать иностранную науку и технику, однако надо решительно отвергать капиталистический общественный строй Запада.

Вторая классовая сила — это реформаторы, для позиции которых были характерны капиталистические тенденции. То были буржуазные и мелкобуржуазные теоретики. Эта классовая сила отличалась от «западников». Они выступали за учебу у Запада, чтобы изучать не только западную науку и технику, но и западную политическую систему. Реформаторы во главе с Кан Ювзем выступали прежде всего с требованием преобразования феодальной системы, устранения препятствий на пути развития национального капитализма. Они отстаивали установление в Китае парламентаризма или конституционно-монархического строя. Их лозунги были: «Усовершенствование законов и проведение реформ», «Предотвращение гибели, обеспечение существования страны». Борьба против господства великих держав и раздела Китая в то время была насущной задачей всех революционных классов и революционных народов. Реформаторы выступили первыми, взяв на себя роль руководителя течения. Они были застрельщиками, авангардом. Однако их реформаторская позиция была довольно умеренной. Чтобы изменить общественный строй, развивать капитализм, надо было выступить против основ феодализма, т. е. против феодальной социально-экономической структуры, сердцевинной которой являлась феодальная земельная система. Но реформаторы не посмели затронуть этот экономический базис феодального общества, потому что они сами еще не оторвались от помещичьего класса, а в политическом отношении не смели думать о ниспровержении цинской династии. Они выступали за то, чтобы учиться у Японии, осуществившей реформы Мэйдзи, у России Петра Первого, а не у Франции и Америки. Ими неоднократно подчеркивалось «уважение к власти монарха», «к власти правителя и единственности». Лишь надеясь изгнать группу консервативных министров, они опубликовали некоторые указы в капиталистическом духе. В лучшем случае эти требования представляли собой только «половинчатую европеизацию». Однако феодальные власти не шли ни на какие уступки, и все закончилось кровопусканием.

Буржуазные революционеры, возглавляемые Сунь Ятсеном, были значительно прогрессивнее реформаторов. Организация «Тунмэнхой», в которой объединились революционеры, в качестве модели взяла западный капитализм, выработала целостную программу и политический курс, надеясь таким образом всесторонне «капитализировать» Китай по европейскому и американскому образу и подобию. Сунь Ятсен изложил эту программу и курс как учение о трех народных принципах (национализм, народовластие и народное благосостояние). Эти революционеры не были праздными мечтателями и прожектерами. Они с самого начала фактически включились в борьбу, проявили решимость в применении революционных мер. Стремясь к реализации своих целей, они свергли правление цинской династии, олицетворявшей империалистическое и феодальное господство. Центром событий на исторической арене стала «антиманьчжурская революция». Истоки национализма, народовластия и народного благосостояния — этих трех провозглашенных Сунь Ятсеном принципов — восходят к истории движения западной буржуазии за национальную независимость, демократической революционной борьбы. В революционном стратегическом плане «Тунмэнхой» говорится, что нынешняя революция, в отличие от переворота предшествовавших эпох, должна принести изменение государственного строя и благосостояние народу. Программа этих изменений была чрезвычайно многообразна, однако ее смысл можно коротко выразить словами: «свобода, равенство, братство». Известно, что «свобода» — это сердцевина американской «Декларации независимости». «Свобода, равенство, братство» было написано на знаменах Французской революции. Это объясняет, почему буржуазные революционеры, которых представлял Сунь Ятсен, ратовали за изучение капиталистического строя Америки и Франции, за то, чтобы Китай в полной мере перестроился, уподобившись таким капиталистическим странам, как Америка и Франция. Это был открытый призыв к движению за всестороннюю европеизацию.

Сунь Ятсен, великий буржуазный революционер, понимал, что невозможно, заменяя в Китае феодальный строй на капиталистический, полностью копировать Запад. Китай, по его мнению, не должен во всем копировать Америку и Францию. Он глубоко осознавал, что классовые противоречия в капиталистическом обществе Европы и Америки обостряются, народ бедствует. В статье, где впервые излагались три народных принципа, Сунь Ятсен очень точно отметил: «Европа и Америка сильны, но их народы фактически бедствуют». Он говорил, что в том обществе немало злоупотреблений и пороков, за внешней стороной скрыты большие несчастья. Разъясняя в своих «Лекциях о трех народных принципах» вопрос о народовласти, Сунь Ятсен сурово критиковал методы копирования Запада. Он говорил: «Вопрос о народовласти в политике иностранных государств до настоящего времени основательно и методически не разрабатывался. До сих пор это все еще остается большой проблемой». «Иностранные методы народовласти не могут быть для нас образцом. Они недостаточны, чтобы служить нам руководством». «Способам управления людьми, конечно, нельзя полностью учиться у Европы и Америки. Слепое копирование и подражание принесло бы огромный вред государственной политике и народному благосостоянию». «Разве новое поколение хуже предыдущего, неужели мы так и будем тащиться за ними, для чего же тогда совершалась революция?»

Сунь Ятсен несколько раз непродолжительное время находился у кормила власти. Однако ни одна из капиталистических стран Запада не признавала его. Наоборот, каждый его уход и поражение были в конечном счете связаны с позицией этих капиталистических стран. Он думал о европеизации, а они возражали, допуская лишь «истернизацию», представляющую собой не что иное, как восточного типа колонизацию и полуколонизацию. Взаимоотношения западных метрополий и восточных колоний и полуколоний отнюдь не были нормальными взаимоотношениями между странами. Это были взаимоотношения господства первых над вторыми. Разве допустимо здесь подменять понятия?

В ходе «движения 4 мая» развернулась острая дискуссия между различными идейными течениями. В 1915 г. Чэнь Дусю, которого буржуазия и мелкая буржуазия именвала демократом, отстаивал следующую позицию: «Если решительно заниматься нововведениями, то во всем следует использовать западные методы, и нет необходимости лгать о каком-то там национальном духе, национальных чувствах и тем самым вызывать волнения». Эти слова взяты из журнала «Синь циннянь» (т. 5, № 1); от фразы «во всем...» отдает душком «сплошной европеизации». Однако это было прежде всего отражением революционного духа публицистов, которые занимали непримиримую позицию к феодальным силам. Реальный смысл этих слов совершенно иной, чем возникшего позже выражения «сплошная европеизация». Мао Цзэдун в работе «О новой демократии», касаясь национальной, научной, массовой культуры, говорил: «Требование «сплошной европеизации» ошибочно. Механическое заимствование всего иностранного в прошлом принесло Китаю большой вред». В конце статьи в примечании говорится, что за «сплошную европеизацию» выступала часть буржуазных ученых, которые безоговорочно восхваляли давно уже жившую себя индивидуалистическую культуру Запада и настаивали на том, чтобы Китай во всем следовал образцу капиталистических государств Европы и Америки, называя это «сплошной европеизацией». Это примечание лишь в связи с конкретным случаем акцентирует внимание на буржуазной культуре Запада. Если говорить по существу, то «сплошная европеизация», конечно, является принятием всего того, что относится к капиталистическому строю Европы и Америки. Когда и кто выступил за «сплошную европеизацию»? Согласно моему предварительному исследованию, самое раннее высказывание принадлежит Ху Ши⁶. В вышедшем в 1929 г. на английском языке «Христианском ежегоднике Китая» была помещена статья Ху Ши, специально освещавшая этот вопрос. В статье говорилось: «Для разрешения этого вопроса имеются три возможности. Китай может отказаться признать эту новую культуру и противиться ее проникновению; Китай может полностью принять новую культуру; Китай может взять из этой культуры то, что ему нужно, и отбросить то, что он считает несущественным или неприемлемым. Первая позиция — протест, вторая — сплошное принятие и третья — выборочное использование. Я сам являюсь одним из прямых пропагандистов выборочного использования. Однако сейчас смею утверждать, что этот скрупулезный отбор невозможен, да к тому же в нем нет особой

необходимости». В 1935 г. Ван Синьмин, Хэ Бинсун и другие выступили с предложением «о сохранении самобытной культуры Китая» — с так называемым манифестом 10 профессоров. В обсуждении приняло участие множество людей, была высказана масса суждений. В этот период Ху Ши опубликовал целую серию статей, в которых вновь упоминалась «сплошная европеизация». В одной из статей он писал: «В эти месяцы я прочитал в журнальных статьях о дискуссии относительно «самобытной культуры Китая» и «сплошной европеизации»... поэтому когда я вновь задумываюсь над вопросом о культуре, который я впервые обсуждал лет 5—6 назад, то понимаю, что невнимательное отношение к выражениям привело к возникновению некоторой критики. В тот год (1929) «Христианский ежегодник Китая» обратился ко мне с просьбой что-нибудь написать, и я выбрал тему: «Конфликт в сегодняшней культуре Китая». Я отметил, что китайцы по этому вопросу могут занимать три позиции: первая — отпор западной культуре, вторая — выборочный компромисс, третья — полная европеизация. Я заявил, что сегодня уже никто не стоит на позиции непринятия европеизации. Это уже ушло в прошлое. Идея же о так называемом «выборочном компромиссе», по-видимому, чрезвычайно разумна. Фактически в основе ее лежит трансформированная консервативная теория. Поэтому я стою за сплошную европеизацию и всей душой за то, чтобы идти по пути, которым идет современный мир».

Новое время Китая — это эпоха напряженной борьбы, чрезвычайно стремительных перемен. Из-за различия в расстановке классовых сил в стране каждая группа, входящая во вторую классовую силу, также играет свою роль. Кан Ювэй и Лян Цичао из новаторов превратились в монархистов. Сунь Ятсен пришел к выводу, что коммунисты благожелательно относятся к трем народным принципам, и встал на путь сотрудничества с коммунистической партией. Чэнь Дусю вскоре стал известен как один из первых марксистов. Во время «движения 4 мая» Ху Ши пропагандировал разговорный язык «байхуа» и приобрел огромную популярность. Ему принадлежит большая заслуга в этом. Но затем он изменил свою позицию, как говорится «отрекся от власти народа, стал поддерживать власть князя» — перешел в антинародный лагерь чанкайшистского гоминьдана. В 1949 г., сбежав на Тайвань, он сразу же приступил к выпуску журнала под названием «Свободный Китай». Суть его троллаганды «истинных ценностей свободы и демократии», «помощи соотечественникам в оккупированных районах» и содействия в «скорейшем восстановлении ими свободы» состояла в стремлении восстановить свободное господство империалистического компрадорского класса над китайским народом, что означало бы превращение Китая вновь в полуколонию.

В момент своего зарождения китайская буржуазия грезилась об «усовершенствовании законов и проведении реформ» по западному образцу. «Антиманьчжурскую революцию» она представляла как постановку драмы в западном духе на восточной сцене. Однако идея «сплошной европеизации» заставила прозреть буржуазию полуколониального общества, признавшую незыблемость порядка, при котором Запад господствует над Востоком.

Различия в историческом прошлом и позиции китайской буржуазии по отношению к Западу выявили ее неоднородность и расслоение.

Несмотря на эти различия, все отчетливо понимали, что бесперспективно было колониальному и полуколониальному Китаю мечтать о достижении процветания нации, прибегая к помощи Запада — этого сидящего у него на шее господина империализма.

Третья классовая сила — это выходившие на политическую арену китайский пролетариат и китайские марксисты. У них было к Западу аналитическое и критическое отношение. Они считали, что если подходить с позиций второй классовой силы (реформаторов), то для Китая не будет перспективы и выхода. Они восприняли у Запада учение, которое выражало интересы пролетариата и означало новейший этап в социальном развитии, т. е. учение научного социализма о превращении капиталистического строя в социалистический. Согласно этому учению, социалистический строй неизбежно приходит на смену капитализму. Начиная с Октябрьской революции в России социализм является не только учением, он стал практикой построения реального социализма во всемирном масштабе.

Политическая партия китайского пролетариата применила марксистскую научную теорию социализма к практике китайской революции. Десятилетия борьбы увенча-

лись победой над империализмом, феодализмом и бюрократическим капиталом. Были разрешены две большие проблемы — завоевана национальная независимость и приведены в соответствие с развитием производительных сил производственные отношения. Мы идем по социалистическому пути уже 37 лет. Несмотря на то, что 10-летняя смута привела к тому, что развитие в этот период шло извилистым путем, успехи в строительстве социализма и темпы его развития весьма внушительны и известны всему миру. Мне кажется, что здесь не требуются подробные разъяснения.

Каждый из трех классов новой истории Китая, занимавший определенное положение, естественно, имел свой взгляд на западный капитализм, в том числе и на «сплошную европеизацию». В результате длительных поисков наконец был найден путь социализма, избранный китайской компартией, выражавшей интересы пролетариата и подавляющего большинства народа. Это был единственно приемлемый путь. Социализм представляет собой целую историческую эпоху. Сейчас мы находимся лишь на самом начальном его этапе. Однако это величайший этап в истории человечества. Он открыл перед китайским народом новые широкие горизонты. Народные массы являются творцами истории. Они — хозяева истории. Если частная собственность превращает хозяина в своего раба, то социалистический строй освобождает рабов от оков угнетения, делает их полноценными хозяевами истории. Так как же не назвать этот этап величайшим этапом в истории человечества?

Возможно, кто-то скажет: социализм утвердился потому, что народ, руководимый компартией, разбил гоминьдановских реакционеров. Да, это так. Однако вопрос в том, почему компартия смогла возглавить борьбу народа и победить такого сильного врага. Социалистический путь выбран не какими-то людьми, не какой-то партией. Социалистический путь — это выбор истории. Тот, кто встает на пути исторического прогресса, может оказаться лишь за бортом и будет иметь жалкий вид. Если бы компартия с самого начала выступила с позиции, идущей вразрез с тенденцией исторического развития, то поражение было бы ей предопределено заранее. Чан Кайши решительно выступил против компартии, но ему никогда не удавалось побороть ее. Это потому, что против исторического выбора выступать бесполезно. Некоторые утверждают, что гоминьдан потерпел поражение из-за совершенных ошибок. Но все мы знаем, что компартия со времени своего основания также совершала немало ошибок. Почему же малочисленные отряды коммунистов, которые вели партизанскую войну в гористой и болотистой местности, смогли разгромить 8-миллионную регулярную армию Чан Кайши и одержали великую историческую победу, ликвидировав 110-летнее засилье империализма и его феодальных приспешников? На это может быть дан лишь один ответ: много испытывавший на своем веку китайский народ сам избрал именно этот путь. До сих пор свежа в памяти Белая книга о китайско-американских отношениях, опубликованная государственным секретарем США Ачесоном 40 лет назад. В своем предисловии к этой книге большого объема — примерно в 1054 страницы — Ачесон высказался лаконично по существу дела: «Главный итог гражданской войны в Китае выражался (и это было за пределами контроля американского правительства) в следующем факте, которого, к несчастью, невозможно было избежать. Итог этой войны Америка не в силах была изменить в разумных пределах своих возможностей, несмотря на уже использованные меры или меры, которые она еще могла применить. Американское правительство было не в состоянии изменить положение, какие бы меры ни применялись. Развязка эта формировалась некоторыми внутренними силами в Китае; намерения Америки как-то использовать эти силы полностью провалились». В 1952 г., т. е. в период, когда борьба китайского народа под лозунгом «Сопrotивление американскому империализму и оказание помощи Корею» продолжалась уже более 2 лет, Ху Ши в своей пространной лекции «Международная обстановка и перспективы Китая» сказал: «От победы революции в Китае до «войны сопротивления американскому империализму и оказания помощи Корею» произошли три крупных международных события, или были совершены три крупные ошибки в международной политике. Во-первых, премьер-министр Англии У. Черчилль от борьбы против коммунистов перешел к борьбе против Гитлера, что поставило Советский Союз в первые ряды великих европейских держав. Во-вторых, подписание секретного договора на Ялтинской конференции повернуло СССР в сторону Дальнего Востока. В-третьих, «значительно более круп-

ной ошибкой по сравнению с двумя первыми» было то, что США слишком рано и слишком поспешно после войны провели демобилизацию». В 1947 г. Мао Цзэдун выступил со статьей «Современная обстановка и наши задачи». Впоследствии китайские коммунисты в пропагандистских целях перевели ее на английский язык, озаглавив «Поворот в китайской революции», что означало переломный момент в «китайской революции» во втором полугодии 1947 г. После начала корейской войны Америка хотя и объявила новую мобилизацию, однако время было потеряно. Ху Ши (в тайваньском журнале «Свободный Китай» в 1952 г.) постоянно высказывался в таком духе, что Китай якобы никогда не подвергался вмешательству со стороны внешних сил. Вся нищета Китая и все его невежество происходили якобы из-за апатии китайцев. И на этот раз победу китайского народа он полностью связал с помощью иностранных держав, в частности США. Тем не менее в конце концов он признал, что вмешательство Америки в агрессивную войну в Корею не изменило ход войны. Это опять-таки совпало с тем, что говорил Ачесон: великие исторические перемены в Китае определялись внутренними силами страны. Империалисты, выступая против китайского народа и используя все возможные способы, не добились ожидаемых результатов. Ни Ачесон, ни Ху Ши — никто из них не был «подкуплен». Это были их искренние убеждения, они объективно изложили факты. Китайский народ был в состоянии сам выбрать социалистический путь развития, строить социализм с китайской спецификой и вывести свою страну в ряды передовых государств мира. Нет такой силы, которая могла бы воспрепятствовать этому неодолимому течению истории.

Вопрос: Имеет ли сейчас хотя бы какое-то историческое или социальное обоснование выдвижение призыва к «сплошной европеизации», т. е. к превращению Китая в капиталистическое общество?

Ответ: Нет, не имеет ни исторического, ни социального обоснования.

Во-первых, если говорить с точки зрения положения внутри страны, то «сплошная европеизация» — это прежде всего требование следовать образцу политической системы капиталистических стран с наличием оппозиционных партий и сменой кабинетов. Но позвольте спросить, есть ли сегодня в реальной жизни такая политическая сила, кроме компартии, которая могла бы руководить Китаем во внутренней и внешней политике, чтобы обеспечить стране спокойствие, развитие и прогресс? «Сплошная европеизация», конечно, невозможна без изменения системы собственности на частную. Все, что государство несколько десятилетий создавало, — государственные заводы, рудники и предприятия — должно стать частным. Это все равно, что повернуть вспять реки. Или, как гласит китайская пословица, «запряженного в телегу тигра уже никто не остановит».

Существует еще одна теория, аналогичная «сплошной европеизации». Поскольку не пройдена стадия капиталистического развития и с этим неизбежно связаны феодальные пороки в социальной жизни, то «Китаю необходимо получить дополнительный урок капитализма». Но как же в таком случае быть с развитием китайского капитализма, где получить этот «дополнительный урок капитализма»? Не на примере же кустарной заводской промышленности или промышленной революции в Англии и т. п. Об этом не стоит и говорить. Предпосылки «дополнительного урока капитализма» каждый может найти в истории, сделать ее повесомее или полегче — всегда есть возможность подогнать ее под желание людей. Если бы историю можно было «творить» именно таким путем, то было бы все гораздо проще. К сожалению, в этом слишком мало материализма и слишком много идеализма. Выступая против феодальных и прочих пороков, мы следуем марксистским принципам и исходим из задачи совершенствования социалистического строя. Мы не можем ориентироваться на восстановление капитализма. И может ли капитализм стать панацеей от всех болезней? Почему же на земном шаре он постепенно рушится, а на смену ему приходит социалистический строй? Выражение «дополнительный урок капитализма» возникло как следствие несостоятельности «сплошной европеизации».

Во-вторых, все в истории меняется не без связи со временем, местом, условиями. Если предположить, что Китай пойдет по пути развития частной собственности, то при «сплошной европеизации» она бы имела иной характер, чем в прошлые времена в США, Англии или во Франции. Точное повторение невозможно. В начальный период развития капитализма в этих странах происходило при наличии двух условий — эксплуатации своего рабочего класса и широкой эксплуатации колоний (например,

в Южной Америке и Африке). Большая часть Востока также стала колонией Запада. Если бы такое большое государство, как Китай, попыталось сейчас обогащаться за счет колоний, то кого оно могло бы обирать в современном мире? Времена, когда развивался европейский и американский капитализм, давно и безвозвратно миновали. Человек когда-то произошел от обезьяны. На современной же стадии развития обезьяна никогда не может превратиться в человека, потому что сейчас нет для этого соответствующих условий. Так и ныне зарождающийся капитализм не сможет процветать так, как процветал европейский и американский капитализм на начальной стадии своего развития. Истина состоит именно в этом. Поэтому европеизация может привести Китай лишь к положению колонии промышленно развитых стран Запада.

В-третьих, капитализм, как говорят результаты проводимой в настоящее время дискуссии, стоит накануне больших перемен. Современный Запад (США, ФРГ, Япония) является кое для кого вожделенной мечтой. Сам же Запад однако видит вещи в другом свете. «Америка превращается в японскую плантацию», «Япония запела погребальную песню заката» — подобные заголовки не сходят со страниц американских газет. И тем более сегодня следует отвергнуть идею «сплошной европеизации», которая ничего нового не добавляет к словам Сунь Ятсена: «Последующая эпоха лучше предыдущей!»

Вопрос: Поскольку Китай не может идти по пути «сплошной европеизации», то как мы должны относиться к тому положительному, что имеется на Западе? Какую позицию должны занять в отношении его передовой науки и техники, его ценных научных идей?

Ответ: У капиталистических стран Запада, конечно, есть чему поучиться. Разве не на Западе появилось учение Маркса? К науке и культуре необходим научный, аналитический подход. Мы должны использовать все передовое, откуда бы оно ни исходило, для строительства нашей социалистической материальной и духовной культуры. Марксизм сам непрерывно обновлялся и обогащался. Величие марксизма заключается в том, что он, критически обобщая историю и результаты текущей общественной практики, преуспел в усвоении всех его составных частей: теории, научного учения, идеологии, культуры. Сформировалась целостная научная система, марксизм стал компасом, который способен открыто, гибко, последовательно вести людей к правильным действиям. Не воспринимая передовое, нация не может стать преуспевающей, великой нацией. С точки зрения истории в целом Китай — не изолированная, замкнутая страна. Китайцы не консервативный народ. Конфуцианский консерватизм, господствовавший в Китае более двух тысячелетий, очень силен. Он — продукт застойного общества. Иначе и не могло быть. Однако история Китая из-за этого не остановилась навечно на феодальной эпохе: развиваясь, она приобрела сегодняшний облик.

Социалистический строй — это новейший строй, который только начал проявлять свою жизненную силу. От восхода солнца до сверкающего полдня еще очень далеко. Историк цинской династии поэт Чжао И говорил: «Приходят поколения, и на Родине появляются таланты, однако этот отрезок времени ветры пробегают за сотни лет». Родина китайского социализма непременно должна взрастить бесчисленное множество талантов. Эти таланты появляются не где-то, а именно среди молодых людей нынешнего поколения. Славные и мужественные люди, а их было бесчисленное множество, заполняли ряды павших, отдавали жизнь за Родину. Обновленная социалистическая Родина опирается на наше молодое поколение. Молодежь — опора социалистической модернизации Китая, ей будет вверена реализация ее планов. В строительстве китайцы обладают новейшей производительной силой, рожденной в недрах социализма с китайской спецификой. Это подтверждает, что социализм превосходит капитализм и в итоге победит его.

Общественная жизнь сложна. Простой односторонний взгляд далек от действительности. Воспользуемся сравнениями из медицинской науки. Известно, что мозг человека состоит из миллиона клеток. В Китае сейчас миллиард жителей. 1 миллиард, помноженный на 1 миллион, дает астрономическую цифру. Во всяком случае, современная наука не в состоянии объяснить тайну функционирования клеток мозга. Небольшое число людей отстаивает рациональность «сплошной европеизации». Остается подождать, когда современная наука в одно прекрасное утро раскроет эту

тайну. В. И. Ленин высказал чрезвычайно глубокую мысль: «Экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем и знать не можем»⁹? В процессе развития социализма возникают новые явления, о которых мы ничего не знаем и не можем знать. Все находится в движении. Но следует ли говорить «не можем». Некоторые моменты истории могут повториться, так же как в кино отдельные кадры могут вновь появляться на экране. Но этот путь в конечном итоге отвергнут историей: Китай не вернется к полуфеодальному обществу, к «сплошной европеизации».

*Перевод с китайского и примечания
Б. К. ЧИЖОВА*

¹ «Европеизация» — перевод на русский язык термина «сихуа» (букв. «вестернизация»), то есть изменение общественных порядков, включая культуру, моду и т. д., по западным образцам (имеются в виду передовые страны Запада, США, а также Япония).

² Б. Н. Басов. «Критика «буржуазной либерализации» в газетах КНР; Ху Шэн. Почему Китай не может идти по капиталистическому пути? — ПДВ, 1987, № 4 и № 5.

Линь Цзэсюй (1785—1850) — известный историк, политический и государственный деятель, противник опиумной торговли, навязанной Китаю западными державами. Возглавлял борьбу с английской агрессией в Китае.

⁴ Вэй Юань (1794—1857) — историк и географ. Автор первой книги, подробно ознакомившей китайцев с западноевропейскими странами, — «Хайго тучжи» (Собрание карт и описание заморских стран). Сторонник социальных реформ. Однако в период восстания тайпинов активно организовывал им отпор.

⁵ Сёгунат — правление сёгунов (военных) в феодальной Японии. Уничтожено во время революции 1867—1868 гг.

⁶ Яо, Шунь, Юй, Тан, Вэнь, У и Чжоу-гун — древние правители и политические деятели так называемого «золотого века» в истории Китая.

⁷ Цитируется по тексту «Избранных произведений» Мао Цзэдуна. М., 1953, т. 3, с. 276, сноски 20.

⁸ Ху Ши — китайский историк и литературовед. После победы народной революции в Китае в 1949 г. эмигрировал из страны.

⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 33, с. 96.

М. А. ЯКОВЛЕВА

В последние годы страны — члены АСЕАН стали объектом пристального внимания со стороны крупных империалистических центров: США, Японии и Западной Европы. Субрегион Юго-Восточной Азии превратился в сферу растущих политических и экономических интересов ведущих промышленных держав капиталистического мира. Соотношение этих интересов в известной степени определяет характер политики «силовых центров» империализма в этом районе.

Этот «интерес» определяется рядом существенных факторов. Выгодное географическое положение и благоприятные климатические условия субрегиона способствуют относительно снижению затрат на капитальное строительство. Кроме того, район располагает уникальной и обширной сырьевой базой. Страны АСЕАН являются крупными производителями и поставщиками на мировой рынок таких товаров, как натуральный каучук, пальмовое масло, олово, копра, кокосовое масло, специи, ценные породы тропической древесины, медь и т. д. Например, отсюда в Японию поступает 98 % необходимого ей олова и цинка, около 80 — натурального каучука, 45 — леса (около 99 % древесины тропических пород), около 40 — меди, 30 — бокситов, никеля и жидкого газа, 18 % нефти.

Наличие крупных ресурсов дешевой рабочей силы в государствах — членах АСЕАН открывает перспективы для выгодного размещения здесь трудоемких, нередко убыточных в развитых капиталистических странах производств. В 1986 г. в этом районе проживало 297,9 млн. человек; по некоторым оценкам, к 2000 г. его население составит 400 млн. человек. По прогнозу сингапурского экономиста Дж. Вонга, население стран АСЕАН останется в основном молодым: возрастная группа до 29 лет достигнет 68 % всех жителей. Известно, что в развивающихся странах рабочая сила дешевле, чем в промышленно развитых капиталистических странах. Но в зоне ассоциации, по признанию журнала «Бизнес Америка», рабочая сила даже дешевле, чем во многих других развивающихся странах¹. В свою очередь низкая заработная плата наряду с относительно низкой стоимостью строительства, ирригации, услуг, низким уровнем ренты и более дешевой землей ведет к снижению издержек производства. Результатом сравнительно низких издержек производства становится необычайно высокая норма прибыли, которая достигает 25—30 %. Эти условия повышают заинтересованность в размещении здесь крупных инвестиций, которые к тому же дают возможность иностранным инвесторам извлекать дополнительную выгоду за счет разницы в экономической ситуации в отдельных странах субрегиона и позволяют наращивать экспорт в этот район мира.

Особенно быстрыми темпами в последние годы растут японские капиталовложения в странах АСЕАН. Они составляют около $\frac{1}{4}$ всех зарубежных инвестиций Японии, которая является ныне главным инвестором стран региона. По предварительным оценкам, в 1986 г. японские инвестиции в Юго-Восточной Азии достигли 13,5 млрд. долл. Первое место в размещении японских капиталовложений среди стран АСЕАН в течение последних пяти лет принадлежало Индонезии. В настоящее время первенство принадлежит Таиланду, за которым следуют Сингапур с Малайзией, Индонезия и Филиппины².

Тенденция увеличения доходов на душу населения наряду с быстрым ростом последнего является одной из причин признания развитыми капиталистическими странами этого субрегиона в качестве обширного и динамичного рынка сбыта потребительских товаров. Используя также в своих интересах стремление развивающихся государств создать независимую прочную экономику (зачастую внимание обращается в первую очередь на промышленность), капиталистические страны стараются навязать им на выгодных для себя условиях крупные поставки промышленной продукции производственного назначения и технологии. Задача ускорения темпов экономического развития на основе индустриализации традиционно решается в странах АСЕАН путем проведения политики, направленной на привлечение иностранных капиталовложений, что создает в целом благоприятный климат для иностранных инвестиций в промышленности и в других отраслях экономики. Кроме того, сравнительно невысокий уровень оснащенности местных предприятий передовой технологией позволяет более развитым партнерам ассоциации переводить в этот район менее современные предприятия, не выдерживающие конкуренции у себя в стране.

Перед Японией стоит немало проблем, самой серьезной из которых считается сверхзависимость страны от экспорта. Суть ее вкратце сводится к тому, что японская экономика в значительной степени ориентирована на экспорт, в то время как импорт товаров, считающихся неосновными, сведен до минимума. Например, в 1983 г. экспорт обеспечил весь экономический рост страны, а в 1984 г. — на $\frac{2}{3}$. Роль экспорта в экономике наряду со сложившейся структурой промышленности не позволяет Японии существенно расширять импорт даже в тех случаях, когда в этом есть необходимость для сохранения и упрочения ее позиций на мировых рынках. Этим, видимо, объясняется нежелание Токио прислушаться к настоячивым просьбам членов ассоциации расширить импорт (прежде всего готовой продукции) из стран субрегиона. А пока Япония продолжает одновременно сокращать закупки товаров в государствах АСЕАН и раздавать туманные обещания рассмотреть этот вопрос в далекой перспективе.

Если Япония отдает в субрегионе приоритет экономическим интересам, то для Соединенных Штатов в зоне АСЕАН первоочередное значение имеют военно-политические соображения. Утратив безраздельное экономическое господство в мировой капиталистической системе хозяйства, США стремятся укрепить свои позиции в различных районах мира силовыми методами: от политического нажима до открытого военного вмешательства. Несмотря на то, что АСЕАН была образована еще в 1967 г., серьезное внимание на ассоциацию США обратили лишь в середине 70-х гг. Этот повышенный интерес пресса региона связывает с провалом агрессивной политики Соединенных Штатов во Вьетнаме в 1975 г.³

По мнению многих американских политических деятелей, зона АСЕАН сохраняет большое стратегическое значение. На поставки из стран — членов ассоциации приходится 90 % американского импорта натурального каучука, 72 — олова, 10 % нефти. Важная роль в военно-политическом курсе Вашингтона отводится Филиппинам. На их территории размещены две наиболее крупные американские базы в субрегионе. Таиланд рассматривается Вашингтоном как основной плацдарм вооруженных провокаций против стран Индокитая. Внимание к другому члену ассоциации — Сингапuru — основано на попытках превратить эту страну в перевалочный пункт, постепенно создав здесь с помощью американских концернов крупное производство, в том числе военное. Кроме того, вся зона АСЕАН представляется Вашингтону обширным рынком сбыта для продукции монополий военно-промышленного комплекса США, производящих самые разнообразные виды вооружений и военного снаряжения.

Политический климат в странах АСЕАН расценивается в США как в целом благоприятный. Известная предубежденность правящих кругов государств ассоциации против социализма вполне отвечает империалистическим интересам США. Стремление определенных сил в странах — членах группировки противопоставить АСЕАН социалистическим государствам ЮВА находит поддержку у Соединенных Штатов. С одной стороны, последние усматривают в этом важную возможность упрочения позиций капитализма, а вместе с тем и известные гарантии от национализации собственности иностранного капитала. С другой — США стремят-

ся использовать сложившиеся отношения в регионе для придания ассоциации характера военно-политического блока, послушно проводящего политику в русле их гегемонистских замыслов. Стремясь придать АСЕАН военный характер. США поддерживают и поощряют развитие военного сотрудничества между членами группировки, выражающегося в координации военных планов, отработке взаимодействия вооруженных сил, обмене разведанными, стажировке военных контингентов, унификации боевой техники и т. д.

Однако АСЕАН не желает участвовать в блоковой политике Вашингтона. Страны-члены всячески отрицают причастность ассоциации к военному сотрудничеству, понимая, что это неизбежно подтолкнет ее к отходу от первоначально намеченных целей.

Империалисты запугивают АСЕАН, используя вымыслы о «советской угрозе», «вьетнамской экспансии», «коммунистической опасности» и т. п. Такая тактика в случае успеха обеспечивает им достижение одним маневром сразу нескольких целей. Нагнетание военной истерии неизбежно ведет к взвинчиванию гонки вооружений в субрегионе. А это значит, что известная доля средств, выделенных на военные цели, зачастую в ущерб интересам экономического развития этой группы стран, пойдет на оплату военных поставок из империалистических держав. Так, военные бюджеты стран АСЕАН в 1985 г. в общей сложности превысили 7 млрд. долл. Кроме того, рост недоверия (а нередко и враждебности) к странам социализма препятствует расширению сотрудничества на равноправной основе. Ограничение контактов с социалистическими странами препятствует выбору более выгодных из предложенных на всемирном рынке условий заключения тех или иных сделок. Вместо этого оно закрепляет за империалистическими державами практически монопольное положение поставщиков в развивающихся странах товаров, услуг, технологий.

В нынешнем десятилетии США столкнулись с крупной проблемой — постоянно растущим, вышедшим из-под контроля внешним долгом страны. За пятнадцать лет (с 1970 по 1985 г.) накопленный актив торгового баланса США в 150 млрд. долл. превратился в дефицит. Практика погашения дефицита торгового баланса за счет иностранных займов признается западными обозревателями малоэффективной и ставит Соединенные Штаты перед угрозой прекращения предоставления им кредитов. Сложившаяся ситуация стала результатом действия целого ряда факторов, среди которых можно выделить снижение конкурентоспособности американских товаров, обострение конкуренции на внутреннем рынке США с товарами «новых производителей» из числа развивающихся стран.

Пытаясь поправить создавшееся положение, конгресс развернул кампанию по сокращению импорта дешевых конкурентоспособных товаров. Прежде всего это затронуло интересы развивающихся стран, которые выступили с осуждением торговой политики США в отношении своих младших партнеров. Однако их заявления были оставлены без внимания, а комитетом по доходам и расходам был одобрен законопроект, предусматривающий сокращение импорта текстильных изделий и одежды, в основном из района Восточной Азии, почти на 40 % (он стал первым из подготовленных для рассмотрения 400 аналогичных проектов). Неоднократное сокращение американского импорта готовой одежды и текстиля (такого рода меры уже принимались в конце 1984 г.) сильно затронуло интересы таких стран АСЕАН, как Филиппины, Индонезия, Сингапур. Если доля всех членов ассоциации в американском импорте текстильных товаров невелика и составляла лишь 2,7 %, то доля США в экспорте готовой одежды, например, Филиппин достигала 65 %. Таким образом, США, как и Япония, перекалывают бремя своих экономических трудностей на чужие плечи.

В Западной Европе вызывает растущее беспокойство укрепление позиций японских и американских конкурентов в экономике стран АСЕАН. Там любят вспоминать о том, что когда-то Англия, Франция и Голландия обладали значительными колониальными территориями в Юго-Восточной Азии, и сетуют на то, что западноевропейские банкиры и предприниматели не учитывают новой обстановки, продолжая подходить к членам АСЕАН как к колониальным рынкам. Однако налицо и известные перемены. Если в 70-е гг. западноевропейский капитал устремлялся преимущественно в страны Латинской Америки, то теперь в ЕЭС экономи-

ческое будущее Западной Европы связывают с развитием отношений с АСЕАН¹. Особенно активно начала проводить политику проникновения на рынки ассоциации ФРГ, промышленность которой покрывает свои ежегодные потребности за счет импорта из Таиланда, Малайзии и Индонезии в первичном олове на 44 %, а в натуральном каучуке на 80 %. В 1985 г. товарооборот стран АСЕАН с ФРГ достиг 4300,7 млн. долл., что составило свыше $\frac{1}{4}$ товарооборота членов ассоциации со странами ЕЭС⁵.

В АСЕАН не строят иллюзий в отношении природы внимания к ней со стороны ЕЭС, понимая, что оно диктуется отнюдь не альтруизмом. Погоня за новыми рынками побуждает страны ЕЭС расширять экспансию в ЮВА. Рассчитывая использовать для этого пути «восстановление прерванных связей», бывшие метрополии тщательно подбирают для себя новые обличья.

Стремясь укрепить свои позиции в экономике стран АСЕАН путем создания большего количества совместных предприятий, роста капиталовложений со стороны мелких и средних фирм и расширения сети западноевропейских банков в субрегионе, страны ЕЭС не спешат ослабить препятствия на пути к западноевропейскому рынку для товаров из субрегиона. Как и другие империалистические центры, ЕЭС предпочитает решать свои экономические проблемы за чужой счет. В первой половине 1985 г., по оценкам ООН, был зафиксирован наивысший уровень безработицы в развитых капиталистических странах Европы за последние пятьдесят лет. Он составил в среднем 11 %⁶. Растущая безработица, перекрывшая показатели, считавшиеся еще недавно экстраординарными, и сравнительно высокая заработная плата заставляют страны ЕЭС вводить протекционистские меры, которые сильнее всего бьют по развивающимся странам.

Позиции Японии, США и стран ЕЭС относительно друг друга в субрегионе неодинаковы. Они зависят от целого ряда факторов, среди которых можно выделить такие, как колониальное прошлое стран ЮВА, исторические пути развития отношений с развитыми капиталистическими государствами, конкурентная борьба международных монополий и другие.

Например, в области торговли ведущее место в экспорте и импорте Индонезии и Таиланда в последние два десятилетия принадлежит Японии; в Малайзии до середины 70-х гг. — странам ЕЭС, а со второй половины 70-х гг. ее главным партнером становится Япония. В Сингапуре до середины 70-х гг. значительная доля экспорта приходилась на страны ЕЭС, а со второй половины десятилетия соотношение изменилось в пользу США. В импорте Сингапура главные позиции занимает Япония. В экспорте Филиппин безраздельно господствуют Соединенные Штаты. Что касается импорта этой страны, то в 70-е гг. наблюдался некоторый перевес в сторону Японии, однако уже в начале 80-х гг. ситуация вновь изменилась в пользу США.

Империалистические державы являются не только крупнейшими торговыми партнерами стран АСЕАН, но и основными инвесторами в этом районе мира. Главными направлениями ввоза частных прямых инвестиций стали Малайзия, Сингапур и Индонезия. Что касается соотношения позиций в зоне АСЕАН самих инвесторов, то можно отметить что в начале 80-х гг. на долю Японии приходилось 33 % всех иностранных капиталовложений в странах — членах ассоциации, США — 23, а доля стран ЕЭС оценивалась примерно в 14—15 %.

Развитые капиталистические страны стремятся использовать в своих интересах финансовые трудности, с которыми постоянно сталкиваются страны АСЕАН. Последние нуждаются в крупных кредитах для подъема своей экономики, которые им охотно предоставляют сами или через международные организации их могущественные партнеры. Империалистические державы рассматривают эти займы как отмычки, открывающие путь к проникновению своих монополий практически во все сферы экономики, в частности во внешнюю торговлю стран субрегиона. Предоставление займа сопровождается, как правило, выдвиганием таких условий, как использование услуг и специалистов страны-кредитора, закупка только ее товаров и т. д.

В погоне за утверждением своих позиций на рынках ЮВА развитые капиталистические страны и их финансовые органы выражают готовность предоставлять крупные займы. Так, в 1983 г. Япония предложила странам АСЕАН и новые займы на

сумму свыше 800 млн. долл. В 1984 г. Международный банк реконструкции и развития (МБРР) согласился предоставить Филиппинам заем в 230 млн. долл., а в 1985 г. США предложили этой стране 140 тыс. т риса в качестве льготного займа. В феврале 1987 г. было принято решение о предоставлении Индонезии МБРР и Японией займов на сумму соответственно 300 и 900 млн. долл. В мае 1987 г. заем в 610 млн. долл. согласился предоставить Индонезии Международный валютный фонд (МВФ).

И это несмотря на экономические трудности, которые испытывают сами кредиторы. В условиях роста концентрации и интернационализации производства необычайно обостряется межимпериалистическое соперничество. Поэтому «ни один из денежных рынков не решается отказать в займе из боязни, что сосед предупредит его, согласится на заем, а вместе с тем обеспечит себе известные услуги за услуги»⁸.

Займы, с готовностью предоставляемые развитыми капиталистическими странами и международными организациями, выражающими их интересы, тяжелым бременем ложатся на экономику освободившихся стран. Так, в качестве условия займа в 230 млн. долл. на развитие сельского хозяйства Филиппин МБРР потребовал возвращения ссуды с 36 %-ной надбавкой. Что касается рисового займа, то при подсчетах и анализе его условий выяснилось, что тонна риса из «льготного» займа обойдется Филиппинам примерно на 75 долл. дороже, чем тонна риса, купленная в Таиланде или Индонезии. Кроме того, условием займа было выдвинуто право контроля Соединенными Штатами использования американских удобрений в сельском хозяйстве Филиппин⁹. Относительно иеновых займов можно отметить, что в условиях повышения курса иены и европейских валют иеновые займы оказываются более дорогими по сравнению с долларовыми. По свидетельству министра финансов Индонезии Р. Правиро, за 1986 г. из-за высокого курса иены бремя долга страны возросло на 3,5 млрд. долл.¹⁰.

Поскольку и после объединения в ассоциацию ее члены продолжают развивать отношения со своими ведущими партнерами, то они нашли целесообразным применять «совместный подход и действия в отношениях с региональными группировками и отдельными экономическими державами» в соответствии с программой экономического сотрудничества, изложенной в Декларации согласия АСЕАН.

Это выразилось в том, что в первой половине 70-х гг. в АСЕАН был создан аппарат, занимающийся непосредственно разработкой связей ассоциации с какой-либо страной или международной организацией. В 1972 г. были созданы специальный координационный комитет стран АСЕАН и подчиненный ему комитет АСЕАН в Брюсселе для определения политики ассоциации в отношении стран ЕЭС, а в 1973 г. был образован комитет АСЕАН в Женеве для координации политики с ГАТТ¹¹.

В ходе Балийской встречи на высшем уровне были также разработаны принципы, на которых должны были строиться отношения с третьими странами:

— отношения с АСЕАН как с группировкой не должны затрагивать и препятствовать выполнению существующих двусторонних соглашений;

— отношения должны служить укреплению и развитию регионального сотрудничества АСЕАН;

— сотрудничество должно осуществляться по субрегиональным проектам АСЕАН или по проектам, служащим интересам всех стран-партнеров;

— отношения не должны ставиться в зависимость от каких-либо условий.

Таким образом, к началу 80-х гг. был сформирован организационный механизм ассоциации, призванный обслуживать сотрудничество в области внешнеэкономических связей. Был создан целый ряд комитетов и консультативных групп, через которые осуществляются международные связи АСЕАН. К тому же для облегчения координации отношений с третьими странами и международными организациями в АСЕАН был учрежден целый институт стран-координаторов, ответственных за развитие отношений с важнейшими партнерами ассоциации: Индонезия представляла интересы ассоциации во взаимоотношениях с Японией и ЕЭС, Малайзия — с Австралией и странами Западной Азии, Филиппины — с США и Канадой, Сингапур — с Новой Зеландией, Таиланд — с ПРООН и ЭСКАТО.

Создавая систему организаций, ответственных за контакты ассоциации с ее ве-

дущими партнерами, члены АСЕАН рассчитывали объединить свои усилия в отстаивании общих интересов в отношениях с развитыми капиталистическими странами и в международных организациях. Этим участники АСЕАН стремились с самого начала поднять авторитет вновь созданной организации и привлечь к ней внимание.

В последние годы в политике, проводимой развитыми капиталистическими странами в отношении развивающихся стран, появились некоторые новые моменты. Так, в частности, империалистические державы стремятся подчинить своему господству не только отдельные страны, но и их группировки, беря последние под свой финансовый контроль. Такой контроль осуществляется не только в целях получения дополнительных прибылей от непосредственного участия в деятельности региональных и субрегиональных организаций, но также для того, чтобы препятствовать возможному росту экономической самостоятельности развивающихся стран в результате сотрудничества между собой. Таким образом перед развивающимися странами встает реальная угроза эксплуатации «скопом», т. е. осуществления на практике по отношению к ним «коллективного неокOLONиализма». Например, развитие сотрудничества в АСЕАН оценивалось в деловой прессе США как процесс, обеспечивающий дополнительные возможности для американских фирм.

Ведущие партнеры стран — членов ассоциации придают большое значение развитию и совершенствованию созданного в АСЕАН механизма, обслуживающего ее внешние контакты, и стараются использовать его в своих интересах. По инициативе деловых кругов этих стран продолжают создаваться новые институты с участием АСЕАН. Среди них можно назвать центр по обмену технологией между Соединенными Штатами и АСЕАН, Научно-исследовательский институт для изучения возможностей сотрудничества между АСЕАН и ЕЭС и т. п. Обычно целью такого рода организаций является создание более благоприятных условий для своих монополий по сравнению с монополиями конкурентов. Нередко эти организации используются также для оказания нажима на страны АСЕАН.

Создание совместных с АСЕАН организаций позволяет развитым капиталистическим странам закрепить за собой положение партнера ассоциации и принимать участие в качестве наблюдателей в совещаниях, встречах, семинарах и т. п., проводимых под эгидой АСЕАН. Присутствуя на различного рода форумах ассоциации, иностранные наблюдатели получают возможность подробно изучать экономическую и политическую ситуацию в зоне АСЕАН, быть в курсе проблем, стоящих перед группировкой, и в известном смысле влиять на ход развития внутрizonального сотрудничества. Представители империалистических держав принимают активное участие в обсуждении программ сотрудничества в рамках АСЕАН, и их мнение нередко оказывается решающим, определяющим дальнейшую судьбу субрегиональных проектов и программ сотрудничества. Так, позиция иностранных представителей практически блокировала реализацию программы сотрудничества внутри ассоциации в области энергетики. Весомость позиции империалистических держав придают, во-первых, финансирование ими программ сотрудничества АСЕАН и, во-вторых, тот факт, что эти программы разрабатывались их же экспертами.

При создании совместных с АСЕАН организаций развитые капиталистические страны обычно намечают возможные направления сотрудничества и составляют его программу. Например, Форум АСЕАН — Япония, начавший функционировать в 1977 г., наметил следующие его области: торговля, промышленность и сельское хозяйство. Тогда же были сформулированы и обсуждены главами правительств АСЕАН и Японии основные пункты программы экономического сотрудничества:

— добиваться предоставления преференций на японском рынке товарам из стран АСЕАН;

— заключение долгосрочных соглашений по экспортным товарам АСЕАН;

— обеспечение стабилизации экспортных поступлений АСЕАН;

— привлечение Японии к финансированию промышленных проектов АСЕАН на концессионных условиях;

— налаживание получения технологии для развития промышленности стран АСЕАН;

— получение поддержки от Японии в реализации промышленной продукции стран АСЕАН.

Формально эта программа сотрудничества учитывает интересы обеих сторон,

ноу практически она была реализована в той мере, в какой отвечала интересам Японии. Перед странами АСЕАН по-прежнему остро стоит вопрос о реализации готовой продукции на рынках развитых стран, и в частности Японии. Страны АСЕАН продолжают рассматриваться прежде всего как поставщики сырья для японской промышленности. Ограниченность импортных возможностей Японии препятствует расширению торговли с АСЕАН на взаимовыгодной основе. В соответствии с программой межгосударственного промышленного сотрудничества в ассоциации было принято решение о получении технологии из Японии для промышленных проектов первой очереди. Однако в ходе реализации первого же проекта (индонезийского завода по производству мочевины, возводимого с помощью Японии) сроки строительства были сорваны по вине японских специалистов, а фактическая стоимость значительно превысила сметную. Это заставило членов ассоциации более критически подходить к японским предложениям.

Отношения АСЕАН с США начали складываться в начале 1975 г. На встречах рассматривался широкий круг вопросов в области торговли, промышленности, финансов. Большое внимание уделялось возможности увеличения инвестиций в зоне АСЕАН, расширению торговли и установлению более тесных связей между частными секторами. Было намечено осуществление целого ряда совместных проектов. Обе стороны подписали соглашения о сотрудничестве в области энергетики, производства пищевых продуктов, науки и техники. В ходе совместных встреч членами группировки неоднократно выносился на обсуждение вопрос об устранении неравенства в экономических отношениях ассоциации с США. Однако попытки добиться отказа Вашингтона от своей протекционистской политики ни к чему не привели. В ответ Соединенные Штаты потребовали предоставления еще больших льгот для частного капитала.

На встречах АСЕАН с ЕЭС обсуждались в основном вопросы торгового сотрудничества: скидки с таможенных тарифов, расширение товарных поставок, ввод в действие программы стабилизации экспортных поступлений, обмен торговыми миссиями, организация торговых ярмарок и т. д. С образованием группы совместных исследований в обсуждение были включены вопросы сотрудничества в области промышленности и сельского хозяйства. Для стран ЕЭС (как и для других империалистических держав) в диалоге с асеановскими государствами характерен односторонний подход. Охотно рассматривая вопросы, связанные с поставками необходимого западноевропейской промышленности сырья и предоставлением преференций товарам из стран Общего рынка, члены ЕЭС проводят откровенно протекционистскую политику в отношении своих партнеров. В этих условиях программа стабилизации экспортных поступлений оказалась малоэффективной.

Страны АСЕАН привлекает перспектива создания независимой национальной промышленности. Поэтому развитие промышленной кооперации они рассматривают как одно из жизненно важных направлений сотрудничества, основу для ускорения развития национальной промышленности. Развитые капиталистические страны предлагают АСЕАН облегченный путь к достижению цели: наладить производство отдельных деталей, узлов или моделей продукции западного образца. В этом заключалась идея создания асеановского автомобиля, когда несколько разрозненных предприятий были призваны создать иллюзию существования целой отрасли промышленности в АСЕАН. На первый взгляд это предложение представляется выгодным, экономятся время и ресурсы. Однако в дальнейшем эти выгоды полностью перечеркиваются технической и финансовой зависимостью разрозненных предприятий от иностранного капитала. Как правило, эти предприятия не выпускают всех деталей, необходимых для сборки готовой продукции. Значительная их часть продолжает импортироваться. Модернизация выпускаемой продукции также во многом зависит от поставок технологии фирмой, модель которой была принята за базовую. Кроме того, эта фирма получает дополнительные возможности развития и совершенствования системы обслуживания продукции своей модели.

Значительная доля в торговле, крупные инвестиции и займы Японии и США заставляют страны АСЕАН прислушиваться к рекомендациям и пожеланиям своих главных партнеров не только в области экономики, но и в области политики. Используя настроения определенных кругов в Таиланде и Сингапуре, США удалось

втянуть АСЕАН в конфликт со странами Индокитая, что явно шло вразрез с принципами, провозглашенными в Бангкокской и Куала-Лумпурской декларациях.

Во взаимоотношениях АСЕАН с ведущими империалистическими державами (особенно четко это проявляется в отношениях с США) прослеживается тесная взаимосвязь экономического и военно-политических аспектов. Могущественные партнеры членов ассоциации ставят стабилизацию существующего в странах субрегиона способа производства в прямую зависимость от расширения своей экономической и военной экспансии. Все три центра империалистического соперничества проявляют единодушие в стремлении привязать государства ассоциации к своим рынкам, подчинить их экономикку своему контролю и таким образом сохранить их в сфере своего влияния, оставив в мировой капиталистической системе хозяйства. Однако в последнее время в позиции стран — членов ассоциации наметились позитивные сдвиги в подходе к целому ряду проблем, в том числе и по «кампучийскому вопросу».

Что касается стран Индокитая, то их позиция по-прежнему ясна. Они выступают за развернутый диалог между индокитайскими государствами и странами — членами АСЕАН для решения существующих между ними проблем с целью превращения Юго-Восточной Азии в зону мира, стабильности, дружбы и сотрудничества.

¹ "Business America", 1982, vol. 5, N 5, p. 3.

² "South", June 1987, p. 101.

³ "Contemporary Southeast Asia", March 1981, vol. 2, N 4, p. 308—310.

⁴ "Far Eastern Economic Review", 1985, October 24, p. 71.

⁵ Подсчитано по: IMF Direction of Trade Statistics Yearbook. Washington, 1986.

⁶ Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 1985, ST (ESCAP) 405. Bangkok, 1986, p. 8.

⁷ "Far Eastern Economic Review", 1987, May 14, p. 12.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, с. 66.

⁹ См.: «Правда», 12.V.1983; «Известия», 14.XI.1984; 11.VIII.1985.

¹⁰ "Far Eastern Economic Review", 1987, June 4, p. 56—57.

Из истории русско-японских литературных связей

*Л. Л. ГРОМКОВСКАЯ,
кандидат филологических наук*

С тех пор, как в середине 80-х гг. прошлого века Япония впервые познакомилась с русской литературой, и до настоящего времени, то есть за столетие, на японский язык переведено все, что принято у нас называть классикой. Переведено многократно — разными переводчиками, в разное время. Более того, мы не найдем за этот период ни одного сколько-нибудь крупного японского писателя, который так или иначе не был бы связан с русской литературой, не испытал на себе ее воздействия в той или иной форме.

Русско-японские литературные связи — тема, вызвавшая к себе большой интерес исследователей; она в значительной мере разработана, но далеко не исчерпана.

Памятуя наказ Н. И. Конрада, полагавшего, что проблема литературных связей должна рассматриваться «строго исторически, во всей своей исторической конкретности»¹, необходимо попытаться осмыслить любой частный факт в контексте соответствующего этапа взаимодействия литератур.

К числу фактов, не отмеченных в работах ученых, как русских, так и японцев, относится история перевода на японский язык рассказа И. С. Тургенева «Бирюк».

Существует по меньшей мере пять переводов «Бирюка»², принадлежащих разным переводчикам. Мы остановимся на двух — первом по времени появления (он выполнен с языка-посредника) и на первом переводе с языка оригинала.

Впервые рассказ «Бирюк» был переведен с английского известным японским писателем Токутоми Рока (1867—1926) и опубликован в 1898 г. Первый перевод с русского появился в 1903 г., автором его был Саганоя Сюдзин (Омуро), писатель и переводчик.

И в том и в другом случае перевод рассказа был выполнен вне цикла «Записки охотника»

При всей ценности более поздних по времени переводов обстоятельства их появления не дают столько пищи для размышлений, сколько то, что связано с первой публикацией.

Нелишне вспомнить некоторые сведения о «жизни» рассказа у себя на родине³.

Среди рассказов И. С. Тургенева, появившихся в 1848 г. в февральском номере «Современника» («Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ее племянник», «Смерть» и «Бирюк»), В. Г. Белинский выделял два последних, говоря, что ему больше других понравились «Бирюк» и «Смерть». Современники говорили о «русском духе», «русской жизни», воспроизводимой рассказом. Для самого И. С. Тургенева рассказ имел какой-то сокровенный смысл — он любил выступать с чтением этого произведения, при этом, по свидетельству очевидцев, интерпретация «Бирюка» приобретала характер своеобразного авторского комментария.

Современное литературоведение также высоко оценивает рассказ, как произведение, в котором каждый художественный элемент работает на раскрытие главной темы цикла. Но несмотря на то, что «Бирюк», безусловно, занимает свое особое место в «Записках охотника», его все же не причисляют к неоспоримым тургеневским шедеврам, таким, как «Певцы», «Божин луг» или «Свидание».

Что же могло привлечь в рассказе переводчика-японца? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, следует учитывать и общественную ситуацию, исторический момент, переживаемый Японией, и глубинные основы духовной жизни народа, которые и

предопределяют симпатии или антипатии к воспринимаемому извне явлению иной культуры, и, безусловно, личность переводчика. Каждый человек в известной мере «продукт эпохи», но о Токутоми Рока можно сказать без всяких натяжек, что он был сыном своего времени. Мы бы даже рискнули утверждать, что в данном случае имеет место феномен оптимального выражения эпохи через личность⁴.

В распоряжении Токутоми было шеститомное Собрание сочинений И. С. Тургенева на английском языке — подарок старшего брата, известного историка и общественного деятеля Токутоми Сохо, который привез целую библиотеку европейских авторов из кругосветного путешествия. Имея возможность выбирать, Рока остановился на «Бирюке», что, видимо, означает неслучайность выбора⁵. В чем же причины такого предпочтения?

Задержимся немного на связях Токутоми Рока с русской литературой. Общеизвестны его работы о Толстом, «представившие» Японии великого писателя, а Токутоми принесшие славу знатока творчества Толстого. В 1895 г. Токутоми Рока перевел (с английского) повесть Гоголя «Тарас Бульба» (она вышла под названием «Старый воин»), затем — повесть Степняка-Кравчинского «Жизнь нигилиста». К малоизвестным фактам относится то, что в 1902 г. Токутоми Рока опубликовал статью о Марии Башкирцевой (1860—1884). Это имя ныне почти забыто, но в свое время литературное творчество Башкирцевой — дневники, изданные посмертно, — нашло широчайший отклик в читательских кругах Европы и России. Дневники Марии Башкирцевой были переведены и в Японии, но это случилось позднее — во второй половине 20-х гг., тогда как благодаря Токутоми ее имя стало популярным уже в начале века. Очевидно, что интерес к русской литературе у Токутоми Рока был стабильным, и обращение к творчеству Тургенева выглядит скорее закономерным, чем неожиданным.

Писательский дебют Токутоми Рока состоялся через два года после перевода «Бирюка», когда увидел свет роман «Лучшее не жить» («Фудзэки»), принесший ему шумную славу. По этому роману мы можем судить о проблемах, которые в то время волновали автора. Главной темой романа, произведения многопланового, в значительной степени «энциклопедии японской жизни», была тема женского бесправия. Однако ретроспективный взгляд на творчество Токутоми в целом убеждает, что «женская тема» была лишь одним из аспектов проблемы, которая воплощала в себе нравственное кредо писателя и одновременно была лейтмотивом общественной жизни эпохи, — бунт против привычных, веками выношенных в лоне конфуцианства представлений о долге как доминанте социальной ориентации. Центральная тема творчества Токутоми совпадала с самой актуальной проблемой времени.

При всем разнообразии возможностей трактовки «Бирюка» существует очевидная допустимость прочтения рассказа как повествования о конфликте долга с живым проявлением человеческой природы⁶. Допустимость оборачивается неизбежностью именно такого ракурса восприятия, когда речь идет о Токутоми — писателе, сосредоточившемся на проблеме конфликта личности с феодальной моралью.

Вряд ли в деталях рассказ напоминал что-либо из крестьянского быта Японии (хотя нельзя полностью исключить подобную вероятность), но невозможно отрицать принципиальное тождество ситуации, изображенной в рассказе, с тем, что существовало в японской повседневности. Развязка в «Бирюке» не совпадала с предписанными японской этикой взаимоотношениями вышестоящего с нижестоящим, но разрешение конфликта путем снятия противоречий происходило в соответствии с традициями японской поэтики.

Таким образом, главную тему тургеневского рассказа японец мог воспринимать и, скорее всего, воспринимал как столкновение долга с чувством, что было наиболее острой проблемой тогдашнего японского общества, а близость тургеневской поэтики японской эстетической норме смягчала непривычность ситуаций и реалий.

Нужно ли во что бы то ни стало подтверждать такого рода предположение свидетельствами документального характера — дневниковыми записями, воспоминаниями современников и т. п.? Думается, это не обязательно. Прежде всего, мотивы выбора, очевидные при взгляде со стороны, могли не осознаваться самим писателем, а косвенные «улики» в таких случаях не менее доказательны, чем прямые свидетельства. К числу подобных косвенных данных относится, например, обращение Токутоми Рока к пе-

реводу «Тараса Бульбы», где столкновение долга со свободной волей личности составляет конфликт, заложенный в основу развития сюжета.

Первый перевод рассказа «Бирюк» с русского языка был выполнен пятью годами позже — в 1903 г. Его автор — Саганоя Сюдзин (Омура). Знакомство с этим переводом оставляет впечатление, что Саганоя не был известен перевод Токутоми Это кажется странным, поскольку с 1890 по 1899 г. Саганоя был штатным сотрудником издательства, выпускавшего журнал «Кокумин-но томо», где впервые появился перевод «Бирюка».

Саганоя — фигура почти неизвестная у нас. Между тем личность и судьба его — заметная страница в истории японской литературы и японской русистики. Современник Токутоми, Саганоя прожил жизнь, разительно непохожую на то, что выпало на долю Токутоми Рока, неизменно находившегося в центре крупнейших общественных событий своего времени. Путь Саганоя напоминает об ушедших временах, историческом периоде, который предшествовал мэйдзийским новациям. Тринадцатилетним подростком Саганоя был принят на положение пансионера (он рано лишился родителей) в Токийскую школу иностранных языков на русское отделение, где проучился семь лет. В школе судьба свела его с Фтабатзэем Симэй, которому принадлежит заслуга открытия русской литературы для японского читателя. Фтабатзэй, ученик знаменитого Цубоути Сёе, основоположника и глашатая современной японской литературы, привел к мэтру восемнадцатилетнего Саганоя. Саганоя но Омура — литературное имя, пожалованное ученику самим Цубоути. В соответствии с обычаем, восходящим к средневековью, новый ученик поселился в доме мэтра в качестве «гэнканбан» — привратника, а через два года выпустил в свет два романа. Оба они — «Душа скупого» («Сюсэndo-но хара») и «Свирель» («Хитоёгири») — вышли в 1888 г. и несут на себе печать эдосской беллетристики. Саганоя писал стихи, и, хотя он избрал для выражения своих чувств современную форму — свободный стих, гэндайси,— все же его поэтические опыты обнаруживали тенденцию к морализированию, что со временем превратилось в открытую дидактику, свойственную домэйдзийской эпохе. Не наделенный, по-видимому, большим литературным даром, Саганоя полагал, что ученичество — верный путь к овладению профессией писателя. Вряд ли такой взгляд был свойствен только ему — считалось, что обучение литературному делу не отличается принципиально от обучения любому другому ремеслу. В передаче профессиональных навыков от учителя к ученику сохранялись традиционные приемы феодального цеха. Знатоки японской литературы Р. Н. Ким писал: «Литературные юноши эпохи Мэйдзи, имея за пазухой рукопись, стучались в ворота крупных мастеров, становились их учениками, носили им воду, кололи дрова и, поселившись в комнатухе рядом с передней, проходили учебу. Они давали учителю свои рукописи, чтобы он исправил их кистью, смоченной красной тушью, и затем становились литераторами... Посредством этой патриархальной, сохранившей этикет феодальной эпохи семейной связи между учителем и учеником выдвигались в литературу молодые писатели»⁷.

Тем не менее со временем мастерство Саганоя настолько окрепло, что в период расцвета его упоминали в одном ряду с такими крупными писателями, как Одзаки Коё и Ямада Бимё. К лучшим произведениям Саганоя относят романы «Хризантемы на краю поля» («Иодзуэно кiku») и «Первая любовь» («Хацукои»). Саганоя бывал в России как переводчик по коммерческим делам, читал и переводил Тургенева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Роман «Первая любовь», по свидетельству японской критики, написан под большим влиянием русской литературы, в частности И. С. Тургенева.

Саганоя дожил до преклонных 85 лет, однако литературная карьера его завершилась рано. Когда ему не было еще и пятидесяти, он совершенно отошел от занятий литературой.

Перевод Токутоми по точности соответствия духу и букве оригинала заслуживает высокой оценки, не выглядит он архаичным и в сравнении с более поздними опытами. Однако это скорее заслуга английской переводчицы Констанс Гарнет⁸. Что же касается Саганоя, то он, судя по всему, имел дело только с оригиналом, что, разумеется, для нас гораздо более ценно, поскольку дает возможность судить о психологии восприятия русского текста на раннем этапе межлитературных контактов. Перевод Саганоя удачен, немногочисленные огрехи касаются в основном явлений русской природы и реалий крестьянского быта. Некоторые неточности продиктованы нормами воспринимающего языка.

Анализ всех уровней перевода не входит в нашу задачу, мы лишь приведем примеры нескольких, сложных для представителей иной культуры лексем.

Ради большей объемности картины привлечем к рассмотрению еще один образец — перевод, выполненный в 50-е гг. в составе цикла «Записки охотника» Энэкава Масао, которого Н. И. Конрад называл компетентным знатоком русского языка и литературы и одним из самых квалифицированных переводчиков⁹. Перевод Энэкава до сих пор считается непревзойденным.

Прежде всего трудности вызвало слово «бирюк». Все переводчики предпочли не употреблять его в качестве названия. У Токутоми и Саганоя рассказ назван «Лесной объездчик», соответственно «Ярмамори» и «Ямабан». У Энэкава рассказ называется «Волк» («Оками»). В тексте же, когда речь идет о произвеще лесника Фомы, переводчики комментируют его с разной степенью точности, учитывая и авторское примечание. Напомним его: «Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый». Токутоми передает прозвище с помощью слова «волк», сопровождая его транслитерацией «бирюку» и примечанием автора, данным в скобках. Саганоя также передает слово фонетически — катаканой — и также дает в скобках примечание, опустив упоминание Орловской губернии. Энэкава в этом случае повторяет Токутоми.

Русская мера верста не вызвала особых трудностей. Саганоя и Энэкава выразились лишь более категорично, чем И. С. Тургенев. Если в оригинале — «верст восемь», то у японцев приблизительность исчезает — «восемь верст». У Токутоми здесь особенно ясно видны следы перевода с английского, поскольку он передает расстояние с помощью слова «миля» — «шесть миль», что, строго говоря, не вполне точно, поскольку шесть миль составляют 9,6 км, тогда как восемь верст — 8,56 км. Однако, принимая во внимание приблизительность, выраженную Тургеневым с помощью инверсии, можно считать, что расстояние передано без большой погрешности, хотя, конечно, замена русской меры на английскую должна расцениваться как потеря.

Ни один из переводчиков не воспринял антропоморфизма фразы «Ракиты тревожно шевелились и лепетали». Токутоми и Энэкава обошлись словом «шелестели», Саганоя же, видимо введенный в заблуждение глаголом «лепетали» и восприняв ракиты как существа одушевленные, дал свой вариант: «маленькие птички, называемые „ракиты“».

Каждый из переводчиков, поняв значение слова «тулуп» правильно, попытался как можно доступнее пояснить характер этой одежды, отсутствующей в японском обиходе: Токутоми — «овечья шкура», у Саганоя — «меховая одежда», у Энэкава — «меховое пальто» с добавлением фонетического чтения — фуриганы — «тоурупупу». В то же время «замашная рубашка» была понята неверно, никто из переводчиков не осознал той особенности, что рубашка сделана из «замашки», поскони. Все они, не обратив внимания на материал, передали в лучшем случае только способ изготовления. У Токутоми — «домотканая рубашка», у Саганоя уже утрачено и это определение и сказано только «нижнее белье». Наиболее развернуто дает Энэкава — «домотканая нижняя рубаха». Эту потерю, видимо, следует отнести за счет непонимания, поскольку в японском языке есть слова для обозначения такого материала, как посконь, посконица, — это «софу» или «арануно» — грубая ткань, холст, суровое полотно.

Когда дело доходит до фразеологических выражений, мы наблюдаем большее разнообразие способов передачи их по-японски. Так, выражение «вор на воре» передано Токутоми с сохранением смысла, но утратой фразеологичности: «все воры» — «минна нусутто да и», с употреблением просторечного «несутто» вместо литературного «доробо». Саганоя дает кальку — «несутто-но узэ-ни нусутто да», что, по-видимому, сообщает выражению русский колорит, вполне понятный и не требующий пояснений. Энэкава переводит несколько иначе — «тот ли, этот ли — все воры» («дойцу-мо койцу-мо доробо да»).

На протяжении десятилетий, отделяющих ранние переводы от перевода Энэкава, значительно трансформировалось восприятие слова «азиат». Токутоми и Саганоя передают буквально — «житель Азии», тогда как Энэкава демонстрирует блестящее понимание нюансов словоупотребления. Он использует слово «язычник, варвар» («гэдо»), изначально служившее в японском языке для передачи понятия «ересь, инакомыслие» с точки зрения буддизма. В качестве суффикса имени деятеля Энэкава добавляет «яцу», означающее «парень, раб, слуга», то есть существо презираемое, тем самым при-

давая всему слову именно ту окрашенность, которая свойственна тургеневскому «азиатству».

В целом переводы «Бирюка» свидетельствуют о высокой квалификации переводчиков. Отсутствуют пропуски, явные искажения, стилистические ошибки. Сохранена и атмосфера оригинала, благодаря чему японский читатель имел возможность приобщиться к русской литературе в облике, близком к подлинному.

В заключение — несколько слов об актуальности проблемы. Обилие работ, появляющихся как у нас, так и в Японии, в которых получают освещение все новые факты русско-японских литературных связей, — безусловное свидетельство в пользу научной значимости этой темы. При этом, однако, в Японии существует тенденция замалчивания традиционных культурных контактов между нашими странами. Возникшая еще в 30-е гг. эта тенденция особенно дает о себе знать в последнее время и порой обретает форму ревизии положительного гуманистического идеала, с которым изначально связывалось представление о русской культуре. Разумеется, это уже из области политики. Аргументируя наше наблюдение, приведем лишь один пример, хотя можно было бы, к сожалению, привести их очень много. В 1970 г. в рамках культурной программы ЮНЕСКО в английском переводе вышел роман Токутоми Рока «Летопись воспоминаний» («Омоидэ-но ки»). В библиографии переводов Токутоми на европейские языки, приложенной к изданию, полностью отсутствуют указания на русские переводы, хотя именно на русском языке Токутоми представлен наиболее полно — все основные его произведения известны нашему читателю. Такого рода упущение могло бы восприниматься как случайность, если бы не многочисленные факты, тенденциозность которых не подлежит сомнению. Противостоять распространению этой тенденции возможно, видимо, только путем кропотливой работы по восстановлению истины.

Мы надеемся, что наши изыскания окажутся посильным вкладом в эту работу.

¹Н. И. Конрад. Избранные труды. Литература и театр. М., 1978, с. 59.

²По данным Библиотеки парламента, крупнейшего из книгохранилищ Японии.

³Эти сведения почерпнуты из примечаний В. А. Громова к Собранию сочинений И. С. Тургенева в двенадцати томах. Т. I. М., 1975, с. 381.

⁴О Токутоми Рока см.: Л. Л. Громковская. Токутоми Рока: Отшельник из Касуя. М., 1983.

⁵Следует отметить, правда, что к этому времени некоторые рассказы, например «Свиданье», уже были переведены в Японии.

⁶Напомним вкратце содержание рассказа. Возвращаясь вечером с охоты, рассказчик попадает в избу лесника, где ему приходится пережить непогоду. Лесник по прозвищу Бирюк, суровый и нелюдимый человек, живет одиноко и неуютно, жена сбежала от него, бросив двух малолетних детей. Неожиданно среди лесных звуков лесник распознает удары топора. На помку порубщика вместе с лесником отправляется рассказчик. Порубщик, крестьянин-бедняк, доведенный до крайней нужды, решился на незаконную рубку в господском лесу. Бирюк, известный своей неподкупностью и верной службой борину, не внемлет мольбам крестьянина. Преисполнившись сочувствия к бедняку, рассказчик готов вмешаться, чтобы выручить крестьянина, но тут, совершенно неожиданно, не проявив внешне никакой жалости, Бирюк отпускает его.

⁷Р. Ким. Три дома напротив соседних два. М., 1934.

⁸Гарнет Констанс (1862 — 1946) — переводчица русской литературы, была близка с русской революционной эмиграцией в Лондоне. Встречалась в России со Львом Толстым. Перевела собрания сочинений И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и т. д. — всего около 70 томов.

⁹Енэкава Масао (1891 — 1965) — выпускник Токийской школы иностранных языков. Ему принадлежит основная заслуга в ознакомлении Японии с русской литературой. Его интересы были необычайно широки — от Киевской Руси до советского времени. Енэкава, в частности, перевел всего Л. Толстого и всего Достоевского.

Востоковедение в Иркутском Университете в 20-е годы

Открытый 27 октября 1918 г. Иркутский государственный университет стал первым высшим учебным заведением Восточной Сибири и одним из немногих центров Советской России, начавших готовить специалистов-востоковедов. С первых дней существования в университете была открыта кафедра сравнительного языковедения и санскрита, которую возглавил профессор Н. Д. Миронов. На историко-филологическом факультете читались курсы истории первобытной культуры народов Востока (доцент Б. Э. Петри), истории Древнего Востока, курс египтологии (И. Г. Франк-Каменицкий)¹.

10 декабря 1918 г. совет университета по представлению историко-филологического факультета постановил учредить с 1 января 1919 г. три лектуры восточных языков — японского, китайского и монголо-бурятского — «как подготовительную ступень к развитию восточного отделения»².

После Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране шли поиски новых форм организации востоковедной науки, подготовки марксистски образованных кадров специалистов-востоковедов. Из этого исходила и специальная комиссия Иркутского университета, разработавшая обоснование и подробный план организации восточного отделения. В состав комиссии входили профессор В. И. Огородников, Н. Д. Миронов, М. М. Рубинштейн, В. П. Доманжо, доцент Б. Э. Петри, ассистент Ц. Жамцарано.

Само географическое расположение Иркутска предопределило открытие здесь восточного отделения. Существование в городе еще в XVIII в. курсов по изучению восточных языков является историческим фактом, что подтверждает правильность решения создать в Иркутске центр по изучению Дальнего Востока. Еще в 1756 г. по инициативе штурмана морского флота М. Татаринова при Иркутской навигацкой школе была открыта школа переводчиков с японского языка, просуществовавшая 57 лет. Преподавали в ней японцы, в разные времена волею судеб попадавшие в Иркутск. С 1805 г. отдельные восточные дисциплины и восточные языки преподавались в средних учебных заведениях Иркутска, в первой в России школе монгольского языка. Монгольский язык изучался в Иркутской духовной семинарии, в Иркутском народном училище. Не случайно основоположник русского монголоведения О. М. Ковалевский (1800—1878) приезжал в Иркутск для совершенствования знаний монгольского языка. Одним из обязательных предметов в Иркутской гимназии был японский язык.

Перед создателями восточного отделения в Иркутском университете стоял вопрос: как выработать такой план преподавания, при котором, «дав основательные знания восточных предметов, в то же время избежать известной узости и односторонности, к сожалению обычных для лиц, получивших высшее восточное образование»³. В целях подготовки высококвалифицированных специалистов в план преподавания на восточном отделении были включены как предметы, обязательные для историко-филологического факультета (история и география Сибири, английский и латинский языки и т. д.), так и специальные предметы — история стран Востока, восточные языки, география и право стран Востока и т. д. В программе отделения было записано: «Объем изучения восточных предметов определяется сообразно научному долгу и культуре, задачам университета, в настоящем составе призванно исследовать Восточную Сибирь, Дальний Восток и сопредельные с ним страны с точки зрения обществоведения и филологии. При этом восточное отделение со

временем поставит на очередь изучение как палеазиатов (чукчей, юкагитов, гиляков и пр.), так и Кореи»⁴.

Учреждались шесть разрядов с шестью кафедрами восточного отделения: китаеведения, японоведения, маньчжуроведения, монголоведения, тюрковедения, индианистики и тибетоведения. Предполагалось изучение соответствующих языков с диалектологией, истории словесности, географии и этнографии, истории, экономической географии, истории религии, обычного права Монголии, Китая, Японии, Турции, Тибета и Индии. Вследствие географической близости Иркутска к Китаю и Монголии на первый план было выдвинуто развитие китайского и монгольского разрядов. В 1919 г. восточное отделение входило в состав историко-филологического факультета. В апреле 1920 г. отделение вместе с юридическим и историко-филологическим вошло в гуманитарный факультет. В 1919/20 учебном году на отделении были прочитаны курсы: «Введение в языковедение», «Введение в историю индийской культуры» (профессор Н. Д. Миронов), «Монголо-бурятский язык» (Ц. Жамцарано), «Японский язык» (Н. П. Мацокин), «Китайский язык» (Б. К. Пашков). Преподавали также немецкий, французский и английский языки.

В одном из отчетов отделения отмечалось: «Будучи единственным университетом, соприкасающимся со странами Дальнего Востока, Иргосун, развернув восточное отделение, ставит своей задачей ближе подойти к пониманию и изучению как местных инородцев, так и наших загадочных дальневосточных соседей, что имеет важное государственное-политическое значение»⁵.

Летом 1920 г. Народный комиссариат просвещения «признал желательным» открытие при гуманитарном факультете также курсов восточных языков, которые давали бы необходимые практические знания японского, китайского и монгольского языков. В сентябре 1920 г. они получили «все права факультета»⁶. Курсам предоставлялось право организовывать экскурсии и командировки для усовершенствования в языках и ознакомления с бытом народов Востока, право издания учебных пособий, периодических изданий и т. п. Председателем курсов был избран Б. Э. Петри. В 1920 г. было зачислено 117 человек на японское отделение курсов и 37 — на китайское. Ввиду отсутствия преподавателей откладывался прием на монгольское и корейское отделения курсов⁸. Слушателем японского отделения курсов в 1920 г. был зачислен чешский писатель и революционер Ярослав Гашек. 29 августа 1922 г. состоялся первый выпуск. Двухлетний цикл обучения успешно закончили 30 слушателей, из них 11 — китайское отделение, 12 — японское, 7 — оба отделения⁹. Преподавание на курсах велось силами восточного отделения.

В 20-е гг. в Иркутске в результате революционных событий и гражданской войны оказались многие востоковеды, которые и стали первыми преподавателями восточного отделения и курсов восточных языков. Среди них были выпускник маньчжуро-китайского и японо-калмыцко-монгольского отделений Восточного института во Владивостоке, будущий известный советский востоковед, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РСФСР Б. К. Пашков. В 1923 г. он стал профессором Иркутского университета. Секретарем курсов восточных языков был выпускник восточного факультета Петербургского университета по арабско-турецко-персидско-татарскому разряду И. И. Авчинников.

В 1921 г. гуманитарный факультет преобразуется в факультет общественных наук (ФОН). Было реорганизовано и восточное отделение, оно стало называться Восточным отделением внешних сношений (ВОВС) и имело четыре разряда (японский, китайский, монгольский и общий — американо-азиатский). Общий разряд должен был в соответствии с учебной программой «выпускать работников с более широким политическим и экономическим горизонтами. Сфера их внимания не должна ограничиваться Дальним Востоком. Они могут быть использованы одинаково для работы в Соединенных Штатах С. А. и др. тихоокеанских странах, они могут быть деятелями в области внешних экономических сношений Сибири с другими странами, в том числе европейскими, из которых Сибирь ввозила к себе до войны морским путем и вывозила в них свои продукты»¹⁰. В связи с реорганизацией претерпела изменения и учебная программа, были введены новые предметы (практика дипломатической и консульской службы, современное право стран Дальнего Востока, организация иностранных торгово-промышленных предприятий в странах Дальнего Востока и др.).

В эти годы на ВОВС японский язык вели А. И. Редников, И. В. Иванов, Е. С. Нельгин. Лекции по китайскому языку и литературе читал К. Г. Каттерфельд, для практических занятий были привлечены проживавшие в Иркутске китайцы Ли Сунцзы, Люй Цунтун, Юй Аньхай, Ван Канши и др. Практические занятия по японскому языку вели корейцы, учившиеся в Японии или долгое время жившие там, — Ли Пен Тай, Дон Им и др. Лекции по истории международных отношений, географии и этнографии, праву стран Дальнего Востока читали С. Н. Лаптев, П. С. Резников, А. И. Глясттерн, А. А. Половинкин, М. Н. Пинегин. Монгольский язык преподавали выпускник восточного факультета Петербургского университета Ц. Жамцарано, защитивший в 30-х гг. докторскую диссертацию по монгольским летописям, В. Н. Флоренсов, с 1923 г. — выпускник Восточного института во Владивостоке, бывший драгоман русского консульства в Монголии С. П. Кузнецов. Председателем ВОВС был профессор К. В. Кудряшов, читавший лекции по истории Монголии.

Подготовка студентов-востоковедов, как и работа всего университета, проходила в сложных условиях. В Восточной Сибири только что закончилась гражданская война. Продолжали действовать остаточные банды белогвардейцев и интервентов. Некоторое время преподаватели ВОВС даже получали повышенные на 10 % оклады ввиду нахождения Иркутска в прифронтовой полосе¹¹. Гражданская война подорвала народное хозяйство края. Студенты и преподаватели испытывали острую нужду в продовольствии, топливе, одежде. Нередко бывало, что студенты вместо аудиторий отправлялись на заготовку дров или угля. Ощущалась нехватка учебных пособий, бумаги, литературы, особенно на японском и китайском языках, совершенно необходимой для подготовки высококвалифицированных востоковедов. Часть литературы для кабинетов японского и китайского языков и словесности была собрана преподавателями — 300 книг предоставил Б. К. Пашков, от монгольского правительства было получено около 100 книг, брошюр и учебников для кабинета монгольского языка и словесности¹². В университет поступали ценные книжные фонды из местных библиотек и новая литература через иркутское отделение Центропечати.

В 1922 г. 9 кабинетов отделения имели 1486 книг, из них свыше 300 — на восточных языках. Библиотекой пользовались члены штаба 5-й армии, взамен чего высылали журналы с последними сведениями по Востоку¹³. С литературой по Монголии работали и руководящие работники Дальневосточного секретариата Коминтерна, находившегося в 20-е гг. в Иркутске и оказывавшего практическую помощь монгольским революционерам. Недостаток учебной литературы восполнялся пособиями, разработанными преподавателями университета. Б. К. Пашков выпустил «Пособие при изучении китайского языка» (ч. 1. Иркутск, 1922), сборник «Ляо чжай чжи и», «Пособие при изучении китайского языка "Си ху чжу"» (Иркутск, 1922). Лектор Е. С. Нельгин подготовил «Пособие к изучению японского разговорного языка» (ч. 1—2. Иркутск, 1923) и «Граматику книжного японского языка» (Иркутск, 1923). Студенты-японисты занимались по хрестоматии практических разговоров Е. Г. Спальвина «Братская любовь», учебнику разговорного языка «Дзицуэ кайва», переводили короткие рассказы из «Хитокутибанаси», тексты из хрестоматии «Аматерасу-и миками», из книг «Дзимму тэнно», «Ямато такэру-но микото», японской периодической печати. На практических занятиях читались и разбирались тексты «камбун» (китайские тексты, изданные для японцев в стиле «хакубун», неразмеченные классические китайские тексты для чтения по-японски) и «кунтен» (с пояснительными знаками, указывающими, в каком порядке читаются слова «камбуна»). Проводился общий разбор с переложением на текст «канамадзирибун» (т. е. на современный японский язык).

Преподаватели ВОВС активно занимались и научной работой, тем более что после Октябрьской революции значительно расширились рамки востоковедения, ограниченные прежде изучением Древнего мира и средних веков. Связано это было с самим фактом возникновения Советского государства, его политикой мира, равноправия и дружественных отношений с народами Востока, поддержки национально-освободительной борьбы трудящихся стран Азии. В новых условиях от востоковедов требовалось знание современного Востока, его политики, экономики, культуры, истории развития национально-освободительной борьбы.

Уже в первых сборниках трудов университета¹⁴ появились статьи по проблемам стран Дальнего Востока М. М. Константинова («Рабочее право по действующему своду законов Японии») и И. И. Авчинникова («Возникновение автономной Внешней

Монголии»), А. И. Резникова («Туземный и иностранный источники по истории Японии»), Б. К. Пашкова («Японская народная литература. Сказочный эпос»), Ц. Жамцарано и А. Турунова («Халха-Джиром. Описание памятника»), Б. Э. Петри («Далекое прошлое бурятского края» и «Орнаменты кудинских бурят»). Успешно совмещал научно-теоретические интересы востоковедения с практическими Б. К. Пашков. Уже в 1921 г. в сборнике трудов университета вышла его статья «Ляо чжай чжи и. Опыт критико-библиографического обозрения». Сборники из-за нехватки бумаги издавались крайне ограниченными тиражами и к настоящему времени стали библиографической редкостью. В 1921 г. в Иркутске выходил журнал «Народы Дальнего Востока», в котором иркутские востоковеды публиковали результаты своих исследований.

Навыки научной работы прививались и студентам. С этой целью в феврале 1921 г. был создан студенческий кружок ориенталистов. Кружок ставил своей задачей «всестороннее изучение Дальнего Востока, составление обзоров, сводок и схем по культурно-историческим, политическим и экономическим вопросам стран Дальнего Востока»¹⁵. На его заседаниях заслушивались и обсуждались студенческие рефераты по различным вопросам экономического, политического и культурного развития Китая, Японии и Монголии. В 1922 г. были прочитаны доклады «Империалистическое проникновение Японии на материк Азии», «Культура Китая на основе исследования письменности» и др. Кружок работал очень активно, его члены оказывали практическую помощь ряду организаций и учреждений Сибири и Дальнего Востока. Среди выпускников Восточного отделения внешних сношений Иркутского университета были известные советские востоковеды: доктор исторических наук В. М. Константинов — переводчик памятников японской историографии XVIII в. «Оросиякоку суймудан» и «Хокуса монряку», доктор филологических наук, лауреат Государственной премии СССР К. А. Попов — один из составителей Большого японско-русского словаря, научный сотрудник ЛО ИВАН О. П. Петрова — известный специалист по японской филологии, доктор исторических наук С. В. Шостакович — исследователь дипломатической деятельности А. С. Грибоедова, и др.

Развитие Восточного отделения в Иркутском университете имело большие перспективы, особенно в области изучения бурято-монголов. Об этом свидетельствует большое количество научных работ по монгольской тематике, выпущенных преподавателями ВОВС. В 1924 г. на отделении было уже 148 студентов. Встал вопрос об открытии якутского цикла. Однако весной 1924 г. ВОВС по решению Наркомпроса было закрыто. Несмотря на многочисленные ходатайства студентов и преподавателей о насущной необходимости такого научного и учебного подразделения как для Сибири, так и для всей страны, к 1 января 1925 г. ликвидация отделения была закончена. В докладной записке президиума отделения в правление ИГУ говорилось: «Если подаваемое ходатайство не увенчается успехом, то дальнейшее изучение востоковедения в Иркутске надо считать законченным, и, по-видимому, надолго»¹⁶. Закрытие ВОВС нанесло тяжелый удар развитию востоковедения в Иркутске, но было бы ошибочно думать, что работа по изучению стран Дальнего Востока и народов Сибири замерла. В 1926 г. открылось Бурят-монгольское отделение. В 1930 г. оно было переведено в Верхнеудинск (Улан-Удэ) и стало основой для создания Бурятского педагогического института. Востоковедческие исследования продолжались в Восточно-Сибирском отделении географического общества, где работали Бурят-монгольская и Якутская секции. В Иркутске был создан отдел Ассоциации востоковедения, готовивший доклады по вопросам хозяйства, права и политики стран Дальнего Востока. Эти организации и продолжили работу ВОВС.

С. И. КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук

¹ См.: Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова (Краткий исторический очерк). Иркутск, 1978, с. 11.

- ² Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 71, оп. 1, д. 15, л. 25.
- ³ Там же, д. 13, л. 1.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Иркутский государственный университет. Сборник ко дню трехлетия университета. Иркутск, 1921, с. 5.
- ⁶ См.: ГАИО, ф. 71, оп. 1, д. 112, л. 21.
- ⁷ См. там же, д. 101, л. 1, 3.
- ⁸ См. там же, д. 112, л. 21.
- ⁹ См: Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова в материалах периодической печати и документах. 1918—1978. Иркутск, 1983, с. 28.
- ¹⁰ Иркутский государственный университет. Сборник ко дню трехлетия университета, с. 21.
- ¹¹ См.: ГАИО, ф. 71, оп. 1, д. 112, л. 16.
- ¹² См. там же, д. 194, л. 14. < * * * >
- ¹³ См.: К четырехлетию Иргосуна. Иркутск, 1922, с. 10.
- ¹⁴ См.: Сборник трудов Иркутского государственного университета. Иркутск, 1921; Сборник трудов профессоров и преподавателей ФОНа Иркутского университета. Иркутск, 1923.
- ¹⁵ Маннс Г. Ю. Востоковедение в Иркутском университете. Иркутск, 1926, с. 5.
- ¹⁶ ГАИО, ф. 71, оп. 1, д. 218, л. 4.

В многочисленных и разноплановых проблемах, связанных с ценами и потреблением, наиболее явно и зримо просматривается взаимосвязь экономики и социальной сферы. Проблемы цен и потребления писала «Жэньминь жибао» (11.V.1987), интересуют и затрагивают каждого жителя страны. Большинство понимает, что реформа структуры и системы цен важна и необходима, но представляет собой чрезвычайно сложную задачу.

В отчетном докладе XIII съезду КПК Чжао Цзыян, касаясь реформы хозяйственной системы в Китае, отметил, что необходимо активно, но в то же время без отклонений в сторону вести реформу товарных цен. Реформа цен, сказал он, должна координироваться с политикой регулирования доходов. Нельзя допускать понижения реального жизненного уровня народных масс в процессе реформы, подчеркнул Чжао Цзыян, наоборот, нужно обеспечить его постепенное повышение по мере развития производства.

Как известно, в КНР многие годы возводилась в абсолют стабильность цен и выдавалась за преимущество социализма. Ныне эта позиция признана неправильной, важно обеспечивать относительную стабильность цен. Для этого, подчеркивает «Жэньминь жибао», требуется не только правильная политика заинтересованных руководящих ведомств, но и активные усилия со стороны предприятий, понимание и осознание широкими народными массами важности и необходимости реформы системы и структуры цен, которая тесно связана с проблемами потребления. Эту же мысль проводит в интервью корреспонденту «Жэньминь жибао» известный китайский экономист, директор Института экономики Госплана КНР Сюэ Муцяо. Он отметил, что за последние годы в КНР выполнено немало теоретических исследований по проблемам цен, но популярных разъяснений в печати было явно недостаточно. В связи с этим необходимо активизировать пропагандистскую работу, чтобы широкие народные массы имели достаточное представление о проводимой реформе структуры и системы цен. В документах ЦК КПК, сказал Сюэ Муцяо в интервью, подчеркивается важность реформ как системы цен, так и системы контроля и регулирования цен. В соответствии с этим в стране был проведен ряд важных мероприятий, эффективность которых очевидна. Однако среди населения повсеместно обсуждается проблема роста цен, и это стало болевой точкой в проведении реформы, заявил Сюэ Муцяо. Массы выражали чувство недовольства и протеста в связи со скачком цен на второстепенные продукты питания сразу же после снятия контроля над ними в 1985 г. (К второстепенным продуктам питания в Китае относят свинину, яйца, птицу, молочные продукты, в отличие от продуктов первостепенной значимости таких, как зерновые и бобовые. — Б. Б.) На вопрос корреспондента газеты, правильным ли был отказ от практики установления твердых, преysкуранных цен на некоторые виды продовольствия, Сюэ Муцяо заявил, что ответ может быть только однозначным, поскольку отмена привела к значительному увеличению снабжения второстепенными продуктами и питание народных масс зримо улучшилось.

Реформа цен в любой стране может вызвать волнения среди населения, и нужно идти на большой риск, отметил Сюэ Муцяо, принимая решение об этом. Но, по его мнению, в большинстве случаев риск оправдывает себя. Факты говорят о том, что в странах, где смело пошли на риск, снабжение населения стало разнообразнее и обильнее, а фактический уровень жизни народа явно повысился. И наоборот, «там, где застойное болото, там и на рынке чувствуется дыхание этого болота, ассортимент товаров узкий, изобилия нет и обеспечивается лишь снабжение по скудным нормам». В начале 60-х гг. цены на товары в Китае были стабильными, но снабжение второстепенными продуктами питания нормировалось. За последние два года, когда был снят контроль над ценами, снабжение второстепенными продуктами возросло в несколько раз. Это, по мнению Сюэ Муцяо, в конце концов предпочтительнее, ведет к повышению жизненного уровня населения, поскольку рост цен для большинства городских жителей частично компенсируется различными надбавками. (В частности, в 1979 г. на сумму повышения цен была увеличена заработная плата рабочих и служащих в размере 5 юаней на человека.)

В целом, заявил Сюэ Муцяо, за последние два года питание городских жителей в сравнении с 60-ми и 70-ми гг. явно улучшилось. Народ стал лучше одеваться. Реформа привела к зримому повышению жизненного уровня населения.

С другой стороны, рост цен в последние два года был тем не менее сравнительно большим, и поэтому объяснима тревога в народе по этому поводу. Сюэ Муцяо указал на две основные

причины резкого повышения цен. Во-первых, в предыдущие 20—30 лет подавлялась функция цен, они не являлись регулятором экономических интересов участников товарного хозяйства, продавцов и покупателей, производителей и потребителей. В результате производство снижалось и только за счет государственных дотаций обеспечивалось снабжение многими видами продукции. Это не отвечало объективным законам товарного хозяйства и не служило интересам народа. Сейчас же, с развитием новых видов хозяйственных взаимоотношений, проводятся мероприятия по корректировке структуры цен, которая долгое время искажалась. К такого рода мерам относится повышение цен на второстепенные продукты питания в позапрошлом году, повышение цен на молоко в Пекине и т. п. Нам стало ясно, подчеркнул Сюз Муцяо, что вместо дотаций от государства на производство тех или иных товаров эффективнее применять повышение заработной платы, осуществлять различные виды компенсационных надбавок к доходам трудящихся в связи с повышением цен. Такой курс ведет к улучшению снабжения рынка, к повышению, а не снижению уровня жизни населения.

Второй причиной, вызывающей повышение цен на товары, Сюз Муцяо назвал плохо налаженный макроконтроль, общий дисбаланс производства и потребления, вызванный слишком большими капиталовложениями в основные средства производства. В стране наблюдался чрезмерный рост фонда потребления, обгонявший рост производства предметов потребления. Спрос на товары превысил возможности снабжения, что привело к росту цен, подчеркнул Сюз Муцяо. В 1985 г., констатировал он, масштабы роста цен на товары были неоправданно большими. В четвертом квартале 1985 г. капиталовложения в основные средства производства были бесконтрольными и не сдерживались, рост зарплаты рабочих и служащих и различных премий также не ограничивался. Все это и стимулировало повышение цен.

В 1986 г. были сделаны первые шаги по налаживанию контроля за капиталовложениями в основные средства, был усилен также контроль над зарплатой и премиями, хотя их рост все еще продолжал превышать рост производства. Сейчас стало ясно, подчеркнул Сюз Муцяо, что наиболее эффективным средством стабилизации цен является контроль как за капиталовложениями в основные средства производства, так и за ростом фондов потребления. В связи с этим в текущем году и в ближайшей перспективе, по словам Сюза Муцяо, Госсовет КНР будет обращать особое внимание на обеспечение стабильного развития экономики в течение длительного периода и в этих целях принимать меры для предотвращения «перегрева» экономики, проводить курс «на увеличение производства и экономии» с тем, чтобы сбалансировать спрос в обществе с возможностями снабжения. При этом важно, подчеркнул Сюз Муцяо, чтобы уровень жизни народа не снижался в результате повышения цен. Сюз Муцяо указал, что следует откровенно, в соответствии с истинным положением дел разъяснять народу обстановку, чтобы убедить население в том, что урегулирование цен на товары необходимо для успешного осуществления реформы.

Проблема цен очень сложна и широким народным массам сразу не представляется ясной, отметил Сюз Муцяо. В такой обстановке хорошим методом пропаганды является обращение к практическому положению с товарами, в том числе на рынке. Необходимо конкретное сравнение — больше или меньше стало товаров, изменилось ли их качество, улучшается ли питание, одежда, предметы быта в рядовых семьях. Цель проводимой в Китае реформы структуры цен, подчеркнул Сюз Муцяо, — развить производство, улучшить жизнь народа. Если есть продвижение к этой цели, то реформа успешна и это необходимо показывать.

Другие публикации в «Жэньминь жибао» также свидетельствуют о том, что несмотря на рост цен, в стране растет потребление. В связи с этим возникает ряд проблем. Некоторые из них анализирует сотрудник Центра экономических исследований при Госплане КНР Ян Чжэньцзя в интервью газете «Жэньминь жибао» (25.VII.1987). Не вызывает сомнения, отметил, обращаясь к нему, корреспондент газеты, что уровень потребления должен содействовать успешному проведению реформы и рост потребления должен происходить в результате развития производства, повышения производительности труда и роста экономической эффективности, при стабильном росте доходов государства на базе правильного соотношения между потреблением и накоплением. Проблема потребления затрагивает жизнь каждого человека, и поэтому необходимо, чтобы каждый понимал положение с потреблением в стране. Однако у многих возникает вопрос: если реформа нацелена на повышение жизненного уровня народа, то почему в последнее время встает проблема контроля за ростом потребительских фондов?

Отвечая на этот вопрос, Ян Чжэньцзя отметил, что действительно проводимая в стране реформа нацелена на развитие производительных сил общества, непрерывное повышение жизненного уровня народа. Партийные и государственные органы в ходе реформы, сказал он, учитывали, что до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) в течение многих лет в экономике односторонне делался акцент на производственном строительстве и игнорировались жизненные интересы народа. В ходе реформы после этого пленума были предприняты меры, направленные на улучшение жизни городского и сельского населения. Можно с уверенностью сказать, подчеркнул Ян Чжэньцзя, что последние 8 лет явились наиболее благоприятным для народа периодом со времени провозглашения КНР. В подтверждение этого он привел фактический материал. С 1978 по 1986 г. уровень потребления увеличился со 175 до 452 юаней

на человека с учетом фактора роста цен. В среднем ежегодный рост потребления составил 8,1 %. В 1985 г. в сравнении с 1978 г. жилплощадь, приходящаяся на каждого крестьянина, в среднем увеличилась с 8,1 до 15,3 м², а на каждого жителя городов — с 3,6 до 6,1 м². Потребление основных продуктов питания со 195,5 кг на человека в год возросло до 250 кг, то есть увеличилось на 31 %, а потребление мяса и мясopодуктов с 7,7 кг на человека в год возросло до 14,3 кг, то есть на 85,7 %.

Некоторое ускорение роста потребления, пояснил Ян Чжэньцзя, допустимо в определенный период. Однако дальнейший рост обусловлен и тесно связан с темпами экономического развития. Если рост потребления будет слишком быстрым, не обеспеченным развитием экономики, то это чревато повышением цен на товары и может отрицательно повлиять на баланс доходов и расходов в государственных финансах и подорвать стабильность развития экономики. В итоге под угрозой окажется стабильность роста жизненного уровня. Согласно подсчетам, приводит показатели Ян Чжэньцзя, в 1984—1986 гг. денежные доходы жителей города и села в сравнении с предыдущими годами выросли соответственно на 29,6 %, 26,7 и 20 %, что значительно больше роста объемов предложения товаров и услуг. Потребительский спрос рос чрезмерно быстро. В результате возник серьезный дисбаланс между общим предложением и спросом, что стало препятствовать дальнейшему развитию реформы. Ян Чжэньцзя отметил, что в распределении национального дохода часто ущемляются интересы государства. Так, многочисленные факты свидетельствуют, что некоторые предприятия транжируют деньги на премии, материальные блага и тем самым подрывают тылы производства.

Корреспондент газеты заметил в беседе, что в настоящее время рост потребительского спроса обусловлен ростом индивидуального и общественного потребления. Ян Чжэньцзя согласился с этим мнением, отметив, что общественное потребление действительно возросло. С 1983 по 1986 г. покупательная способность производственных коллективов в городах и поселках с 22,7 млрд. юаней возросла до 41,3 млрд. юаней, то есть на 82 %. Важнейшей причиной такого быстрого роста общественного потребления, по его мнению, было то, что некоторые предприятия и хозяйства «стали жить на широкую ногу, стремясь закупать на общественные деньги дорогие легковые машины и мебель, руководители предприятий приглашали гостей, делали подарки, нарушая финансовую дисциплину, выдавали рабочим и служащим необоснованные материальные вознаграждения».

В ходе беседы корреспондент газеты отметил, что ряд экономистов высказывается за стимулирование потребительского спроса в целях «ускорения развития экономики». Ян Чжэньцзя считает, что к таким предложениям надо подходить осторожно. Несомненно, отметил он в интервью, что рост потребительского спроса может вызвать новые общественные потребности, расширить рынок и стать движущей силой, содействующей развитию производства. Однако здесь есть определенные условия и ограничения. Эффективный рост потребительского спроса возможен только тогда, когда он обеспечен платежеспособностью и не превышает роста производства и роста производительности труда. Другими словами, подчеркнул Ян Чжэньцзя, необходимо обеспечить базисный баланс предложения и спроса. Слишком быстрый рост потребительского спроса, имеющий место в настоящее время, уже создал в экономической жизни страны определенные проблемы, которые ощущаются всеми, хотя и в разной степени. Например, высокие темпы роста цен обусловлены главным образом превышением спроса над предложением.

Большое внимание в беседе Ян Чжэньцзя с корреспондентом газеты было уделено оценке уровня потребления в Китае, структуре потребления, необходимости воспитания культуры потребления. В целом, отметил Ян Чжэньцзя, в последние годы уровень потребления рос в Китае довольно быстрыми темпами. У небольшой группы населения доход стремительно возрастал, и представители этой группы стремились тратить деньги. Не следует сбрасывать со счета и влияние моделей потребления развитых стран, которое стало ощущаться после провозглашения Китаем открытой политики. Однако если сравнивать с уровнем потребления развитых капиталистических стран, то в настоящее время Китай следует отнести к государствам с низким уровнем доходов, считает Ян Чжэньцзя, хотя в стране в основном разрешена проблема с одеждой и питанием, но в целом еще рано говорить о высоком потреблении.

Корреспондент газеты, говоря о необходимости воспитания разумного подхода к семейным расходам, особенно среди молодежи, отметил, что некоторые молодые люди, вступая в брак, тратят 5—6 и даже 10 тыс. юаней. Молодожены стремятся сразу получить полный набор благ — от телевизора и магнитофона до пуховых подушек. В результате влезают в большие долги, что иногда кончается трагически. Ян Чжэньцзя выразил сомнение, что столь высокое потребление обеспечено высокими доходами. По его мнению, это следствие дурного стиля, когда потребности выходят за рамки возможностей, и здесь важно прежде всего правильно вести пропаганду и воспитание, направленные на изменение стиля жизни и привычек. Наиболее приемлем рост потребностей на базе роста производительности труда, экономической эффективности, стабильного роста доходов государства, на балансе между накоплением и потреблением.

Как на важную задачу Ян Чжэньцзя указал на необходимость «постепенно сформировать структуру рационального потребления». Развитие потребления человека всегда начинается с

удовлетворения потребностей в основных средствах существования, затем постепенно удовлетворяются потребности в предметах роскоши. По оценке Ян Чжэньцзя, структура потребления в Китае в настоящее время «весьма нерациональна». Об этом свидетельствует то, сказал он, что в потребительских расходах жителей городов и поселков около 90 % приходится на питание, одежду, топливо, предметы обихода. В то же время удельный вес нетоварных расходов, в том числе на медицинское обслуживание, образование, очень мал. Оплата жилья составляет примерно 2 % потребительских расходов: такого положения почти нет нигде в мире. Значительная часть потребительских расходов покрывается государством и предприятиями. В денежном выражении расходы на обеспечение рабочих и служащих из средств общенародной собственности составляют примерно четверть заработной платы, отметил Ян Чжэньцзя и указал на необходимость последовательно проводить принцип социализма «от каждого по возможности, каждому по труду», последовательно бороться с уравниловкой и системой «большого котла».

В этих целях, призывает Ян Чжэньцзя, в первую очередь следует взяться за реформу жилищной системы, постепенно приближаться к «товаризации» жилищного фонда, что, по его мнению, будет способствовать рациональному регулированию структуры потребления и ускорению жилищного строительства. Одновременно, считает он, следует изучить и реорганизовать систему социального обеспечения, активно развешивать социальное страхование. На перспективу, по мере непрерывного повышения жизненного уровня народа, необходимо также по-настоящему изучить возможные преобразования в медицине и просвещении. Важно, считает Ян Чжэньцзя, шаг за шагом повышать удельный вес нетоварных расходов в потребительских расходах населения, с тем чтобы постепенно сделать структуру расходов на потребление в обществе более рациональной.

Б. Н. БАСОВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«Третья сфера» в Китае

Теория и практика третьей сферы (Стратегия развития третьей сферы Шанхая). Изд-во АОН Шанхая, 1986, 310 с.

Рецензируемая книга — коллективный труд китайских авторов. Она создана на основе материалов конференции по проблемам стратегии и тактики экономического развития Шанхая, которая была проведена в октябре 1984 г.

В советской экономической теории и практике деление отраслей народного хозяйства на три сферы не используется. Первое упоминание о трех сферах появилось в буржуазной экономической науке в середине 30-х гг. XX в. Согласно этой науке, основу первой сферы составляет сельское хозяйство, основу второй — промышленность, основу третьей — услуги. В международной практике широко используется подобное деление различных видов хозяйственной деятельности. Его придерживаются все развитые страны Запада и большинство развивающихся стран. В его основе лежит признание труда в сфере услуг производительным наряду с производством материальных благ.

Однако единой точки зрения на структуру трех сфер в разных странах не существует. В рецензируемой книге рассматриваются некоторые существующие классификации (с. 51—56). В апреле 1985 г. ГСУ КНР с одобрения Госсовета КНР приняло деление отраслей народного хозяйства на три сферы. Первая сфера — сельское хозяйство (включая лесное хозяйство, скотоводство, рыбоводство); вторая сфера — промышленность (включая добывающую и обрабатывающую промышленность, водоснабжение, электроэнергетику, снабжение углем и газом), а также строительство; третья сфера — все отрасли, не вошедшие в первую и вторую сферы. Отрасли третьей сферы включают в себя четыре части: 1) отрасли обращения (транспорт, связь, почта, телеграф, торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение, складское хозяйство и т. д.); 2) отрасли производственного и бытового обслуживания (финансы, страхование, операции с недвижимым имуществом, коммунальные услуги, туризм, справочно-консультационная служба, техническое обслуживание и т. д.); 3) от-

расли обслуживания потребностей общества в целом (просвещение, культура, телевидение и радиовещание, научные исследования, здравоохранение, социальное обеспечение и т. д.); 4) партийно-правительственные органы, общественные организации, армия, органы охраны общественного порядка и т. д.

Авторы рецензируемой книги рассматривают только первые три части структуры третьей сферы. Роль третьей сферы в КНР, отмечают авторы, длительное время недооценивалась, иногда даже утверждалось, будто третья сфера — это паразитическая, загнивающая сфера общественной деятельности, что привело к значительному снижению ее удельного веса в народном хозяйстве КНР. Например, с 1957 по 1978 г. количество предприятий третьей сферы сократилось с 1 млн. до 200 тыс.¹

В ходе осуществления реформы хозяйственной системы Китая третья сфера стала привлекать все большее внимание китайских ученых и практических работников, возникла настоятельная необходимость углубленного изучения проблем третьей сферы и выработки практических рекомендаций для ее развития. По признанию китайских ученых, теория третьей сферы отстала от потребностей практики. Не случайно на I Всекитайской конференции по экономике сферы услуг в мае 1985 г. была подчеркнута необходимость создания экономической теории третьей сферы.

О необходимости развития третьей сферы начали говорить и китайские руководители. В октябре 1984 г. Чжао Цзыян в докладе об экономической работе в Шанхае отметил: «Третья сфера должна быстро развиваться»². В предложениях ЦК КПК по выработке седьмого пятилетнего плана на 1986—1990 гг. указывалось на необходимость ускоренного развития третьей сферы, повышение ее удельного веса в народном хозяйстве Китая, на постепенное устранение диспропорций между третьей сферой, с одной стороны, и первой и второй сферами — с другой³.

Авторы рецензируемой книги отмечают, что расцвет третьей сферы связан с развитием общественных производительных сил и общественным разделением труда. С повышением производительности труда происходит сокращение рабочего дня и увеличение свободного времени, возрастают материальные и духовные потребности людей. Применение новой техники и технологии на производстве предъявляет высокие требования к образовательному уровню работников. Эти материальные предпосылки вызывают необходимость развития третьей сферы и оказывают на нее стимулирующее воздействие. В свою очередь уровень развития третьей сферы влияет на материальное производство, способствуя повышению эффективности экономики, упорядочивает социально-экономическую структуру народного хозяйства.

По мнению авторов, только при социализме третья сфера создает условия для про-

цветания экономики, ускоряет процесс стирания различий между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, между физическим и умственным трудом, является мощным стимулом общественного прогресса. При капитализме же развитие третьей сферы приводит к серьезным социальным последствиям, что связано с игнорированием интересов трудящихся, с безудержным стремлением к получению прибавочной стоимости. Третья сфера при капитализме, отмечают авторы, характеризуется, во-первых, нерациональной внутренней структурой, гипертрофированным развитием отдельных ее отраслей; во-вторых, сокращение рабочего времени не меняет коренным образом положения трудящихся; в-третьих, несмотря на положительное влияние третьей сферы на производство и обращение, она не только не устранила противоречий, связанных с экономическими спадами и кризисами, но, напротив, обострила и усложнила их (с. 3).

Развитие третьей сферы ставит множество вопросов, требующих своего решения. Одним из таких вопросов, считают авторы, является специфический производительный характер труда в третьей сфере. Этот вид труда не производит оформленного товара, не создает овеществленной потребительной стоимости. Он оказывает услуги различного назначения или занят обслуживанием. Авторы подчеркивают, что бытовая услуга может создавать потребительную стоимость, удовлетворяющую определенные потребности людей, а услуга производственного назначения прямо или косвенно участвует в процессе производства материальных благ, то есть удовлетворяет определенные потребности товарного производства (с. 5). Услуги наравне с материальным производством обеспечивают в полном объеме воспроизводственный процесс в народном хозяйстве и, следовательно, носят производительный характер.

Вопрос о характере труда в третьей сфере до сих пор является дискуссионным, однако большинство китайских ученых считают такой труд производительным. На признании его производительным основано и принятое ГСУ КНР официальное деление отраслей на три сферы.

Развитие третьей сферы, по мнению авторов, должно способствовать модернизации экономики Китая, поэтому ей нужно уделить первостепенное внимание. Действительно, с начала 80-х гг. третья сфера в КНР развивается быстрыми темпами. В крупных городах Китая улучшилось положение с транспортом в результате создания множества автотранспортных и таксомоторных компаний. Увеличилось число государственных ресторанов, коллективных столовых и частных закусочных. Впервые после образования КНР начали работать частные поликлиники, косметические кабинеты. Валовая продукция третьей сферы составила в 1985 г. 176 млрд. 700 млн. юаней по сравнению с 80 млрд. 900 млн. юаней

в 1980 г. Удельный вес третьей сферы составил в 1985 г. 21,8 % по сравнению с 19 % в 1980 г.⁴ Одновременно высокими темпами развивались промышленность и сельское хозяйство, росли доходы трудящихся, повышался уровень потребления. В настоящее время большим спросом пользуются цветные телевизоры, двухкамерные холодильники, стиральные машины, кассетные магнитофоны, спальные гарнитуры. Однако третья сфера КНР, по признанию авторов, все еще находится в отсталом состоянии. В среднеразвитых странах мира удельный вес третьей сферы составляет 30—35 %. По нашему мнению, КНР сможет достичь среднемирового уровня не раньше 2000 г.

Развитие третьей сферы, по мнению авторов, имеет важное значение для Китая с точки зрения решения проблемы трудоустройства. Так, в 1985 г. около 9 млн. крестьян переклюнулись с труда в поле на обслуживающие (перевозки, работа на предприятиях общественного питания, строительство гостиниц и управление ими). В настоящее время в третьей сфере занято около 15 % работающего населения Китая. С 1981 по 1985 г. количество занятых в третьей сфере увеличилось на 27 млн. 200 тыс. человек, составив 73 млн. 650 тыс. человек. Это на 60 % больше, чем в 1980 г. Из каждых 100 человек, получивших работу за эти пять лет, 37 были заняты в третьей сфере⁵.

Из 73 млн. 650 тыс. человек около 38 % занято в деревне и 62 % — в городе. Структура занятых по трем сферам в Китае в 1982 г. была следующей: в первой сфере — 32 %, во второй — 47, в третьей — 21 %⁶. Для сравнения: соотношение трех сфер в Японии в 1983 г. было следующим: первая сфера — 9,3 %, вторая — 34,1, третья — 56,6 %⁷.

Вместе с отмеченными выше проблемами развития третьей сферы в Китае в первой части рецензируемой книги рассматривается и ряд других теоретических и методологических вопросов: система макроэкономических показателей, в центре которой находится ВНП, статистика третьей сферы и др.

Во второй части рецензируемой работы рассматриваются история и современное состояние развития третьей сферы в развитых странах и регионах. Содержится описание связи третьей сферы с экономическим развитием. Авторы приходят к следующим выводам: 1) за 20 с лишним лет для третьей сферы различных стран были характерны сравнительно высокие темпы роста. Причем эти темпы роста были выше темпов роста валового внутреннего продукта (ВВП). Удельный вес стоимости третьей сферы в ВВП неуклонно возрастал; 2) чем выше уровень экономического развития, тем выше удельный вес стоимости третьей сферы и количества занятых в ней в структуре ВВП и в количестве всего занятого населения страны; 3) между развитием третьей сферы и развитием всего народного хозяйства существует тесная связь (с. 67—78). Авторы

анализируют связь третьей сферы и экономического развития различных стран мира, влияние и роль первой, второй сфер и всего народного хозяйства на третью сферу, а также значение третьей сферы для развития народного хозяйства этих стран (с. 73—82).

Один из разделов второй части посвящен сравнению экономических функций городов в Китае и за рубежом (с. 83—103). Особенностью промышленной структуры крупных и средних городов Китая является: 1) высокий удельный вес текстильной промышленности; 2) высокий удельный вес сталеплавильной, химической промышленности, промышленности по переработке нефти и газа и других сырьевых отраслей; 3) по удельному весу машиностроительной и обрабатывающей промышленности города Китая отстают от городов Японии (с. 88). Далее раскрываются тенденции развития и связи между тремя сферами в городах, проводится сравнительный анализ соотношения трех сфер в городах Китая и за рубежом.

Во второй части последовательно описывается состояние третьей сферы в США, Великобритании, ФРГ и Японии. В приложениях к этой части содержится материал по третьей сфере Гонконга и Тайваня. Описание третьей сферы различных стран дополнено разнообразными таблично-справочными данными, которые позволяют сравнить уровень развития третьей сферы Китая, ее внутреннюю структуру и существующие проблемы с состоянием третьей сферы в развитых капиталистических и новых индустриальных странах.

Третья часть книги посвящена изучению стратегии развития третьей сферы в Шанхае. Авторы выделяют три этапа в ее развитии. Первый этап охватывает период с 1949 по 1957 г., когда удельный вес третьей сферы в ВВП Шанхая сократился с 42,3 % в 1952 г. до 37,1 % в 1957 г. Несмотря на сокращение удельного веса, темпы развития третьей сферы были высокими (11,4 % в год). Второй этап — с 1958 по 1978 г. Удельный вес третьей сферы в ВВП Шанхая в 1978 г. составлял 18,4 %, а темпы прироста — лишь 2,1 % в год. Третий этап — с 1979 г. по настоящее время. В эти годы третья сфера возрастала в среднем на 9,8 % в год, и в 1984 г. удельный вес третьей сферы в ВВП Шанхая повысился по сравнению с 1978 г. до 25,1 % (с. 169).

Авторы отмечают несколько причин такого развития третьей сферы в Шанхае:

1. Усиленное развитие промышленности в период после 1949 г. С 1952 по 1983 г. капиталовложения в основные фонды города составили около 60 млрд. юаней. Из них на промышленность пришлось 63 %, на отрасли третьей сферы — не более 30 %. К тому же удельный вес капиталовложений в третью сферу сокращался. В 50-е гг. он был выше 40 %, а в 80-е гг. — лишь около 30 % (с. 170).

2. Многие отрасли третьей сферы соответ-

ствуют коллективному и индивидуальному типу хозяйствования, однако в период социалистической реконструкции происходило повышение уровня обобществления собственности, что отразилось на оптовой торговле, общественном питании и сфере услуг.

3. Расцвет и развитие третьей сферы не только определяется экономическими возможностями, но и хозяйственной системой. Только в условиях товарной экономики открытого типа третья сфера может стремительно развиваться.

Авторы обращают внимание на то, что отсталость третьей сферы ограничила социально-экономический рост Шанхая, поэтому ее развитию требуется уделить первоочередное внимание. В книге содержится анализ двух проектов развития третьей сферы Шанхая (с. 183—191). В феврале 1985 г. Госсовет КНР утвердил Проект доклада о стратегии экономического развития Шанхая, в котором было отмечено, что к 1990 г. при абсолютном росте первой и второй сфер удельный вес третьей сферы в ВВП и в количестве рабочей силы города составит более 30 %, а к 2000 г. намечается повысить удельный вес примерно до 50 %.

Авторы обращают внимание на тесную связь третьей сферы с рыночным механизмом. Обращение и сфера услуг как составные части третьей сферы контролируются и приводятся в действие с помощью рыночного механизма. С одной стороны, продукция многих отраслей третьей сферы превращается в товар и поступает на рынок. С другой стороны, развитие третьей сферы через рынок получают необходимые ресурсы. Таким образом, по мнению авторов, развитие третьей сферы означает развитие товарной экономики.

Рассмотрены отдельные отрасли третьей сферы Шанхая. Специальные разделы посвящены земельной проблеме, недвижимому имуществу, работе городского транспорта, торговле, общественному питанию, сфере услуг, финансовому делу, информационной и консультационной службам, туризму и рекламе.

Особенностью рецензируемой книги является проблемная постановка вопросов развития третьей сферы Шанхая и общетеоретических вопросов третьей сферы. В настоящее время в социалистических странах развитию третьей сферы уделяется повышенное внимание, что связано с важностью ее функций в системе социалистического воспроизводства, поэтому появление книги, отражающей проблемы развития третьей сферы в специфических условиях Китая, имеет важное значение.

И. А. БАЛЮК

¹ «Чжунгун яньцзю», 1985, № 7, с. 70.

² «Гуанмин жибао», 16.X.1984.

³ «Хунци», 1985, № 23, с. 19.

⁴ «Цзинцзи жибао», 4.VII.1986.

⁵ Там же.

⁶ «Хунци», 1985, № 23, с. 20.

⁷ Там же, с. 22.

Опыт коллективного научного труда

Япония: региональная структура экономики. Авторский коллектив. Научный руководитель А. А. Прохожев, М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1987, 221 с.

Задача перестройки всех сторон жизни, выдвигая КПСС, определяет также необходимость совершенствования научного труда: правильного определения направлений его приложения, оптимального распределения ресурсов, разумного их использования в интересах достижения эффективного результата. Решить эту задачу могут помочь как прогрессивные нововведения в организации научного труда, так и обобщения передового опыта в его применении.

Примером такого опыта может служить недавно вышедшая в издательстве «Наука» книга «Япония: региональная структура экономики». Авторский коллектив, состоящий из представителей нескольких родственных научных учреждений, в сравнительно короткий срок смог исследовать проблему, за которую в течение длительного времени не брались ученые.

Сложность научного исследования данной проблемы состоит в ее комплексности, многосторонности, выходе на другие важные проблемы, в том числе социально-экономического, научно-технического и экологического характера. В то же время вопросы рационального размещения производительных сил по территории волнуют многие страны, и опыт, накопленный Японией в решении этих вопросов, заслуживает самого пристального внимания.

Интерес к проблемам рационального размещения производительных сил быстро возрастает по мере бурного движения по пути научно-технического прогресса. Появление на базе достижений НТП нового производственного оборудования часто ставит при его территориальном размещении вопросы не только экономического, социального, но и политического содержания, что доказано, например, практикой строительства и эксплуатации атомных электростанций. Способы решения этих сложных вопросов в Японии имеют практическую ценность для многих развитых в научно-техническом отношении государств, в том числе и для СССР.

Однако опыт Японии также показывает, что решение вопросов рационального размещения производительных сил по территории страны — дело очень трудное. Здесь действуют малоуправляемые стихийные силы, значительным является давление прошлого, ма-

лоэффективны еще программы развития комплексных явлений и предпринимаемые на их основе действия. Поэтому научное осмысление региональной структуры экономики, тем более такой страны, как Япония, имеет непосредственную практическую значимость.

Такая необходимость с выходом в свет рецензируемой книги не уменьшается. Это обуславливается как происходящими в Японии процессами, так и задачами общечеловеческого значения: сохранения окружающей среды, мирового разделения труда, ликвидации отсталости в развитии, ускорения НТП и т. д.

Нельзя сказать, что авторы книги не уделяют внимания всем этим вопросам. Однако исследуемый авторами богатейший статистический материал свидетельствует об изучении процессов экстенсивного развития японской экономики, которая сейчас уже во многом перестроилась на интенсивный путь развития. Сравнительно полнее используя достижения НТП, Япония быстрее многих других государств осуществляет структурную перестройку своей экономики, что находит отражение и в размещении производительных сил по территории страны. Все это говорит о том, что проблемы региональной структуры экономики должны постоянно быть в поле зрения ученых.

Повышенное внимание к японскому опыту объясняется значительными хозяйственными достижениями страны. Япония уже в конце 70-х гг. прочно заняла по экономической мощи второе после США место в капиталистическом мире. Ее ВВП в 1979 г. составил (в постоянных ценах 1980 г. и в пересчете по курсу доллара 1980 г.) 38,4 % ВВП США, а в расчете на душу населения — 74,7 % аналогичного американского показателя. В 1984 г. ВВП Японии составил в тех же ценах уже 42 % ВВП США и 82,7 % на душу населения от американского уровня. Сейчас в Японии пропагандируется перспективная задача догнать и перегнать США по абсолютному объему ВВП. Следовательно, производственные возможности японской экономики должны еще более увеличиться, а это в свою очередь не может не сказаться на размещении производительных сил по территории страны.

Ускорение экономического развития в Японии тесно связывают с НТП. И это не случайно. На научно-исследовательские работы выделяется все больше финансовых средств. В период с 1975 по 1985 г. среднегодовые темпы прироста этих расходов равнялись 12,7 % в текущих и около 6 % в постоянных ценах. В 1981 г. они составили 5,36 трлн. иен (в США — 15,4 трлн. иен, в ФРГ — 4,03 трлн., во Франции — 2,54 трлн. иен), а к 1986 г. достигли 8,9 трлн. иен. Доля расходов на НИОКР в ВВП Японии с 1970 по 1979 г. увеличилась с 1,9 до 2,3 %. В 1981 г. она составила 2,65 %, а в 1985 г. — 2,77 % ВВП

(в США — 2,68 % в ФРГ — 3,04, во Франции — 2,28 %).

В структуре японских расходов на НИОКР в последние годы наблюдается тенденция к повышению доли фундаментальных исследований — в 1985 г. она составила приблизительно 13 %. Это больше, чем в США, — 12,6 %. Более 60 % расходов в Японии идет на опытно-конструкторские разработки, что способствует полноте производственного освоения результатов фундаментальных и прикладных исследований. Отсюда следует, что ускорение научно-технического развития и производственное освоение его достижений скажется на структуре производительных сил и на размещении по территории страны. Изучение этих процессов представляется крайне важным.

Судя по содержанию рецензируемой книги, авторы понимают значение исследования поставленной проблемы, о чем свидетельствует их обращение к выдвинутой в Японии концепции создания технополисов. Однако возрастание роли научно-технического развития требует большего внимания к научному осмыслению влияния НТП на экономику и ее региональную структуру, а также на исследование процессов в самом НТП.

В книге, как, к сожалению, и во многих экономических работах, за пределами глубокого анализа остаются социальные вопросы. Нельзя сказать, что авторы их игнорируют, но они присутствуют как бы подспудно. Поэтому складывается не совсем четкое представление о причинах, побуждающих японское государственно-монополистическое руководство уделять столь много внимания решению региональных проблем. В то же время социальная ситуация является источником и побудителем для выработки и принятия решений на размещение производительных сил, а также конечным критерием оценки эффективности и рациональности их реализации. Думается, что и причины неудач в осуществлении ряда японских программ экономического районирования кроются прежде всего в неудовлетворительном социальном результате при их осуществлении. Более того, соединение экономического исследования с анализом социальной ситуации значительно повысило бы практическую ценность научного результата и усилило бы его методологическую оснащенность.

Авторами избрана удачная структура работы, что позволило обстоятельно рассмотреть сердцевинную часть исследуемой проблемы с исторических, современных и перспективных позиций регионального развития японской экономики. Однако недостаточный учет выходов на социальные вопросы, на воздействие НТП, экологию привел к образованию диспропорции в объемах глав: первая — 24 страницы, вторая — 128, третья — 46 страниц. Видимо, понимая это, авторы используют приемы подачи концентрированной информации: схемы, рисунки, графики, табли-

цы и т. п. Применение таких приемов является несомненной удачей авторов в выражении результатов обширного исследования. Вообще объем книги — 14 усл. п. л. — положительный пример концентрированной подачи научного материала.

Следует также отметить довольно высокую степень готовности содержания рецензируемого исследования к машинной обработке. Об этом свидетельствуют как математическая модель оценки перспектив развития экономического районирования в Японии, так и формализация позиций анализа каждого из экономических районов. Разумеется, такой стиль изложения воспринимается как необычный, но это, видимо, во многом объясняется еще свойственным нам низким уровнем компьютерной подготовки. Движение же авторов в этом направлении заслуживает поддержки.

В то же время сделанный авторами вывод о неспособности Японии в условиях государственно-монополистического капитализма рационально размещать производительные силы на территории страны, думается, не должен приниматься слишком категорично. Во-первых, экономическое районирование — явление сложное, многостороннее, многоплановое, и любое научное абстрагирование не может претендовать на полное отображение действительности, а поэтому необходимой является альтернативность. Во-вторых, исторический опыт показывает, что японский капитализм далеко еще не полностью исчерпал свои возможности и способен на прорывы на отдельных направлениях, участках развития. В-третьих, под воздействием НТП происходит коренная перестройка в производительных силах, что не может не повлиять на их размещение, а следовательно, и на качественную характеристику экономического районирования. Видимо, понимая все это, авторы ограничивают действие своего вывода текущим столетием.

Нельзя не согласиться с замечаниями и предложениями, высказанными членом-корреспондентом АН СССР Г. Ф. Кимом в предисловии к настоящему изданию. Действительно, вычленение и взаимное разграничение территориально-производственных образований наиболее важного в стране экономического района Канто, сделанное авторами, вызывает ряд вопросов. Во-первых, в тихоокеанском промышленном поясе концентрация производительных сил и инфраструктурных объектов такова, что разграничить индустриальные зоны и промышленные узлы между собой очень трудно. Во-вторых, имеются и другие, отличные от предлагаемой нарезки, точки зрения на разграничение территориально-производственных образований. Эти точки зрения также имеют веские обоснования, о чем, в частности, пишут и сами авторы. В-третьих, территориально-производственные образования не являются застывшими: они развиваются, изменяется их конфигурация, в подвижном состоянии находятся границы. Не случайно

сами японцы имеют несколько вариантов в этой части своей региональной экономической нарезки.

Сказанного, думается, достаточно, чтобы привлечь внимание ученых и общественности к настоящему труду. Опыт его подготовки — от комплектования авторского коллектива и организации работы до получения конечного результата и издания — заслуживает внимания и применения в дальнейшей научной

деятельности. Книгу «Япония: региональная структура экономики» можно считать своего рода событием в советском японоведении и рекомендовать широкой общественности, особенно экономистам, географам и историкам, для внимательного изучения.

М. С. КАПИЦА,
доктор исторических наук

Китайский язык и слово

В. И. Горелов. Лексикология китайского языка. М., «Прогресс», 1984, 216 с.

Монография В. И. Горелова — одна из большой серии книг по современному китайскому языку, написанная им за долгие годы работы в области китайского языкознания. Как и все предыдущие, ее отличают пристальное внимание к фактам современного китайского языка, тщательное их описание, широкое знание как китайского, так и советского языкознания, умение связать грамматические явления китайского и русского языков. В книге представлена стройная система лексики и фразеологии современного китайского языка, дана разветвленная классификация его лексического состава, проведено детальное исследование всех разделов лексикологии.

Книга состоит из введения и пяти больших разделов. Ее общий план построен таким образом, чтобы можно было комплексно рассмотреть все основные проблемы: образование слов, их значение, классификация словарного состава современного китайского языка в зависимости от источника лексики, фразеология, лексикография как область практического приложения идей лексикологии.

Всего лишь несколько десятилетий назад можно было услышать жалобы на недостаточную изученность китайского языка. Сейчас вряд ли имеются основания для таких жалоб. Количество работ, посвященных исследованию современного китайского языка в Китае и за его пределами, очень велико. Особое внимание уделяется проблеме единиц китайского языка (морфемы, слова, словосочетания, предложения). В изучение этой проблемы монография В. И. Горелова вносит существенный вклад.

Словообразование — это раздел лексикологии, изучающий способы образования слов. Автор допускает возможность назвать этот процесс своего рода механизмом создания

номинативных единиц языка. Система словообразовательных средств по степени десемантизации исходного лексического значения может быть представлена в следующем виде: 1) полнозначная морфема, имеющая статус слова или корня; 2) полнозначная морфема, имеющая статус идентичного компонента в словах определенного лексического ряда; 3) полуаффикс; 4) аффикс (с. 19).

Компоненты сложных слов — это лексические единицы современного китайского языка. Части сложных слов связаны между собой теми же отношениями, что и слова в составе словосочетаний. Модель сложного слова — это аналог модели словосочетания. Для сложных слов китайского языка характерна выделяемость компонентов, ясность внутренней формы, или семантической структуры. Значение сложного слова опирается на значения составляющих морфем. Таковы основные идеи первого раздела монографии. Однако при этом автор подчеркивает, что сложное слово китайского языка не является простым соединением двух морфем. Оно представляет собой не только смысловое, но и фонетическое целое, в составе которого могут происходить комбинаторные изменения тонов и редукция тона последней морфемы.

Наиболее полно в монографии В. И. Горелова описан механизм словообразования современного китайского языка. Автор последовательно разбирает двухсложные слова с сочинительной и подчинительной связью между морфемами. Однако двухсложные слова тоже могут выступать как компонент в составе трехсложных слов, которые у В. И. Горелова называются вторичными сложными словами.

Наблюдение за морфемным составом сложных слов китайского языка приводит к выделению их гнезд, то есть классов слов, содержащих общую морфему. Исследование этих гнезд должно привести нас к более глубокому пониманию процессов словообразования китайского языка. В частности, оно ставит такую проблему: почему при образовании научной терминологии типа *чжи* (знать) — *чжицзюэ* (сознание) использована модель «глагол+цзюэ», а не «глагол+хуа», как, например, в случае *шэнь* (глубокий) — *шэньхуа* (углубление)? Ответ на нее можно получить лишь в результате специального исследования, но и материалы самой моногра-

фин достаточно явственно говорят о том, что китайский язык совершенно иначе решает проблему формирования слов с абстрактным значением. В русском языке имеется ограниченное число суффиксов, с помощью которых от любой глагольной или качественной морфемы можно образовать существительное с абстрактным значением; в китайском же для каждой семантической группы глаголов существует своя морфема — служебная или знаменательная, с помощью которой образуются слова с абстрактным значением.

От идентичных морфем иногда автор переходит к полуаффиксации, в результате которой сложное слово образуется из знаменательной и полуслужебной морфемы, и аффиксации, в результате которой сложное слово образуется из знаменательной и служебной морфемы. «Характерной особенностью полуаффиксов является то, что они обычно образуют ряды слов, обозначающих широкую семантическую категорию (лица, предметности, процесса и т. п.). Вместе с тем они отличаются сравнительно высокой продуктивностью, образуют довольно большое число лексических единиц» (с. 50—51). В этой связи В. И. Горелов рассматривает полупрефиксы, полусуффиксы, префиксы и суффиксы.

При классификации словообразовательных морфем В. И. Горелов все же пользуется неявным критерием продуктивности. Поэтому менее продуктивные словообразовательные морфемы типа *цзя* (добавлять) и *цзюэ* (чувствовать) охарактеризованы как идентичные, а более продуктивные *син* (-ость), *хуа* (-ация, -изация) — как суффиксы. Аналогично глагольные результативные суффиксы являются самими продуктивными в своем классе и поэтому отнесены к числу суффиксов, а малопродуктивные прилагательные исключены из классификации. Сказанное не является возражением против классификации словообразовательных морфем китайского языка, проведенной автором, оно лишь показывает, какие сложные проблемы приходится решать при классификации словообразовательных морфем.

Важную роль в словообразовании китайского языка играет морфемная контракция, сущность которой состоит в том, что из состава многосложного слова или словосочетания выпадает одна или несколько морфем, но при этом значение целого остается неизменным. По своей функции контракция иногда может принимать форму так называемых сложносокращенных слов, но в действительности она представляет собой значительно более важное и весьма специфическое явление лексикологии китайского языка. Примером контракции могут служить следующие примеры превращения трехсложных слов в двухсложные: *фэйцзичан* (аэродром) — *цзичан*, *вайгой* (иностранный язык) — *вайгой* и т. п., четырехсложных в двухсложные: *Бэйцзин дасюэ* — *Бэйда* (Пекинский университет).

Объяснение контракции следует искать в

синтаксической природе многосложных слов китайского языка. Люй Шусян в свое время отметил, что двухсложные слова отличаются от односложных не только количеством слогов, но и синтаксическими свойствами. Так, например, односложные слова свободно сочетаются со словами любого количественного состава, но двухсложные слова предъявляют количественные требования к грамматически зависимым словам, стоящим после них. Так, например, прилагательное *вэйда* (великий) не может непосредственно сочетаться с односложным словом *жэнь* (человек): оно должно быть либо оформлено суффиксом *-ди* — *вэйдади жэнь* (великий человек), либо оно должно вступить в сочетание с двухсложным словом *жэнью* (личность) — *вэйда жэнью* (великая личность).

Однослог и двуслог образуют две основные ритмические единицы китайской речи. Сложением их друг с другом и самих с собой можно получить речевые единицы любой степени сложности, однако, как показывает языковая практика, устойчивыми являются речевые единицы, состоящие из двух (1+1), трех (2+1, 1+2) и четырех (2+2) слогов. Эти ритмические требования распространяются, вероятно, на любые речевые единицы: те из них, которые удовлетворяют ритмическим требованиям, считаются благозвучными, те, которые не удовлетворяют, — неблагозвучными. Как представляется, именно поэтому в китайском языке так сильна тенденция к контракции четырехсложных единиц в двухсложные, а пятисложных — в трехсложные или двухсложные.

Проблема транспозиции является предметом отдельного рассуждения в монографии В. И. Горелова. В изолирующих языках одно и то же слово в зависимости от синтаксической позиции может принадлежать не одной, а нескольким лексико-грамматическим категориям. Здесь автор вступает в область великих дискуссий, которые по сей день ведутся в китайском языкознании, — что такое лексико-грамматическая категория? Известно несколько ответов на этот вопрос. Автор стоит на той точке зрения, что слово китайского языка может принадлежать одной лексико-грамматической категории, а если оно принадлежит нескольким категориям, то это означает, что следует различать несколько омонимов, принадлежащих разным частям речи. Образование этих омонимов составляет транспозицию, являющуюся одним из способов словообразования.

Фонетико-морфологический способ словообразования представляет собой фонетическое размежевание двух вариантов одной и той же морфемы. Это явление называется фонетическим обособлением. Сущность этого способа состоит в том, что два значения одного и того же слова различаются в произношении тоном: *дин²* (прибивать) — *дин¹* (гвоздь). Автор совершенно прав, указывая на то, что фонетическое обособление представляет собой

вторичное явление в системе словообразования китайского языка. Регулярного соответствия между способом словообразования и тональным чередованием до сих пор установить не удалось.

Семантические заимствования реализуются в китайском языке в форме калек. В. И. Горелов различает структурные калки, при которых заимствуется семантическая структура иностранного слова или выражения: *мали* (лошадина сила), *хоувэй* (арьергард) и т. п. Разновидностью семантических заимствований являются слова, изобретенные в Японии: *чамхэ* (случай), *личан* (позиция), *шоуской* (процедура). Этимологические калки представляют собой перевод соответствующего иностранного слова на китайский язык: *дацзыцзи* (пишущая машинка), *шоуиньцзи* (радиоприемник). В некоторых случаях фонетическое заимствование соединено в одном слове с морфемой китайского языка: *моточэ* (мотоцикл), *ламацзяо* (ламаизм).

По давности существования китайская лексика делится на современную, архаическую, историческую и неологизмы.

Помимо перечисленных выше принципов классификации лексики китайского языка, В. И. Горелов предлагает также классификацию по употреблению. Здесь он различает лексику неограниченного употребления, под которой подразумевается лексика национального языка путунхуа, и лексику ограниченного употребления, то есть лексику диалектную, профессиональную и арготическую. В сущности по объему она совпадает с делением лексики любого языка на нормативную, диалектную, профессиональную, арго. Определение нормативной лексики как лексики неограниченного распространения может создать неточное представление о масштабах распространения и функциях национального языка в Китае. Основой национального языка в Китае являются диалекты Северного Китая, основой его орфоэпической нормы является пекинский диалект, а основой грамматической нормы — образцовые произведения на современном байхуа. Национальный язык путунхуа, определенный подобным образом, почти полностью совпадает с диалектом Пекина, в большей или меньшей степени сходен с диалектами группы гуаньхуа и весьма значительно отличается от диалектов Юго-Восточного Китая. Носители диалектов группы гуаньхуа в принципе могут понимать национальный язык путунхуа, но не всегда могут на нем говорить. Носители юго-восточных диалектов не понимают путунхуа и не говорят на нем. Многие жители крупных городов этого ареала владеют путунхуа как средством междиалектного общения. Поэтому в действительности нормативная лексика национально-го языка на значительной части территории страны известна только этому достаточно большому, но тем не менее ограниченному кругу людей. Поэтому неограниченность упо-

требления нормативной лексики следует понимать с этой оговоркой.

Раздел, посвященный фразеологии, во многом опирается на предшествующие исследования самого автора и других советских китайцеведов, разрабатывавших проблемы фразеологии китайского языка. Автор предлагает структурно-семантическую классификацию фразеологизмов по их синтаксическим признакам. Фразеологизмы (словосочетания) подразделяются на фразеологические выражения типа *тили лаодун* (физический труд), *хаочжань фэньцзы* (сторонники войны), *мяо бу кэ янь* (неизъяснимо прекрасный) и фразеологические сочетания типа *хуанцзинь шидай* (золотой век), *манму чунбай* (слепое преклонение), *кунчжун лоугэ* (воздушные замки) и т. п.

Затем фразеология китайского языка классифицируется по функционально-стилистическим критериям. Автор выделяет фразеологизмы разговорного, публицистического, научно-технического, официально-делового стилей. Как и слова, фразеологические обороты могут иметь синонимы, когда одно и то же значение выражается двумя разными по составу фразеологическими оборотами.

Монография завершается специальным разделом о лексикографической традиции в Китае. Изложение начинается со словаря «Канси цзыдянь» и доведено до словаря «Сяньдай ханьюй цыдянь», третье издание которого вышло в 1986 г.

В целом же «Лексикология китайского языка», написанная одним из наших старейших китайцеведов-лингвистов, является значительным вкладом в изучение китайской лексикологии. Это — первое в Советском Союзе и вообще первое на европейском языке монографическое исследование китайской лексики и фразеологии, где все проблемы этого раздела описания китайского языка освещены с такой максимально возможной подробностью и тщательностью, насколько это позволяет нынешнее состояние науки о китайском языке.

М. В. СОФРОНОВ,
доктор филологических наук

Творческая личность в контексте средневековой культуры Японии

Е. С. Штейнер. Иккю Содзюн. Творческая личность в контексте средневековой культуры. М., «Наука», 1987, 277 с., 4 л. ил. факс.

Рецензируемая монография посвящена исследованию духовной культуры средневековой Японии периода ее наивысшего расцвета — эпохи Муромати (1333—1578). В книге прослеживается жизненный путь и творческая судьба Содзюн Иккю (1394—1481) — монаха, поэта, каллиграфа, художника, учителя мастеров чайной церемонии и театра Но, — в личности которого, как в фокусе, отразились все высшие достижения и наиболее острые противоречия японской средневековой культуры.

Необходимость в специальном исследовании, посвященном Иккю, назрела давно. Неослабевающий интерес к нему как в самой Японии, так и за ее пределами далеко не случаен. Только за последние годы на Западе вышли десятки монографий и сотни статей, посвященных жизни и творчеству этого оригинального мыслителя и художника. Отсутствие в советском японоведении работ на эту тему можно объяснить лишь крайне слабой степенью изученности культуры эпохи Муромати в целом. Между тем это эпоха интенсивного культурного синтеза, зарождения основ национальной японской культуры. Без достаточно четкого уяснения сущности протекавших в ней процессов невозможно понять логику развития художественной традиции и моделей мировоззрения в период средневековья и нового времени. Сравнительно немногочисленные обращения советских исследователей к данной эпохе вследствие сложности изучаемого объекта, как правило, отличаются разноречивостью выводов. Тем более актуальной представляется монография, в центре которой стоит фигура Иккю — персонализированного воплощения своего сложного времени.

«В фундаментальном девяностостраничном «Исследовании культуры Хигасияма» проф. Хага Косиро, посвященном периоду наивысшего подъема культуры зрелого средневековья, есть одна-единственная иллюстрация, открывающая том, — портрет Иккю. Из мелкого этого факта, — делает заключение Е. С. Штейнер, — видно, какое место занимал Иккю в свое время — время блистательного расцвета поэзии и драмы, каллиграфии и живописи, искусства сада и чайного действа.

XV век славен столькими именами первой величины во всех областях комплекса словесных, изобразительных и пространственных-временных искусств, что вряд ли любое другое столетие японской классики сравнится с ним. И от каждого вида искусства, от каждой почти сколько-нибудь значительной фигуры тянутся к Иккю нити, подобно десяткам тропинок ведущие к одной вершине. Иккю и был вершиной, точкой стяжения всей японской средневековой духовности. Поэзия канси и рэнга, монохромная живопись суйбокуга, театр Но, чайная церемония тяною, даже искусство вегетарианской кухни испытали его мощный импульс и долго еще после смерти Иккю развивались в направлении, заданном им» (с. 7).

Столь длинная цитата, приведенная в начале рецензии, призвана создать у читателя хотя бы самое общее впечатление о главном герое рассматриваемого труда. Творчество Иккю настолько тесно связано с событиями его жизни, а его жизнь — с эпохой, что отделять одно от другого, а другое от третьего было бы неправомерно, да и невозможно. Поэтому представляется удачным метод изложения, принятый в работе, — «биография с отступлениями», воссоздающими широкий исторический фон своего времени. Вехами, определяющими основные узлы композиции, послужили различные моменты жизни Иккю. Вокруг них, поясняя, заполняя, интерпретируя концентрируется историко-художественный контекст, связывающий все перипетии и резкие повороты судьбы героя в единое целое и превращающий факты биографии Иккю в факты японской культуры.

Сын императора Го-Комацу, Иккю до 33 лет не видел отца. (В результате придворной интриги его мать еще до рождения сына была удалена из императорского дворца.) Пятилетним он был отдан в дзэнский монастырь, где под руководством наставников Иккю «очень рано приобрелся к необозримому морю китайской литературы. Штудирование классиков шло одновременно с зубрежкой иероглифов, первые уроки чтения, во время которых разбирались фразы из «Лунъюя» или сутр, давали и первые уроки конфуцианской или буддийской премудрости» (с. 49).

20-летним, сменив несколько монастырей и наставников, Содзюн Иккю получил «документ (инка), удостоверяющий истинность его духовного опыта и преемственность исследования дхармы» (с. 82). Перед ним открылась возможность занять высокое место среди монастырских иерархов. Эту возможность Иккю реализовал много позже, когда в 1474 г. император Го-Цутимикадо призвал его специальным рескриптом стать во главе столичного храма Дайтокудзи, а пока, как сказано в «Иккю осё нэмпу» («Жизнеописание предодобного Иккю»), «он бросил инка на землю, поправ пятую и ушел» (там же).

Уйдя из монастыря, Иккю много лет провёл в странствиях, по продолжительности

и характеру не имеющих аналога в японском дзэн первой половины XV в. В течение нескольких десятилетий он кочевал с места на место, останавливаясь ненадолго в «веселых» кварталах портового города Сакаи или в Киото. Первый постоянный дом появился у Иккю лишь на склоне лет, на 58-м году. Судьба этого человека сама по себе столь ярка и драматична, что, несмотря на изобилие сугубо теоретического материала, книга читается как увлекательный роман и в этом смысле доступна самому массовому читателю.

В то же время это глубокое культурологическое исследование, и выбор образа Иккю в качестве композиционного стержня придает труду необходимую конкретность в материалах и источниках. Через духовно-практическую деятельность Иккю, через творчество его учеников раскрывается взаимосвязь и взаимовлияние учения дзэн и японской культуры. Этому предшествует очерк истории дзэн, его распространения в Японии и описание идеологической атмосферы в монастырях Пяти Гор (годзан) — системе столичных центров дзэнской школы.

Специалистов, несомненно, заинтересуют попытки автора построить путем сопоставления различных родов и жанров средневекового искусства некую единую модель средневекового художественного сознания японцев в русле дзэнской традиции. Часто попытки такого рода выливаются в абстрактные рассуждения о неумовитой сущности сверхъестественных философских категорий буддизма. Настоящая работа выгодно отличается от таких спекуляций конкретно-историческим, предметным характером исследований. Весьма интересным представляется, например, сопоставление стихотворной цепочки рэнга с живописными композициями на ширмах сёбу и строением спектакля Но. Весьма ценны также анализ поэтической тематики и стиля каллиграфии Иккю, соотношение категорий «фурю» и «ваби», свидетельства о личном влиянии Иккю на драматургию Но, эстетику чайной церемонии и сухих садов.

В книге предлагается интерпретация природы дзэнского «просветления» (сатори) в свете психологии и лингвистики измененных состояний сознания (с. 66—81). Значительное место уделено проблеме недальности плоти и духа в дзэнском учении. Это показано на примере сакрального обоснования Иккю Содзюном телесной любви как акта, позволяющего снять межличностное отчуждение. Легендарные похождения «святого грешника» Иккю, являющиеся и по сей день предметом многочисленных бульварно-литературных спекуляций, обосновываются в книге с культурологических позиций.

Анализ структуры текстов, а также показ социальной роли творческого акта приводит автора к определению в заключительных главах типа мышления средневековых японцев как контекстуального и интерличностного. Ориентация на умаление эго и групповое

сознание являлась действенным социально-регулятивным механизмом и обеспечивала, помимо определенного психологического комфорта, в условиях жестко иерархизированного средневекового общества долговременное существование социально-политических институтов, не знавших западной динамики и ломки.

Использование совокупности культурно-исторических, филологических, искусствоведческих и психологических методов исследования дало возможность Е. С. Штейнеру приблизиться к пониманию творческой личности классического японского художника и предложить модель японского традиционного художественного сознания.

Творчество Иккю было во многом пиком средневекового искусства, а в чем-то оно даже обгоняло свое время, предвосхищая развитие культуры качественно иного типа. Об этом говорят не только его демонстративный неконформизм и яростный антиклерикализм, культ любви и тесные связи с негоциантами Сакаи, но и его близость к фольклорной смеховой культуре. Именно это позволило ему стать подлинно национальным культурным героем, совмещающим в себе черты «бундзина» — представителя эдосской литературно-художественной элиты — и «Иккю-сан» — плута, героя народных сказок и анекдотов.

Конечно, даже в самой обстоятельной работе невозможно охватить все стороны деятельности такой личности, как Иккю, по своему универсализму сопоставимой разве что с Кукаем, буддийским философом и просветителем раннего средневековья, но автор и не ставил перед собой такой цели, предупредив во вступлении, что его книга открывает советскую «иккюистику». Эту задачу можно считать выполненной. Монография дает пищу для размышлений будущим исследователям, которым еще предстоит уточнить связи Иккю с национальной литературной классикой и фольклором, его роль в становлении культуры эпохи Эдо, соотношение китайского пласта его творчества с такими жанрами, как вака, рэнга, кана хоги и т. д.

Заканчивая разбор книги Е. С. Штейнера «Иккю Содзюн...», следует указать на отдельные детали, несколько мешающие читателю в восприятии текста. Среди них отсутствие словаря имен и терминов, излишняя насыщенность иностранной терминологией. С точки зрения содержательной представляется несколько категоричным утверждение автора о «невербальности» японской и китайской культуры (с. 185).

Эти небольшие замечания не снижают ценности очень полезной и хорошо написанной книги Е. С. Штейнера, которая, несомненно, вызовет большой интерес не только среди специалистов-японистов, но и в широких кругах читающей публики.

Ю. Е. ЕВГЕНЬЕВ

Опасные схемы западных политологов

Economics and Pacific Security. The 1986 Pacific Symposium. Washington, 1987, 260 p. Экономика и тихоокеанская безопасность. Тихоокеанский симпозиум 1986 г. Вашингтон, 1987, 260 с.

Рецензируемая книга представляет собой сборник выступлений участников так называемого Тихоокеанского симпозиума, организованного в 1986 г. Национальным университетом обороны (США). Конечно, обсуждавшаяся на симпозиуме проблема «Экономика и безопасность в тихоокеанском регионе» весьма сложна и многопланова. Так, в опубликованных в сборнике докладах представителей Индонезии, Сингапура, Южной Кореи, Таиланда затрагиваются такие актуальные для развивающихся стран региона проблемы, как торговля, политика протекционизма промышленно развитых стран, передача передовой технологии и пр. Как следует из самой темы симпозиума, рассматривалась его участниками и проблема достижения безопасности в регионе, прежде всего в рамках региональной политики Соединенных Штатов, Японии, Китая и Советского Союза. Необходимо отметить, что некоторые участники не удержались от соблазна выступить с грубо антисоветских позиций.

Несомненно, все выступления заслуживают отдельного обстоятельного разбора и оценки. Мы же хотим сосредоточиться на том, как на симпозиуме трактовалась роль Китая в тихоокеанском регионе в настоящий момент и в обозримом будущем. Выбор именно такого подхода к рецензируемой книге определяется не только тем вполне очевидным фактом, что в силу внушительных во всех отношениях демографического, территориального, экономического и силового параметров Китай принадлежит к числу ведущих держав региона, а его внешнеполитическая деятельность во многом определяет обстановку в районе Тихого океана. Дополнительный интерес к анализу книги именно в таком разрезе придает тем обстоятельством, что выступавшие на симпозиуме по данной проблеме симптоматично избрали сходный ее ракурс: социалистическая модернизация в Китае и ее возможное воздействие на положение в тихоокеанском регионе. Особый интерес представляет и возможность сравнить выступление китайского докладчика, выражавшего, по-видимому, официальную позицию КНР, с точкой зрения его западных оппонентов.

Сотрудник посольства КНР в США Чжан Цзай выступил на симпозиуме с докладом на тему «Китай и тихоокеанский регион: взаимосвязь с китайскими перспективами».

В очень сжатом виде существо его доклада состояло в следующем: Китай как в настоящий момент, так и в достаточно длительной перспективе будет занят социалистической модернизацией. В деле модернизации неоспоримый приоритет принадлежит развитию и совершенствованию сельского хозяйства, промышленности, науки и техники, а уж затем обороны страны. Пожалуй, стержневое положение выступления китайского участника состояло в намерении показать неразрывную связь между осуществляемой в Китае модернизацией и характером взаимоотношений КНР со странами региона. Принципиально важное значение имеет следующее высказанное китайским дипломатом положение: «Правительство и народ нашей страны справедливо полагают, что Китай нуждается в долговременном мирном окружении для того, чтобы завершить модернизацию» (с. 3).

Казалось бы, этот тезис не дает повода для двойственного толкования и может послужить отправной точкой для конструктивного анализа ситуации, складывающейся в тихоокеанском регионе, а взвешенное в целом выступление Чжан Цзая способно инициировать деловую дискуссию.

Однако западные участники симпозиума, по-видимому, ставили перед собой совершенно иные цели. сделав все возможное, чтобы перевести разговор в конфронтационное русло, русло поиска разного рода антисоветских схем и комбинаций, непременно участником которых, по их представлениям, должен быть модернизирующийся Китай.

Так, доктор С. Харрис (Австралия) фактически построил свое выступление на избитой схеме противопоставления Советского Союза и Китая, стремясь изобразить их постоянными, к тому же остро конфликтующими противниками, а Запад — неким защитником интересов Китая в его «противоборстве с советским экспансионизмом». Избрав в качестве основной посылки своего выступления тезис об экономическом развитии КНР в результате модернизации, он рассматривает упрочение хозяйственного положения Китая исключительно с точки зрения повышения его способности «сдерживать советский экспансионизм». В этой связи С. Харрис утверждает: «Несмотря на его другие важные стратегические интересы, стратегический приоритет Китая все еще может быть направлен на сдерживание советского регионального экспансионизма. Экономическое развитие усиливает позиции Китая в этом отношении» (с. 16).

Это положение, провокационное и в отношении Советского Союза, которому приписываются некие «экспансионистские устремления», и в отношении Китая, который по раскладке С. Харриса должен опираться на помощь Запада в «сдерживании» СССР, настойчиво муссируется австралийским политологом. При этом он призывает западные

державы прямо полагаться на фактор роста экономической мощи Китая в своих политических расчетах. «Ориентация КНР на модернизацию и экономическое развитие,— пишет С. Харрис,— также поможет Западу рассчитывать на Китай в сдерживании любых советских экспансионистских амбиций в регионе» (там же). Как видим, представления западного политолога о характере ведущейся Китаем модернизации отнюдь не коррелируются с точкой зрения китайского участника симпозиума.

С. Харрис дает Западу и практические рекомендации для более эффективного сдерживания с помощью Китая «советского экспансионизма». Основное место в решении этой задачи, по утверждению С. Харриса, должно занять содействие Запада укреплению военного потенциала Китая. Он рассматривает сотрудничество США с КНР в военной сфере, и прежде всего предоставление ей высокотехнологичных видов обычных вооружений, как вклад «в глобальные интересы Запады по усилению военной мощи Китая», что опять-таки должно сделать последний способным «более успешно уравновешивать советские позиции в тихоокеанском бассейне» (с. 20). Таким образом, С. Харрис фактически предлагает реанимировать самой жизнью и политической практикой отвергнутые как несостоятельные планы по втягиванию Китая в антисоветские замыслы империализма.

Несколько более сдержанно по форме выступил на симпозиуме известный американский синолог Д. Загория, посвятивший свой доклад «стратегическим последствиям нового курса Китая». Он также исходит из убеждения в исключительной важности происходящих в современном Китае перемен, полагая даже, что они могут рассматриваться как «поворотный пункт в международных отношениях послевоенной эры» (с. 213).

По мнению Д. Загория, наиболее впечатляющий характер носят реформы в экономике Китая, а вот в политической сфере «продвижение» значительно меньше. Во всяком случае, западным наблюдателям, подчеркнул Д. Загория, явно отвечая на распространенные в известных кругах на Западе ожидания изменений в результате реформ социально-классовой структуры китайского общества, важно не переоценивать «масштаба перемен» (с. 214).

Какими же будут последствия «успешной модернизации» Китая для всей «международной системы»? Тут, по мнению Д. Загория, с точки зрения интересов Запады имеются два подхода.

По «оптимистическим» прогнозам, даже к концу века модернизовавшийся и поэтому более сильный Китай будет стремиться к продолжению сотрудничества с Западом по крайней мере по двум причинам: по-первых, «Советский Союз будет по-прежнему представлять для Китая гораздо большую опас-

ность, чем Запад, и Китай поэтому сохранит геополитическую заинтересованность в помощи Запады для сдерживания советской мощи. Во-вторых, поскольку Китай продолжает оставаться приверженным экономическому развитию... он будет добиваться хороших отношений с рыночной экономикой Запады» (с. 221).

Существует, отмечает Д. Загория, и другая, «пессимистическая» (опять-таки с точки зрения интересов Запады) оценка перспектив внешнеполитического поведения «более сильного Китая». Такой Китай «будет способен маневрировать между двумя сверхдержавами даже более искусно, чем он делает это ныне». По «пессимистическому» сценарию Д. Загория, это в свою очередь вынудит такие региональные силы, как Япония, Индия, АСЕАН и пр., добиваться «сдерживания мощи Китая». В результате, предсказывает Д. Загория, как только Китай «станет более сильным, должны развиться новые механизмы равновесия» (с. 221). Американский синолог, конечно, не договаривает, что могут представлять собой практически эти «механизмы равновесия», но без всякой опасности ошибиться можно полагать, что этим эвфемизмом прикрыта давно известная идея создания военных блоков под эгидой США, что якобы единственным способом обеспечить тихоокеанскую безопасность. Недаром Д. Загория закончил выступление следующим не требующим комментария заявлением: «Многое также будет зависеть от того, смогут ли Соединенные Штаты сохранить свои союзы и базы в регионе (тихоокеанском.— П. М.) и продолжать играть в нем сильную и конструктивную роль» (там же).

В целом, как видим, в западной политологии продолжают напористо действовать активные сторонники идеи пресловутого американо-китайского стратегического партнерства, не оставляющие надежд на втягивание Китая в антисоветские комбинации. При этом, учитывая возможность сохранения Китаем отрицательного отношения к этим расчетам, они оставляют для Вашингтона и испытанный метод блоковой политики, «научно» обосновывая создание в тихоокеанском регионе разного рода альянсов и группировок, действующих под эгидой США и имеющих ярко выраженную антисоветскую, а заодно и антикитайскую направленность.

Естественно, что эти расчеты не имеют ничего общего с обеспечением подлинной безопасности в тихоокеанском регионе. Они идут вразрез и с интересами проводящего социалистическую модернизацию Китая.

П. Ю. МАСЛОВ

О китайском сословно-классовом обществе

В. П. Илюшечкин. Сословно-классовое общество в истории Китая (Опыт системно-структурного анализа). М., 1986, «Наука», Главная редакция восточной литературы, 396 с.

Книга посвящена системно-структурному исследованию сословно-классового общества в Китае VI—V вв. до н. э. — первой половины XIX в. в свете основных положений и категорий теории общественных формаций. Она состоит из двух частей, в первой из которых рассматриваются малоисследованные и еще не исследованные проблемы указанной теории, а во второй части с учетом разработки В. П. Илюшечкиным этих проблем дается системно-структурное исследование китайского сословно-классового общества на протяжении всей его истории.

Книгу отличает новаторский подход ее автора как к рассматриваемым в ней проблемам теории общественных формаций, так и к формационной характеристике древних и средневековых сословно-классовых обществ, в частности китайского. На основе анализа соответствующего фактического материала автор доказывает, что деление процесса развития этих обществ на рабовладельческую и феодально-крепостническую стадии, ставшее традиционным в нашей науке с 30-х гг., является неправомерным и обусловлено недостаточным уровнем знаний того времени. Анализируя основные теоретические и методологические положения и основные категории Марксовой теории общественных формаций, автор приходит к выводу, что им противоречит тезис об указанном делении и что в действительности все сословно-классовые общества древности и средневековья относятся к одной и той же общественной формации.

Разработка В. П. Илюшечкиным проблем теории общественных формаций, являющаяся итогом его многолетних специальных изысканий, несомненно, заинтересует специалистов по данным проблемам, тем более что автором было опубликовано несколько десятков работ

по этой проблематике, в том числе в философских и политэкономических изданиях. Мы же ограничиваемся здесь рассмотрением второй части исследования, посвященной китайской проблематике.

Период со времени создания исторически первого на территории Китая примитивного государственного образования Шан-Инь в XV—XIV вв. до н. э. и до VI—V вв. до н. э. характеризуется в книге как переходный от общинно-родового строя к сословно-классовому обществу, как эпоха очень длительной первой межформационной (сословно-классовой) революции в этой стране. Несмотря на необычность такой характеристики, ее, видимо, следует принять, поскольку, согласно положениям теории общественных формаций, переход от одной формации к другой, более прогрессивной, во всех случаях представляет собой революционный процесс коренных качественных преобразований во всех сферах общественного бытия и сознания, протекающий в различных формах, имеющий определенную структуру и нередко охватывающий довольно продолжительные периоды. Переходный характер шанско-иньского и раннечжоуского обществ усматривается автором книги в том, что эти общества сочетали в себе элементы и порядки, присущие как отживающему общинно-родовому строю, так и нарождающемуся сословно-классовому, например сильнейшие пережитки первобытнообщинных отношений, примитивную государственность, деление общества по правовому признаку и по выполнявшимся социальным функциям на сословия правящей привилегированной знати во главе с правителем государства — ваном, на рядовых общинников и на небольшое число рабов, находившихся в услужении у представителей знати. В этом сословном обществе, как показано в книге, всецело господствовала общинная собственность на обрабатываемую землю и отсутствовала частная, в том числе эксплуататорская, собственность на нее, а следовательно, отсутствовала частнособственническая эксплуатация и связанное с нею деление общества по экономическому признаку на социальные классы. Вместе с тем указанное общество, как показано в книге, было уже эксплуататорским. Однако эксплуатация там осуществлялась не на основе крупной частной собственности на землю, а иначе, посредством ренты-

налога, то есть путем присвоения представителями знати части прибавочного продукта, отчуждаемого государством у общинников в виде урожая с так называемых общественных полей (гун тянь). На средства этой же ренты-налога содержались и рабы, обслуживавшие представителей знати.

Сословное неравенство и эксплуатация на основе ренты-налога, говорится в книге, способствовали утверждению стабильного имущественного неравенства, что создавало необходимые предпосылки для возникновения частной, в том числе эксплуататорской, собственности на землю, связанной с ней системы частнособственнической эксплуатации и деления общества по экономическому признаку на социальные классы (с. 185—186). Однако этот процесс изображается в книге лишь в самых общих чертах и нуждается в дополнительных специальных исследованиях.

По утверждениям В. П. Илюшечкина, при спонтанном развитии общества сословный строй и примитивная сословная государственность являются необходимой переходной ступенью от первобытности к сословно-классовому строю, и Китай в этом отношении не исключение.

Первый межформационный период, по утверждению автора, завершился в Китае сельскохозяйственной революцией — переходом в VI—IV вв. до н. э. от практиковавшегося в шанско-иньском и раннежоуском обществах ручного пашенного к плужному (сошному) земледелию с использованием тягловой силы домашних животных и железных частей в орудиях земледельческого труда, что подняло производительные силы на новую историческую ступень. Вместе с тем произошел и переход от сословного общества и государства к сословно-классовому.

Прослеживая историю производительных сил китайского сословно-классового общества со времени завершения сельскохозяйственной революции и до начала промышленной революции во второй половине XIX в., автор книги подразделяет ее на четыре периода, или этапа (IV в. до н. э. — II в. н. э., III—VI вв., VII—XIII вв. и XIV — первая половина XIX в.), каждый из которых отличался своим общим «уровнем», своими подъемами и спадами. «Однако, — подчеркивается в книге, — данное развитие совершалось в рамках одного и того же

определяющего качества, характерного для второй основной ступени эволюции производительных сил, в рамках полунатурального общественного производства, важнейшими отраслями которого были рутинное сельское хозяйство и ремесло, основанные на ручной технике индивидуального пользования и на маломощной энергетической базе. Точно так же и развитие производственной техники на всем протяжении этих четырех периодов не выходило за границы свойственного указанной ступени исторического типа техники, который характеризовался заменой средствами труда (силой домашних животных, ветра и потоков воды) лишь энергетической функции работника» (с. 218). На большом фактическом материале показано также, что на протяжении всей огромной эпохи существования сословно-классового общества в Китае не было такого исторического рубежа или периода, который можно было бы принять за некий «коренной водораздел между рабовладельческой и феодальной ступенями развития производительных сил и общественного производства» (с. 219).

Указанной ступенью развития производительных сил, отмечается в книге, обуславливался исторический тип производственных отношений китайского сословно-классового общества с характерным для него сосуществованием мелкой крестьянской и крупной помещичьей собственности на землю, причем крестьянам-собственникам на протяжении большей части истории этого общества принадлежало около 50 % обрабатываемой земельной площади страны. Опираясь на данные источников китайской литературы, В. П. Илюшечкин показывает, что на землях помещиков практиковались такие формы эксплуатации, как докапиталистическая аренда, крепостничество, рабство и оброчное невольничество, причем аренда всегда занимала господствующее положение в системе добуржуазной частнособственнической эксплуатации, а рабство имело большее распространение в период средневековья, чем в древности. Наемный труд практиковался в ограниченных масштабах — главным образом в городах.

При определении свойственного китайскому сословно-классовому обществу господствующего типа частнособственнической эксплуатации и экономической реализации эксплуататорской собствен-

ности, то есть типа отчуждения и присвоения собственниками прибавочного труда (прибавочного продукта) эксплуатируемых ими работников, В. П. Илюшечкин исходит из результатов опубликованного им ранее специального политэкономического исследования «Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации»¹. Он показывает, что прибавочный труд (прибавочный продукт) арендаторов, крепостных, рабов и оброчных невольников в Китае отчуждался и присваивался в виде земельной (арендаторской), земельно-личностной (крепостной) и личностной (рабской и оброчно-невольнической) докапиталистической частнособственнической ренты, а труд наемных работников — в виде потребительской стоимости, не осложненной рентными отношениями.

Поскольку рентные отношения занимали господствующее положение в системе частнособственнической эксплуатации и экономической реализации эксплуататорской собственности на средства и условия производства, исторический тип производственных отношений, свойственный китайскому сословно-классовому обществу, характеризуется в книге как докапиталистический рентный. Точно так же характеризуется и общественный способ производства, составлявший основу и интегративное ядро сословно-классовой общественной формации (с. 255).

В главе, посвященной рассмотрению социальной структуры китайского сословно-классового общества, показано, что оно делилось по правовым признакам и выполняемым социальным функциям на различные сословия, число которых менялось в разные периоды в зависимости от тех или иных обстоятельств, а по экономическому признаку отношения к собственности на средства и условия производства — на антагонистические классы крупных землевладельцев-рентополучателей, эксплуатируемых ими рентосоздателей (арендаторов, крепостных, рабов и оброчных невольников) и промежуточный между ними класс мелких собственников — самостоятельных крестьян и ремесленников, а также на ряд прослоек, не входящих в эти классы (торговцев, мелких чиновников, пауперов и т. д.). Подчеркивается, что общественные классы являлись лишь «классами в себе», разделенными сос-

ловными перегородками на обособленные группы, и что сословные различия явно преобладали над классовыми. В книге обойден вопрос о принятом в старом Китае делении населения на «ученых» (чиновников), земледельцев, ремесленников и торговцев. Видимо, следовало бы сказать, как оно возникло, какие реалии отражало и как соотносится с сословной и классовой стратификациями.

Прослеживая на конкретном материале эволюцию политико-правовой надстройки китайского сословно-классового общества, автор констатирует, что для нее были характерны две противоположные тенденции развития — дезинтегративная и интегративная. Объективной основой первой из них были: натуральный и полунатуральный характер тогдашнего общественного производства, неразвитость хозяйственных связей между производственными ячейками и между отдельными районами. Преобладание этой тенденции в отдельные периоды, связанное с активностью местных влиятельных сил, приводило к феодализации и политической раздробленности страны. Объективной основой второй тенденции были осознание данным государственно организованным народом своей этнической, духовной, культурной, религиозной общности, а также общности обычаев, нравов и традиций, появление и консолидация социальных сил, заинтересованных в создании и сохранении единого централизованного государства, олигочленившегося и поддерживающего указанную общность. В этом же направлении в Китае действовала и постоянная угроза нашествий со стороны соседних кочевых и полукочевых народов. За исключением отдельных периодов, в Китае господствовала вторая из указанных тенденций.

Феодализм изображается в книге в качестве антипода централизованной деспотическо-бюрократической государственности. Будучи политико-правовой надстройкой над базисом рентных производственных отношений, феодализм в Китае в периоды его господства, подчеркивается в книге, активно воздействовал на указанные отношения, придавая им соответствующее своеобразие, немало не изменяя при этом их рентную природу (с. 301—302). В книге отмечается также тормозящая роль централизованной деспотической государствен-

ности на развитие китайского сословно-классового общества, особенно в последнем веке его существования.

Пожалуй, особенно убедительно показано в книге единство политической идеологии древнего и средневекового Китая, ее в общем консервативная роль в сфере общественного сознания и полное соответствие политико-правовой надстройке китайского сословно-классового общества.

В заключительном разделе книги коротко освещается вопрос о роли буржуазной и социалистической межформационных революций в ликвидации сословно-классового строя и его остатков в Китае (см. ч. II, гл. 6). Автор рассматривает эти революции со стороны таких взаимосвязанных структурных звеньев, как перевороты в производительных силах, историческом типе производственных отношений, общественном сознании и в политико-правовой надстройке. Буржуазную революцию 1911—1913 гг. и буржуазно-демократическую революцию 1925—1927 гг. он рассматривает в качестве попыток буржуазных переворотов в политико-правовой надстройке, которые в силу определенных причин не выполнили историческую задачу превращения Китая в буржуазное (буржуазно-демократическое) государство и полной ликвидации остатков сословно-классового строя в стране. В своеобразной политической обстановке лета — осени 1927 г. решение последней из указанных задач перешло в наследство народно-демократической революции, которая являлась по существу социалистическим пе-

реворотом в политической надстройке китайского общества и протекала в форме революционной гражданской войны 1927—1936 гг., национально-освободительной войны 1937—1945 гг. против японских захватчиков и народно-освободительной войны 1946—1949 гг. Последняя, как известно, завершилась созданием социалистической политико-правовой надстройки в лице Китайской Народной Республики, что не только обеспечило быстрейшую и полную ликвидацию остатков сословно-классового строя в общественной и экономической жизни страны, но и открыло перед китайским народом перспективу развития по социалистическому пути.

Можно не соглашаться с теми или иными положениями, излагаемыми в рецензируемой книге В. П. Илюшечкина, но то, что она представляет большой научный интерес и способствует более глубокому пониманию многих проблем, связанных с формационной характеристикой китайского сословно-классового общества, несомненно.

Новаторские идеи и выводы автора, по-видимому, неизбежно вызовут полемику среди ученых, которая, как нам представляется, может послужить дальнейшему прогрессу марксистской исторической науки.

Е. А. БЕЛОВ,
кандидат исторических наук

¹ В. П. Илюшечкин. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. Вып. 1—2. М., 1980.

Южная Корея: «витрина» Запада?

В. И. Шипаев. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., «Наука», 1986, 288 с.

Южная Корея, находящаяся в непосредственной близости от ряда социалистических стран, занимает «особое» место в империалистической стратегии. Пытаясь превратить ее в «витрину» благополучия капитализма, Запад оказывает определенное содействие в модерни-

зации южнокорейской экономики; на протяжении последней четверти века в Южной Корее происходит довольно быстрое хозяйственное развитие, вызывающее серьезные перемены и в неэкономических сферах. Окрепнув в экономическом и военном отношениях, Юг Кореи оказывает возрастающее влияние на положение в азиатско-тихоокеанском регионе, выступает как участник тройственного альянса Вашингтон — Токио — Сеул; Агрессивная политика Южной Кореи способствует превращению Корейского полуострова в один из взрывоопасных районов мира.

В свете вышесказанного понятно, что все происходящее на Юге вызывает устойчивый интерес общественности, который реализуется в обширном потоке литературы по различным аспектам истории, общественно-политической, экономической и культурной жизни южно-

корейского общества. В этой связи привлекает к себе внимание новая монография известного советского востоковеда В. И. Шипаева.

В рецензируемой монографии впервые в советском востоковедении предпринята попытка комплексного изучения Южной Кореи под ракурсом ее участия в системе мирохозяйственных связей. Такое исследование позволяет правильно оценить южнокорейский «феномен», поскольку экспорториентированная экономика Юга, а вместе с ней и многие другие стороны жизнедеятельности страны в сильнейшей степени связаны с внешним миром.

В первой главе автор рассмотрел внутрихозяйственное развитие Южной Кореи с 1948 г. до начала 80-х гг. Весь путь, пройденный экономикой страны, он вполне обоснованно подразделяет на два этапа. Первый из них охватывает период правления Ли Сынмана, второй начался после захвата власти хунтой во главе с Пак Чонхи. Кратко охарактеризовав начальный этап, В. И. Шипаев подробно останавливается на последующем, выделив в нем несколько самостоятельных подэтапов (1962—1966 гг., 1967—1971 гг., 1972 г.— начало 80-х гг.), которые «неразрывно связаны друг с другом, вытекают один из другого, но каждый из них отличается специфическими чертами» (с. 13).

В. И. Шипаев отмечает, что в ходе реализации новой стратегии экономического развития наиболее быстро на Юге развивалась промышленность. В ней образовались два сектора: экспортный, где «действовали крупные предприятия современного типа, оснащенные новейшим оборудованием и использующие самую совершенную на данный момент технологию», и неэкспортный, в котором «функционировали средние и мелкие предприятия, оснащенные примитивным оборудованием и применявшие устаревшую технологию» (с. 37). Между двумя секторами образовались диспропорции, служившие тормозом экономического роста. В них проявилось одно из негативных последствий экспорториентированной индустриализации. В рецензируемой книге раскрываются и другие последствия — как положительные, так и отрицательные — экспортной модели развития экономики. В целом, как справедливо отмечает автор, нельзя не признать, что за сравнительно короткий отрезок времени Южная Корея превратилась из «отсталой аграрной в промышленно-аграрную страну «средней категории», заняв прочное место среди так называемых «новых индустриализирующихся стран» (с. 50).

Вторая глава посвящена исследованию экспансии иностранного капитала в южнокорейскую экономику. Для финансирования программы индустриализации Юг в возрастающем масштабе привлекал иностранные инвестиции, в особенно крупном объеме получая займы и кредиты. Однако в наличии у страны оставалось всего 46,5 % суммы,

предоставленной с 1959 г. по июнь 1981 г. Поэтому «взятых в долг денежных средств зачастую не хватало не только на финансирование запланированных проектов, но и на погашение ранее принятых долговых обязательств» (с. 64). Массированное проникновение иностранного капитала в заемно-кредитной форме привело к огромной внешней задолженности. Вместе с тем отмечается, что «ссудный капитал в значительной мере способствовал созданию новых отраслей промышленности, существенному расширению производства (в первую очередь — экспортного) и упрочению позиций Южной Кореи на международном рынке» (с. 65).

Более детально автором рассмотрены прямые иностранные инвестиции в Южной Корее. Сеул проявлял особый интерес к таким инвестициям, учитывая, что только при совместной эксплуатации предприятий «можно было усваивать и осваивать новую технологию» (с. 66). Он создавал благоприятные условия для иностранного предпринимательства и в то же время устанавливал против него жесткие ограничения. Такой двойственный подход диктовался стремлением направлять прямые инвестиции в стратегические отрасли промышленности, синдромом колониального прошлого, попыткой скопировать японский опыт осторожного, расчетливого привлечения предпринимательского капитала, изменением внутренней обстановки и необходимостью диверсификации источников получения непосредственных капиталовложений. В результате установления ограничений сумма последних намного уступала объему заемного капитала. В связи с переходом на качественно иной этап индустриального развития Южная Корея в 1983 г. начала значительную либерализацию условий деятельности зарубежных инвесторов. Такой курс способствовал активизации ТНК в электронике, машиностроении, химической промышленности, строительстве отелей. В 1983 г. иностранный капитал впервые стал внедряться в местные финансовые компании. Несмотря на усилия по диверсификации инвестиционных источников, японские прямые вложения продолжали удерживать за собой первенство.

Серьезное внимание в книге уделено анализу технологической политики ТНК в отношении Южной Кореи, которая за 1962—1982 гг. заключила 2281 сделку на приобретение технических «ноу-хау» на общую сумму 681 млн. долл. Из них львиная доля (56,4 %) падала на контракты с японскими бизнесменами. При этом если американские и западноевропейские компании поставляли ему относительно прогрессивную технику, то японские старались продавать устаревшую и малозначительную. Необходимо отметить, что 72,5 % всех закупленных технических новшеств направлялось в стратегические отрасли — машиностроение, электронику, производство электрооборудования,

нефтехимию и металлургию. По суммарной стоимости иностранная технологическая помощь не шла ни в какое сравнение даже с прямыми капиталовложениями, но «во многих случаях приносила несравнимо более позитивные результаты, а иногда и более быструю отдачу, нежели коммерческие займы и прямые инвестиции» (с. 103).

Анализу внешней торговли Южной Кореи отведен третий глава. В. И. Шипаев подчеркивает, что внешнеторговые связи играют для Юга «исключительно важную роль, ибо от того, как складываются дела в указанной сфере, зависят... рост или застой в промышленности, уровень занятости, жизненный уровень населения, политическая стабильность и даже само существование страны» (с. 105). Поэтому правящие и деловые круги придают их развитию первостепенное значение.

По мере расширения как экспорта, так и импорта Южной Кореи происходили существенные изменения в их структуре. В вывозе увеличивалась доля промышленных изделий. В 1982 г. продукция тяжелой индустрии в экспорте впервые в истории страны стала преобладать над товарами легкой промышленности. Структура импорта менялась прежде всего в соответствии с потребностями промышленного развития и его технического перевооружения.

Происходила и ломка прежней географии внешней торговли по регионам и странам, намного возросло число торговых партнеров Южной Кореи. Тем не менее подавляющую часть товарообмена она осуществляла с крупнейшими из них. Так, в 1982 г. на 10 основных партнеров падало 72,8 % всего ее товарооборота (с. 139). Среди них выделяется Япония, на долю торговли с которой приходилась внушительная часть хронического пассива Юга. Сеул тщетно пытается сбалансировать торговые связи с Японией, стремящейся «задержать и оттянуть момент, когда Южная Корея действительно превратится в грозного соперника» (с. 171).

Другая картина складывалась в товарообмене Юга со странами Запада. Нарастающий наплыв туда южнокорейских товаров привел к активному салдо Южной Кореи с некоторыми из них. Недовольные таким поворотом событий США выступили зачинщиками возведения против своего союзника протекционистских барьеров, которые устанавливались и другими западными партнерами. Это в сочетании с такими факторами, как «недостаточно высокий технический уровень южнокорейского производства... и неумение торговать в соответствии с международными стандартами» (с. 137), привели к застою в экспортной торговле Южной Кореи. Последняя в свою очередь «настойчиво практиковала самые настоящие протекционистские меры против товаров иностранного производства» (с. 158). Однако в 80-е гг. Сеул был вынужден под давлением

развитых капиталистических стран либерализовать импорт товаров. Вместе с тем, справедливо подчеркивает автор, надо иметь в виду, что «американская администрация... предоставляла сеульскому режиму целый ряд льгот и преимуществ, диктуемых военно-политическими соображениями, которые довольно часто брали верх над экономическими расчетами» (с. 170).

В ходе индустриализации Южная Корея превратилась в экспортера рабочей силы, строительных услуг и капитала. Данный аспект экономического сотрудничества Юга исследуется в четвертой главе. По закону о переселении за границу от 1962 г. началась регулярная эмиграция южнокорейских граждан на длительные сроки для работы в сельском хозяйстве и в сфере услуг или же на промышленных предприятиях по краткосрочным контрактам. Непосредственными инициаторами экспорта рабочей силы выступали сеульские власти, учитывая в том, что это способствует рассасыванию безработицы, является дополнительным источником валютных поступлений, позволяет южнокорейским рабочим набираться опыта и повышать квалификацию.

Экспорт рабочей силы быстро увеличился в связи с нефтяным кризисом 1973 г., когда южнокорейские строительные фирмы предложили арабским странам—экспортерам нефти свои услуги на выгодных условиях и те приняли это предложение. После этого экспорт строительных услуг стал развиваться на широкой основе, стимулируя и экспорт рабочей силы. К концу 1982 г. 60 южнокорейских фирм осуществляли строительство за пределами страны, используя своих рабочих, материалы и технику. Со второй половины 60-х гг. по 1983 г. Юг выполнил 1146 подрядов стоимостью 17,2 млрд. долл. (с. 186—187). В 1981 г. он вышел на второе место в мире по объему строительства за рубежом. Доходы, полученные за счет заграничных подрядов, составили 40 % всех поступлений от невидимой торговли (с. 193). С 1983 г. началось сокращение экспорта услуг. В условиях ухудшения конъюнктуры на мировом строительном рынке южнокорейские фирмы стали практиковать совместное с иностранными компаниями проникновение в третьи страны.

Анализируя экспорт капитала из Южной Кореи, автор отмечает, что основная его масса направлялась в экономику менее развитых государств, в основном в горнодобывающую, промышленность и лесоразработку стран ЮВА. С течением времени южнокорейский капитал стал внедряться и в развитые капиталистические страны.

Проделанный автором анализ представляет собой большой вклад в политэкономии развивающихся стран.

*Д. МУН,
кандидат экономических наук*

Резолюция XIII съезда КПК (принята 1 ноября 1987 года)

XIII съезд Коммунистической партии Китая постановил утвердить доклад, сделанный товарищем Чжао Цзыяном от имени Центрального Комитета КПК 12-го созыва.

Съезд в полной мере подтверждает плодотворную работу Центрального Комитета 12-го созыва. Съезд считает, что со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, в частности после XII съезда КПК, наша партия, отстаивая и развивая правильную марксистскую линию, на основе достигнутых после образования КНР огромных успехов в социалистическом строительстве вступила в новый период своего исторического развития, что привело к глубоким историческим переменам в облике нашей страны.

Съезд дает высокую оценку важному и огромному вкладу товарища Дэн Сяопина в формирование и развитие линии партии со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва.

Съезд считает, что доклад товарища Чжао Цзыяна, сделанный им съезду от имени ЦК КПК 12-го созыва, представляет собой плод коллективного ума партии и народа. Руководствуясь идейной линией реального и практического подхода к делам, за которую ратовал товарищ Мао Цзэдун, и тесно сочетая основные положения марксизма с конкретной практикой строительства и реформы в Китае, доклад аргументировал тот факт, что общество нашей страны все еще находится на начальной стадии социализма. Это правильное утверждение имеет важное, далеко идущее историческое значение как для предотвращения и исправления препятствий «слева» и «справа», так и для непрерывного продвижения вперед великого дела строительства социализма с китайской спецификой.

В докладе выдвинута основная линия партии на начальной стадии социализма, которая требует вести и сплачивать многонациональный народ Китая на борьбу за то, чтобы, ставя экономическое строительство в центр внимания, твердо отстаивая четыре основных принципа, твердо продолжая реформу и расширяя связи с внешним миром, опираясь на собственные силы и самоотверженно работая, превратить нашу страну в богатое, могучее демократическое и цивилизованное современное социалистическое государство. Съезд считает, что эта основная линия представляет собой продолжение, обогащение и развитие линии, разработанной со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, отвечает действительности нашей страны и является совершенно правильной. Эта линия и разработанные согласно этой линии основные установки в областях экономического строительства, реформы хозяйственной системы и политической системы и партийного строительства обозначили основные пути строительства и реформы в нашей стране.

Съезд отмечает, что центральной задачей XIII съезда КПК являются ускорение и углубление реформы. Как в строительстве, так и в ходе проведения реформы мы уже добились огромных успехов, но перед нами еще стоит очень много проблем и трудностей, и нам придется пройти еще более длинный путь, выполнить еще более трудные задачи.

Съезд призывает всю партию под великим знаменем строительства социализма с китайской спецификой и под руководством Центрального Комитета партии 13-го созыва, отстаивая основную линию партии, крепко ухватившись за намеченные этой основной линией один центр (экономическое строительство) и два момента (твердо отстаивать четыре основных принципа, твердо продолжать реформу и расширять внешние связи), укрепляя сплоченность партии, усиливая тесную связь партии со всеми национальностями страны, работая с единодушным стремлением, высоким духом и самоотверженностью и проявляя творческую инициативу и дерзание, бороться за осуществление величественной цели — социалистической модернизации страны.

Программа мира для АТР

Программа укрепления безопасности и сокращения риска войны в азиатско-тихоокеанском регионе является совместным документом советских и американских ученых. Идея программы развита на конференциях и в рабочих группах в Москве и Стэнфордском университете в 1986 и 1987 гг. Эти встречи, организованные Институтом Дальнего Востока Академии Наук СССР и Международным институтом стратегических исследований при Стэнфордском университете, имеют целью поиски новых путей к миру и сотрудничеству в азиатско-тихоокеанском регионе. Программа выработана в особо важный момент развития советско-американских отношений, и мы считаем, что она основана на ряде недавних позитивных сдвигов в этих отношениях.

Публикуя эту программу, мы рассчитываем привлечь внимание ученых и политических деятелей не только в Советском Союзе и Соединенных Штатах Америки, но также в других странах, особенно в азиатско-тихоокеанском регионе. Мы приглашаем всех заинтересованных вместе с нами продолжить работу по совершенствованию идей и предложений, содержащихся в документе и способствовать их претворению в жизнь.

М. Л. ТИТАРЕНКО,
директор
Института Дальнего Востока
Академии Наук СССР

Дж. В. ЛЬЮНС,
директор
Международного института
стратегических исследований
при Стэнфордском университете
Стэнфорд, Калифорния
2 октября 1987 г.

Институт Дальнего Востока
Академии Наук СССР

Международный институт стратегических исследований
при Стэнфордском университете

**Программа укрепления безопасности и снижения
риска войны в азиатско-тихоокеанском регионе**

Конкретные цели программы

Перевести дискуссию по мерам доверия в АТР на практическую основу.

Общие задачи программы

Способствовать диалогу между странами АТР в поисках общей основы в решении существующих проблем.

Укреплять взаимовыгодное сотрудничество между странами АТР на равноправной основе.

Укреплять доверие и безопасность в АТР.

Снизить риск военной конфронтации в АТР.

На уровне соглашений, имеющих глобальное значение, способствовать снижению риска ядерной конфронтации и укреплению международной безопасности и стабильности в АТР и других регионах.

Меры доверия

Меры доверия должны снизить возможность вооруженного конфликта и проложить путь к сбалансированному сокращению наступательных сил, особенно в зонах острой военной конфронтации.

Программа мер доверия может быть в принципе комплексной и содержать широкий политический и правовой контекст для принятия конкретных мер, имеющих непосредственное отношение к военной деятельности. С другой стороны, меры доверия могут быть полезными и в том случае, если они направлены на решение лишь нескольких конкретных проблем, важных в военном отношении. В целом программа мер доверия должна служить не только серьезным целям безопасности, но и обеспечивать для стран, участвующих в этой программе, достижение конкретных политических задач перехода от конфронтационного состояния к более открытым отношениям сотрудничества. Таким образом может начаться процесс диалога и взаим-

ного учета интересов, который придаст больше динамизма двусторонним отношениям и со временем может привести к широкой позитивной эволюции политических и экономических отношений, а также отношений безопасности.

Мерами доверия, которые могут быть включены в программу укрепления стабильности и снижения риска войны в АТР, являются меры, могущие иметь глобальный эффект в результате двусторонних или многосторонних переговоров или региональный эффект в результате двусторонних и многосторонних переговоров на региональном уровне. В первую категорию входят меры, подобные тем, которые подлежат согласованию между СССР и США, например в контексте ОСВ, а также других советско-американских переговоров. Во вторую категорию входят меры, аналогичные принятым участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), в частности в Стокгольмском документе от сентября 1986 г.

США и СССР заключили соглашение о создании в Москве и Вашингтоне центров по снижению ядерной опасности. Это позитивное событие подчеркивает наличие взаимной заинтересованности двух стран в принятии мер, направленных на снижение риска ядерной войны. Исходя из этой заинтересованности, обе страны выдвинули предложения, которые предусматривают принятие мер доверия в области военной деятельности, связанной со стратегическими ядерными вооружениями. В будущих советско-американских переговорах должна существовать возможность рассмотрения и принятия глобальных мер доверия в области отношений СССР и США по вопросам стратегических ядерных вооружений. Разумеется, такие меры могут применяться в АТР и других регионах мира и могут иметь существенное значение для улучшения перспектив мира, стабильности и безопасности в АТР.

Что касается конкретных мер доверия, которые могут применяться в конкретных зонах военной конфронтации в АТР, то стокгольмские документы могут послужить полезным подспорьем. В них указаны следующие меры доверия:

— Письменное уведомление других стран-участниц по дипломатическим каналам за 42 дня или более о начале определенной военной деятельности в зоне применения мер доверия, которое производится государством, на чьей территории планируется данная военная деятельность. Уведомление включает действия сухопутных сил, сухопутно-морских («амфибийных») сил; воздушно-десантных и воздушно-мобильных сил и определенных видов вооружений. Уведомление должно также касаться участия военно-воздушных сил, если ожидается 200 или более самолетов-вылетов. Также должна предоставляться информация относительно поддержки с моря.

— Письменные приглашения по дипломатическим каналам наблюдателей из всех государств-участников на определенные, подлежащие уведомлению военные маневры; приглашения должны рассылаться государством, на чьей территории будут происходить маневры.

— Составление календаря предстоящих маневров на следующий календарный год, подлежащий уведомлению, которое должно рассылаться по дипломатическим каналам не позднее 15 ноября текущего года.

— Предоставление информации о подлежащих уведомлению военных маневрах с участием более 40 тыс. войск к 15 ноября каждого календарного года применительно к деятельности, запланированной на следующий календарный год. Участники не будут проводить подлежащую уведомлению военную деятельность с участием более 75 тыс. войск, если аналогичным образом не будет предоставлена информация о такой деятельности. Государства-участники не будут проводить подлежащую уведомлению военную деятельность с участием более 40 тыс. войск, если информация о такой деятельности не включена в ежегодный календарь к 15 ноября каждого года.

— Каждое государство-участник имеет право проводить инспекции на территории любого другого государства-участника в зоне применения мер доверия.

Помимо мер доверия, обсуждавшихся на двусторонней или многосторонней основе, различные страны предлагали и другие заслуживающие внимания меры доверия. Поскольку программа мер доверия должна применяться в связи с конкретными потребностями государств, заинтересованных в применении таких мер, постольку, помимо выше перечисленных мер доверия, можно рассмотреть и дополнительные меры доверия. К этой категории относятся меры доверия, которые могли бы предотвратить распространение ядерного оружия и сократить риск ядерной войны.

Концепция переговоров

Следует признать (и такое признание было бы проявлением мудрости в АТР), что за выполнение всех существующих мер доверия ответственны в первую очередь те государства, которые взяли на себя обязательства действовать согласно подписанным ими документам. Ведь даже в случае СБСЕ не существует постоянного многостороннего института или организации, которая следила бы, помогала или действовала бы как посредник, например, в передаче информации, что часто предусматривается соблюдением мер доверия. Это означает, что применение мер доверия на двустороннем (или субрегиональном) уровне не только возможно, но является единственным методом применения таких мер в недавнем прошлом.

В АТР, где двусторонние или субрегиональные отношения гораздо более развиты, чем многосторонние отношения, обсуждение и применение мер доверия в ближайшем будущем должно неизбежно проходить по доступным каналам (двусторонним и региональным). Опыт соблюдения мер доверия показывает, что этот метод является общепринятым и эффективным. Такой подход, разумеется, не исключает последующего объединения нескольких конкретных договоренностей о применении мер доверия в более широкую комплексную систему международной безопасности, если это окажется необходимым и выполнимым.

Не существует причин, в силу которых обсуждение программы мер доверия в АТР должно зависеть от созыва общерегионального многостороннего совещания по типу известной европейской модели. Более того, есть все основания для применения иной модели. Некоторые разногласия или конфликты в регионе можно более успешно решить или по крайней мере не допустить их дальнейшего обострения путем по возможности быстрого применения мер доверия.

Однако в настоящее время очевидно, что конкретные географические зоны в АТР, где особенно настоятельно необходимы меры доверия, находятся в значительном отдалении друг от друга, предусматривают различные комбинации возможных участников и требуют выработки мер в соответствии с конкретными нуждами каждого из субрегионов. В качестве примеров таких зон можно назвать Северо-Восточную Азию, Корейский полуостров, Юго-Восточную Азию, Южную Азию и др.

Все сказанное делает вполне очевидной процедуру перевода дискуссии по мерам доверия на практическую основу. Государства, заинтересованные в том, чтобы начать программу мер доверия, в частности в зонах, перечисленных в предыдущем абзаце, должны связаться по дипломатическим каналам с предполагаемыми партнерами по переговорам и выяснить возможности обсуждения программы мер доверия, которые можно будет применять в строго определенной зоне. Такие меры могут включать и меры по типу принятых в Стокгольме. Время, состав участников и место проведения последующих переговоров будут определяться прямо заинтересованными сторонами. Суть переговоров будет также определяться только прямо заинтересованными сторонами. Прямо заинтересованные стороны должны сами оглашать конечные результаты переговоров; любые обязательства, проистекающие из достигнутых договоренностей, должны соблюдаться только самими участниками переговоров. Разумеется, достигнутые договоренности не могут быть обязательными для какой-либо третьей стороны, за исключением тех случаев, когда третья сторона (стороны) добровольно возьмет на себя обязательства по их соблюдению. Принятые меры доверия также не должны мешать соблюдению уже существующих обязательств.

Возможен и другой тип соглашения, о котором упоминалось ранее. Он предусматривает применение мер доверия на глобальном уровне, хотя они согласованы и приняты лишь двумя государствами. Следует приветствовать и такой тип договоренности, поскольку ее благоприятные результаты почти наверняка будут ощущаться и в АТР. Помимо мер, которые уже рассматриваются в текущих переговорах, для двустороннего обсуждения целесообразно выдвигать меры, концептуально аналогичные стокгольмским. Договоренность по таким мерам может существенно подкрепить соответствующие субрегиональные программы по мерам доверия в АТР.

Объективная необходимость в самом широком применении мер доверия как эффективного средства снижения риска войны в АТР очевидна. Однако необходим «политический импульс», который пробудил бы или усилил интерес потенциальных партнеров к переговорам по мерам доверия. Разумеется, рекомендаций только одной-двух стран по проведению таких переговоров недостаточно, особенно в столь противоречивом регионе, как АТР, где глубоко укоренились опасения и подозрения по поводу гегемонии. «Политический импульс» широкому применению мер доверия в АТР могло бы дать специальное обсуждение этого способа упрочения азиатско-тихоокеанской безопасности в специальных органах ООН, например в Первом комитете Генеральной Ассамблеи, в Комиссии ООН по разоружению или на специальной сессии ГА ООН по разоружению.

Немаловажную роль в создании импульсов для переговоров по мерам доверия в АТР могли бы сыграть совместные усилия ученых СССР, США и других стран региона по научному обоснованию необходимости безотлагательных практических мер, ведущих к снижению нынешнего высокого уровня напряженности в регионе.

Программа мер доверия, предложенная в этом документе, станет более эффективной, если она будет сочетаться с прогрессом в развитии стабильных отношений сотрудничества между всеми странами региона и соглашениями, предусматривающими ограничения и сокращения вооружений.

Стэнфорд, Калифорния
2 октября 1987 г.

Конференция по истории китайской революции

26 октября 1987 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась Конференция по истории китайской революции, истории КПК и истории КНР.

Конференцию открыл заместитель директора института, доктор исторических наук Ю. М. Галенович. Всего было заслушано десять научных докладов и сообщений, которые хронологически охватили почти 70-летний период — с 1919 по 1987 г. В ходе обсуждения докладов и сообщений развернулась дискуссия по наиболее актуальным вопросам новейшей истории Китая.

В докладе В. Я. Сидихменова была рассмотрена эволюция взглядов руководства КНР на проблемы строительства социализма. В 1955—1956 гг. в КНР проходили глубокие социально-экономические преобразования форм собственности, которые завершились утверждением крайне незрелых социалистических производственных отношений. VIII съезд КПК (1956) нацелил внимание партии и народа на всемерное развитие производительных сил. В документах съезда не утверждалось, что в КНР социализм уже построен окончательно, однако после съезда в китайской печати появились утверждения о том, что переходный период завершен и в Китае уже построено социалистическое общество. В период «большого скачка» (1958—1960) «левые» элементы в КПК сделали попытку преобразовать по всей стране коллективную собственность в общенародную, чтобы за три-четыре года перейти к коммунизму. Во время «культурной революции» (1966—1976) верх взяли также «левые» взгляды: теперь основное противоречие социализма в Китае рассматривалось как противоречие между пролетариатом и буржуазией, а основным содержанием социалистического общества была объявлена классовая борьба. Как отметил докладчик, 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (1978) отказался от установок «культурной революции» и взял курс на создание производительных сил, соответствующих задачам социалистического общества. Наконец, в Отчетном докладе XIII съезду партии (октябрь 1987 г.) исполняющий обязанности Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыян так определил периодизацию социализма в Китае: с завершением социалистических преобразований в 1956 г. начался «период начальной стадии социализма», а со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва начался «период социалистической модернизации», который продлится минимум сто лет.

Доклад С. А. Горбуновой представил собой опыт анализа некоторых особенностей формирования политики Коминтерна в Китае в 1919—1920 гг. Наряду с разработкой теории национально-освободительного движения и вниманием к различным сторонам общественной жизни Китая, к зарождавшемуся коммунистическому движению, как указала докладчик, Коминтерн в те годы много работал и имел устойчивые связи с гражданами китайской национальности, проживавшими на территории Советской России, активными участниками Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Их представители были делегатами I и II конгрессов Коминтерна.

В сообщении Т. В. Шайковой «Военный аспект деятельности КПК (1924—1927) в освещении современной китайской историографии» отмечалось, что в КНР появились многочисленные публикации, посвященные военно-исторической тематике. Это свидетельствует о живом интересе китайской исторической науки к военным проблемам революции 1925—1927 гг. Историография КНР внимательно изучает характер военной политики КПК в 20-е гг. Наибольшее число критических замечаний по этому поводу в КНР, отмечала Т. В. Шайкова, вызывает теоретическая незрелость партии в военном вопросе, которую принято объяснять молодостью и неопытностью КПК, влиянием оппортунистической линии Чэнь Дусю. Практическая же деятельность КПК (школа Вампу и Северный поход), как правило, оценивается позитивно. Разрабатываются также новые, нетрадиционные подходы к оценке и трактовке отдельных событий военной истории КПК.

В сообщении И. Е. Пожилова «Чжу Дэ: от Наньчана до Цзинганшаня» анализируется деятельность выдающегося военачальника и государственного деятеля КНР Чжу Дэ в конце 20-х гг. Сделав краткий обзор китайских публикаций 80-х гг., посвященных Чжу Дэ, И. Е. Пожилов особое внимание уделил тем аспектам его военной и партийно-политической деятельности, которые еще недостаточно исследованы в советской историографии. В сообщении содержится анализ проведенных Чжу Дэ в конце 1927 — начале 1928 г. мероприятий по укреплению одного из самых первых вооруженных формирований КПК, позднее ставшего

ядром 4-го корпуса Красной армии, раскрывается его вклад в разработку принципов строительства вооруженных сил КПК, их стратегии и тактики.

В докладе Т. И. Илларионовой «Кампания борьбы с „правыми элементами“ в КСМК в период „большого скачка“» указывалось, что данная кампания оказала серьезное влияние на деятельность комсомольских организаций как в период «большого скачка», так и позднее. В КСМК пострадала значительная часть наиболее сознательных и активных комсомольцев, включая членов ЦК КСМК, что ослабило боевитость организации, оголило многие участки работы. Впоследствии некоторые черты идеологического воспитания молодежи и политической деятельности комсомольских организаций были взяты из «опыта» борьбы с «правыми» в период «большого скачка».

Борьба между двумя группировками за руководство НОАК в 1971—1976 гг. рассматривалась на конкретных событиях в сообщении Б. Л. Переломова. Автор делает вывод, что эта борьба отражала борьбу двух тенденций в КПК, одну из которых представляли сторонники «казарменного социализма», другую — те, кто хотел вывести Китай на путь подлинного социализма.

В сообщении В. Н. Усова «Дискуссия в Китае относительно создания музея „культурной революции“» анализируется обсуждение этого проекта китайскими периодическими изданиями в 80-х гг. Как известно, председатель Союза писателей КНР Ба Цзинь предложил создать в Китае музей «культурной революции». В печати приводятся аргументы Ба Цзиня и его сторонников в пользу создания музея. Публикуются и выступления тех, кто считает, что не следует «оглядываться назад», «потрошить прошлое», акцентировать внимание на ошибках и зверствах периода «культурной революции», обнажать ее язвы.

С большим вниманием были выслушаны доклады А. С. Мугрузина «Аграрная реформа и преобразование сельскохозяйственного производства в Китае» и Ю. М. Овчинникова «Перспективы реформ в канун XIII съезда КПК».

В заключение было заслушано сообщение Н. Л. Мамаевой «Некоторые новые тенденции китайской историографии в освещении революционного движения Китая 20-х гг.».

Международный симпозиум по монголоведению

Международный симпозиум по монголоведению, организованный Университетом автономного района Внутренняя Монголия (КНР), состоялся в городе Хух-Хото 25—29 сентября 1987 г.

В симпозиуме приняли участие ученые из КНР, МНР, СССР, ВНР, США, Японии, ФРГ, Франции, Австралии. Его работа проходила в трех секциях (языкознание, литературоведение, история). В целом было заслушано и обсуждено свыше 100 докладов. В докладах лингвистов освещались как теоретические, так и чисто прикладные проблемы монгольского языкознания. В ряде докладов поднимались вопросы историко-сравнительного и сопоставительного изучения монгольских и других алтайских языков. Среди докладов литературоведов главное место занимала тематика исследований по монгольскому героическому эпосу. На секции истории проблематика большинства докладов, особенно китайских и японских ученых, относилась к эпохе Юаньской (Монгольской) династии в Китае. Часть докладов была посвящена исследованию источников по истории Монголии.

Состоялись также два пленарных заседания. На первом из них с приветственными речами выступили Председатель народного правительства АРВМ У. Бухэ и ректор Внутренне-монгольского университета Фан Тяньши. Был заслушан также доклад председателя оргкомитета симпозиума профессора Чингэлтэя о монголоведных исследованиях во Внутренне-монгольском университете. На заключительном пленарном заседании как китайские, так и иностранные представители высоко оценили итоги симпозиума и высказались за дальнейшее развитие научного сотрудничества в области монголоведения, расширение многосторонних и двусторонних научных связей.

Советская делегация во главе с директором Института языкознания АН СССР, членом-корреспондентом АН СССР В. М. Солнцевым приняла активное участие в работе симпозиума. Все пять делегатов выступили с докладами на секциях, руководитель делегация выступил также на заключительном пленарном заседании. Ученые КНР проявили живой интерес к работам советских коллег, высказывались за продолжение научных контактов. Делегация получила возможность ознакомиться с основными направлениями работы монголоведов в КНР. Монголоведение в Китае — развитая отрасль науки, располагающая многочисленными кадрами и имеющая глубокие традиции. Действуют три монголоведных общества — историков, лингвистов, литературоведов. Они опираются в своей деятельности на соответствующие научно-исследовательские учреждения в Хух-Хото, Пекине и других центрах. Общества насчитывают в своем составе около 500 человек, имеют свои периодические издания. На монгольском и китайском языках выходит обширная литература по монгольской филологии и истории.

Международный симпозиум по монголоведению в Хух-Хото, состоявшийся непосредственно после V Международного конгресса монголоведов в Улан-Баторе, на котором была создана Международная ассоциация монголоведов, свидетельствует об укреплении и развитии научного сотрудничества монголоведов разных стран.

С. К. РОЩИН

V Международный конгресс монголоведов

14-19 сентября 1987 г. в Улан-Баторе состоялся V Международный конгресс монголоведов. Это было крупное событие не только в научной и культурной жизни МНР, но и в развитии монголоведения в целом.

В работе конгресса приняли участие 174 делегата из 33 стран и представители двух международных организаций (ЮНЕСКО, ПИАК). Наиболее многочисленными были делегации МНР, СССР, КНР, ГДР, ВНР, Японии, США, ФРГ.

Конгресс открыл вступительным словом президент АН МНР академик Н. Содном. Послание Председателя Президиума Великого народного хурала МНР Ж. Батмунха зачитал член Политбюро ЦК МНРП, председатель Великого народного хурала МНР Б. Алтангэрэл. На пленарном заседании были заслушаны доклады доктора С. Лувсанвандана (МНР) «Актуальные задачи современного монголоведения», академика Ш. Нацагдоржа (МНР) «Социально-экономический прогресс и монголоведение», члена-корреспондента АН СССР В. М. Солнцева «К вопросу о сопоставительном изучении монгольских языков и языков Восточной и Юго-Восточной Азии», профессора В. Хайссига (ФРГ) «Исторические реальности в монгольском эпосе», члена-корреспондента АН СССР А. П. Деревянко «Основные итоги совместной монголо-советской историко-культурной экспедиции».

На трех секциях («История, экономика, философия», «Язык, литература, искусство», «Взаимосвязь культур и цивилизаций народов Монголии и Центральной Азии») с докладами по различным проблемам монголоведения выступили свыше 200 человек. Были рассмотрены многие узловые вопросы монголоведения, а также конкретные темы по источниковедению, историографии, средневековой и новой истории, филологии и т. д. Важное место заняли сообщения по проблемам новейшей истории, современного развития экономики и культуры. Наибольшее количество докладов представили ученые МНР. Их доклады характеризовались актуальностью постановкой сложных научных проблем, разработкой малоизученных вопросов, что свидетельствует о растущих достижениях и авторитете монгольской науки. Многочисленные доклады и сообщения предложила советская делегация (руководитель — директор Института языкознания АН СССР, член-корреспондент АН СССР В. М. Солнцев). Они охватывали широкий диапазон вопросов практически по всем отраслям и направлениям монголоведения. Большой интерес вызвали доклады ученых КНР, ГДР, ВНР и других социалистических стран, отражавшие серьезные достижения в развитии монголоведения. Ученые западных стран и Японии наряду с докладами по традиционному циклу представили ряд интересных сообщений по современной тематике.

Важнейший результат работы конгресса — создание Международной ассоциации монголоведов. Образование такой организации вполне назрело. Исследования по Монголии ведутся ныне в десятках стран мира, во многих из них существуют национальные общества монголоведов. В мае 1987 г. такое общество — Всесоюзная ассоциация монголоведов — учреждено в Советском Союзе. Образованная на V Конгрессе Международная ассоциация монголоведов, несомненно, будет способствовать объединению усилий монголоведов разных стран, укреплению и углублению их сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе.

Делегаты единогласно приняли устав ассоциации, избрали ее руководящие органы. Делегаты были единодушны и в том, что штаб-квартира МАМ должна находиться в МНР. Общее мнение выразил генеральный секретарь ПИАК профессор Д. Синор, заявивший, что «Монгольская Народная Республика является естественным центром монголоведения». Президентом ассоциации избран видный монголовед профессор О. Латтимор (США), вице-президентами — академик Ш. Нацагдорж (МНР), член-корреспондент АН СССР В. М. Солнцев (СССР), профессор Чингэлтэй (КНР), профессор Ш. Одзава (Япония), профессор Ч. Боудэн (Великобритания), профессор Х.-П. Фитце (ГДР), профессор В. Хайссиг (ФРГ), генеральным секретарем — академик Ш. Бира (МНР). Избраны также исполком, секретариат, редколлегия органа МАМ журнала «Монголоведение».

Конгресс прошел в дружественной обстановке, его итоги имеют большое значение для дальнейшего подъема монголоведения. Он открыл новый этап в развитии мировой монголистики, который характеризуется значительным расширением фронта научно-исследовательской работы, ее более высоким качественным уровнем, ростом и углублением международного сотрудничества.

С. К. РОЩИН

Всесоюзная ассоциация китаеведов (ВАКИТ), созданная в 1983 г., является научно-общественной организацией, в которую входят видные общественные деятели, ученые, преподаватели, переводчики, работники средств массовой информации и др. В 1984 г. было создано десять отделений ВАКИТ: в Москве, Ленинграде, Владивостоке, Хабаровске, Чите, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии и Бурятии.

В 1987 г. избраны и работают на общественных началах председатель ВАКИТ директор ИДВ АН СССР, доктор философских наук М. Л. Титаренко, заместитель председателя ВАКИТ, доктор исторических наук Ю. М. Галенович, главный ученый секретарь Н. Е. Боровская, ученый секретарь по международным связям В. М. Головкин. Штат ассоциации состоит из трех сотрудников.

Работа ассоциации ведется в тесном контакте с Союзом обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Обществом советско-китайской дружбы, активно осуществляется сотрудничество ВАКИТ с Всесоюзной ассоциацией востоковедов (в мае 1988 г. планируется совместная конференция «Взаимодействие и взаимовлияние культур и цивилизаций на Востоке»).

Руководствуясь положениями документов XXVII съезда КПСС, ассоциация проводит работу по содействию развитию добрососедских отношений между СССР и КНР.

ВАКИТ постоянно участвует в организации и проведении общесоюзных и международных конференций, в том числе в последние годы: «65-летие КПК» (июнь 1986 г.), «30-летие VIII съезда КПК» (сентябрь 1986 г.), «120-летие со дня рождения революционер-демократа Сунь Ятсена» (октябрь 1986 г.), «Актуальные проблемы мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе» (ноябрь 1986 г.). Члены ВАКИТ приняли также участие в юбилейной конференции памяти Сунь Ятсена в КНР (октябрь 1986 г., Гуанчжоу).

Стремясь к развитию контактов с китайской научной общественностью, ВАКИТ установила связи с китайским Обществом по изучению СССР и стран Восточной Европы, предполагается обмен научной и художественной литературой, визитами ученых и общественных деятелей и т. п. Среди ближайших планов ассоциации — установление тесных контактов с ассоциациями европейских стран, в частности вступление в качестве коллективного члена в Европейскую ассоциацию китаеведов.

В целях популяризации знаний о современном Китае ВАКИТ проводит регулярные заседания в московском и других отделениях, на которых заслушивает сообщения ученых, побывавших в зарубежных командировках и на стажировке в КНР. Становятся регулярными заседания секций ВАКИТ, на которых совместно со специалистами ряда НИИ и других ведомств обсуждаются актуальные внутривосточные и экономические проблемы КНР, проходят встречи с китайскими коллегами.

ВАКИТ всемерно содействует усовершенствованию изучения китайского языка в СССР. С этой целью ВАКИТ выступила с предложениями о перестройке работы школ-интернатов с преподаванием китайского языка, которые легли в основу подготовленного Министерством просвещения СССР проекта Типового положения о школах и школах-интернатах с преподаванием ряда предметов на восточных языках, вступившего в силу с 1987 г. ВАКИТ создала из китаеведов различных учебных и научных заведений экспертную группу для разработки новых учебных планов для вышеупомянутых учебных заведений, которая вошла в состав Ученого методического совета Министерства просвещения СССР.

ВАКИТ внесла также предложение об оказании китайскими стажерами, обучающимся в СССР, посильной помощи в учебном процессе школ с преподаванием китайского языка.

Решая задачу расширения и углубления проводимых в СССР исследований в области китаеведения, а также стремясь предоставить трибуну китаеведам союзных республик и городов, ВАКИТ на базе издательства «Наука» будет издавать тематические сборники «Новое в исследованиях по Китаю». В 1988 г. в свет выйдут сборники: «Культура, лингвистика, знаковые системы», «Экономика, внешняя политика, философия», «История и историография».

Отделения ВАКИТ совместно с местными отделениями общества «Знание» организуют чтение лекций об экономических и социальных преобразованиях в Китае, о его культуре, истории и традициях. Начата работа с ветеранами китаеведения, в частности им оказывается помощь в подготовке к печати мемуаров.

1—2 февраля 1988 г. под девизом «Задачи советского китаеведения в свете изучения процессов социального обновления в КНР» было проведено общее собрание ассоциации.

4 октября 1987 г. исполнилось 80 лет известному советскому китаеведу, доктору исторических наук, профессору Евгению Федоровичу Ковалеву.

Вся жизнь Евгения Федоровича Ковалева связана с развитием отношений СССР с Китаем и изучением нашего великого соседа. Около пяти лет он находился на комсомольской агитационно-пропагандистской работе на Дальнем Востоке. Более 50 лет он ведет большую исследовательскую, педагогическую и научно-организационную деятельность. Начало этой деятельности Евгения Федоровича относится еще к студенческим годам. В 1932 г., за год до окончания Московского института востоковедения им. Н. Н. Нариманова, им была опубликована первая научная работа — «Аграрный кризис в Северной Маньчжурии». В 1947 г. увидела свет монография «Аренда и арендные отношения в Китае».

Активная научная деятельность Е. Ф. Ковалева была продолжена и в период 1935—1944 гг., когда он находился на дипломатической работе в Китае, где занимал должности секретаря Генконсульства и Посольства СССР, а в период 1945—1952 гг. — на партийной работе в качестве заведующего сектором Отдела ЦК КПСС. В многочисленных работах, посвященных внутривосточному положению Китая в годы второй мировой войны, истории борьбы китайского народа с гоминьдановским режимом, социально-экономическим и политическим преобразованиям в китайском обществе после победы в 1949 г. народной революции под руководством КПК, значению для народов Китая процесса упрочения советско-китайской дружбы, Евгением Федоровичем были глубоко исследованы важнейшие проблемы китайской революции, тенденции, закономерности и перспективы ее дальнейшего развития. На рубеже 40—50-х гг. Е. Ф. Ковалев сосредоточил свои усилия на всестороннем анализе истории революционного движения в Китае и истории КПК.

Более 30 лет, начиная с 1952 г., Е. Ф. Ковалев работает в системе Академии наук СССР. В период выполнения обязанностей заместителя директора Института востоковедения АН СССР он публикует серию статей по проблемам экономического и культурного строительства в КНР, выступает ответственным редактором ряда книг, монографий и брошюр, переведенных с китайского языка на русский.

С 1955 по 1959 г. Е. Ф. Ковалев вел активную и многогранную работу в качестве члена редакционной коллегии журнала «Советское востоковедение». В 1957—1959 гг. он являлся главным редактором журнала «Советское китаеведение», а с 1960 г. по настоящее время неизменно входит в состав редакционной коллегии журнала «Народы Азии и Африки».

В 60-е гг. научная деятельность Евгения Федоровича была сосредоточена на критическом изучении буржуазной историографии, проблем идеологии, на изучении новой и новейшей истории Китая.

С 1966 г., с первых дней основания Института Дальнего Востока, Евгений Федорович работает в институте, неизменно уделяя самое пристальное внимание подготовке молодых китаеведческих кадров, идейно-политическому воспитанию молодежи. Много сил, опыта и знаний им отдано руководству теоретическим семинаром молодых ученых. Он осуществляет научное курирование ежегодных конференций молодых ученых и аспирантов ИДВ АН СССР, выполняет большую работу как ответственный редактор сборников работ по материалам этих конференций.

В 1968 г. Евгений Федорович успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Революционное движение в Китае. 1917—1934 гг.», которая была плодом многолетней целенаправленной исследовательской работы.

Е. Ф. Ковалев неоднократно представлял советское китаеведение на различных международных форумах. Он был участником VII (Дарем, 1954), VIII (Лей-

ден, 1955), IX (Париж, 1956) международных конференций молодых синологов, Конференции немецких востоковедов (1955), а также участником XXII (Кембридж, 1954) и XXV (Москва, 1960) международных конгрессов востоковедов и XIII Международного конгресса исторических наук (Москва, 1970).

В течение многих лет Е. Ф. Ковалев ведет большую научно-исследовательскую работу в качестве члена различных научных организаций.

Сегодня, как и прежде, Евгений Федорович активно трудится на благо советской науки, отдает свои силы и знания воспитанию молодого поколения китаеведов.

Коллектив ученых Института Дальнего Востока АН СССР, редакционная коллегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют Евгения Федоровича со знаменательным юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов в деле дальнейшего развития советского китаеведения, которому посвящено более 50 лет жизни юбиляра.

75-летие Н. Т. Федоренко

9 ноября 1987 г. исполнилось 75 лет известному советскому востоковеду, члену-корреспонденту АН СССР, доктору филологических наук профессору Николаю Трофимовичу Федоренко.

С самого начала своей научной деятельности, будучи учеником и последователем академика В. М. Алексеева, Н. Т. Федоренко вот уже более полувека плодотворно трудится в науке, внося существенный вклад в развитие советского Китаеведения.

В 1943 г. молодой тридцатилетний ученый был удостоен ученой степени доктора филологических наук за диссертацию о творчестве великого поэта древности Цюй Юаня. А сегодня список работ ученого включает многие фундаментальные исследования, посвященные проблемам древней и современной китайской литературы. Их отличают глубокий аналитический подход и оригинальная разработка темы.

Для научного творчества Н. Т. Федоренко характерно сочетание изучения текущего литературного процесса во всем его многообразии и сложности с теоретическим исследованием проблем китайской культуры. Одним из первых советских ученых Н. Т. Федоренко обратился к изучению духовных традиций Китая, их значения для сегодняшней китайской литературы, а также для всей мировой культуры. Первым результатом такого углубленного и разностороннего постижения китайской культуры стала книга «Очерки современной китайской литературы», за ней последовали труд «Китайская литература» и многие другие работы, вплоть до одной из последних — «Китайское литературное наследие и современность». Эти, как и другие исследования отличают глубокое проникновение в суть изучаемого предмета, богатая эрудиция, острота мысли.

Для изучения взаимосвязей национального и общечеловеческого в истории литературы, при решении проблемы национального своеобразия и самобытности в их соотношении с общечеловеческим труды Н. Т. Федоренко имеют важнейшее методологическое значение. Существенным вкладом в советское литературоведение стали труды Н. Т. Федоренко, охватывающие огромный период — от древнейших памятников словесного искусства «Шуцзин», «Шицзин», «Ицзин» до классических романов «Сон в красном тереме» и др. В этих и других исследованиях («Древние памятники китайской литературы», «Проблемы исследования китайской литературы») выявлено и своеобразие и общечеловеческие черты, присущие шедеврам, созданным гением китайского народа.

Для активной деятельности Н. Т. Федоренко как ученого характерно сочетание создания крупномасштабных исследований с работой в «малых» жанрах. Ему принадлежат многие глубокие научные статьи, рецензии, воспоминания, очерки по истории культуры Кирая, Японии, США, Болгарии. Им написаны содержательные предисловия и комментарии к вышедшим на русском языке произведениям китайских и японских авторов. Что касается Японии, то это — «вторая любовь» ученого, изучению и популяризации которой он отдает много сил. Нельзя не сказать и еще об одной научной ипостаси юбиляра. На протяжении всей жизни он успешно сочетает научную деятельность с ответственной дипломатической работой — он был советником посольства СССР в Китае, заведующим отделом и заместителем министра иностранных дел, послом СССР в Японии, Постоянным представителем СССР при ООН и в Совете Безопасности. В последние годы Н. Т. Федоренко — секретарь Правления СП СССР, главный редактор журнала «Иностранная литература», активный участник многих международных литературных встреч.

Родина высоко оценила труды Н. Т. Федоренко, его деятельное участие в развитии советской науки. Ученый награжден двумя орденами Ленина, орденом

Октябрьской революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами «Знак Почета» и Дружбы народов, медалями.

Его многогранная деятельность получила международное признание — он почетный академик Флорентийской академии искусств, почетный член Института китаеведения в Токио, профессор Иллинойского университета.

Коллектив ученых Института Дальнего Востока АН СССР, редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока», членом редколлегии которого Н. Т. Федоренко является с момента его создания, сердечно поздравляют Николая Трофимовича со славным юбилеем и желают ему крепкого здоровья и новых больших творческих успехов в деле дальнейшего развития отечественного китаеведения.

НОВЫЕ КНИГИ

Сунь Ятсен. 1866—1986: К 120-летию со дня рождения. Сб. ст., воспоминаний, документов и материалов. Редкол. С. Л. Тихвинский и др. — М.: Наука, 1987. — 320 с. — 2 р. 60 к. 2400 экз.

Коно Т. Стратегия и структура японских предприятий. Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1987. — 384 с. — 1 р. 60 к. 15 000 экз.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи): Т. 5. Пер. с кит., коммент., вступ. ст. Р. В. Вяткина. — М.: Наука, 1987. — 364 с. — (Памятники письменности Востока. Т. 32). — 3 р. 40 к. 5000 экз.

Маркарьян С. Б. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Японии. — М.: Наука, 1987. — 271 с. — 2 р. 2200 экз.

Го юй (Речи царств). Пер. с кит., вступ. и прим. В. С. Таскина. — М.: Наука, 1987. — 472 с. — 4 р. 90 к. 5000 экз.

Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая. Пер. с кит.; Сост., вступ. ст. И. Лисевича. — М.: Худож. лит., 1987. — 351 с. — (Б-ка кит. лит.). — 1 р. 70 к. 50 000 экз.

Большов И. Г., Толорая Г. Д. Корейская Народно-Демократическая Республика. — М.: Мысль, 1987. — 132 с., ил. — (У карты мира). — 40 к. 60 000 экз.

Спеваковский А. Б. Религия синто и войны. — Л.: Лениздат, 1987. — 112 с. — 40 к. 50 000 экз.

Серебряков И. Д. Из блокнота индолога. — М.: Наука, 1987. — 154 с., ил. — (Рассказы о странах Востока). — 55 к. 30 000 экз.

Япония: региональная структура экономики. В. Я. Выборнов и др. — М.: Наука, 1987. — 220 с. — 1 р. 40 к. 4600 экз.

Кузнецов В. С. От стен Новой столицы до Великой стены. — Новосибирск: Наука, 1987. — 176 с. — 60 к. 28 500 экз.

Варжапетян В. Путник со свечой: Повести о Ли Бо, Омаре Хайяме, Франсуа Вийоне. — М.: Книга, 1987. — 302 с. — (Писатели о писателях). — 1 р. 90 к. 100 000 экз.

Исаев М. П. Индокитайская хроника: Вьетнам, Лаос, Кампучия: трудные дороги борьбы и созидания. — М.: Политиздат, 1987. — 287 с. — 1 р. 40 к. 50 000 экз.

Седнев В. В. Япония: тайфун милитаризма. — Киев: Политиздат Украины, 1987. — 199 с. — 35 к. 10 000 экз.

Японские писатели о Стране Советов. Пер., Сост., авт. предисл. Г. Г. Свиридов. — Л.: Лениздат, 1987. — 254 с. — (XX век: два лика планеты). — 80 к. 50 000 экз.

Гринцер П. А. Основные категории классической индийской поэтики. — М.: Наука, 1987. — 312 с. — 2 р. 60 к. 2750 экз.

Воронин А. С., Огнетов И. А. Социалистическая Республика Вьетнам: Справочник. — 3-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1987. — 127 с. — 20 к. 100 000 экз.

Овчинников В. Сакура и дуб: Впечатления и размышления о японцах и англичанах. — Минск: Нар. асвета, 1987. — 430 с. — 1 р. 90 000 экз.

Китайские социальные утопии: Сб. ст. Отв. ред. Л. П. Делюсин, Л. Н. Борох. — М.: Наука, 1987. — 311 с. — 1 р. 40 к. 9000 экз.